

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Философия

ФИЛОЛОГИЯ

История

Том 11 № 3
2016

ISSN 2307-1834

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3

Гуманитарный Вектор Филология

Humanitarian Vector Philology *Gumanitarnyi Vektor Filologiya*

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Founded in 1997
Quarterly

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-54189 от 17.05.2013

Журнал включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук (*философские науки; филологические науки; исторические науки и археология*)

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию, не возвращаются

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией

Адрес редакции

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
факс: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.zabvektor.com>

Подписной индекс журнала в каталоге «Пресса России» **42407**

Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный университет, 2016

Founder:

FSBEI HE "Transbaikal State University"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77-54189 от 17.05.2013

The journal is in the List of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences (*Philosophical Sciences; Filological Sciences; Historical Sciences and Archeology*)

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site

<http://www.zabvektor.com>

Subscription index of the journal in the Catalog in "Press of Russia" **42407**

The electronic version of the journal is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

© Transbaikal State University, 2016

Гуманитарный Вектор Филология

Humanitarian Vector Philology *Gumanitarnyi Vektor Filologiya*

Редакционный совет:

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Андре Буржо, доктор социологических наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

Дэн Цзюнь, профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР);

Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония);

Чжен Шупу, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР);

Михаил Иванович Элов, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия:

Выпускающие редакторы:

М. В. Пименова, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)

Члены редколлегии:

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);

Сонг Чжон Су, профессор, университет Чжун-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Э. А. Арутюнян

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Den Tszun, Professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China);

Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan);

Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China);

Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician, Russian Academy of Sciences, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Main Handing Editors:

M. V. Pimenova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

Editorial board members:

T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);

T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);

V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor, Pennsylvania University (Philadelphia, PA, USA);

Zhao Xiabing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China);

Song Chon Su, Professor (Seoul, Korea)

Editor-in-chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. A. Arutyunyan

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языкознанию, языковой картине мира, медиалингвистике и профессиональному образованию.

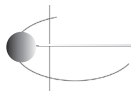
Также в журнале представлены материалы российских и зарубежных авторов по востоковедению, освещающие проблемы истории, религии, этнографии, материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

The journal is a collection of original and review scientific papers on Russian and foreign philology, linguistics, linguistic worldview, media linguistics, and professional education.

The journal also presents materials of Russian and foreign authors on oriental studies dealing with the issues of history, religion, ethnography, material and spiritual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Анциферова Н. Б.</i> Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление: маркёры идиостиля (на материале мемуарного рассказа «На сибирских дорогах» Б. Ахмадулиной)	6
<i>Игнатович Т. Ю.</i> Дискурсивные исследования забайкальской русской народно-разговорной речи: возможности и перспективы	12
<i>Смышляев Е. А.</i> Интертекстуальность современной челябинской поэзии	18
<i>Федорова Е. В.</i> Визуальная поэтика романа «Петербург» А. Белого	25
<i>Хакимова Е. М.</i> Текстовая норма как ортологический тип	31

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Абдыраманова А. Ш.</i> Проблемы развития исторического романа в кыргызской литературе	40
<i>Акынбекова А. У.</i> Общие фонетические признаки систем гласных современного кыргызского и чагатайского языков	45
<i>Антропова Н. А.</i> К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка	49
<i>Искакова Б. Д., Карипжанова Г. Т.</i> Семантические группы глагола в книге М. Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк»	56

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

<i>Заварзина Г. А.</i> Особенности развития концепта «Социальное управление» в концептосфере нового российского государственного управления	62
<i>Капенова Ж. Ж.</i> Структура звёздных концептов: признаки и когнитивные модели	67
<i>Колесов В. В.</i> Концепты <i>Рассудок, Разум, Ум и Мудрость</i> в поле русского сознания	75
<i>Чонмурунова Н. Ж.</i> Репрезентация концептов <i>добра и зла</i> в произведениях Ч. Т. Айтматова (на материале романа «Плаха»)	87

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Алиярова Л. М., Махажанова Л. М.</i> Семантическая структура категории количества	93
<i>Ефремов Н. Н.</i> Отношения обусловленности в якутском языке: целевые конструкции	98
<i>Карипжанова Г. Т., Абикенов М. Т.</i> Скрипт, фрейм, схема в художественном тексте	105
<i>Симатова С. А., Науменко С. В.</i> Проблема разграничения категорий <i>情态, 语气</i> и <i>口气</i> в современном китайском языке	111
<i>Чжао Сяобин.</i> К вопросу о порядке слов в русском и китайском языках: трансформации при переводе	120

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

<i>Ерофеева И. В.</i> Маркёры русской культуры в современном медиатексте	127
<i>Мисонжников Б. Я.</i> Концептосфера корпоративной прессы немецких университетов как предмет формирования медиадискурса	137
<i>Тепляшина А. Н.</i> Речевой жанр личной истории в контексте развлекательного журнала	143
<i>Шестёркина Л. П., Дмитренко Е. Л.</i> Специфика медиатекстов общественно значимого телепроекта в контексте культурно-просветительской функции телевидения	151

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Аюшеева М. В.</i> Личный архив И. Н. Мадасона (1911–1984)	160
<i>Бадмаева Л. Б.</i> Конвербиальные формы в языке бурятских летописей	167
<i>Базаров А. А.</i> Литература ума (мадхьямака) в системе буддийского монастырского образования Бурятии	172
<i>Ламожапова И. А.</i> Типология ономастических значений и семантика личных имён в монгольских языках	179
<i>Сундужева Е. В.</i> Семантическая сфера любви в монгольских языках	189

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

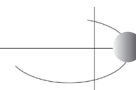
<i>Акматов Б. М., Акматова А. Б.</i> Отражение парадигмы обучения, основанной на компетенциях в учебниках по литературе	194
<i>Ахметова М. Н.</i> Язык как глубокий, осмысленный диалог человека с миром: технологические поиски решения проблемы	199
<i>Коханова Л. А.</i> Устно-письменный формат публикаций на экологическую тематику (из практики учебно-исследовательских проектов)	205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Дербишева З. К., Пименова М. В.</i> XVIII летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (17–25 июня 2015 г., г. Бишкек)	211
<i>Сергеева В. А., Горковенко А. Е., Камедина Л. В., Романов И. А., Новикова А. Ю.</i> Итоги Года литературы в Забайкальском крае	215

Книжные новинки	222
---------------------------	-----

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

<i>Antsiferova N. B.</i> Vertical Metaphorization and Occasional Word Usage: Markers of Individual Style (the Case of the Memoir Story "On the Siberian Roads" by B. Akhmadulina)	6
<i>Ignatovich T. Yu.</i> Discourse Studies of Transbaikal Russian Folk Speaking: Opportunities and Prospects	12
<i>Smyshlyaev E. A.</i> Intertextuality of Modern Chelyabinsk Poetry	18
<i>Fedorova E. V.</i> Visual Poetics of the Novel <i>Petersburg</i> by A. Bely	25
<i>Khakimova E. M.</i> Textual Norm as an Orthological Type	31

FOREIGN PHILOLOGY

<i>Abdyramanova A. Sh.</i> Problems of Development of the Historical Novel in the Kyrgyz Literature	40
<i>Akynbekova A. U.</i> Common Phonetic Characteristics of the Vowel Systems of the Modern Kyrgyz and Chagatai Languages	45
<i>Antropova N. A.</i> On Gender-Correct Use of the German Language	49
<i>Iskakova B. D., Karipzhanova G. T.</i> Semantic Groups of Verbs in M. Kashgari's Work <i>Diwānu l-Luġat al-Turk</i>	56

CONCEPTUAL WORLD VIEW

<i>Zavarzina G. A.</i> The Concept of "Social Administration" and the Features of its Development in the Conceptual Sphere of the New Russian State Administration	62
<i>Kapenova Zh. Zh.</i> Structure of Stellar Concepts: Signs and Cognitive Models	67
<i>Kolesov V. V.</i> The Concepts of <i>Mind</i> (Um), <i>Reason</i> (Rassudok), <i>Intellect</i> (Razum) и <i>Wisdom</i> (Mudrost') in the Conceptual Field of Russian Conscience	75
<i>Chonmurunova N. Zh.</i> Representation of the Good and Evil Concepts in Ch. T. Aitmatov's Works (Based on the Novel <i>Plakha</i>)	87

LANGUAGE THEORY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Aliyarova L. M., Makhazhanova L. M.</i> Semantic Structure of Quantity Category	94
<i>Efremov N. N.</i> The Relationship of Conditionality in the Yakut Language: Goal Constructions	98
<i>Karipzhanova G. T., Abikenov M. T.</i> Script, Frame, Scheme in a Literary Text	105
<i>Simatova S. A., Naumenko S. V.</i> The Problem of 情态, 语气 and 口气 Categories Differentiation in the Modern Chinese ..	111
<i>Zhao Syaobin.</i> On the Issue about the Order of Words in Russian and Chinese: Transformations in Translation	120

MEDIA LINGUISTICS

<i>Erofeeva I. V.</i> Markers of Russian Culture in Modern Media Text	127
<i>Misonzhnikov B. Ya.</i> Concept Sphere of Corporate Press in German Universities as a Subject of Media Discourse Formation	137
<i>Teplyashina A. N.</i> Speech Genre of Personal History in the Context of an Entertainment Magazine	143
<i>Shesterkina L. P., Dmitrenko E. L.</i> Specificity of Media Texts of Socially Significant TV Project in the Context of Cultural and Educational Function of Television	151

ORIENTAL STUDIES

<i>Ayusheeva M. V.</i> Private Archive of I. N. Madason (1911–1984)	160
<i>Badmaeva L. B.</i> The Verbal Participle Forms in the Language of the Buryat Chronicles	167
<i>Bazarov A. A.</i> Literature of Dbu Ma (Madhyamaka) in the Buddhist Monastic Education of Buryatia	172
<i>Lamozhapova I. A.</i> Typology of Onomastic Values and Semantics of Personal Names in the Mongolian Languages	179
<i>Sundueva E. V.</i> Semantic Sphere of Love in the Mongolian Languages	189

PHILOLOGICAL EDUCATION

<i>Akmatov B. M., Akmatova A. B.</i> Learning Paradigm Reflection Based on Competences in Literature Textbooks	194
<i>Akhmetova M. N.</i> Language as a Deep, Intelligent Dialogue of the Person with the World: Technological Searches of a Problem Solution	199
<i>Kokhanova L. A.</i> Oral-Written Format of Publications on Environmental Issues (Based on Training and Research Projects)	205

SCIENTIFIC LIFE

<i>Derbisheva Z. K., Pimenova M. V.</i> The XVIIIth Summer Scientific School "Cognitive Linguistics and Conceptual Research" (June 17–25, 2015, Bishkek)	211
<i>Sergeeva V. A., Gorkovenko A. E., Kamedina L. V., Romanov I. A., Novikova A. Yu.</i> The Results of the Year of Literature in Transbaikal Territory	215
New Books	222

УДК 882

ББК Ш 5(2=Р)7-09

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11

*Надежда Борисовна Анциферова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: lera_anz@mail.ru*

Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление: маркёры идиостиля (на материале мемуарного рассказа «На сибирских дорогах» Б. Ахмадулиной)

В представленной статье рассматриваются вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление как композиционные приёмы построения мемуарного рассказа Беллы Ахмадулиной «На сибирских дорогах». Для вычленения способов создания языкового пространства текста используется контекстологический анализ; при распределении языковых единиц по ярусам с последующим перераспределением в состав изобразительно-выразительных средств применяется челночный метод. Актуальность данной работы заключается в том, что выявление, описание и систематизация составляющих творческого метода автора позволяют определить маркёры идиостиля в целом. Анализ и интерпретация наиболее показательных контекстов рассказа позволяют сделать вывод: в основе идиостиля Беллы Ахмадулиной лежит вертикальная метафоризация, окказиональность словоупотребления и антонимичность парадигмы семантического наполнения. Выделенные маркёры идиостиля выступают одновременно и как композиционные приёмы, и как текстообразующие категории. Исследуется также языковая структура образа рассказчика, архаическое мироощущение которого определяет характер языкового пространства текста.

Ключевые слова: вертикальная метафоризация, идиостиль, окказиональный словесный ряд, синестетическая метафора, языковая картина мира, языковое пространство текста

*Nadezhda B. Antsiferova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: lera_anz@mail.ru*

Vertical Metaphorization and Occasional Word Usage: Markers of Individual Style (the Case of the Memoir Story “On the Siberian Roads” by B. Akhmadulina)

In the article submitted, vertical metaphorization and occasional word usage as composition methods of creation of Bella Akhmadulina’s memoir story “On the Siberian roads” are considered. To single out and systematize the ways and receptions of creation of the text language space, the context analysis is used; the shuttle method is applied at distribution of the language units on circles with the subsequent redistribution in structure of graphic means of expression. Relevance of this work is that identification, description and systematization of components of the author’s creative

method allow us to define markers of individual style as a whole. Analysis and interpretation of the most indicative contexts allow us to draw a conclusion: vertical metaphorization, occasional word usage and antonymous paradigm of semantic filling underlie Bella Akhmadulina's individual style. The allocated markers of individual style at the same time act both as composition methods and as the categories forming the text. The language structure of the story-teller's image whose archaic attitude defines the character of the text language space is studied.

Keywords: vertical metaphorization, individual style, metaphorical periphrasis, occasional word group, language picture of the world, language space of the text

Мемуарные рассказы Беллы Ахмадулиной представляют филологический интерес не только и не столько в качестве сделанной поэтессой в контексте эпохи социально-культурной и автобиографической «сценарии», сколько с точки зрения языковой организации картины текста. Уникальная по плотности, насыщенности и колоритности художественных образов мемуарная проза исследуемого автора основывается на порождении множества семантических лимбов, которые создаются определёнными композиционными приёмами. Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что «<...> личный опыт не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как «гербарий» из «памятных листов», а как *puzzle*, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе «случайные» фрагменты образуют связную и понятную картину» [7, с. 15].

Обратимся к рассказу «На сибирских дорогах», где внутритекстовое пространство подчинено архаически-пантеистическому мироощущению: разделение всего сущего (в природе и в человеческой цивилизации) на Свет и Тьму, преклонение перед четырьмя стихиями, одухотворение окружающей реальности. Создание такой языковой картины текста предполагает «тотальную» метафоризацию через использование олицетворения, грамматических сдвигов, окказионального словесного ряда и когнитивно-синестетической игры с семантикой слов. Обратимся к показательным контекстам.

«**Диковатая, неукрощённая луна тяжело явилась из-за выпуклой черноты гор, прояснились из опасной тьмы сильные фигуры деревьев** <...>» [11, с. 344]. Эпитеты «диковатая» и «неукрощённая», ассоциирующие луну с неприрученным, неподвластным людям зверем, усиливаются семантически окказиональным определением «опасная» (по аналогии с опасной ситуацией). Одушевляются деревья: становятся своеобразными стражами природы (см.: «сильные фигуры»). Всё рождает в сознании читателя чувства,

близкие к тем, которые испытывали первобытные люди у догорающего в ночи костра.

Не менее подавляющий и мрачный образ «отсутствия света» возникает не только за пределами человеческой цивилизации, но и в ней.

1. «**В безнадежной темноте пустого райкома мы вдруг так смешны и жалки показались друг другу, что чуть не обнялись на сиротском подоконнике** <...>» [11, с. 372]. Безоговорочная «власть темноты» как одной из первооснов бытия (мир родился из хаоса) передаётся метафорическим определением «безнадежная», кратким прилагательным «жалки» и окказиональным эпитетом «сиротский» (при неодушевлённом (!) существительном «подоконник»).

2. «**Среди этой маленькой, непрочной тишины, отгороженной скудными стенами от грохота и неуютности наступающей ночи** <...>» [11, с. 341]. Этот пример – яркая иллюстрация зыбкости человеческого быта: тишина, которую люди пытаются отвоевать у мира природных звуков, здесь не просто опредмечивается (размер – «маленькая»), а становится лишь рукотворным материалом («непрочная») в иллюзорно обустроенном человеком пространстве, где только «скудные» (определение не характерно для конкретных существительных) стены отделяют от поглощающего «неуютности» (неузуальное словообразование от прилагательного «неуютный»).

3. «<...> она долго ещё, совсем ослабев, заливалась смехом в длинной темноте коридора, и лужи всхлипывали под ней» [11, с. 339]. Как и в предыдущих примерах, «темнота» здесь обретает пространственные характеристики: она заполнила собой («длинная») коридор. Отметим также, что в олицетворении «лужи всхлипывали» угадывается характерная для языковой картины рассказа «детскость» восприятия мира (в предстании ребёнка от обиды или боли именно «всхлипывают», открыто и полно выражая чувства).

4. «**Ваня нырнул, как в омут, в темноту** <...>» [11, с. 343].

Гнетущая человека космогоническая Темнота, конечно же, существует в борьбе со

Светом, образ которого создаётся ещё большей концентрацией вертикальной метафоризации и окказионального словоупотребления. Если Темнота представляется каким-то вязким, обволакивающим (= болото), подавляющим жизненную силу относительно статичным состоянием (*безнадёжная темнота, опасная тьма, сплошная чернота, выпуклая чернота, уют ночи, бессолнечно*), то Свет эксплицируется антропо- и зооморфно, динамично. Обратимся к тексту.

1. *«Яркий блеск неба шлёпнул нас по щекам»* [11, с. 332]. Разговорное «шлёпнул» придаёт ситуации некое озорство и создаёт ощущение, что перед читателем разыгравшийся ребёнок.

2. *«Вдруг впереди слабо, как будто пискнув, прорезался маленький свет. На отчаянной скорости влетели мы в Улус и остановились, словно поймав его за хвост после утомительной погони»* [11, с. 345]. И вновь возникает чувство, что мы наблюдаем увлечённую игру («на отчаянной скорости») ребёнка и маленького юркого («пискнув», «прорезался») животного («поймав его за хвост»).

3. *«Подоспелише от тяжёлого степного солнца, нетрезво звенящего в голове, мы снова попали в хвойное поднебесье леса»* [11, с. 362]. Если от темноты рассказчица интуитивно пытается укрыться, сжавшись или сбежав, то свет беспрепятственно проникает в её существо («нетрезво звенящее в голове»), тем самым погружая в языческое пространство («хвойное поднебесье леса»).

Особое место в языковой картине рассказа занимают контексты, в которых представлено соотношение «свет – темнота».

1. *«Вдали, в сплошной черноте, вздрогивал маленький оранжевый огонь»* [11, с. 365]. Возникающая в сознании читателя зарисовка, несмотря на нехарактерное для Б. Ахмадулиной узуальное использование колоратива «оранжевый», ассоциативно сближается с языческим представлением о зарождении жизни.

2. *«Я пристально, нежно, точно колдуя ей доброе, смотрела на слабый, не окрепший ещё полумесяц её лба, неясно светлевший в полутьме комнаты»* [11, с. 342]. Семантическая концентрация «пограничности», игры «между» плотно заполняют предложение – «полумесяц лба», «полутьма», «не окрепший ещё», «неясно светлевший».

3. *«<...> город призрачно являлся нам из темноты, по-южному белея невысокими домами, взрѣвывая близкими паровоза-*

ми» [11, с. 332]. Мы видим, что перенесённое с лона природы в пространство цивилизации соотношение света и темноты эксплицируется по-иному: темнота становится менее «концентрированной» (не имеет при себе определения), свет обретает конкретную цветовую характеристику – белый («белея невысокими домами»).

Отметим, что определение «белый» достаточно частотно в языковом пространстве текста. Думается, это связано с тем, что, во-первых, противопоставление «белый – чёрный» гипонимично и абсолютно антонимично, во-вторых, белый включает в себя всю цветовую палитру, он – некий спектральный абсолют. В рассказе находим: *белые платочки, белея невысокими домами, белым-бело, белее платка, ослеплённые белизной, небо белело, ступая белыми ногами, белая мгла тумана*.

Сказочно-языческому мироощущению подчинён не только пространственный, но и временной континуум рассказа. Здесь представлено циклическое время. У Ю. С. Степанова читаем: «Концепт “циклического времени” не знает понятий “начало мира”, “конец мира”, – всё в мире повторяется по кругу» [12, с. 117].

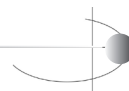
«И вдруг слёзы, отделившись от моих глаз, упали мне на руки. Я радостно засмеялась этим слезам и всё же плакала, просто так, ни по чему, по всему на свете сразу: по Анне, по лучнику, по Ивану Матвеевичу и Ване, по бурундуку, живущему на горе, по небу над головой, по этому лету, которое уже подходило к концу» [11, с. 372]. Композиционный отрезок наполнен маркерами детского мироощущения, близкого по своему характеру к языческому: смех сквозь слёзы («радостно засмеялась этим слезам»), слёзы без видимой причины («просто так, ни по чему») как некий доступный «вдруг», только для чистого детского сознания, в котором всё расположено «вперемешку» (Аня, бурундук, небо, лето), катарсис.

В языковом пространстве текста, наполненном языческим мироощущением, предметы одушевлены. Исключительно как о живом, причём в зооморфном ключе, говорит рассказчица о «газике», на котором она и Шура перемещаются по сибирским дорогам.

1. *«<...> радостно вскрикивали вокруг нас и бежали к «газикам», пофыркивающим у обкомовского подъезда»* [11, с. 337].

2. *«<...> когда в тяжело дышавшем, подпрыгивающем «газике» наши головы сшиблись на повороте»* [11, с. 342].

3. «Газик <...> **резво запрыгал и заковылял** через ухабы и рельсы, развернулся возле забора, и мы остановились» [11, с. 342].

4. «Наш газик, словно переняв повадку скакуна, фыркнул, **взбрыкнул и помчался, слушаясь** руки Ивана Матвеевича, вперёд и направо мимо огромной **желтизны ржаного поля**» [11, с. 354].

5. «Машина заскользила по красной глине, **оступаясь всеми колёсами**» [11, с. 357].

В сознании рассказчицы «газик» синонимичен лошади – пофыркивающий, тяжело дышащий, он прыгает, ковыляет, взбрыкивает, мчит и оступается. Думается, подобное метафорическое олицетворение – ещё один «ментальный крючок»: в языческом пространстве путники могут передвигаться только на коне.

Олицетворение самолётов антропоморфно:

1. «На маленьком аэродроме **маленькие легкомысленные самолёты** взлетали и опускались, а очередь, почти сплошь одетая в белые платочки, всё не убавлялась» [11, с. 337]. Оценочный эпитет «легкомысленные» в сочетании с глаголами повторяющего действия создаёт образ вздорной девушки (по аналогии с «легкомысленной девушкой», «легкомысленным поведением»). Научно-технический прогресс позволил человеку быть смелее и небрежнее с природными стихиями, что вызывает отрицательную оценку рассказчицы.

Особое место в повествовательной ткани рассказа занимают портретные характеристики, которые не менее интерсенсорны и метафоричны, чем описание окружающего мира. Отметим, что городские жители в миропорядке рассказчицы блеклы, словно выпотрошены цивилизацией, они существуют в семантическом лимбе «темнота». Обратимся к примерам.

1. «<...> я подняла голову, чтобы поймать его **рассеянное, неопределённо плывущее в вышине лицо** <...>». [11, с. 337]. Из описания «выбрасывается» часть семантической конструкции (рассеянное выражение лица → рассеянное лицо) и включается метафорическое распространённое определение (неопределённо плывущие облака → нечёткость контуров, размытость, невозможность зафиксировать → безэмоциональное, усталое выражение лица).

2. «<...> обнаружилось несколько человек, **наряженных в бледную пёстрость бантиков, косынок и беретов**. В ярком и

неожиданном свете дня они стыдливо и немело томилась, **как выплеснутые на сушу водяные**» [11, с. 358]. Оксюморон «бледная пёстрость», усиленный окказиональным «стыдливо томилась» в сочетании со «сказочным» сравнением («как выплеснутые на сушу водяные») создаёт почти осязаемое ощущение серости, дискомфорта ситуации.

3. «**Озябшее тело держалось как-то прямоугольно**, онемевшие ноги то и дело смешно подламывались. **Было ещё бессолнечно**, но совсем светло» [11, с. 367].

4. «<...> скучно отозвалась **буфетчица, и её ленивые руки поплыли за выпуклым стеклом витрины, как рыбы в мутном аквариуме**» [11, с. 341].

5. «**Вышла тусклая, словно серым дождём прибитая, женщина**. Она в страхе подняла на нас глаза, и сквозь **скучный, нецветной туман** её облика **забрестило вдруг яркое синее солнышко детского взгляда**» [11, с. 359].

В портретах степных жителей вертикальная метафоризация и окказиональное словообразование перемещаются в иную семантическую плоскость. Перед читателями предстают «дети природы» – суровые, величавые, существующие в одном ритме с окружающим первоначальным миром.

1. «**Прямо перед нами на высоком табурете сидела каменно-большая <...> женщина с тёмно-медными, далеко идущими скулами, с тяжко выложенными на живот руками, уставшими от власти и труда**». «<...> **пасть к подножию её грозного тела и просить прощения неведомо в чём**» [11, с. 345]. Читатель ощущает себя словно перед вековыми горами: «каменно-большая женщина» (характерное для языковой картины текста соединение качественного и относительного прилагательных) → каменная глыба; «с далеко идущими скулами» → далеко идущими скалами; «тяжко выложенными на живот руками» → выложенный камнями, валунами; «подножие её грозного тела» → подножие спящего вулкана.

2. «**Женщина уже царствовала на табурете, ещё ярче краснея и желтея платьем в честь воскресного дня**. Мы поклонились ей, и снова её **продолговатый всевидящий глаз объёмно охватил нас в лицо и со спины, с нашим прошлым и будущим**» [11, с. 353].

3. «<...> обрадовалась Аня и ласково прильнула ко мне, снова **пахнув на меня травой, как жеребёнок**» [11, с. 351]. Срав-

нение «как жеребёнок» усиливает словосочетание «ласково прильнула», подчёркивая открытость, искренность и чувствительность девушки-аборигенки.

4. «*Аня прощально припала ко мне всем телом, и её быстрая кровь толкала меня, напирала на мою кожу, словно просилась проникнуть внутрь и навсегда оставить во мне свой горьковатый, тревожный вкус*» [11, с. 352]. Метафорическое олицетворение здесь можно считать своеобразным семантическим развёртыванием общеизвестных «молодая кровь», «горячая кровь». Впечатление усиливается семантически окказиональным использованием синестетического эпитета «тревожный»: тревожный звук (слуховое восприятие) → тревожный вкус (вкусовые ощущения).

Отметим, что для языковой картины рассказа характерно окказиональное словоупотребление наречий (об этом виде композиционно-грамматического сдвига см.: [1; 2; 3]). Композиционно-грамматические окказионализмы в сравнении со словообразовательными обладают большей семантической ёмкостью, а потому их художественно-эстетическая нагрузка возрастает, уплотняя тем самым языковое пространство текста.

1. «*Горы, украшенные голубыми деревьями, близко подступали к глазам, и было бы душно смотреть на них, если в спину чисто и влажно не сквозило степью*» [11, с. 352]. В приведённом примере обстоятельства синестетичны: душно дышать → душно смотреть = слишком сочные краски пейзажа; чисто и влажно на ощупь → чисто и влажно сквозило = свежесть ветра.

2. «*Жёлтое и голубое густо росло из глубокой земли и свадебно клонилось друг к другу*» [11, с. 353]. Сочетание субстантивированных прилагательных-копоративов «жёлтое» и «голубое» с окказиональным наречием, образованным от относительного прилагательного «свадебный», становится семантической «матрёшкой».

3. «*И вдруг в дурном предчувствии, махнув рукой, словно отрекаясь от нас, бросился вон, скандально хлопнув дверью*» [11, с. 341].

4. «*Наконец, она домыла своё, страстно выжала тряпку и пошла мимо нас, радостно ступая по мокрому полу чистыми белыми ногами, и уже оттуда, с улицы, из зияющего простора своей субботы, крикнула нам*» [11, с. 339]. Обстоятельство «страстно», имеющее наряду со «ступая» и «зияющее» книжный оттенок, в сочетании

с бытовыми деталями (мокрый пол, домыла своё, с улицы) и разговорным «тряпка», показывает, какое место занимает культура труда в жизни деревенского, близкого к природе человека.

Входя в языковую картину текста, читатель, несмотря на наличие «сухих» бытовых деталей, постепенно погружается в хронотоп сказки и синхронизируется (даже соглашается) с интерсенсорным и когнитивным опытом рассказчицы. Процесс познания идёт в обратном, противоречащем филогенезу направлении – от результатов рационального освоения мира к наглядно-чувственному постижению, подкреплённому интуицией. О подобном пишет В. И. Карасик в своей монографии «Языковые ключи»: «Определяя концепты с позиции их транслируемости, можно предположить, что архетипические концепты (при всём их многообразии) будут характеризоваться, по-видимому, как активно транслируемые, закрытые для модификации, <...> не допускающие критического восприятия» [6, с. 133]. Обратимся к тексту.

«*Я тихонько встала и пошла в деревья, в белую мглу тумана, поднявшегося от реки. Близкий огонь костра, густо осыпающиеся августовские звёзды, теплый, родной вздох земли, омывающий ноги, – это было добрым и детским знаком, твёрдо обещающим, что всё будет хорошо и прекрасно*» [11, с. 372]. Здесь передана гармония всех четырёх стихий мироздания – воды (река), земли, огня и воздуха (поднимающийся туман, «тёплый вздох земли»).

Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление имплицитно отражают в языковой картине мемуарного рассказа образ автора, который умело «жонглирует» основными методами познания мира – анализом, моделированием и аналогией. Воспринимаемые рассказчицей реалии природного и человеческого мира раскладываются на весомые для контекста ситуации детали, совпадающие или перекликающиеся с признаками других реалий, хранящихся в кинестетическо-когнитивном опыте. Происходит «перекомпоновка» и уплотнение семантического наполнения, что рождает колоритную образность. Ю. М. Лотман писал: «Пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием» [8, с. 26]. Думается, правомерно заключить, что вертикальная метафоризация и окказиональное употребление – это маркёры идиостиля Беллы Ахмадулиной.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчэн. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве современной русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
3. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
4. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 384.
5. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справ. 7-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: первоначальные повествовательные формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. 43 с.
8. Лотман Ю. М. Семисфера. Санкт-Петербург: Искусство. СПб., 2000. 704 с.
9. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
10. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.

Источники

11. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты. М.: Астрель: Олимп, 2009. 507, [5] с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь рус. культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004. 992 с.

References

1. Akhmetova G. D. Zhivoi literaturnyi tekst. M.: Vash poligraficheskii partner, 2012. 232 s.
2. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve sovremennoi russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
3. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
4. Zubova L. V. Yazyki sovremennoi poezii. M.: Novoe lit. obozrenie, 2010. 384.
5. Kapitsa F. S. Slavyanskie traditsionnye verovaniya, prazdniki i ritualy: sprav. 7-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2009. 296 s.
6. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. M.: Gnozis, 2009. 406 s.
7. Kuchina T. G. Poetika russkoi prozy kontsa KhKh – nachala KhKhI v.: pervolichnye povestvovatel'nye formy: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Yaroslavl': YaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2008. 43 s.
8. Lotman Yu. M. Semisfera. Sankt-Peterburg: Iskusstvo. SPb., 2000. 704 s.
9. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta: Nauka, 2006. 320 s.
10. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'. M.: Yaz. slavyanskoi kul'tury, 2002. 496 s.

Istochniki

11. Akhmadulina B. A. Druzei moikh prekrasnye cherty. M.: Astrel': Olimp, 2009. 507, [5] s.
12. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' rus. kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Akadem. Proekt, 2004. 992 s.

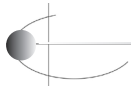
Библиографическое описание статьи

Анциферова Н. Б. Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление: маркёры идиостиля (на материале мемуарного рассказа «На сибирских дорогах» Б. Ахмадулиной) // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 6–11. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11.

Reference to article

Antsiferova N. B. Vertical Metaphorization and Occasional Word Usage: Markers of Individual Style (the Case of the Memoir Story "On the Siberian Roads" by B. Akhmadullina) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 6–11. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11.

Статья поступила в редакцию 23.02.2016

УДК 81'282
ББК 81.2 Рус - 67

Татьяна Юрьевна Игнатович,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: ignatovich_chita@mail.ru

Дискурсивные исследования забайкальской русской народно-разговорной речи: возможности и перспективы

В статье рассматриваются возможности и перспективы исследования забайкальского русского народно-разговорного дискурса. Насущной задачей является формирование электронного фонда записей забайкальской русской народно-разговорной речи, перспективно создание забайкальского дискурсивного корпуса с системой поиска и ссылок. Автор статьи рассматривает ряд перспективных аспектов исследования регионального народно-разговорного дискурса, в частности, изучение забайкальских дискурсивных фрагментов в коммуникативно-прагматическом ракурсе, с позиций диалектного жанроведения, в социолингвистическом аспекте. Необходимы исследования различных речевых стратегий деревенских жителей, обусловленных социально-культурными факторами: возрастом, гендерными различиями, уровнем образования, профессией и родом занятий, укладом жизни, воспитанием и семейными традициями. Автор считает перспективными исследования дискурсивной дифференциации в различных коммуникативно-речевых условиях. Актуальны коммуникативно-когнитивные, лингвокультурологические исследования забайкальского народно-разговорного дискурса, поскольку они позволяют проникнуть в процесс познания человеком посредством языка сущностных свойств действительности, рассмотреть особенности вербализованной региональной картины мира, пропущенной через призму восприятия забайкальцев. С введением в научный оборот новых дискурсивных фрагментов забайкальской русской народно-разговорной речи расширяются возможности для изучения механизма создания в народном сознании мотивированных образных наименований и включения их в живую речевую ткань. Приведённый в статье иллюстративный дискурсивный материал свидетельствует о научном потенциале рассматриваемого объекта исследования.

Ключевые слова: Забайкалье, русский дискурс, народно-разговорная речь, аспекты исследования

Tatyana Yu. Ignatovich,
Doctor of Philology,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: ignatovich_chita@mail.ru

Discourse Studies of Transbaikal Russian Folk Speaking: Opportunities and Prospects

The article discusses the possibilities and prospects of research of Transbaikal Russian folk-spoken discourse. The urgent task is to create an electronic fund records of Transbaikal Russian people's conversation, promising the creation of the Trans-Baikal discursive body with a retrieval system and links. The author examines a number of promising aspects of the study of the regional people's spoken discourse, the study of Transbaikal discursive fragments in communicative-pragmatic perspective in particular, from the standpoint of dialect genre and in sociolinguistic aspects one needs to study different speech strategies of villagers due to socio-cultural factors: age, gender differences, level of education, profession and occupation, way of life, education and family traditions. The author thinks it is prospective to study discursive differentiation in a variety of communicative speech conditions. Communicative and cognitive as well as linguocultural research of Transbaikal people's colloquial discourse is very important, as it allows us to enter into the process of man's knowledge of the language by the essential properties of reality, to consider the characteristics of verbalized regional picture of the world passed through the prism of perception of Transbaikal people. Introduction of new discourse fragments of Transbaikal Russian national informal conversation into science broadens the opportunities for studying the mechanism of creation of motivated figurative names in national consciousness and their inclusion into living speech. Discursive illustrative material given in the article indicates the scientific potential of the analyzing object.

Keywords: Transbaikalia, Russian discourse, folk speaking, aspects of research

Забайкальская русская народно-разговорная речь на современном этапе остаётся удивительным феноменом, сочетающим явления разного свойства: цементирует речь общерусская языковая основа, имеется диалектная составляющая, придающая речи деревенских жителей региональный колорит, наслаиваются более поздние явления, проникшие в неё из литературного языка, общенародного просторечия и жаргонов.

При исследовании забайкальского варианта русского национального языка системно-структурным методом эти элементы на определённом языковом уровне вычленяются и описываются в парадигматических и синтагматических отношениях, при этом для уточнения семантики, выражаемой языковой единицей при выполнении определённой функции в речи, применяется функциональный подход, который расширяет рамки исследования научного объекта. Автором этой статьи было осуществлено системно-структурное описание фонетики и морфологии забайкальских говоров севернорусского генезиса по состоянию до 2013 года [7]. Исследования в этом аспекте остаются актуальными и, безусловно, должны быть продолжены, поскольку рассмотренные динамические процессы, происходящие в этих идиомах под воздействием литературного языка, просторечия и жаргонов, свидетельствуют о разной степени и темпах нивелирования материнских диалектных черт, и новые данные об этих изменениях позволяют лучше понять механизм и тенденции трансформации русской языковой системы.

Функциональный взгляд на исследуемый языковой сегмент также необходим, когда исследователь выходит в дискурсивное пространство, в котором забайкальская народно-разговорная речь реализуется в полном объёме своих свойств и характеристик.

Именно в дискурсивном материале хорошо просматривается сложный конгломерат современного состояния забайкальской русской народно-разговорной речи, а современные технические средства позволяют точно фиксировать его фрагменты в неограниченном объёме.

В настоящее время весьма насущной задачей является формирование электронного фонда записей забайкальской русской народно-разговорной речи, которые сейчас рассредоточены по личным архивам забайкальских диалектологов. Перспективно создание забайкальского дискурсивного корпуса с системой поиска и ссылок с включением в Корпус

диалектных текстов Национального корпуса русского языка или создание отдельного диалектного корпуса. Подобные информационные системы уже имеются в ряде российских регионов. Так, в Удмуртском госуниверситете совместно диалектологами и программистами была разработана лингвогеографическая информационная система (ЛГИС) «Диалект», которая в автоматизированном формате картографирует лексические и словообразовательные особенности русских говоров Удмуртии, имеет лексикографический модуль со словарными статьями, к которым есть система ссылок, и модуль рукописных, аудио- и видеозаписей диалектной речи [5, с. 66–68]. Размещён в интернете и онлайн-корпус бассейна Устья Архангельской области, где представлены записи речи жителей этой территории и который содержит 500 тыс. токенов – опознавательных знаков, позволяющих осуществлять систему ссылок [6, с. 68–70]. Создаются лингвистический корпус «Томский региональный текст» в Национальном исследовательском Томском государственном университете [12, с. 38–49], Саратовский диалектологический корпус (СарДК) в Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского [11, с. 130–132].

Текстовые фрагменты, включённые в корпус забайкальской русской народно-разговорной речи, могут стать многоаспектным объектом лингвистического описания.

В настоящее время для исследования доступны тексты записей диалектной речи, опубликованные в хрестоматии «Говоры Читинской области» (2000 г.) [13], в монографии Т. Ю. Игнатович «Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии)» [8, с. 235–237] и в «Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В. А. Пащенко [14], в последнем безусловный научный интерес представляют тексты, размещённые как в приложении к Словарю, так и в качестве иллюстративного материала в словарных статьях фразеологических единиц.

Актуальным для региональных исследований является создание электронного фонда текстов забайкальских скорописных памятников письменности конца XVII–XVIII века [1; 2]. Историк языка Ю. В. Биктимирова своевременно опубликовала часть новых региональных текстов и тем самым ввела их в научный оборот [3].

Забайкальский русский народно-разговорный дискурс до настоящего момента остаётся неосвоенным научным материалом. Остановимся на ряде перспективных аспектов его исследования.

Безусловно, актуально рассмотрение забайкальских дискурсивных фрагментов в коммуникативно-прагматическом ракурсе. Современные исследования саратовских учёных В. Е. Гольдина, О. Б. Сиротининой, Т. Н. Медведевой, О. Ю. Крючковой, выявляющие принципы организации диалектного дискурса, разрабатывающие его типологическую характеристику, могут стать основой для коммуникативно-дискурсивных штудий в нашем регионе. Забайкальские тексты не описаны с позиций диалектного жанроведения, которое в настоящее время активно развивается, в частности, в Томской диалектологической школе (Т. А. Демешкина, С. В. Волошина, Л. Г. Гынгазова, О. А. Казакова), продвинулись в этом направлении и диалектологи соседнего Приамурского региона, регулярно публикующие записи диалектного дискурса в разделе «Речевые жанры» ежегодного фольклорно-диалектного альманаха «Слово» (под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой).

Большинство имеющихся записей забайкальской русской народно-разговорной речи представляют собой беседы-диалоги, переходящие в монологи деревенских жителей, рассказывающих о своей жизни. Представленная в этих случаях коммуникативно-речевая ситуация имеет двух участников: говорящего деревенского жителя и слушающего диалектолога. Роль диалектолога в таких ситуациях проявляется в постановке наводящих вопросов, в демонстрации знаков внимания и по необходимости эмоциональной реакции на получаемую информацию. Среди дискурсивных фрагментов репрезентированы разные жанры: гипержанр рассказ-воспоминание, куда входит и автобиографический рассказ, бытовой рассказ о каком-либо событии, фрагменте действительности, в том числе и рассказ-пластинка (об этом см.: [4, с. 25–27]), мини-жанры: сетования, просьбы, советы, заговоры, былички – рассказы о встречах с нечистой силой, дразнилки, паремии и др.

Приведём пример монологического фрагмента жанра рассказа «Случай из жизни: С сястрой нам ахота гулять/ пайдём// схотки там часоф да кúда// пайдёшь/ гуляишь / гуляишь/ а ана ждётся/ ждётся / придёшь ы палучишь/ за валасá схватит// сястра гаварить/ такой амбарушка был у нас/ казёначка/ давай/ дескать/ иё мыть// вымы-

ли// у нас/ бывала/ семя талкёшь/ стаишь/ семя талкёшь/ ф ступке талкли/ или ишо што-нибуть// ну а мы две девушки две ступки палóжыли/ фуфайку палóжыли/ шубай адели ступки/ што бытта мы/ деуки/ спим/ што мама придёт/ пасмотрит/ спячь деуки// и вот ана жа старенькая была/ чо бы ей глядеть/ спячь деуки// так-та адели так жа пахожа на человека// ана разглядела// а мы надеемся и гуляем/што уш тама мы падделали фсё// вароты аткрываем/ а ана стаить с палачкай// но чо/ нагулялися?/ так гаварит-та/ нагулялися/ аха// и этай палкай как ана нас наводит/ наводит// но идите лажытесь/ гаварит/ каво/ каво клали?// а таперь самой приходицца/ сама сматрю// тут как-та Надя с Наташай начавали/ нету их// хажу-ка/ на часы пасматрю/ где-та задёржываюца/ нету/а патом думаю/ о/ дашло/ и мама-та мая вот так вот// чё тварили/ ступки клали//» (записано от Ивановой Анастасии Фёдоровны, 1932 года рождения, без образования, в с. Малоархангельск Красночичкойского района в 2004 году).

Несомненный интерес представляют записи диалогов, полилогов между деревенскими жителями, при которых диалектолог занимает позицию слушающего наблюдателя, не участвующего в разговоре. В таких коммуникативно-речевых ситуациях речь участников диалога имеет естественный характер и отсутствует её коррекция в связи с присутствием образованного собеседника, что часто случается в беседе с диалектологами.

Если монологическим жанрам даже при спонтанном создании обычно присущи тематическая цельность, логическая взаимосвязанность сегментов излагаемой информации, то в диалогической вербализованной коммуникации встречается редуцированность, имплицитность сегментов из-за наличия общего информационного фона участников.

Приведём пример бытового диалога:

1. *Выматают/ да типерь матайся// он вить на дваццать пять дён взят// таких коб нащиташь// ни знай, куды увезли/ не буду зыт//*

2. *Весточку-то фсё равно давал//*

1. *В мисяцú два раза да придёт// тут отравили// одной воды ить// за телёнком сходишь/ корба поздо ходит// воды/ крапивы/ под зеленуху с ём вот вычистили/ за канавай сходишь// на попышáх//*

2. *Ана мálенькя//*

1. *У нас-то// Олёха говорит/ у нас тоже нибальша/ малинька//*

2. Ф пийсят читвѣртым//у ей печка взила да упала// на сибѣ драва таскала да кавѣ да//
1. Волотья-то скоро тожнѣ приедет с курорту//

2. Дваццать читьри ли сем//

1. Переводидь деньги// корова у ей/ дева/ фсех телят-то увела// у нас с Нюткой маленьки телята/ и то /дева/ упѣрли// тот-то с утра уежжали// ты уж в Макаравай-та еки не взяла//на закуривай/ но/ брысь//

2. А этово не было ф то время// не//

1. Анѣ у вас фчарась ли когды ли были//

2. Пирисадила их Кимке//

1. Катюшка/ поедет Юрка-то// тащи сетку/ деньги// они купили// а шас на ком уехали// утрѣ адали на ей ехал// з дефчонкой плохо// утрѣ он бегом забежал// на тракторе приехали/ их привѣс/ а не знаю/ на ком уехали//

2. Настроился// на этом деле живѣт//

1. Третьивѣдни//

2. У буржуя, у кулака//

1. Катья дастригала// они да трѣх стригли// барашек фсѣ астригли// да три телѣнка// она тоже удират/ дефка-то// гадят// вечѣрсь куркуля// (записано Э. А. Колобовой в 70-е годы в с. Джида Балейского района).

Приведѣнные дискурсивные фрагменты представляют разные прагматические ситуации с различными интенциями и психолого-речевыми стратегиями говорящих. Немаловажно в данном сопоставлении учитывать социально-исторический фактор. Первая запись сделана около 10 лет назад в южном регионе Забайкальского края, в коммуникативно-речевой ситуации реципиентом является семейная женщина – потомок старообрядцев, носителей южнорусского диалекта, собеседником является представитель другого социума (городского, образованного). Вторая запись – сорокалетней давности – выполнена в одном из центральных регионов края в старожильской деревне, при этом реципиентами выступают потомки «северян», переселенцев из северных русских территорий. Однако полной «речевой свободы» и здесь у говорящих не наблюдается, поскольку диалог

ведѣтся в присутствии «чужого», приезжего человека.

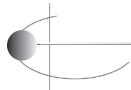
Социолингвистический аспект исследования забайкальского народно-разговорного дискурса, безусловно, остаѣтся актуальным в научных изысканиях. Необходимы исследование различных речевых стратегий деревенских жителей, обусловленных социально-культурными факторами: возрастом, гендерными различиями, уровнем образования, профессией и родом занятий, укладом жизни, воспитанием и семейными традициями. Перспективны исследования дискурсивной дифференциации в различных коммуникативно-речевых условиях, например, в бытовой семейной коммуникации, бытовой коммуникации деревенского социума, официальной коммуникации деревенского социума и др.

Востребованы коммуникативно-когнитивные, лингвокультурологические исследования забайкальского народно-разговорного дискурса, поскольку они позволяют проникнуть в процесс познания человеком посредством языка сущностных свойств действительности, рассмотреть особенности вербализованной региональной картины мира, пропущенной через призму восприятия забайкальцев.

Региональные языковые реализации общенародных доминант русской ценностной картины мира и языковые средства наглядно-образного описания событий в диалектных текстах Восточного Забайкалья уже стали объектом научного рассмотрения [9; 10]. С введением в научный оборот текстов из вышеупомянутого Словаря В. А. Пашенко расширяются возможности для изучения механизма создания в народном сознании мотивированных образных наименований и включения их в живую речевую ткань. Приведѣм пример, позволяющий это увидеть: *А недавно дѣдов братан составил куст /генеалогическое древо/ в музее. В кусту-то дедушка Максим Никифорович даже есть. Каждый должен знать, где у его пупок резан /Шилк./* [14, с. 323]. Научный потенциал исследования богатой забайкальской народно-речевой культуры не исчерпан.

Список литературы

1. Биктимирова Ю. В. Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. // Ученые зап. ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение. 2015. № 2 (61). С. 12–17.
2. Биктимирова Ю. В. Проблемы включения в научный оборот скорописных памятников делопроизводства XVII–XVIII вв. // Вест. БГУ. 2014. № 10–4. С. 106–110.
3. Биктимирова Ю. В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2015. 155 с.
4. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Рассказ-пластинка в диалектном социуме // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тез. докл. Междунар. конф. (30 окт. – 1 нояб. 2015 г.). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 25–27.

5. Жданова Е. А. Описание лексики русских говоров Удмуртии методами лингвистической географии и лексикологии: новые возможности // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тез. докл. Междунар. конф. (30 окт. – 1 нояб. 2015 г.). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 66–68.
6. Жигульская В., Даниэль М., Добрушина Н., фон Вальденфельс Р. Онлайн-корпус говора бассейна Устья // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тез. докл. Междунар. конф. (30 окт. – 1 нояб. 2015 г.). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 68–70.
7. Игнатович Т. Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии). М.: Флинта: Наука, 2013. 312 с.
8. Игнатович Т. Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Забайкальского края: фонетические особенности. М.: Флинта: Наука, 2011. 240 с.
9. Игнатович Т. Ю. Текстовые модели выражения категории оценки в русских говорах Восточного Забайкалья // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та: науч. журн. Сер. Филологические науки. 2009. № 5. С. 105–109.
10. Игнатович Т. Ю. Языковые средства наглядно-образного описания событий в диалектных текстах Восточного Забайкалья // *Ethnohermeneutik und cognitive Linguistik* / Hrsg. von R. D. Kerimov. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. 800 S. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 12. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E. A. Pimenov). С. 692–703.
11. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Принципы расшифровки и формы представления текстов в электронном диалектном корпусе // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тез. докл. Междунар. конф. (30 окт. – 1 нояб. 2015 г.). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 130–132.
12. Мишанкина Н. А., Филь Ю. В. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура // Слово: фольклорно-диалектологический альм.: материалы науч. экспедиций. Вып. 12. Амурское казачество: язык и культура / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2015. С. 38–49.

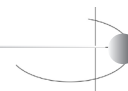
Источники

13. Говоры Читинской области: хрестоматия / сост. О. Л. Абросимова, Т. Ю. Игнатович, Е. И. Пляскина. Чита: ЗабГПУ, 2000. 70 с.
14. Пашенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под науч. ред. Т. Ю. Игнатович. Чита: ЗабГУ, 2014. 484 с.

References

1. Biktimirova Yu. V. Osobennosti paleografii i grafiki pamyatnikov delovogo pis'ma Vostochnogo Zabaikal'ya XVII–XVIII vv. // *Uchenye zap. ZabGU. Ser. Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. 2015. № 2 (61). S. 12–17.
2. Biktimirova Yu. V. Problemy vlyucheniya v nauchnyi oborot skoropisnykh pamyatnikov deloproizvodstva XVII–XVIII vv. // *Vest. BGU*. 2014. № 10–4. S. 106–110.
3. Biktimirova Yu. V. Pamyatniki delovoi pis'mennosti Vostochnogo Zabaikal'ya XVII–XVIII vekov: ucheb. posobie. Chita: ZabGU, 2015. 155 s.
4. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Rasskaz-plastinka v dialektnom sotsiume // *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: k 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* (30 okt. – 1 noyab. 2015 g.). M.: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2015. S. 25–27.
5. Zhdanova E. A. Opisanie leksiki russkikh govorov Udmurtii metodami lingvisticheskoi geografii i leksikologii: novye vozmozhnosti // *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: k 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* (30 okt. – 1 noyab. 2015 g.). M.: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2015. S. 66–68.
6. Zhigul'skaya V., Daniel' M., Dobrushina N., fon Val'denfel's R. Onlain-korpus govora basseina Ust'i // *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: k 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* (30 okt. – 1 noyab. 2015 g.). M.: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2015. S. 68–70.
7. Ignatovich T. Yu. Vostochnozabaikal'skie govory severnoruskogo proiskhozhdeniya v istorii i sovremennom sostoyanii (na materiale fonetiki i morfologii). M.: Flinta: Nauka, 2013. 312 s.
8. Ignatovich T. Yu. Sovremennoe sostoyanie russkikh govorov severnoruskogo proiskhozhdeniya na territorii Zabaikal'skogo kraja: foneticheskie osobennosti. M.: Flinta: Nauka, 2011. 240 s.
9. Ignatovich T. Yu. Tekstovye modeli vyrazheniya kategorii otsenki v russkikh govorakh Vostochnogo Zabaikal'ya // *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta: nauch. zhurn. Ser. Filologicheskie nauki*. 2009. № 5. S. 105–109.
10. Ignatovich T. Yu. Yazykovye sredstva naglyadno-obraznogo opisaniya sobytii v dialektnykh tekstakh Vostochnogo Zabaikal'ya // *Ethnohermeneutik und cognitive Linguistik* / Hrsg. von R. D. Kerimov. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. 800 S. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 12. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E. A. Pimenov). S. 692–703.

11. Kryuchkova O. Yu., Gol'din V. E. Printsipy rasshifrovki i formy predstavleniya tekstov v elektronnom dialektnom korpusе // Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: k 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (30 okt. – 1 noyab. 2015 g.). M.: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2015. S. 130–132.

12. Mishankina N. A., Fil' Yu. V. Lingvisticheskii korpus «Tomskii regional'nyi tekst»: kontsepsiya i struktura // Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'm.: materialy nauch. ekspeditsii. Vyp. 12. Amurskoe kazachestvo: yazyk i kul'tura / pod red. N. G. Arkhipovoi, E. A. Ogleznevoi. Blagoveshchensk: AmGU, 2015. S. 38–49.

Istochniki

13. Govory Chitinskoj oblasti: khrestomatiya / sost. O. L. Abrosimova, T. Yu. Ignatovich, E. I. Plyaskina. Chita: ZabGPU, 2000. 70 s.

14. Pashchenko V. A. Slovar' frazeologizmov i inykh ustoichivykh sochetanii Zabaikal'skogo kraja / pod nauch. red. T. Yu. Ignatovich. Chita: ZabGU, 2014. 484 s.

Библиографическое описание статьи

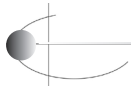
Игнатович Т. Ю. Дискурсивные исследования забайкальской русской народно-разговорной речи: возможности и перспективы // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 12–17.

Reference to article

Ignatovich T. Y. Discourse Studies of Transbaikal Russian Folk Speaking: Opportunities and Prospects // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 12–17.

Статья поступила в редакцию 13.02.2016

УДК 821.161.1.1
ББК Ш33(2Рос=Рус)63–8,445
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-18-24

Евгений Александрович Смышляев,
аспирант,
Южно-Уральский государственный университет
(454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 87),
e-mail: smyshlyaeve@gmail.com

Интертекстуальность современной челябинской поэзии

В данной статье представлен анализ интертекстуальных связей современной челябинской поэзии, которые описываются через присутствие в тексте особых маркеров, соотносящих разные художественные структуры (прямое или скрытое цитирование, переработка тем и сюжетов, аллюзии, пародирование, подражание и т. п.). Рассматривается творчество Я. Грантса, В. Кальпиди, А. Самойлова, Н. Санниковой, И. Аргутиной и других челябинских авторов.

Интертекстуальные связи и переключки проявляются в пространственных образах, в авторских моделях изображения пространства в тексте. Челябинские поэты осознанно пользуются интертекстуальными приёмами. Интертекстуальность включена в литературную стратегию авторов, в житнетворческий текст, являющийся характерным для челябинской поэзии. Диалогический характер взаимодействия челябинских поэтов, выражающийся в цитации и использовании текстов друг друга в качестве прецедентных, расширяет семантическое поле челябинской поэзии и обеспечивает приращение смысла.

На примере поэтических текстов челябинских авторов доказывается, что интертекстуальность челябинской поэзии проявляется не только в перекрёстных посвящениях поэтов одного локуса, но и в посвящениях знаковым фигурам и течениям извне (посвящения и отсылки к творчеству ОБЭРИУтов, аллюзии на тексты И. Бродского, Даниила Хармса, Марины Цветаевой и т. д.).

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальное пространство, семантическое пространство, аллюзия, реминисценция, цитирования, локальный текст

Evgeniy A. Smyshlyayev,
Postgraduate Student,
South Ural State University
(87 Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia),
e-mail: smyshlyaeve@gmail.com

Intertextuality of Modern Chelyabinsk Poetry

This article presents an analysis of intertextual links of contemporary Chelyabinsk poetry. They appear in the text by the presence of specific markers correlating different artistic structures (direct or hidden quotations, interpretation of themes and subjects, allusion, parody, imitation, etc.). We have studied framework poems by Ya. Grants, V. Kalpidi, A. Samoilov, N. Sannikova, I. Argutina and other authors from Chelyabinsk in the article.

Intertextual connections and reference appear in the spatial images, in author's model of space image in the text. The poets from Chelyabinsk consciously use intertextual techniques. Intertextuality is included in the literary strategy of the authors. The dialogic nature of the interaction of Chelyabinsk poets expressed in the citation and use of each other's texts as precedent ones extends the semantic field of Chelyabinsk modern poetry and provides the meaning augment.

On the example of poetic texts by Chelyabinsk authors, we prove that the intertextuality of modern poetry manifests itself not only in the crossed dedication of the same locus poets, but in dedications of symbolic figures and movements from the outside (dedication to creativity of OBERIUts, allusions to the texts by I. Brodsky, Daniil Kharms, Marina Tsvetaeva, etc.).

Keywords: intertext, intertextual space, semantic space, allusion, reminiscence, quoting, local text

Одной из важных характеристик современной поэзии является вовлечение в авторский текст многочисленных интертекстуальных элементов. Современные поэтические тексты полифоничны: они включают в себя

множество культурных и литературных кодов и выстраиваются на литературных ассоциациях.

Зарубежные учёные (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.) рассматривают каждый

текст как интертекст, вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды предшествующих текстов (претекстов). Интертекстуальность, по Ю. Кристевой, предстаёт как теория безграничного, бесконечного текста, интертекстуального в каждом фрагменте. В узком смысле интертекстуальность определяется как особое качество лишь определённых текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к претекстам. Данное понимание интертекстуальности нашло отражение в работах И. П. Смирнова, Н. А. Кузьминой, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской.

Понимание интертекстуальности в узком значении при рассмотрении текстов современных челябинских поэтов позволяет продемонстрировать осознанное использование интертекста авторами в посвящениях, включение интертекстуальности в литературную стратегию авторов, в жизнетворческий текст, являющийся характерным для челябинской поэзии.

Наиболее ярко стратегия жизнестроительства, биографического мифа представлена в творчестве В. Кальпиди, представителя старшего поколения челябинской поэзии. Биографические мифы Кальпиди динамичны, как и всё его творчество. В. В. Абашев выделяет три последовательно сменяющих друг друга мифа, «как форм опознания себя в общечеловеческой истории духа: Гамлет, Одиссей и Орфей. Гамлет Кальпиди – это миф самопознания, миф ситуации и выбора героического жеста. Одиссей – миф испытаний, борьбы, это миф судьбы и познания мира. Орфей – миф поэта-героя, миф преображения» [1, с. 290].

Мифологизация образа автора является ключевой составляющей литературной стратегии Яниса Грантса, другого челябинского поэта, представляющего среднее поколение. Создавая набор масок, сюжетов, вписывающихся в миф об авторе, поэт использует такие приёмы, как исповедальность, псевдобиографизм, самоирония. Маргинальность лирического героя (пьянство, инаковость, безумие) актуализируются в творчестве автора и соотносятся с образами и мифологией жизни других авторов (В. Кальпиди, Б. Рыжий, Т. Трофимов).

Примером мифологизации биографии поэта служат поэтические тексты Н. Санниковой, в которых фигурируют имена и лирические герои-прототипы поэтов-современников. Например, в тексте «Катя и Лена, купите телевизор» екатеринбургские поэтессы Е. Си-

монова и Е. Баянгулова выступают в роли лирических героев. Случайный читатель, не знающий контекста уральской литературы, имён поэтов, до конца не расшифрует семиотический код поэтического текста Н. Санниковой. С другой стороны, доступность текста для широкого круга читателей обеспечивается типичным набором масок: «обычная женщина с мужем и детьми»; «психологически и культурно сложная женщина», «влюблённая женщина» и т. п.

Интертекстуальность региональной поэзии соотносится с общероссийским литературным процессом и не является уникальным явлением, но благодаря локализованной поэзии региона и плотному общению поэтов разных поколений друг с другом существенна и имеет основания складываться в традиции, устанавливая связь между поколениями. Интертекстуальность, выполняя функции междутекстовой коммуникации, способствует созданию уральского поэтического свертка – «целостного множества тематически сродственных текстов» [13, с. 89].

Современная поэзия Челябинска представляет собой явление, которое относительно недавно (сравнивая с поэзией Екатеринбург и Перми) актуализировалось на литературной арене региона. Развитие современной челябинской поэзии связывают с именем поэта, культуртрегера, идеолога уральской поэтической школы (далее в тексте – УПШ) – Виталия Кальпиди. Появление первого тома «Антологии современной уральской поэзии» под ред. В. О. Кальпиди в 1996 году стало толчком к развитию и интеграции челябинской поэзии в литературный процесс региона. За это время образовались три поколения (старшее, среднее и младшее), находящиеся друг с другом в тесном взаимодействии, обусловленном не только общностью пространства, но и общностью мировоззрения, мироощущения и идей, выражающихся в авторских текстах через заимствование отдельных тем, образов, приёмов.

В посвящениях происходит манифестация тех или иных отношений между поэтами, а также устанавливается связь между поколениями. Так, челябинский поэт Янис Грантс в одном из своих интервью говорит: «Посвящения мои Серёже Ивкину, Саше Маниченко, Лене Оболишты – реакция, часто на стихи, временами на личные взаимоотношения. Тут подойдёт слово “интертекстуальность”, когда мы хватаем друг у друга цитаты, пишем стихи, основываясь на текстах друг друга – это всё есть! Я готов подчёркивать и говорить о

том, что Урал, Челябинск и вообще “уральский треугольник” (Пермь, Екатеринбург, Челябинск), о котором говорит Виталий Кальпиди, это место, где я себя чувствую своим, и поэты, окружающие меня, близки мне по духу» [3, с. 10].

Посвящения в стихотворениях челябинских авторов выполняют несколько функций. Например, посвящение екатеринбургскому поэту Екатерине Симоновой в поэтическом тексте челябинского поэта Натальи Санниковой, в первую очередь, является манифестацией дружеский взаимоотношений, имеет форму дружеского послания:

Милая, как вам дышится? Тяжело?
Мне – тяжело. Не то, чтобы давит воздух,
Но, раскрывая руки, ловлю стекло.
Впрочем, об этом после (об этом – поздно)
[20, с. 45].

Поэтическая близость, близость идейная и мировоззренческая акцентируются ритмической схожестью со стихами Е. Симоновой. Современный литературовед, критик И. Кукулин в своём предисловии к книге Н. Санниковой «Все, кого ты любишь, попадают в беду: песни среднего возраста» также отмечает «ритмическую и грамматическую переключку» [20, с. 6] с чужими стихами, что является признаком интертекстуальности её поэзии.

Посвящение Натальи Санниковой Елене Сунцовой, выражается эпиграфом, в котором автор приводит отрывок из прецедентного текста:

Тот, кого любишь, далёк так,
словно луна облака огонь.
Елена Сунцова

моя рука из твоей руки
изъята, вывернута – возврата
к былому белые мотыльки
соринки света без аромата [20, с. 17].

Эпиграф является не только маркером посвящения, но и кодом, расширяющим смысловое поле поэтического текста Н. Санниковой за счёт аллюзии на стихи Е. Сунцовой. Поэтический текст Санниковой через эпиграф включается в процесс интерпретации. Эпиграф позволяет увидеть в новом тексте лексические и ритмико-интонационные цитаты. Цитация ритма и образов прецедентного текста помогают соотнести хаос повседневности в стихотворениях Н. Санниковой с трагическим восприятием действительности в текстах Елены Сунцовой. Диалогические переключки эпиграфа и текста представляют собой «сложный механизм рождения и выражения дифференцированной системы модальных смыслов, связанных с отношением автора к чужому слову» [6, с. 158], эпиграф

становится отражением диалога смысловых позиций. Близость поэтического мироощущения подчёркивается тем, что эпиграф отсылает нас к заглавию сборника стихов Санниковой (*Все, кого ты любишь, попадают в беду*). Автор ведёт диалог с близкой ей по духу Е. Сунцовой о смысле и бессмысленности повседневности, об упущенных возможностях, пытаясь осознать себя через другого. Эпиграф апеллирует к энергии читателя, его сотворчеству – знанию полного текста произведения, откуда взят эпиграф. Аллюзии и цитации в поэтических текстах Н. Санниковой делают читателя невольным слушателем, свидетелем или даже участником диалога.

Во вводной статье к «Энциклопедии уральской поэтической школы» Ю. С. Подлубнова приводит длинный список посвящений из трёх томов «Антологии уральской поэтической школы», из которого видно, что с каждым новым томом количество посвящений челябинских авторов друг другу растёт:

1 том:

Д. Бавильский – А. Парщикова; Р. Тягунов – А. Еременко, Е. Ройзману; А. Фомин – Ю. Казарину; И. Сахновский – памяти А. Башлачева.

2 том:

А. Вдовин – О. Дозморову; Е. Изварина – Б. Рыжему; Ю. Казарин – Е. Касимову; Б. Рыжий – Е. Тиновской, О. Дозморову; Е. Тиновская – О. Дозморову; Р. Тягунов – Д. Рябоконю; А. Застырец – «на смерть Р. Тягунова»; Н. Болдырев – «читая И. Бродского».

3 том:

А. Васецкий – Р. Тягунову; Я. Грантс – С. Ивкину, А. Маниченко, Е. Извариной; И. Домрачева – А. Пермякову; В. Дулепов – Ю. Казарину, А. Кердану; С. Ивкин – Е. Симоновой, Е. Извариной; Ю. Казарин – О. В. Д. (О. Дозморову); И. Каренина – А. Нитченко; К. Комаров – А. Котельникову; В. Корнева – Е. Вотиной; Р. Крымов – Д. Машарыгину; А. Кудряков – К. Комарову; А. Пермяков – И. Домрачевой; Н. Санникова – Е. Симоновой; Е. Сунцова – Е. Туренко; Е. Туренко – Е. Касимову, Н. Стародубцевой, А. Санникову, О. Мехоношиной; А. Черкасов – А. Петрушкину, А. Сен-Сенькову; Н. Болдырев – «на полях книги И. Бродского»; А. Застырец – на смерть Б. Ахмадулиной; Е. Изварина – памяти Б. Рыжего.

Такой всплеск поэтических текстов-посвящений в третьем томе демонстрирует диалогичность, причастность к определённой поэтической группе, а также «прочное вхождение мифа об УПШ, спроектированного В. О. Кальпиди, в сознание самих представителей уральской школы» [8, с. 15].

Интертекстуальность современной челябинской поэзии проявляется не только в перекрёстных посвящениях поэтов одного локуса, но и в посвящениях знаковым фигурам и течениям извне.

В текстах челябинского поэта старшего поколения И. Аргутиной интертекстуальность выражена реминисценцией на стихи И. Брод-

ского. Ирина Аргутина отображает пространство своей жизни, пространство Челябинска интертекстуально, сквозь призму поэзии «классика»:

Крепка провинция (без моря): её низины и вершины
атакой, приступом, измором не взять. Она несокрушима,
я верю. Допивая жидкость, напоминающую кофе,
я возвращаюсь пережитком

в конец прекраснейшей эпохи [15, с. 145].

Используя в своих текстах узнаваемые образы, ритмику, стиль И. Бродского, И. Аргутина демонстрирует, с одной стороны, приверженность его поэтической традиции, с другой стороны – кодирует своей текст аллюзией, тем самым расширяя его семантическое поле:

На окне у соседки цветёт старый кактус.
У меня – старый хлеб. Недоеденный хлеб...
В дверь стучатся волхвы. Где моя деликатность?
Не влущу бородатых в мой каменный хлев [15, с. 82].

В тексте «Шесть аннотаций из “Пермской синематеки”» Наталья Санникова, используя цитацию ритма, метра, лексики и образов, делает отсылку к стихотворению Марины Цветаевой «Прохожий»:

идёшь со своим айфоном,
больничный модерн сними,
мы там, за лесистым склоном,
мы тоже были людьми [20, с. 19].

В данном случае явная отсылка на текст М. Цветаевой облегчает процесс чтения и понимания произведения. Н. Санникова оставляет доминантные смыслы претекста, которые считываются благодаря интертекстуальности, и наслаивает на них проблематику современности.

Заглавием стихотворения «Римейк. “В деревне Бог живёт не по углам” (И. Бродский)» В. О. Кальпиди даёт отсылку к тексту Бродского. Интертекстуальность в данном случае играет не кодовую роль, а, наоборот, ключа к расшифровке более сложного элемента текста – метареалистических образов поэта:

В Еманжелинске, прячась по углам,
под мостовой, в водопроводном кране,
ангину **гладиолусами гланд**
щекочет бог внутри своей гортани [17, с. 43].

В. Кальпиди создаёт провинциальное минус-пространство, выворачивая наизнанку образы стихотворения И. Бродского. Приращение смысла происходит за счёт резонанса, возникающего у читателя в результате соотнесения двух текстов: прецедентного (И. Бродского) и нового (В. Кальпиди).

Метареалистическое преобразование реальности характерно не только для текстов В. О. Кальпиди. В «Энциклопедии. Уральская

поэтическая школа» маркёры, связанные с метаметафоризмом/метареализмом, находим в справках о Ю. Беликове, В. Дрожжащих, В. Лаврентьеве, Е. Касимове, Ю. Казарине, А. Санникове, Е. Туренко и других представителей старшего поколения.

Следование традициям абсурдизма, использование приёмов, тем, сюжетов и поэтики обэриутов является характерным для уральских авторов и обусловлено «андеграундностью старшего поколения» [11, с. 99] (В. Кальпиди, Ю. Казарин, А. Санников и т. д.). Поэты среднего и младшего поколений используют приёмы, модели выстраивания авторской литературной стратегии старшего поколения, тем самым демонстрируя характерную для интертекста преемственность. Для челябинского поэта Яниса Грантса характерны отсылки к творчеству ОБЭРИУтов, в основном к Д. Хармсу. Интертекстуальность проявляется на уровне мотивов, образов, поэтики, абсурдистских приёмов, в эпиграфах стихотворений. Это прямое доказательство внимательного прочтения Хармса, осознанного следования его традициям, знак принадлежности к андеграундной поэзии.

Преемственность поколений демонстрирует стихотворение Я. Грантса «Венеция», посвящённое А. Санникову. Литературовед Ю. С. Подлубнова в своей статье «поэтика трансформаций в современной поэзии Урала» отмечает, что в тексте появляется натуралистическая метаморфоза, для стихов Я. Грантса в целом не характерная:

ушла вода из венеции.
гондольеры не могут поверить.
днами каналов ходят.
переглядываются.
молчат.
карябают веслами щебенку.
смотрят на перепонки между пальцами.
вода ушла.
перепонки не торопятся уходить [16, с. 14].

Исследователи локальных текстов (Н. П. Анциферов, В. В. Абашев, Н. Е. Меднис, В. Н. Топоров, Н. В. Шмидт, Н. Башмакофф и др.) пользуются понятием *интертекстуальное пространство* для описания интертекстуальных связей и переключек в пространственных характеристиках в ряде литературных текстов. Под *интертекстуальным пространством* понимается «особое семантическое пространство, образующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами» [10, с. 23]. Литературоведы связывают изучение сквозных для русской литературы локусов «с поиском

идейных переключек, заимствований, аллюзий в магистральных образах и мотивах, относящихся к локальной топике» [12, с. 59].

Мотив бесцельного перемещения, активно используемый челябинским поэтом А. Самойловым («**Выхожу на заводе трансмиссий**, / а может, в Карловых Варах / странной встревожен мыслью, / что я **на заводе трансмиссий**, / **выхожу на заводе трансмиссий**, / тихонько дыша перегаром» [19]), переключается с тем же мотивом и той же тематикой стихотворений Яниса Грантса («трамвай восьмого маршрута / едет по **воображаемым** рельсам / рядом с настоящими / **воображаемая** дуга стонет/ **воображаемая** кондукторша чертыхается.../ всё как настоящее / только пункта отправления не существует...» [16, с. 24]). Монотонность и отсутствие развёртывания ситуации в текстах устанавливают связь авторов с поэтикой абсурда.

Примером интертекста является использование топонимов в заглавиях челябинских авторов. Так, в литературном проекте «**Маршрут 91**» А. Самойлова заглавием каждого стихотворения выступает топоним названия остановки: (**ЗЭМ, Трубопрокатный, Школа**). Подобный приём мы также встречаем в текстах Я. Грантса. Поэт использует топоним «**Бердяуш**» в заглавии стихотворения. Помимо этого часть стихотворений «Маршрута 91» имеют ту же стихотворную форму, что и «**Бердяуш**» – форму раёшного стиха:

Бердяуш

поедем-ка по ветке,
со мной поедем, детка.
мне нынче привалило:
я нынче – чикатило [16, с. 98].

Энергетиков

Если есть в кармане спички,
то зачем менять привычки?
Если есть в кармане нож,
значит, весело живёшь [19].

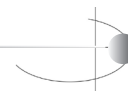
Известный стиховед Ю. Б. Орлицкий связывает частотное использование русского райка в уральской поэзии с расцветом русского рэпа, являющегося андеграундной частью культуры. В современной рэп-культуре получили известность челябинские группы (ОУ74, Триагрутрика и т. д.), которые, очевидно, воздействуют на культуру региона. Своим творчеством они оказывают влияние на культурный контекст Челябинска, на среду, на образ города, одновременно являясь продуктом этой среды. Это влияние опосредованно отражается и на поэтах, которые чутко воспринимают окружающую их обста-

новку. Подобные заимствования в среде челябинских поэтов, по словам Юрия Казарина, можно объяснить «маргинальным способом позиционирования, востребованном в УПШ» [4] и общностью семантического поля, тесным знакомством поэтов с творчеством друг друга, личным общением.

Диалогические отношения между новым текстом и претекстом имеют широкий спектр реализации – от преемственности, которая была описана выше, до конфронтации. Новый текст может задавать претексту «любую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему» [7, с. 31]. Например, поэзия Александра Петрушкина интертекстуально соотносится с поэзией Виталия Кальпиди через систему метареалистических образов и использование приёмов трансформации действительности. Разрушение первичной смысловой системы претекстов у Петрушкина осуществляется за счёт пародийности и намеренных смысловых, ритмических и образных сбоев. А. Сидякина комментирует это явление следующим образом: «Язык своих учителей (Санников, Кальпиди, Тягунов, Туренко), а также их интонационные открытия Петрушкин низводит иногда до уровня жаргона». Деструктивный подход данного автора в своём творчестве сравним с ницшеанским мотивом низвержения:

как ни смотри война воде война
из дыма руки тянутся до дна
на кухне авраам и иафет
застыли ищут старых сигарет
(в смысле тень) глядит на тень себя
снег минус 20 тёмная пора
картавая как речь моя похмелье
война войне почти что очищенье [18].

Интертекстуальное пространство создаётся не только автором, но и читателем, определяющим авторскую интенцию и воспринимающим текст в его диалогической соотносённости. Поскольку взаимодействие между текстами образует каждый раз уникальную систему, обладающую общей памятью, постольку адекватность восприятия порождаемых автором текстов зависит от «объёма общей памяти» [2, с. 243] между ним и его читателем. Общую память можно иначе назвать «межтекстовой компетентностью» [2, с. 245]. Межтекстовая компетентность челябинской поэзии основана на ранее прочитанных произведениях челябинских авторов, понимании творческой стратегии того или иного поэта, знании основных художественных приёмов,

используемых челябинскими поэтами, узнавании традиций, направлений, течений, которым следует тот или иной автор. Например, осознание читателем того, что Янис Грантс следует традициям абсурдизма, расширяет читательское восприятие поэзии автора и позволяет образовывать новые смыслы. С точки зрения читателя, интертекстуальность – это установка на более углублённое понимание текста или разрешение непонимания текста за счёт установления связей с другими текстами. В таком случае для читателя всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая «инотекстовое включение как органичный элемент данного текста» [14, с. 67], либо обратиться к тек-

стам-источникам, «осуществив своего рода “интеллектуальный анамнез”» [14, с. 67].

Диалогический характер взаимодействия челябинских авторов, выражающийся в цитации и использовании текстов друг друга в качестве прецедентных, расширяет семантическое поле челябинской поэзии и обеспечивает приращение смысла.

Интертекстуальность челябинской поэзии проявляется в эпиграфах, отсылках авторов друг к другу, цитации и вживлению в свои тексты образов, мотивов и целой поэтики других авторов. Интертекстуальные связи и переклички проявляются в пространственных образах, в авторских моделях изображения пространства в тексте.

Список литературы

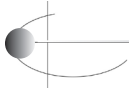
1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 320 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 502 с.
3. Грантс Я. И. Об уральской поэзии // Челябинская поэзия как явление регионального текста (Н. Ф. Болдырев, Я. Грантс): выпускная квалификационная НИР магистра филологии. Челябинск, 2014. 105 с.
4. Казарин Ю. 75 + 2 = 1: Об антологии В. О. Кальпиди («Современная уральская поэзия 2004–2011 гг.») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/9/k13.html> (дата обращения: 26.11.2015).
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к пост-структурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 268 с.
7. Муратова Е. Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (1). С. 29–33.
8. Подлубнова Ю. С. Поэтика трансформаций в современной поэзии Урала // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 117–128.
9. Подлубнова Ю. С. Эстетика и поэтика УПШ // Энцикл. Уральская поэтическая школа / под ред. В. О. Кальпиди. Екатеринбург: Десять тысяч слов, 2013. 607 с.
10. Ревякина Т. Л. Интертекстуальность поэтического слова в семантическом пространстве «Московских стихов» О. Э. Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2004. 155 с.
11. Сидякина А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск: Галерея, 2004. 313 с.
12. Смирнов И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. СПб.: Алетейя, 1995. 215 с.
13. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство СПб., 2003. 616 с.
14. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Источники

15. Аргутин И. М. Избранное. Стихотворения, поэмы, пьеса в стихах. Челябинск: Книга, 2009. 254 с.
16. Грантс Я. И. Бумень. Кажницы. Номага: стихи. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2012. 160 с.
17. Кальпиди В. О. Контрафакт: сб. стихотворений. Челябинск: Арга-Риск, 2010. 80 с.
18. Петрушкин А. А. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/pe10-pr.html> (дата обращения: 29.11.2015).
19. Самойлов А. Маршрут 91 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=zZxmPqW5Y0j8.klvxmB2J7dHQ> (дата обращения: 12.01.16).
20. Санникова Н. Все, кого ты любишь, попадают в беду: песни среднего возраста. М.: Воймега, 2015. 80 с.

References

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2000. 320 s.
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let. M.: Khud. lit., 1975. 502 s.
3. Grants Ya. I. Ob ural'skoi poezii // Chelyabinskaya poeziya kak yavlenie regional'nogo teksta (N. F. Boldyrev, Ya. Grants): vypusknaya kvalifikatsionnaya NIR magistra filologii. Chelyabinsk, 2014. 105 s.

4. Kazarin Yu. 75 + 2 = 1: Ob antologii V. O. Kal'pidi («Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004–2011 gg.») [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/ural/2012/9/k13.html> (data obrashcheniya: 26.11.2015).
5. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman // Frantsuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. M.: Progress, 2000. S. 427–457.
6. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 1999. 268 s.
7. Muratova E. Yu. Intertekstual'nost' kak faktor smysloporozhdeniya v poeticheskom tekste // Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2012. № 2 (1). S. 29–33.
8. Podlubnova Yu. S. Poetika transformatsii v sovremennoi poezii Urala // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2015. № 3 (142). S. 117–128.
9. Podlubnova Yu. S. Estetika i poetika UPSH // Entsikl. Ural'skaya poeticheskaya shkola / pod red. V. O. Kal'pidi. Ekaterinburg: Desyat' tysyach slov, 2013. 607 s.
10. Revyakina T. L. Intertekstual'nost' poeticheskogo slova v semanticheskom prostranstve «Moskovskikh stikhov» O. E. Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2004. 155 s.
11. Sidiyagina A. A. Marginaly. Ural'skii andegraund: zhivye litsa pogibshei literatury. Chelyabinsk: Galereya, 2004. 313 s.
12. Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka. SPb.: Aleteiya, 1995. 215 s.
13. Toporov V. N. Peterburgskii tekst russkoi literatury: izbr. tr. SPb.: Iskusstvo SPb., 2003. 616 s.
14. Fateeva N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: Agar, 2000. 280 s.

Istochniki

15. Argutina I. M. Izbrannoe. Stikhotvoreniya, poemy, p'esa v stikhakh. Chelyabinsk: Kniga, 2009. 254 s.
16. Grants Ya. I. Bumen'. Kazhnitsy. Nomaga: stikhi. Chelyabinsk: Izd-vo Mariny Volkovoi, 2012. 160 s.
17. Kal'pidi V. O. Kontrafakt: sb. stikhotvoreniy. Chelyabinsk: Argo-Risk, 2010. 80 s.
18. Petrushkin A. A. Stikhi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/pe10-pr.html> (data obrashcheniya: 29.11.2015).
19. Samoilov A. Marshrut 91 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=zZxmPqW5Y0j8.klvxmB2J7dHQ> (data obrashcheniya: 12.01.16).
20. Sannikova N. Vse, kogo ty lyubish', popadayut v bedu: pesni srednego vozrasta. M.: Voimega, 2015. 80 s.

Библиографическое описание статьи

Смышляев Е. А. Интертекстуальность современной челябинской поэзии // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 18–24. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-18-24.

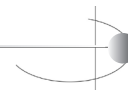
Reference to article

Smyshlyayev E. A. Intertextuality of Chelyabinsk Modern Poetry // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 18–24. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-18-24.

Статья поступила в редакцию 22.02.2016

УДК 821.161.1-3
ББК Ш5(2)5-4
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-25-30

Екатерина Викторовна Федорова,
аспирант,
Южно-Уральский государственный университет
(454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 87),
e-mail: katerina-fe@yandex.ru

Визуальная поэтика романа «Петербург» А. Белого

В статье предложен анализ особенностей визуальной организации романа А. Белого «Петербург» – второго крупного прозаического произведения писателя. Предметом исследовательского внимания становится взаимосвязь микро- и макроуровней текста: внешнего визуального облика, ритмической организации текста и идейного замысла произведений. В статье проанализированы такие визуальные особенности, как организация пространства страницы, специфическая расстановка знаков препинания, использование графического эквивалента текста, совокупность которых создаёт визуальную иерархию частей текста. Особое внимание уделено появлению принципиально нового приёма – отступа от основного корпуса текста вправо с использованием двойного тире – с помощью которого маркируются фрагменты, действие которых происходит в разных «мирах», и акцентируются пограничные состояния героев. Таким образом, в визуальной организации романа находит отражение главная идея философии А. Белого – двойственность и многомерность всего сущего, двухбътийность мира. Другими словами, через внешний визуальный план повествования акцентируются идейные замыслы и сюжетно важные линии произведения. Автор также указывает на взаимодействие ритмико-интонационного и визуально-графического уровней текста. Представленные элементы визуальной организации романа влияют на особенности интонирования и формируют фоновый визуальный облик страницы текста, выполняя ритмообразующую функцию. Визуально-ритмические особенности структурируют все основные концептуальные уровни и определяют поэтику романа «Петербург».

Ключевые слова: визуальный облик текста, пространство страницы, графический эквивалент текста, ритм прозы, шрифтовая акцидентия

Ekaterina V. Fedorova,
Postgraduate Student,
South Ural State University
(87 Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia),
e-mail: katerina-fe@yandex.ru

Visual Poetics of the Novel *Petersburg* by A. Bely

The analysis of features of the visual organization of the novel *Petersburg* by A. Bely, the second large prosaic work of the writer, is offered in the article. The interrelation between micro- and macro levels of the text becomes a subject of the research: external visual shape, rhythmic organization of the text and ideological plan of works. Such visual features as organization of the page space, specific arrangement of punctuation marks, use of a graphic equivalent of the text creating visual hierarchy of the text parts are analyzed in the article. Special attention is paid to the emergence of an essentially new reception, a space from the main case of the text with the use of a double dash to the right, which marks concrete fragments when action happens in different “worlds”, the heroes’ borderline states are accented. Thus, the main idea of A. Bely’s philosophy finds reflection in visual organization of the novel – duality and multidimensionality of all real. Narration ideological plans and narrative important lines of the work are accented through the external visual plan. The author also points to interaction between rhythmic-intonation and visual and graphic levels of the text. The presented elements of the novel visual organization influence intoning features and form background visual shape of the text page, carrying out rhythm-forming function. Visual and rhythmic features structure all main conceptual levels and define poetics of the novel *Petersburg*.

Keywords: visual shape of the text, page space, graphic equivalent of the text, prose rhythm, font accident

Роман «Петербург» стал вторым крупным прозаическим произведением А. Белого. Текст с рабочим заглавием «Путники» пер-

воначально задумывался как продолжение «Серебряного голубя» и ключевое звено трилогии «Восток или Запад», в рамках которой

писатель переосмысливает судьбу и мировое значение России. Однако третья часть так и не вышла в свет, и романы «Серебряный голубь» и «Петербург» приобрели самостоятельное значение: в первом описана гибельная стихия Востока, во втором – уничтожающая сила Запада.

Начало книги было написано за несколько недель в 1912–1913 годах после «наития», испытанного автором при восхождении на пирамиду Хеопса: «...сравните краски романа “Серебряный голубь” с тотчас же начатым “Петербургом”, и вас поразят мрачно-серые, черноватые, или вовсе бесцветные линии “Петербурга”; ощущение Сфинкса и пирамид сопровождает мой роман “Петербург”» [8, с. 397]. По мнению исследователя В. Н. Торопова, «призрак конца постоянно присутствует в романе, ибо Петербург – над бездной, и переход от реального, бытового, ежедневного к единственному, грозному, сверхреальному и окончательному легко может совершиться, когда угодно» [5, с. 267]. В 1919–1928 годах автор продолжил работу над редакцией романа, в итоге сократив первоначальный текст примерно на треть. А. Белый постоянно стремился усовершенствовать свои тексты и вносил всё новые и новые изменения. Из прижизненных изданий самыми известными стали публикации 1913 и 1922 годов.

«Петербург» стал творческим прорывом А. Белого как прозаика. Новаторская поэтика романа вызвала бурную реакцию среди читателей и издателей. Так, Николай Бердяев в «Размышлениях по поводу романа А. Белого “Петербург”» справедливо заметил, что «со временем будет признана его гениальность, большая, не способная к созданию совершенных творений, но поражающая своим новым чувством жизни и своей не бывшей ещё музыкальной формой» [1, с. 38].

В романе произошёл переворот стилистической системы А. Белого. Писатель обратился к созданию новой формы, которая значительно отличалась от стихоподобных «симфоний» и сказовой манеры «Серебряного голубя». К. Мочульский писал о романе «Петербург» следующее: «Это небывалая ещё в литературе запись бреда; утончёнными и усложнёнными словесными приёмами строится особый мир – невероятный, фантастический, чудовищный: мир кошмара и ужаса. <...> Чтобы понять законы этого мира, читателю прежде всего нужно оставить за его порогом свои логические навыки: здесь упряднён здравый смысл» [3, с. 169].

Для Андрея Белого Петербург – не просто город, а эпицентр духовной борьбы, через который раскрывается предназначение всего мира. Столица огромной империи, могущественная и таинственная одновременно, Петербург в романе, как отмечает Л. К. Долгополов, «явление и “феноменального” и “нуминального” (в кантовском смысле) миров» [2, с. 207]. Все явления, персонажи, события «Петербурга» относятся к двум мирам: эмпирическому (бытовому) и бытийному (космогоническому). Город представлен как пограничное пространство, в котором два разных мира постоянно пересекаются и переходят друг в друга. Двойственность проникла в каждого персонажа, заставляя их постоянно сталкиваться с внутренними и внешними противоречиями.

Противоборство мёртвого порядка и «красного хаоса», Арийского Запада и Монгольского Востока отражено в разработке двух сюжетных линий романа, формирующихся вокруг Николая Аблеухова, призванного совершить убийство своего отца-сенатора Аполлона Аблеухова (носителя западного начала), и Александра Дудкина (символизирующего восточное начало), члена террористической партии, раскрывающего заговор провокатора Липпанченко, и символической топографии романа – противопоставлении Острова и Невского проспекта. Деление на две части (два мира) показано А. Белым как всеобщий распад, который затрагивает не только географию города и историю России, но и внутренний мир человека, а вместе с ним – всё на свете.

Как известно, одним из ярких качеств прозы А. Белого является необычное визуальное оформление текста. О значении визуального уровня текста для А. Белого напрямую свидетельствуют, например, комментарии, сделанные автором для корректора романа «Маски» [9, с. 155–158], где он эмоционально говорит о том, что если наборщики не сохранят визуальные особенности текста, то он отречется от авторства. Помимо сюжетного и композиционного уровней, главная идея философии А. Белого – двойственности и многомерности всего сущего, двухбытийности мира – находит отражение и в визуальной организации романа. В «Петербурге» автор начинает использовать новый приём – отступ от основного корпуса текста вправо с использованием двойного тире – с помощью которого маркируются фрагменты, действие которых относится к пограничным состояниям героев. Данный способ организации пространства страницы

стал целым событием, которое изменило визуальный облик страницы прозаического текста, наполнив его визуальными пустотами.

Главные герои «Петербурга» сложны и многоплановы, каждый из них, переживая критический момент и духовное потрясение, становится точкой пересечения противоборствующих сил. В рамках жизненной философии А. Белый считал, что, только переродившись духовно, усовершенствовав себя, отказавшись от своего прежнего «Я» и слившись с окружающим миром, человек может приготовить себя к будущему. Центральные персонажи романа как будто предвидят грядущие потрясения и соотносят с ними собственную судьбу.

Три основных персонажа «Петербурга» – сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов, его сын Николай Аполлонович и террорист-provokator Александр Дудкин – переживают моменты, в которых подсознание играет главенствующую роль: это сновидения Аполлона Аполлоновича (главка «Второе пространство сенатора» во второй главе), состояния бреда Николая Аполлоновича (главки «Пепп Пеппович Пепп» и «Страшный Суд» в пятой главе) и галлюцинации Александра Дудкина (главки «Мёртвый луч падал в окошко», «Петербург», «Чердак» в шестой главе и главка «Перспектива» в седьмой главе).

Подсознательная составляющая жизни (сны, галлюцинации, видения) для А. Белого и есть проявление подлинного, истинной сущности, как героев, так и всей ситуации, в которой те оказались. В письмах к Иванову-Разумнику А. Белый писал: «Мой “Петербург” есть в сущности зафиксированная мгновенно жизнь подсознательная людей, сознанием оторванных от своей стихийности; кто сознательно не вживется в мир стихийности, того сознание разорвётся в стихийном, почему-либо выступившем из берегов сознательности; подлинное местодействие романа – душа некоего не данного в романе лица, переутомлённого мозговою работой; а действующие лица – мысленные формы, так сказать, недоплывшие до порога сознания. А быт, “Петербург”, провокация с проходящей где-то на фоне романа революцией – только условное одеяние этих мысленных форм. Можно было бы роман назвать “Мозговая игра”» [10, с. 738].

Организация текстового материала на пространстве страницы для А. Белого является одним из основных средств передачи вербально не выраженной информации. Расположение текста для него имеет символиче-

ское значение и способно дополнять содержание, образную и эмоциональную стороны произведения. Использование дополнительных отступов вправо в тексте позволило зрительно выделить переходы повествования между «мирами», акцентировать пограничные состояния героев:

«Вдруг... –

– лицо его сморщилось и передёрнулось тиком; судорожно закатились глаза, обведённые синевой...»¹.

Исследователь Х. Шталь-Швэтцер называет подобные отступы вправо «интонационным углом», в котором «кроме подчёркивания семантических контрастов и соответствий <...> ступени вступают в темповый контраст друг другу, находясь при этом в соответствии со своим смыслом» [6, с. 183].

Новый способ организации текста на пространстве страницы открыл А. Белому возможность художественно замедлять или ускорять ритм повествования. Так, эпизод, в котором Аполлон Аполлонович выронил карандаш, в основном сюжете (соответственно – основном пласте классически расположенного текста) длится всего лишь мгновение, но вынесение со сдвигом вправо целого абзаца, подробно описывающего каждое движение персонажа, позволяет художественно приостановить время, увидеть происходящее в замедленной съёмке.

Отступами также маркируется появление персонажей из «другого», мифического мира. Так, описание персонажа в костюме белого домино, под которым подразумевается образ Христа, пришедшего на землю, визуально выделяется на пространстве страницы сдвигом текста вправо. При этом фрагмент дополнительно отделяется с помощью графического эквивалента текста – целого ряда отточий – что ещё больше разреживает наполненность страницы и подчёркивает дополнительную интонационную паузу в повествовании:

«.....»

Уже гости разъехались почти все: и Лихутина одиноко слонялась по залам; в пустой анфиладе увидела: белое домино, которое как-то сразу возникло, и – кто-то печальный и длинный, кого будто видела множество раз, весь обёрнутый в белый атлас, ей навстречу пошёл по пустеющим залам...»².

Основной текстовый материал со стандартной для текста шириной полей выступает, таким образом, в качестве графического фона. Отклонение от этого стандарта маркирует соответствующую часть текста, т. е. зрительно выделяет её из общего тек-

¹ Белый А. Петербург. – Берлин: Эпоха, 1922. – С. 35.

² Там же. – С. 229–230.

ста, сигнализируя о её особом смысловом значении. Пустое пространство соотносится с окружающим текстом, и при таком подходе пустота выступает как дополнительный вспомогательный знак. Возникает контраст между визуально выделенными и невыделенными элементами текста, что позволяет моделировать более сложные структуры взаимоотношений между фрагментами.

Анализируя функции приёмов визуализации в прозе А. Белого, Т. Ф. Семьян замечает, что писатель «переводит содержание во внешний, визуальный план, через который читателю легче выйти на понимание концептуальной идеи Белого – идеи двухбытийности мира» [4, с. 172].

С идеей двоемирия связан и мотив борьбы, который структурирует основные уровни романа: композиционный, сюжетный, образный, ритмический и визуальный. А. Белый делает акцент на новых параметрах восприятия прозы, намереваясь осуществить прорыв к невербальному повествованию, проявившемуся в необычной ритмической и визуальной организации текста. «Петербург» представляет собой пример ритмической прозы. Ритм повествования нестабильный, и отдельные интонации постоянно сменяют друг друга. В этом интонационном разнообразии навязчиво повторяются визуально акцентированные фразы, превращающиеся в звуковые лейтмотивы, влияющие на восприятие происходящего и дополнительно связывающие части произведения друг с другом.

По мнению Я. А. Шуловой, повествование в романе представляется как последовательность катастроф и потерь, через которые проходят герои романа: «Действие в “Петербурге” развивается не последовательно, а скачками-катастрофами, которые подготавливают центральную катастрофу – взрыв бомбы в особняке Аблеуховых...» [7, с. 107]. Взрыв и бездна, «появившиеся» в «Петербурге», впоследствии станут центральными образами и мотивами произведений более позднего периода творчества А. Белого.

С отказом от планомерного повествования и «поэтикой взрывов» в романе «Петербург» связана также продуктивная синтаксическая модель построения предложений с использованием таких знаков препинания, как многоточие и тире:

«Так... –

Представьте: в поясе тело ваше перевяжут канатом, завертят канат с неопишущей быстротой»¹.

¹ Белый А. Петербург. – Берлин: Эпоха, 1922. – С. 228.

Подобное оформление акцентирует паузу при переходе от одной мысли к другой. Разделение фразы на разные строки маркирует смену ритма повествования, образуя дополнительные связи элементов текста.

Известно, что А. Белый придавал индивидуальное смысловое значение звукам и их сочетаниям. В «Петербурге» связи между словами имеют не столько семантический и логический характер, сколько скрытый и музыкальный. Многие эпизоды романа ритмически и интонационно построены так, чтобы создать определённую атмосферу повествования, акцентируя эмоциональный окрас происходящего. Так, провокатор Липпанченко ассоциируется в романе со звуком [ы]. Он выглядит «бесформенной глыбой; и дым от его папиросы осклизло обмыливал атмосферу»².

Ещё одним тревожным лейтмотивом выступает звук «у», слышимый как предвестник надвигающейся катастрофы в разных главах романа. Специфичные визуальные особенности оформления текста помогают органично вписать в повествование «звуковую картину», а маркирование повторяющихся звуков с помощью использования графического эквивалента текста или дополнительных отступов, в свою очередь, подчёркивает их таинственный мистический характер:

«– «Уууу – ууу – ууу...» – так звучало в пространстве.

– Вы слышите?

– Что такое:

.....

– «Ууу – ууу»

.....»³.

Звуковые лейтмотивы сопровождают сцены, связанные с судьбами главных персонажей романа и наполненные эмоционально-драматическим напряжением. Визуально-графические элементы, маркирующие повторы в звуковом рисунке текста, создают ощущение пульсирующего повествования, через которое символически «прорываются» будущие события.

Ярким визуальным приёмом романа «Петербург» становится использование шрифтовой акциденции. Графическое выделение на фоне основного «стандарта» маркирует соответствующий фрагмент текста, сигнализируя о его особом смысловом значении:

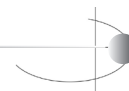
«...хорошо ещё, что пока не пришло ему в голову: в отсутствие его в комнате побывали...»⁴.

В данных примерах на первый план выходят не только графические характеристики

² Там же. – С. 57.

³ Там же. – С. 151.

⁴ Там же. – С. 246.

начертания слов, но связь внешнего облика печатного текста с его содержанием. Как правило, разрядкой выделяются идейно-значимые элементы, которые требуют логического ударения. Использование данных приёмов выполняет, в первую очередь, сигнальную функцию – шрифтовая акциденция привлекает внимание читателя, выделяет фрагмент текста из общего, графически нейтрального фона, подчёркивает его смысловую и эмоциональную значимость. Таким образом, происходит образное раскрытие текста, визуально выделяются ключевые слова, отражающие основную идею произведения. Также приём разрядки выполняет интонационно-партиктурную функцию.

Таким образом, переворот, который произошёл в стилистической системе автора, позволил выйти его творчеству на новый художественный уровень. В «Петербург» вы-

работались новые приёмы поэтики и система мотивов, которые найдут своё развитие в последующих произведениях. Концептуально важно появление нового приёма – отступа от основного корпуса текста вправо с использованием двойного тире, который наполнил пространство страницы визуальными пустотами, что впоследствии привело писателя к экспериментам с фигурной прозой.

В романе «Петербург» при помощи дополнительных отступов, пробелов, сдвигов текста вправо, использования графического эквивалента текста и шрифтовой акциденции создаётся визуальная иерархия фрагментов, которая помогает ориентироваться в тексте. Через внешний визуальный план акцентируются скрытые смыслы и важные линии произведения, при этом автор избегает прямого описания и излишней многословности, что, несомненно, важно для ритмической прозы.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Астральный роман (размышления по поводу романа Андрея Белого «Петербург» // О русских классиках. М.: Высш. шк., 1993. С. 37–98.
2. Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Сов. писатель, 1988. 416 с.
3. Мочульский К. В. Андрей Белый. Париж, 1955. 293 с.
4. Семьян Т. Ф. Приёмы визуализации в прозе А. Белого (роман «Петербург» и повесть «Котик Летаев») // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: в 2 т. Т. 1. М.: МГПИ, 2004. Вып. 3. С. 169–174.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 259–367.
6. Шталь-Швэтцер Х. Композиция ритма и мелодии в прозе Андрея Белого // Москва и «Москва» А. Белого: сб. ст. / отв. ред. М. Л. Гаспаров; сост. М. Л. Сливак, Т. В. Цивьян. М.: РГГУ, 1999. С. 161–199.
7. Шулова Я. А. Новаторство Андрея Белого («Петербург») // Традиции и новаторство русской литературы XIX века: межвуз. сб. тр. Горький: ГГПИ, 1983. С. 105–111.

Источники

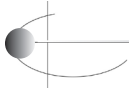
8. Белый А. Между двух революций. М.: Худ. лит., 1990. 439 с.
9. Белый А. Письма к А. М. Миссарян (публ. и вступ. заметка Нвард Терян) // Рус. лит. 1973. № 1. С. 155–158.
10. Белый А. Письма к Иванову-Разумнику, 1913 // Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику / предисл. и публ. А. В. Лаврова и Д. Е. Максимова; примеч. А. В. Лаврова // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 707–749.

References

1. Berdyayev N. A. Astral'nyi roman (razmyshleniya po povodu romana Andreyaya Belogo «Peterburg» // O russkikh klassikakh. M.: Vyssh. shk., 1993. S. 37–98.
2. Dolgoplov L. K. Andrei Belyi i ego roman «Peterburg». L.: Sov. pisatel', 1988. 416 s.
3. Mochul'skii K. V. Andrei Belyi. Parizh, 1955. 293 s.
4. Sem'yan T. F. Priemy vizualizatsii v proze A. Belogo (roman «Peterburg» i povest' «Kotik Letaev») // Filologicheskie traditsii v sovremennom literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii: v 2 t. T. 1. M.: MGPI, 2004. Vyp. 3. S. 169–174.
5. Toporov V. N. Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (vvedenie v temu) // Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. M., 1995. S. 259–367.
6. Shtal'-Shvets'er Kh. Kompozitsiya ritma i melodii v proze Andreyaya Belogo // Moskva i «Moskva» A. Belogo: sb. st. / отв. ред. М. Л. Gasparov; sost. М. Л. Spivak, Т. В. Tsiv'yan. М.: RGGU, 1999. S. 161–199.
7. Shulova Ya. A. Novatorstvo Andreyaya Belogo («Peterburg») // Traditsii i novatorstvo russkoi literatury XIX veka: mezhvuz. sb. tr. Gor'kii: GGPI, 1983. S. 105–111.

Istochniki

8. Belyi A. Mezhdvu dvukh revolyutsii. M.: Khud. lit., 1990. 439 s.
9. Belyi A. Pis'ma k A. M. Miskaryan (publ. i vstup. zametka Nvard Teryan) // Rus. lit. 1973. № 1. S. 155–158.

10. Belyi A. Pis'ma k Ivanovu-Razumniku, 1913 // Iz pisem Andrey'a Belogo k Ivanovu-Razumniku / predisl. i publ. A. V. Lavrova i D. E. Maksimova; primech. A. V. Lavrova // Andrei Belyi: Problemy tvorчества. Stat'i. Vospominaniya. Publikatsii. M.: Sov. pisatel', 1988. S. 707–749.

Библиографическое описание статьи

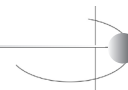
Федорова Е. В. Визуальная поэтика романа «Петербург» А. Белого // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 25–30. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-25-30.

Reference to article

Fedorova E. V. Visual Poetics of the Novel Petersburg by A. Bely // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 25–30. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-25-30.

Статья поступила в редакцию 19.02.2016

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.2-3 + Ш103
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39

Елена Мухамедовна Хакимова,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(454078, Россия, г. Челябинск, ул. Дзержинского, 104),
e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Текстовая норма как ортологический тип

В статье представлены результаты изучения текстовой нормы, под которой понимается ортологический тип, регламентирующий употребление языковых средств с целью обеспечения связности, цельности, структурированности речевого произведения. Значимость текстовой нормы обусловлена тем, что её требования предъявляются к произведениям, имеющим различную функционально-стилистическую направленность – публицистическую, официально-деловую, научную и т. д. Необходимость овладения текстовым ортотипом учитывается отечественной лингводидактикой при решении проблемы формирования навыков нормативной связной речи. Автор доказывает тезис о том, что текстовая норма выполняет следующие функции: 1) устанавливает обязательное соответствие содержания текста его заголовку, эксплицируя таким образом глубинную структуру высказывания; 2) регламентирует соединение текстовых элементов на базе грамматического и лексико-семантического принципов; 3) обеспечивает корректное выделение промежуточных единиц в результате контекстно-вариативного и объёмно-прагматического членения текста, определяя комбинаторику субтекстов. Предметом осмысления в статье являются также смежные лингводонтические феномены, например, рекомендации по использованию ассоциативного присоединения в медиадискурсе и художественном творчестве. Нормы данного типа имеют экстралингвистическую природу, выступая в качестве детерминант бытия эстетически организованных объектов.

Ключевые слова: культура речи, ортология, языковая норма, текст, текстовая норма

Elena M. Khakimova,
Doctor of Philology, Associate Professor,
South Ural State University
(National Research University)
(104 Dzerzhinskogo st., Chelyabinsk, 454078, Russia),
e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Textual Norm as an Orthological Type

The aim of this article is to present the results of the textual norm study. Textual norms of an orthological type regulate the usage of language means in order to provide coherence, integrity and structure of speech product. Textual norms are realized in different functional styles – journalistic, official, scientific, etc. Russian tradition of didactics uses the concept of textual norms to develop skills of accurate coherent speech. We suggest that the textual norms perform the following functions: 1) establish the obligatory correspondence between the title of the text and its contents, expressing the inner structure of the utterance; 2) regulate the connection of textual elements on the basis of grammatical and lexical-semantic principles; 3) provide accurate contextual and pragmatic division of texts and regulate combinatorics of subtexts. Special attention is paid to some related phenomena, e. g. the recommendations for using associative connection in media discourse and fiction. Such norms are extra linguistic and determine the existence of aesthetic speech.

Keywords: speech culture, orthology, language norm, text, textual norm

В современных работах по вопросам культуры русской речи одну из ключевых позиций занимает проблема типологии языковых норм. Значимо, что выявленным ортологическим типам в рамках отечественной

ортологической традиции уделяется неадекватное внимание. Наиболее изученными на сегодняшний день являются морфологические, синтаксические и орфоэпические нормы, а также правила русской орфографии и

пунктуации. Лексические, фразеологические, словообразовательные, акцентные, интонационные нормы в ряде случаев становятся предметом исследования, но к числу общепризнанных ортологических типов не относятся. То же самое можно сказать о текстовых нормах, которые в качестве таксона ортологической классификации стали выделяться относительно недавно. В частности, в сосюрровской парадигме максимальной языковой единицей признавалось предложение, тогда как текст соотносился не с языком, а с речью.

Модификация данного положения представлена в работах И. Р. Гальперина, предложившего рассматривать текст в качестве уровня речи, признавая при этом системность последней. Для ортологии имеет важное значение тот факт, что И. Р. Гальперин делил тексты на правильные и неправильные, называя правильными такие образования, в которых соблюдаются следующие условия: «соответствие содержания текста его названию (заголовку), литературная обработанность, характерная для данного функционального стиля, наличие сверхфразовых единиц, объединённых разными, в основном логическими типами связи, наличие целенаправленности и прагматической установки» [3, с. 24–25]. Проанализировав приведённое определение, нетрудно заметить, что в нём: 1) понятие правильности текста не опирается на понятие текстовой нормы; 2) структурные критерии правильности текста недостаточно чётко отграничиваются от прагматических, потому что текст не выводится за пределы речи, которая, как известно, непосредственно связана с прагматикой. Таким образом, решение И. Р. Гальперина относительно соотношения понятий «язык», «речь», «текст» имеет компромиссный характер.

Пересмотру классической доктрины, в рамках которой язык противопоставляется речи, то есть тексту в широком смысле слова, посвящены работы членов Пражского лингвистического кружка [10], Л. Н. Мурзина [14], Г. А. Золотовой [8]. Указанные исследователи полагали, что жёсткость структуралистской оппозиции «язык – речь» непродуктивна, поскольку языковая система выстраивается по результатам анализа конкретных текстов, а текст является конкретной реализацией языковой системы. Такое решение имеет принципиальное значение для ортологии, позволяя теоретически обосновать то, что интуитивно ощущается всеми носителями языка: кроме норм произношения, словоупотребления, грамматики и т. п., существуют языковые

«правила плетения словес», или текстовые нормы.

В лингвистической литературе представлены различные подходы к определению данной многоаспектной ортологической категории. Так, в статье Б. С. Швацкопфа указывается, что текстовые нормы – «закономерности реализации семантико-информационной структуры и правил развёртывания типа текста как особого лингвосемиотического феномена» [22, с. 271–272]. Выявленный и отражённый в данном определении феномен действительно имеет самое непосредственное отношение к нормативистике. Однако нам представляется спорной его квалификация: так как описываемые Б. С. Шварцкопфом нормы соотносятся с типами текста, которые в некоторых лингвистических работах [21] рассматриваются как речевые жанры, возможно, имеет смысл называть их жанровыми. Текстовые же нормы, по нашему мнению, связаны не с конкретными жанрами, их реализация осуществляется в ином, более обширном языковом и речевом пространстве.

Вместе с тем для нас неприемлема и та предельно широкая трактовка текстовой нормы, которая предложена Е. Е. Шпаковской [23]. Она считает, что текстовые нормы – это правила структурирования совокупности языковых средств и неязыковых элементов, определяющие соответствие текста речевой ситуации и призванные обеспечить максимальный эффект общения. Приведённая дефиниция свидетельствует о том, что в содержании понятия Е. Е. Шпаковской выделяются два элемента – собственно языковой и коммуникативный. Такое решение обусловлено общесемиотической интерпретацией текста как совокупности вербальных и невербальных знаков, обеспечивающих различные формы коммуникации.

Нам представляется, что рамки структурно-функционального подхода к языковой норме вообще и текстовой норме в частности обязывают исследователя придерживаться более традиционного определения, согласно которому текст – последовательность словесных знаков, характеризующаяся связностью, цельностью, структурированностью [11, с. 507]. Мы полагаем, что текстовыми можно признать нормы, которые регламентируют употребление языковых средств, поддерживающих существование указанных конститутивных характеристик. Учитывая это, попытаемся определить функции рассматриваемого ортологического типа.

1. Текстовая норма требует обязательного соответствия содержания текста его заголовку. Данная функция детерминирована законом порождающей семантики, в соответствии с которым отношения между названием текста и его основным корпусом определяются глубинной структурой произведения. В. Н. Мещеряков [15] отмечает, что специфика указанной взаимосвязи получает отражение в классификации названий, обуславливая их дифференциацию на заголовки-темы («Евгений Онегин»), заголовки-ремы («Живи и помни»), заголовки-ассоциации («Грамматика любви») с последующим выделением внутри каждого типа множества семантических разновидностей.

Предписание соответствия заголовка содержанию текста следует признать универсальным; оно значимо для всех текстов независимо от сферы их существования. Спорным нам представляется утверждение И. Р. Гальперина о том, что заголовок должен предпосылаться каждому письменному тексту в обязательном порядке. Речь, по сути, здесь идёт о том, что сам факт существования заголовка является нормативно обусловленным. Однако, поскольку наименование выполняет ограничительную функцию, отказ от него может стать правомерным, если авторская интенция состоит в том, чтобы, как пишет Ю. М. Лотман [12], стереть грань, разделяющую текст и не-текст. Истинность данного тезиса подтверждается многими классическими образцами русской лирики:

Душный сумрак кроет ложе,
Напряжёнno дышит грудь,
Может, мне всего дороже
Тонкий крест и тайный путь [27, с. 73].

2. Текстовая норма регламентирует соединение текстовых элементов. Исследования в этой области имеют глубокую языковедческую традицию, восходящую ещё к античной риторике. В ходе изучения категории связности выяснилось, что последняя может строиться на базе разных принципов: а) грамматического, б) лексико-семантического, в) ассоциативного.

Грамматический принцип предполагает использование в качестве средства связи союзов, местоимений, наречий, видо-временных и модальных форм глаголов, выражающих, прежде всего, временные и каузальные отношения. Указанные языковые средства выполняют связочную функцию и в пределах предложения. Их выявлению и изучению уделяла серьёзное внимание русская синтаксическая школа, успешно использовавшая ре-

зультаты и методы внутрифразового синтаксиса в области лингвистики текста.

Лексико-семантический принцип проявляется в том, что функцию скреп, объединяющих ряд предложений в целое, выполняют знаменательные слова. Лексико-семантическая связность соотносится с явлением рекуррентности – отсылки к тексту «слева» с целью установления идентичности денотата. Способ выражения рекуррентности может быть имплицитным или эксплицитным. Под имплицитной рекуррентностью понимается употребление нулевого знака, то есть контекстуальная неполнота. Средствами эксплицитной рекуррентности являются лексические повторы, синонимы, слова одной тематической группы, достаточно подробно описанные в ряде лингвистических работ [16; 19].

Для ортологии значимо, что в нормативном тексте повторяемость касается, прежде всего, семантики и не всегда проявляется как дублирование лексем: «*Талантливой молодёжью*» на этот раз оказался актёр Нового художественного театра Павел Мохнаткин. Что называется, с корабля на бал – артист прибежал на сцену за наградой, едва успев переодеться. Дело в том, что он с коллегами из НХТ участвовал в организации мероприятия [24]. На тавтологию, то есть на немотивированное повторение формы, норма накладывает запрет, обусловленный, по нашему мнению, опасностью возникновения семантической сатиации. Последняя понимается как «полная или частичная утрата словом своего значения в восприятии в результате его многократного повторения» [18, с. 114]. Данные психолингвистических экспериментов свидетельствуют о том, что сатиация разрушает синонимические ряды, вызывает порождение нетипичного семантического поля, изменяет ассоциативные связи. У билингов координативного типа потеря значения слова в одном языке приводит к потере значения его эквивалента в другом. Вот почему требование избегать тавтологии следует в общем считать оправданным. Бывают, однако, случаи, когда это предписание выполнить весьма затруднительно. Так, объективными факторами обусловлено возникновение тавтологии при употреблении научных терминов, поскольку синонимические ряды последних ограничены по определению. Нам представляется, что отмеченные нюансы могут и должны учитываться при проверке письменных работ школьников и выпускников: дублирование терминов здесь нельзя рассматривать как речевую ошибку, особенно тогда, когда автор

использует форму именительного падежа соответствующих лексем, менее подверженную сатиации, чем косвенные формы.

Проблема семантического воспроизводства непосредственно связана с актуальным членением высказываний, входящих в состав текста. Важную конструктивную роль в его организации играет тема, которая, как известно, соотносится с категорией определённости, идентифицирующей объекты речи и скрепляющей текст. Указанная функция обуславливает количественную регламентацию употребления определённых и неопределённых имён. Норма требует, чтобы неопределённых имён в тексте было намного меньше, чем определённых. Игровое нарушение этого требования становится средством создания комического эффекта в пародийном тексте В. Ардова: *Замечено, что ученики портят учебники, каковые выдаются только во временное пользование таковыми. Замечено, что таковые марают каковые посредством клякс, каковые уменьшают ценность каковых, не давая возможности следующим группам таковых пользоваться каковыми. Также замечено, что из каковых вырываются страницы таковыми. Впредь если будут замечены таковые, портящие каковые, то из школы будут изыматься вместе с каковыми и таковые* [Цит. по: 2].

Значимость понятия темы для лингвистики текста обусловила появление множества работ, в которых функциональная перспектива высказываний подвергнута тщательному анализу. В частности, Ф. Данешу удалось выявить основные типы тематических последовательностей, под которыми подразумевается взаимная связь и иерархия тем высказывания, а также их отношение к гипертемам текстовых единиц более высокого порядка (таких, как параграф, раздел, глава и т. п.) [5]. Нам представляется, что ортологический модус тематических моделей эксплицируется в сфере современной российской лингводидактики, рекомендующей учитывать особенности актуального членения высказываний в ходе формирования навыков анализа и продуцирования нормативных текстов с цепной и параллельной видами связями [1].

Принцип объединения компонентов текста через ассоциации, возникающие на основании сообщённого, реализуется в высказываниях, лишённых специальных структурных сигналов связности. В отличие от грамматического и лексико-семантического принципов, принцип связи через ассоциации является, на наш взгляд, функционально

ограниченным, поскольку он не представлен в строгих стилях современного русского языка. Ассоциативное присоединение реализуется:

1) в разговорной речи, спонтанность которой вступает в некоторое противоречие с линейностью текстовых связей;

2) в медиадискурсе, если автор намерен придать тексту характер естественного, непринуждённого высказывания;

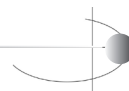
3) в художественном творчестве, где могут использоваться в соответствующей функции описанные И. Р. Гальпериным образные, звуковые, ритмикообразующие и другие средства.

Примечательно, что деонтическая сторона ассоциативной связности отражена в риториках, поэтиках и стилистиках, регламентирующих текстообразование в двух последних функциональных сферах. Однако рекомендации данного типа не могут быть отнесены к текстовым нормам, рассматриваемым в рамках структурно-лингвистического подхода. Регламентируя ассоциативную составляющую эстетически организованных объектов, они имеют другую природу, обуславливающую их существование в качестве детерминант бытия вторичных моделирующих систем.

3. Текстовая норма определяет правила выделения в структуре текста промежуточных единиц – субтекстов. И. Р. Гальперин указывал, что возможны два подхода к решению данной задачи – контекстно-вариативный и объёмно-прагматический.

Контекстно-вариативное членение текста предполагает выделение в произведении коммуникативных блоков, различающихся функциональным потенциалом. Так, в школьной практике при формировании навыков продуцирования текстов учащиеся получают представление о норме, устанавливающей необходимость включения в создаваемое высказывание таких композиционных фрагментов, как зачин, основная часть и заключение. Данное предписание является императивным, поэтому отсутствие в сочинении или изложении какого-либо из указанных блоков квалифицируется как девиация, недопустимая в качественном тексте.

В лингвистической литературе представлены и другие версии контекстно-вариативного членения. Так, Я. М. Колкер [18] предлагает различать: 1) компоненты, несущие основную информацию; 2) блоки с так называемой избыточной информацией, содержащие повторы, цитаты, примеры, а также таблицы, графики, схемы; 3) служебные (связываю-

щие) блоки, представляющие весь предыдущий текст, расчленённый, конкретизированный и уточнённый, как единое целое.

Мы полагаем, что блоки с основной и избыточной информацией, представленной в вербальной форме, можно соотнести с коммуникативными регистрами, описанию которых посвящены исследования Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [8]. В соответствии с тремя признаками: способом восприятия и познания мира (сенсорный/ментальный), характером отражаемой в речи действительности (динамика действия, процесса/статика качества, отношения), коммуникативными интенциями говорящих (сообщение, волеизъявление, реакция на речевую ситуацию) – авторы выделяют репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный регистры.

Значимо, что лингвистическая идея, актуальная для современной теории текста, имеет точки соприкосновения со школьной практикой. По мнению Г. А. Золотовой, репродуктивный и информативный регистры представлены двумя разновидностями – описательной и повествовательной. Что касается рассуждения, включённого лингводидактической традицией в систему функционально-смысловых типов речи [1; 20], то автор оспаривает правомерность такого подхода. В этой связи Г. А. Золотова ссылается на тезис А. А. Потемни о том, что если описание и повествование отражают действительность, то в рассуждении излагается последовательный ряд мыслей, приводящих к известному заключению, то есть рассуждение, в отличие от других типов речи, непосредственно соотносится с ментальным пространством. К тому же оно нередко соединяет мыслительным актом гетерогенные регистровые блоки – репродуктивный и информативный, в отличие от гомогенных повествования и описания.

Добавим от себя, что и в школьной практике анализ описательных и повествовательных текстов, с одной стороны, и фрагментов, содержащих рассуждения, с другой, производится на разных основаниях. В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик [9] предлагают педагогам осуществлять рассмотрение структуры описаний и повествований с учётом функциональной перспективы высказываний, выделяя в их составе известное и новое. Продемонстрируем возможности указанного подхода на примере анализа фрагментов из романов И. Ильфа и Е. Петрова:

Линии руки вдовы Грицацовой [известное] были чисты, мощны и безукоризненны

[новое]. Линия жизни [известное] простиралась так далеко, что конец её заехал в пульс [новое]. <...> Линия ума и искусства [известное] давала право надеяться, что вдова бросит торговлю бакалеей и подарит человечеству непревзойденный шедевр в какой угодно области искусства, науки или обществоведения [новое]. Бугры Венеры у вдовы [известное] походили на маньчжурские сопки и обнаруживали чудесные запасы любви и нежности [новое] [25, с. 58];

... слепой [известное] повернулся фронтом к миллионеру, зацепил его палочкой по ноге и ударил плечом [новое]. После этого они [известное], видимо, обменялись несколькими словами [новое]. Затем Корейко [известное] улыбнулся, взял слепого под руку и помог ему сойти на мостовую [новое]. <...> Паниковский [известное] обнял своего спутника за талию [новое]. Его рука [известное] скользнула по левому боку Корейко и на некую долю секунды задержалась над парусиновым карманом миллионера-конторщика [новое] [26, с. 139–140].

Актуальное членение предложений в составе описаний и повествований не предполагает выхода за пределы совокупности высказываний, то есть задаётся рамками лингвистики. Структура рассуждения определяется на других основаниях, скорее логических, чем лингвистических. Например, в составе рассуждения-доказательства могут выделяться такие компоненты, как тезис, аргумент, пример, вывод. Указанная схема получила полную реализацию в следующем высказывании Остапа Бендера: *...экономия вас погубит... [тезис]. Воздержание – вещь опасная! [аргумент]. Знакомая мне учительница французского языка Эрнестина Иосифовна Пуанкаре никогда в жизни не пила вина. И что же! На одной вечеринке её угостили рюмкой коньяку. Это ей так понравилось, что она выпила целую бутылку и тут же, за ужином, сошла с ума. И на свете стало меньше одной учительницей французского языка [пример]. То же может произойти и с вами [вывод] [26, с. 256–257].* Несобственно языковая база членения рассуждения свидетельствует о том, что рассмотрение его как специфического образования вполне оправданно. В структурированном пространстве текста подобные фрагменты образуют блоки, организация которых определяется экстралингвистическими ортотипами.

В качестве составных частей рассуждений могут функционировать не только репродуктивные и информативные высказы-

вания, но и единицы генеритивные: афоризмы, сентенции, пословицы, умозаключения, коммуникативная цель которых состоит в обобщении информации, соотношении её с универсальными законами мироустройства. Репродуктивный, информативный и генеритивный регистры формируют структуру монологического текста. В рамках диалогического дискурса выделяются волюнтаристический и реактивный регистры, соответствующие более активной речевой деятельности. Волюнтаристические высказывания (просьба, приказ, совет и др.) побуждают адресата к действию. Им соответствуют иллокуции, которые, по выражению Дж. Серля, «связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [17, с. 397]. Реактивный регистр объединяет высказывания, выражающие эмоциональную или ментальную, осознанную или автоматическую реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию. По нашему мнению, ортологическая регламентация волюнтаристических и реактивных высказываний осуществляется на базе не столько языковых, сколько коммуникативных норм.

Нормативная организация текстовых фрагментов необходима, но недостаточна для продуцирования правильных текстов. В предметном поле ортологии находится также проблема связи коммуникативных блоков. В частности, определяя характер нормативных отношений между зачином, основной частью и заключением, кодификаторы указывают, что связь между данными фрагментами должна быть не только линейной. Целостность произведения невозможна без соотносительности инициального и заключительного блоков: «По нормам построения текста концовка в той или иной мере должна возвращать к началу, в результате чего текст и получает свою завершенность» [6, с. 426].

В концепции Я. М. Колкера особое внимание уделяется дифференциации видов связи между коммуникативными блоками. Исследователем выделены следующие варианты: 1) интердепенденция – каждый из блоков предполагает наличие другого блока того же уровня; 2) детерминация – блок более низкого уровня требует присутствия блока более высокого уровня; 3) констелляция – независимость блоков одного уровня; 4) объединение – блок более высокого уровня суммирует общий смысл предыдущих блоков более низкого уровня. Ни один из правомерно вставленных в текст блоков, по мнению исследователя, не может существовать в пределах данного контекста, если он не детерминирован

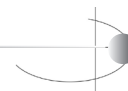
другим блоком либо не связан с соседними фрагментами отношениями интердепенденции или объединения.

Последнее утверждение имеет смысл соотнести с классификацией текстов, предложенной С. И. Гиндиным [4], который считает, что совокупность произведений может быть задана двумя разными и в принципе независимыми способами. Один из них – «жесткий» – предполагает разделение всей потенциальной совокупности субтекстов на конечное число классов и существование схемы (логической, сюжетной и т. п.), которая определяет, как субтексты должны быть расположены относительно друг друга в тексте. При «гибком» способе упор делается не на соответствие набора и порядка субтекстов схеме, внеположной данному тексту, а на такое соотношение блоков, при котором последние сами должны содержать признаки, свидетельствующие об их принадлежности к одному произведению.

Мы считаем, что запрет на введение в текстовую структуру независимых блоков касается именно «гибких» текстов и не всегда распространяется на «жесткие», то есть он не является абсолютным. Так, по наблюдениям Л. А. Месеняшиной [13], в современных организационно-распорядительных документах, кроме реквизитов, предопределяющих существование друг друга (например, реквизит «индекс» требует реквизита «дата»), есть реквизиты, не зависящие от других («гриф ограничения доступа к документу», «отметка об исполнителе» и т. д.). Наличие последних допускается в текстах, которые квалифицируются как нормативные. Правильность текстов в подобных случаях, имея несобственно языковую природу, обеспечивается соблюдением жанровых в нашем понимании норм.

Объемно-прагматическое членение текста связано с выделением томов или книг, частей, глав, абзацев, сверхфразовых единств. Существование крупных единиц типа тома, главы или раздела совершенно очевидно для каждого носителя языка. Принципы выделения указанных образований активно варьируются в различных видах текста в зависимости от авторских интенций и обуславливаются экстралингвистическими факторами.

Реальность абзаца, являющегося текстовым компонентом, границы которого заданы красными строками, также не вызывает сомнений у людей, владеющих письменной речью. Абзацное членение связано с количественными характеристиками человеческого восприятия: С. И. Гиндин пишет о стремле-

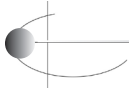
нии избегать абзацев, состоящих из очень малого или, наоборот, слишком большого числа предложений. Исследователь отмечает, что использование красных строк воспринимается коммуникантами как более или менее мотивированное и факультативное, поскольку оно не задаётся жёстко структурой текста. Учитывая указанную особенность норм, определяющих абзацное членение, следует признать, что они предоставляют авторам значительную степень свободы. Поэтому спорным, по нашему мнению, является решение специалистов, отражённое в «Критериях проверки и оценки выполнения задания с развёрнутым ответом» на Едином государственном экзамене по русскому языку. В учебно-методических материалах, адресованных председателям и членам региональных предметных комиссий, указывается, что работа, в которой имеются два случая нарушения абзацного членения, должна оцениваться нулем баллов по критерию К5 – «Смысловая цельность, речевая связность и последовательность изложения» [28]. Фактически это означает, что двукратное несоответствие представлений автора и экс-

перта о том, какое абзацное членение предпочтительно в данном высказывании, позволяет эксперту констатировать полное отсутствие в тексте вышеперечисленных качеств. Мы считаем столь категоричную установку несостоятельной, поскольку она вступает в противоречие с онтологическими характеристиками ортологических феноменов, регламентирующих организацию высказываний на уровне текста.

Сверхфразовые единства (СФЕ), в отличие от других объёмно-прагматических образований, в обыденном метаязыковом сознании отражения не находят. Лингвисты, занимающиеся разработкой данной проблемы, отмечают, что в ряде случаев СФЕ совпадают с абзацами, однако указанное соответствие имеет место далеко не всегда [3; 7]. Отклонения от него являются значимыми (например, разделение одного СФЕ на два абзаца ведёт к экспрессивному выделению части, попадающей во второй абзац). Отношения, обусловленные указанными процессами, имеют объективный характер и определяются тестовыми нормами.

Список литературы

1. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Курс русского языка. Русский язык и культура общения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk/41-kurs_russkogo_yazyka_russkii_yazyk_i_kultura_obscheniya.html (дата обращения: 02.03.2016).
2. Бирюкова Т. Г. Анализ и синтез текста: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/151/56151/27114?p_page=4 (дата обращения: 02.03.2016).
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
4. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. Вып. 4. С. 348–361.
5. Горшкова И. М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 341–358.
6. Завьялова О. Н. Ошибки композиционно-текстовые // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 424–426.
7. Зарубина Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 103–112.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Капинос В. И., Сергеева Н. Н., Соловейчик М. С. Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 класс: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991. 342 с.
10. Коржинек И. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 317–324.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 686 с.
12. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
13. Месеняшина Л. А. Деловой стиль // Русский язык для делового общения. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 9–73.
14. Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, её содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арга, 1996. С. 7–13.
15. Педагогическое речеведение: словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М.: Флинта: Наука, 1998. Режим доступа: http://ped_recheved.academic.ru (дата обращения: 02.03.2016).
16. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматическое реферирование. М.: Наука, 1969. 135 с.
17. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.

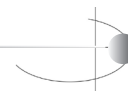
18. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. 264 с.
19. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: Высш. шк., 1991. 184 с.
20. Соловьёва Н. Н. Как составить текст? Стилистические нормы русского литературного языка. М.: Ониск: Мир и Образование, 2009. 160 с.
21. Федосюк М. Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
22. Шварцкопф Б. С. Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 270–281.
23. Шпаковская Е. Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2000. 26 с.

Источники

24. Вечерний Челябинск. 2011. 30 марта.
25. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Ташкент, 1982. 304 с.
26. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. М.: Правда, 1984. 416 с.
27. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1990. 638 с.
28. Учебно-методические материалы для председателей и членов региональных предметных комиссий по проверке выполнения заданий с развёрнутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2014 года по русскому языку [Электронный ресурс]: в 3 ч. Ч. 1. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий ЕГЭ с развёрнутым ответом. Русский язык / И. П. Цыбулько, В. Н. Александров, И. П. Васильевых [и др.]. М., 2014. Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library> (дата обращения: 02.03.2016).

References

1. Balashova L. V., Dement'ev V. V. Kurs russkogo yazyka. Russkii yazyk i kul'tura obshcheniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk/41-kurs_russkogo_yazyka_russkii_yazyk_i_kultura_obscheniya.html (data obrashcheniya: 02.03.2016).
2. Biryukova T. G. Analiz i sintez teksta: ucheb. posobie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/151/56151/27114?p_page=4 (data obrashcheniya: 02.03.2016).
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 138 s.
4. Gindin S. I. Sovetskaya lingvistika teksta. Nekotorye problemy i rezul'taty (1948–1975) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1977. T. 36. Vyp. 4. S. 348–361.
5. Gorshkova I. M. Diskussionnye voprosy organizatsii teksta v chekhoslovatskoi lingvistike // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1979. S. 341–358.
6. Zav'yalova O. N. Oshibki kompozitsionno-tekstovye // Kul'tura russkoi rechi: entsikl. slov.-sprav. / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva [i dr.]. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 424–426.
7. Zarubina N. D. K voprosu o lingvisticheskikh edinitсах teksta // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1979. S. 103–112.
8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M.: Izd-vo MGU, 1998. 528 s.
9. Kapinos V. I., Sergeeva N. N., Soloveichik M. S. Razvitie rechi: teoriya i praktika obucheniya: 5–7 klass: kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1991. 342 s.
10. Korzhinek I. K voprosu o yazyke i rechi // Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sb. st. M.: Progress, 1967. S. 317–324.
11. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsikl., 1990. 686 s.
12. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. M.: Prosveshchenie, 1988. 352 s.
13. Mesenyashina L. A. Delovoi stil' // Russkii yazyk dlya delovogo obshcheniya. Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 1996. S. 9–73.
14. Murzin L. N. O lingvokul'turologii, ee soderzhanii i metodakh // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoi kul'tury. Ekaterinburg: Argo, 1996. S. 7–13.
15. Pedagogicheskoe rechevedenie: slovar'-spravochnik [Elektronnyi resurs] / pod red. T. A. Ladyzhenskoi i A. K. Mikhal'skoi. M.: Flinta: Nauka, 1998. Rezhim dostupa: http://ped_recheved.academic.ru (data obrashcheniya: 02.03.2016).
16. Sevbo I. P. Struktura svyaznogo teksta i avtomaticheskoe referirovanie. M.: Nauka, 1969. 135 s.
17. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M.: Progress, 1986. Vyp. 17. S. 170–194.
18. Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoi kommunikatsii). M.: Nauka, 1976. 264 s.
19. Solganik G. Ya. Sintaksicheskaya stilistika. M.: Vyssh. shk., 1991. 184 s.
20. Solov'eva N. N. Kak sostavit' tekst? Stilisticheskie normy russkogo literaturnogo yazyka. M.: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2009. 160 s.

21. Fedosyuk M. Yu. Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov // Vopr. yazykozvaniya. 1997. № 5. S. 102–120.
22. Shvartskopf B. S. Ofitsial'no-delovoi yazyk // Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya. M.: Nauka, 1996. S. 270–281.
23. Shpakovskaya E. E. Normativnyi aspekt nauchno-uchebnogo yuridicheskogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Chelyabinsk, 2000. 26 s.

Istochniki

24. Vechernii Chelyabinsk. 2011. 30 marta.
25. Il'f I., Petrov E. Dvenadtsat' stol'ev. Tashkent, 1982. 304 s.
26. Il'f I., Petrov E. Zolotoi telenok. M.: Pravda, 1984. 416 s.
27. Mandel'shtam O. E. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya. M.: Khud. lit., 1990. 638 s.
28. Uchebno-metodicheskie materialy dlya predsedatelei i chlenov regional'nykh predmetnykh komissii po proverke vypolneniya zadaniy s razvernutyim otvetom ekzamenatsionnykh rabot EGE 2014 goda po russkomu yazyku [Elektronnyi resurs]: v 3 ch. Ch. 1. Metodicheskie rekomendatsii po otsenivaniyu vypolneniya zadaniy EGE s razvernutyim otvetom. Russkii yazyk / I. P. Tsybul'ko, V. N. Aleksandrov, I. P. Vasil'evykh [i dr.]. M., 2014. Rezhim dostupa: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library> (data obrashcheniya: 02.03.2016).

Библиографическое описание статьи

Хакимова Е. М. Текстовая норма как ортологический тип // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 31–39. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39.

Reference to article

Khakimova E. M. Textual Norm as an Orthological Type // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 31–39. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39.

Статья поступила в редакцию 06.03.2016

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

FOREIGN PHILOLOGY

УДК 82/821.0
ББК 83.3 Ки А 22

Айнагуль Шабданбаевна Абдыраманова,
кандидат филологических наук, доцент,
Бишкекский гуманитарный университет
(720044, Кыргызстан, г. Бишкек, Проспект Мира, 27),
e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru

Проблемы развития исторического романа в кыргызской литературе

В статье рассматриваются некоторые проблемы развития жанра исторического романа в кыргызской литературе с момента становления по 2008 год. Сравнительно-типологический подход обозначил общее и особенное в развитии жанра в центрально-азиатской литературе в целом и кыргызской литературе в частности. Выявлено, что первым историческим романом в Центральной Азии следует считать роман узбекского писателя А. Кадыри «Минувшие дни» (1925). Первым историческим романом в кыргызской литературе является роман Т. Касымбекова «Сломанный меч» (журнальный вариант 1961, отдельное издание – 1966). Рассмотрен вопрос, почему жанр исторического романа возник у нас в стране позже, чем в других центрально-азиатских республиках. Дана характеристика этапов становления жанра в кыргызской литературе во взаимосвязи с советской литературой и указаны причины такого разделения. Перечислены исторические романы суверенного периода и определены их особенности в сравнении с романами советского времени. Поставлен вопрос об изменении подходов к теории жанра. Решением становится обратиться к истокам теории жанра, заложенным в романах В. Скотта, А. Пушкина и приемлемым для современности теоретическим положениям советской литературы. Самым важным в жанре по-прежнему является строгое соблюдение принципа историзма.

Ключевые слова: исторический роман, историзм, национальная специфика, центрально-азиатская литература, теория жанра, постсоветская литература, кочевая культура

Ainagul Sh. Abdyramanova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Bishkek Humanitarian University
(27 Mira pr., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan),
e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru

Problems of Development of the Historical Novel in the Kyrgyz Literature

The article considers issues of formation and development of the genre of historical novel in the Kyrgyz literature from the moment of its formation to 2008. Comparative and typological approach specified common and particular features in the development of the genre in the Central Asian literature in general and in the Kyrgyz literature in particular. The article considers why the genre of the historical romance appeared in Kyrgyzstan later than in other Central Asian republics. The author gives the characteristics of formative stages of the genre in the Kyrgyz literature in interrelation with the Soviet literature and reasons for such a division. The article enumerates historical novels of the period of independence and determines their specific features in comparison with the Soviet era novels. The author puts forward the problem of changing approaches to the

theory of the genre and sees its solution in drawing on sources of the theory of the genre in novels by W. Scott and A. Pushkin, and theoretical theses of the Soviet literature. As before, the most important point in the genre is strict observing the principle of historical method.

Keywords: historical novel, historical method, national specific feature, Central Asian literature, theory of the genre, post-Soviet literature, nomad culture

В кыргызской литературе становление жанра романа началось с 30-х годов XX столетия, три десятилетия потребовалось для появления традиционного исторического романа Б. Кербабаева «Решающий шаг». Много это или мало? Если сравнивать с другими центрально-азиатскими литературами, то кыргызский исторический роман действительно по времени появился позже других.

Развитие исторического романа в казахской литературе связано с выходом историко-биографической эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая» (1948), который описывает жизнь казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева. Быт и нравы кочевых и оседлых жителей конца XIX века, их надежды и чаяния, духовный уклад представлены через судьбу поэта.

Таджикский исторический жанр связывают с романом С. Айни «Рабы» (1934), который описывает жизнь нескольких поколений таджикского народа. «Рабы» – первый таджикский роман, рисующий жизнь Средней Азии от начала XIX века до 30-х годов XX века. Айни интересуют исторически закономерно складывающиеся отношения и судьбы отдельных людей и различных классов общества. В первой части дана история таджиков, вторая посвящена советскому настоящему.

Из региональной литературы в этом же ряду находятся роман С. Айни «Дохунда» (1930), роман Айбека «Священная кровь» (1938), Б. Кербабаева «Священная кровь» (кн. 1–2, 1940–1947; кн. 3, 1955), М. Элебаева «Долгий путь» (1936), Т. Сыдыкбекова «Среди гор» (1937), К. Касымбекова «Келкел» («Возрождение») (1986) и др.

В узбекской литературе жанр представлен романами Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» (1925). Период кокандского царствования и судьба народа вынесены писателем на суд читателей. В предисловии к роману «Минувшие дни» А. Кадыри писал: «Мы вступили в новую эру и во всех областях призваны идти новым путём... я и хочу рассказать о прошлом, о недавно минувших днях, самых грязных и чёрных днях нашей истории – о времени последних ханов» [1, с. 5]. Ярко описаны традиции народа, религиозные обряды, повседневный быт. Этот роман стал первым историческим романом в литературе Центральной Азии.

Ещё один роман «Скорпион из алтаря» (1929) правдиво передаёт колорит эпохи через национальные характеры, описывает обычаи и традиции узбекского народа. Писатель тонко подмечает особенности быта различных слоёв общества. М. Ауэзов писал: «Мы в молодости зачитывались романами Абдуллы Кадыри. Мы поразились его мастерству лепить человеческие характеры, доносить до нас бурю человеческих страстей..., возвышать любовью своих героев» [2, с. 67].

Исследователи кыргызского исторического романа представляют свои точки зрения на развитие этого жанра в национальной литературе. По мнению известного литературоведа профессора Ч. Джолдошевой, исторический (кыргызский) роман появился только в период зрелости профессиональной литературы, отсюда его особенности: «...глубокий историзм в отборе и в осмыслении событий прошлого, диалектическое сочетание документального и вымышленного начал, стремление раскрыть судьбы народных масс и отдельных её представителей, глубокий психологический анализ, проникновение в духовную сущность героев» [3, с. 42].

В то же время исследователь С. Джигитов отмечает: «Болезненный и медленный рост национальной исторической прозы был связан ещё и с тем, что, поскольку исторический жанр требует от художника слова глубоких знаний нравов эпохи, знания специальной литературы, языков, закономерностей исторического развития, обострённого чувства историзма, то все эти компоненты, из чего, собственно, и складывается историческая романистика, в тот период отсутствовали у киргизских писателей» [4, с. 7].

Относительно последней точки зрения отметим, что современные исследования жанра, рассекреченные документы свидетельствуют и о других причинах проблем развития исторического романа. Скорее, общесоюзный партийный диктат с жёсткой регламентацией, который на местном уровне ещё больше усиливался, тормозили развитие жанра. Издание каждого исторического романа проходило через сито многочисленных дискуссий, запретов и проверку на соответствие идеологии. Да и статус союзной республики и возможности, связанные с этим,

Киргизия получила только в 1936 году, позже других стран Средней Азии.

Первым этапом развития кыргызского исторического романа стали 60-е годы XX века. Это время называют временем «оттепели» (с середины 1950-х до середины 1960-х годов), когда сталинский режим ненадолго ослабел, появилась возможность свободы творчества. Для советской литературы в целом и для кыргызской в частности это стало переломным временем. В этот период вышли в свет романы исторические и историко-биографические: Т. Касымбекова «Сломанный меч» (1966), К. Баялинова «Братья» (1962), Н. Байтемирова «Памятник истории» (1966) и «Жылдызкан» (1959), К. Каимова «Атай» (1961), С. Омуралиева «Телегей» (1965), А. Убукеева «Холм раздоров» (1967) и др. В 70-е годы опубликован роман З. Бектенова «Таабалды Пудовкин» (1975). В них есть стремление к художественно достоверному и целостному изображению национальной истории, расширению круга тем, воссозданию характеров художественных и исторических персонажей во всей их психологической глубине. В этот период преобладают историко-биографические романы.

Новая волна интереса к историческому роману в советской романистике пришлась на 80-е годы. В конце 70-х годов в советском обществе назревал серьёзный социально-экономический кризис, литература вновь находилась под цензурой. Росла потребность в реформировании экономической, политической и идеологической сферах. Целью перестройки (1985–1991 гг.) и стали реформы, создавалась новая идеологии СССР (была смягчена цензура, ослаблен контроль над СМИ, позволялось критиковать действия власти, разрешены ранее запретные темы: сталинские репрессии, дезертирство, наркомания и т. д. Была введена политика гласности, что отобразилось в ряде действий властей: снятие запретов на обсуждение тем, которые раньше замалчивались, реабилитация имён репрессированных, публикация «запрещённой» литературы и др. Гласность и перестройка изменили судьбу народа и ход развития литературы. Кроме перечисленного выше, высокий уровень развития кыргызской литературы, расширение горизонтов исторического и философского мышления писателей, возросшие эстетические и интеллектуальные потребности читателя обусловили его. Современный читатель всё больше интересуется прошлым своего народа. Исторические романы представлены примерно

одинаковым количеством историко-биографического и исторического характера. Этот интерес отражён в романах: О. Даникеева «Жизнь-мгновение» (1981), «Дни невзгод» (1984), Т. Сыдыкбекова «Көк асаба» (1989), Ш. Бейшеналиева «Стальное перо» (1981), Т. Касымбекова «Келкел» (1986) и др. Это второй этап развития исторического романа в кыргызской литературе. В советском литературоведении при анализе национальных исторических романов теоретические основы жанра связывали с задачами советского исторического романа, со всеми идеологическими предпосылками, требованиями и ограничениями.

После обретения суверенитета и создания Кыргызской Республики исторический роман стал приоритетным жанром нашей литературы. Это и неудивительно, неподдельный интерес к истории своего народа свойственен и русской литературе, пример этого – историческая романистика В. Пикуля. Задачей исторического романа периода суверенитета становится показ настоящей истории кыргызов, не ограниченной идеологической цензурой, в интересах собственной государственности и исторической правды. В связи с изменениями в стране кыргызский исторический роман также меняется, обретает новые качества, тематику и проблематику: К. Осмоналиев «Схватка кочевников» (1993), А. Газиев «Пулат-хан» (1995), Т. Касымбеков «Баскын» (2000), М. Абакиров «Көкөй кести» (2000), «Жестокый век» (2008), Ж. Токтоналиев «Хан Ормон» (2002), Ж. Егембердиев «Канат хан» (2006), А. Стамов «Жортуул» (1992), «Хан Тейиш» (2009), К. Бакиева «Дарыялар жайыкта кошулушат» (2002), Т. Касымбеков «Кыргын» (2004). Повышается внимание к историческим лицам, которые внесли весомый вклад в историю кыргызов, они становятся главными героями. Оценка их деятельности с позиций сегодняшнего дня часто не совпадает с прежними представлениями (Шабдан, Пулат-хан), деятельность других впервые освещается в литературе (Ормон-хан, Канат-хан).

Исследователь Г. А. Айтпаева утверждает, что современному историческому роману свойственно активное обращение к преданиям, легендам и историческим песням, где в своеобразной форме закодированы особенности народного мировосприятия, социальный и моральный опыт [5, с. 247].

В своем развитии кыргызский исторический роман прошёл три этапа. Первый и второй – в рамках советской литературы, третий – в период суверенитета. XIX век с

его революционными преобразованиями, наполеоновскими войнами и историческими переменами стал основой жанра для европейского и русского исторического романа. «Век наш – по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания», – писал В. Г. Белинский [6, с. 222].

На становление и развитие кыргызского исторического романа повлияли смена политической и экономической системы, изменения уклада жизни, психологии, повседневной жизни при советской власти («хрущевская оттепель», «перестройка») и в период обретения суверенитета. Понятно, что оценка кыргызского исторического романа первого и второго этапа происходила с позиций советского литературоведения. Как же оценивать исторические романы третьего этапа, суверенного? «Борьба за историю» – обязательный элемент формирования новой идеологической структуры и новых символов коллективной идентичности нации, что фактически означает одно: заявку победившей власти и её приверженцев на монопольное владение истолкованием социальной жизни – как до-революционной истории, так и послереволюционного настоящего» [7, с. 7]. Конечно, эти слова относятся к советской литературе начального периода. Но и кыргызский исторический роман периода суверенитета близок к этой ситуации.

Решением становится обратиться к истокам теории жанра, к творчеству В. Скотта, А. Пушкина и приемлемым для современности теоретическим положениям советской литературы.

Задачи исторического романа:

– показать историю народа через судьбу обыкновенного человека, исторические лица становятся второстепенными персонажами;

– показать картины повседневной жизни, нравов изображаемого общества, для выявления исторического своеобразия эпохи, страны;

– к прошлому нужно подходить исторически, нравы, мировоззрение людей изображать в зависимости от условий эпохи;

– изображать прошлое своей страны, для восстановления картины тех движений, которые определили её настоящее;

– показать роль исторической личности в развитии национальной государственности, где он становится главным героем.

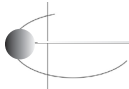
Самым важным в жанре является строгое соблюдение принципа историзма: «Историзм – методологический принцип рассмотрения предметов и явлений в их истории» [8, с. 322].

Слова О. Бальзака об историческом романе В. Скотта не потеряли своего значения и могут быть использованы при оценке современных кыргызских романов: «Вальтер Скотт возвысил до степени философии роман... Он внёс в него дух прошлого, соединил в нём драму, диалог, портрет, пейзаж, описание; подключил туда и чудесное и повседневное, эти элементы эпоса, и подкрепил поэзию непринуждённостью самых простых говоров» [9, с. 122].

Жанр исторического романа в кыргызской литературе имеет свою специфику: использование материалов санжыра – это устная история кыргызских родов или генеалогическое предание (Т. Касымбеков «Сломанный меч»), текстов памятников древней письменности – рунов, которые А. Бернштам [10] назвал древнейшей литературой кыргызов (роман-дастан Т. Сыдыкбекова «Голубой стяг»), творчество акынов, освещающих важные социальные и политические факты истории народа в своих песнях (роман Т. Касымбекова «За тучей белеет гора»). И в санжыра, и в орхоно-енисейских рунах, и в поэзии акынов есть черты, характерные для исторического романа.

Список литературы

1. Айтпаева Г. А. Языческие и мусульманские мотивы в киргизском романе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Бишкек, 1995. 279 с.
2. Бальзак О. Предисловие к «Человеческой комедии» // Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов. М.: Высш. шк., 1990. 384 с.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. 485 с.
4. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 256 с.
5. Джигитов С. Возникновение киргизской советской литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Бишкек, 1992. 41 с.
6. Джолдошева Ч. Жанр исторического романа в современной киргизской литературе // Вестн. КГНУ, 1979. 96 с.
7. История русской литературы / под ред. В. В. Агеносова. М.: Дрофа, 2007. Ч. 2. 242 с.
8. Кадыри А. Минувшие дни / пер. с узб. Л. Бать, В. Смирновой. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1984. 336 с.

9. Лизунова Е. В. М. Ауэзов о проблемах взаимосвязей национальных литератур. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. 276 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт: Дом XXI век, 2009. 1240 с.

References

1. Aitpaeva G. A. Yazycheskie i musul'manskie motivy v kirgizskom romane: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.03. Bishkek, 1995. 279 с.
2. Bal'zak O. Predislovie k «Chelovecheskoi komedii» // Zarubezhnaya literatura XIX veka. Realizm. Khrestomatiya istoriko-literaturnykh materialov. M.: Vyssh. shk., 1990. 384 s.
3. Belinskii V. G. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 6. 485 s.
4. Bernshtam A. N. Ocherk istorii gunnov. L.: Izd-vo LGU, 1951. 256 s.
5. Dzhigitov S. Vozniknovenie kirgizskoi sovetskoi literatury: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02. Bishkek, 1992. 41 s.
6. Dzholdosheva Ch. Zhanr istoricheskogo romana v sovremennoi kirgizskoi literature // Vestn. KGNU, 1979. 96 s.
7. Istoriya russkoi literatury / pod red. V. V. Agenosova. M.: Drofa, 2007. Ch. 2. 242 s.
8. Kadyri A. Minuvshie dni / per. s uzb. L. Bat', V. Smirnovoi. Tashkent: Izd-vo lit. i iskusstva, 1984. 336 s.
9. Lizunova E. V. M. Auezov o problemakh vzaimosvyazei natsional'nykh literatur. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1970. 276 s.
10. Ushakov D. N. Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennoogo russkogo yazyka. M.: Al'ta-Print: Dom KhKhI vek, 2009. 1240 s.

Библиографическое описание статьи

Абдыраманова А. Ш. Проблемы развития исторического романа в кыргызской литературе // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 40–44.

Reference to article

Abdyramanova A. S. Problems of Development of the Historical Novel in the Kyrgyz Literature // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 40–44.

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

Айман Усенбаевна Акынбекова,
кандидат филологических наук, доцент,
Таласский государственный университет
(724200, Кыргызстан, г. Талас, ул. Каракойчу, 131),
e-mail: aimantmu@mail.ru

Общие фонетические признаки систем гласных современного кыргызского и чагатайского языков¹

В данной статье проанализированы общие признаки в системе гласных ранее использованной тюркоязычными народами чагатайской письменности и говорами кыргызского языка. Несмотря на ряд характерных особенностей в системе гласных вышеотмеченных языков, имеют место и типичные схожие фонетические признаки. Например, в чагатайском языке, как и в южных говорах кыргызского языка, систему гласных составляют 9 кратких: [a], [e], [ə], [i], [i̇], [o], [ö], [u], [ü] и заимствованные из арабского языка гласные, такие как: [â], [î], [û], и наконец, общность классификации этих же гласных фонем (по позиции ротовой полости, языка и губ). Сингармонизм гласных по одинаковым принципам (по позициям языка и губ). Помимо этих признаков определена одинаковость нарушений этих языковых закономерностей и схожесть комбинаторных изменений в двух языках.

Выводы, сделанные на основе вышеупомянутых фактов, позволяют нам считать, что между чагатайским письменным языком и южными говорами кыргызского языка существует немало сходных языковых признаков. В этом смысле не вызывают сомнения родственность тюркских языков и наличие их специфических особенностей и внутренних закономерностей. Исходя из подобных предпосылок возникает необходимость изучения общих языковых базисов чагатайского письменного языка и южных говоров кыргызского языка в разрезе конкретных параметров языкового характера: позиции согласных в речевом потоке, системе словосочетания, сингармонизме гласных, словообразовании, словоизменяющих категориях, слогового строения слов, синтаксических категорий, грамматических связей слов в предложении, порядке членов предложения и т. д. Несомненно, языковые параметры исследуемых нами объектов требуют детального исследования.

Ключевые слова: южные говоры кыргызского языка, чагатайский язык, классификация, артикуляция, сингармонизм, позиция языка, позиция губ

Ayman U. Akynbekova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Talas State University
(131 Karakoychu st., Talas, 724200, Kyrgyzstan),
e-mail: aimantmu@mail.ru

Common Phonetic Characteristics of the Vowel Systems of the Modern Kyrgyz and Chagatai Languages²

This article analyzes the common features in the vowel system previously used by Turkic people of Chagatai literature and the dialects of the Kyrgyz language. There are also typical similar phonetic features despite a number of distinct features in the vowel system of the above mentioned languages. For example, there are 9 short vowels comprising the vowel system in the Chagatai language and in southern dialects of the Kyrgyz language: [a], [e], [ə], [i], [i̇], [o], [ö], [u], [ü] and vowels borrowed from the Arabic language such as: [â], [î], [û], and finally, a common classification of the same vowel phonemes (the position of the mouth, tongue and lips). Vowel synharmonism is according to the same principles (the positions of the tongue and lips). In addition to those signs, the same violations of these language patterns and the similarity of combinatorial changes in the two languages are identified.

The conclusions drawn on the basis of the above facts allow us to assume that there are many signs of the similar language features between the Chagatai written language and the southern dialects of the Kyrgyz language. In this sense, there is no doubt about the kinship of the Turkic languages and the availability of their specific characteristics and internal patterns. On

¹ Работа поддержана научно-исследовательским фондом университета Фатих под проектом № P51131501_B.

² This work is supported by the Scientific Research Fund of Fatih University under the project № P51131501_B.

the assumption of such preconditions, it is necessary to study bases of common language in Chagatai written language and the southern dialects of the Kyrgyz language in the context of the specific parameters of the linguistic nature: position of consonants in the speech, system phrases, vowel synharmonism, word-formation, word-changing categories, syllabic structure of words, syntactic categories, grammatical relations of words in a sentence, the order of the sentence, etc. Undoubtedly, the language parameters of the studied objects require detailed research.

Keywords: southern dialects of the Kyrgyz language, the Chagatai language, classification, articulation, vowel synharmonism, position of tongue, position of lips

Вопросы языка и литературы чагатайской эпохи с давних времен были объектами научных интересов в области отечественной тюркологии. В этой связи бытует множество взглядов западных учёных XIX века относительно территории распространения чагатайского письменного языка, применяемого тюркскими поэтами. Например, В. В. Радлов характеризует чагатайский язык как формальный письменный язык, не имеющий ничего общего с живым языком, являющимся продолжением уйгурского языка, развитие которого начинается с караханидской эпохи и заканчивается эпохой предисламской культуры [5, с. 12]. Подобное мнение В. В. Радлова было опровергнуто А. К. Боровковым, который считает, что чагатайский язык не является продолжением уйгурского языка, более того, он придерживается мнения о том, что среднеазиатский тюркский литературный язык является основой классического чагатайского языка [1, с. 43].

По мнению венгерского тюрколога Н. Вамбери, чагатайский язык является не только среднеазиатским письменным тюркским языком, но и языком, на котором общались тюркские этносы, жившие в восточной и западной части Туркестана, особенно он относится к узбекскому языку [3, с. 12].

Имеет под собой основание по данному вопросу и взгляд Н. Самойловича, где он к чагатайскому языку относит язык произведений, написанных с XV века до начала XX века [6, с. 223]. Рассматривая этот вопрос в контексте проблемы развития литературного языка, тюрколог Фуат Копрулу в своём труде, изданном в 1919 году под названием «Первые суфии в тюркской литературе», пишет о том, что чагатайский язык означает литературный диалект среднеазиатского тюркского языка, который развивался под воздействием исламской культуры после нашествия Чингисхана, основа вышеупомянутого диалекта берёт свое начало с XI века, и все произведения, написанные с XIV века, надо отнести к чагатайскому языку.

В широком смысле чагатайский язык, как пишет Фуат Копрулу, – это язык, основанный

наследниками Чингисхана, появление которого датируется XIII–XIV веками в культурных кругах Чагатайского, Илханлинского и Алтын Ординского ханств, позднее, т. е. в XV веке, чагатайский язык как среднеазиатский говор служит предпосылкой возникновения развитой классической литературы [9, с. 41]. Как известно, «чагатайский язык» назван именем второго сына Чингисхана – Чагатая. Чагатай участвовал во многих походах отца, включая походы на Китай и Хорезм, после смерти Чингисхана правление завоеванными землями переходит к его сыновьям. Второй сын Чингисхана Чагатай распространяет свою юрисдикцию на территории Хорезма, Мавераннахра, Семиречья и Кашгара. После этого к этносам, жившим на территории Средней Азии, начинает применяться название «чагатайский улус» или «Чагатай». Название «чагатай» поначалу означает род Чагатая или государство, созданное его сыновьями. Позднее под этим названием понимали тюркские кочевые племена, населявшие Мавераннахр, и в конечном счёте данное название стало означать развивающийся тюркский диалект и возникшую в этом диалекте среднеазиатскую тюркскую литературу во времена правления Тимуридов [2, с. 543]. Исходя из этих исторических справок можно прийти к выводу о том, что чагатайский народ как таковой в истории не существовал. А что касается чагатайского языка, то на этом языке с разницей в диалекте говорили ряд тюркских народов. Среди этих народностей были кыргызы, узбеки, казахи, туркмены, каракалпаки, уйгуры и др. Значит, мы можем утверждать, что чагатайская письменность является культурным наследием центральноазиатских народов. Применение на практике арабской графики создало условие для понимания чагатайского языка всеми тюркоязычными народами. Подобного рода факты наталкивают на мысль о том, что этот язык был принят для того, чтобы исторические документы и, что немаловажно, рукописи того времени были понятны для всех тюркоязычных народов. Такой же концепции придерживается и известный учёный Кыяс Молдокасымов, который в своём интервью на

радио «Азаттык» излагал следующую мысль по данному вопросу: «В одной из библиотек города Стамбул в течение сотни лет хранится труд кыргызского историка Зиябидина Максима, который называется «Кыргыз хандарынын тарыхы», и общий объём этого уникального исторического памятника составляет 1662 страницы. Очень важно подчеркнуть, что данное произведение написано на кыргызском языке. Хотя официально языком памятника считают чагатайский язык, но это не мешает узбекам, кыргызам, казахам читать и понимать язык упомянутого труда. В качестве аналогичного примера можно привести тот факт, что в процессе подготовки к изданию словаря Алишера Навои узбекские учёные пользовались кыргызско-русским словарём для определения смысла некоторых слов, которых нет в современном узбекском языке, но которые встречаются в современном кыргызском языке» [4, с. 100–101]. Значит, это ещё одно доказательство того, что для изучения чагатайского необходимо опираться на языковые факты нескольких родственных языков, так как чагатайская письменность была общей для многих тюркских народов, населявших вышеуказанное геопространство.

Элементы чагатайской письменности встречаются в деловых бумагах, письмах и рукописях дореволюционных кыргызских писателей. Такие факты были доказаны в трудах учёных, изучавших язык официальных документов кыргызов того времени. То есть и кыргызы, подобно другим среднеазиатским тюркским народам, для написания ограниченного количества деловых бумаг и родословия использовали арабскую графику, а язык, на котором они писали, называли чагатайским [7, с. 79].

В качестве доказательств подобных взглядов можно привести фрагменты из произведений представителя кыргызских поэтов начала XIX века, владевших письменностью – Молдо Нияза. В них имеют место характерные фонетические особенности, доказывающие наличие чагатайских языковых элементов в вышеупомянутых письменных памятниках:

– Употребление древних языковых форм, оканчивающихся согласными до возникновения в кыргызском языке долгих гласных: *түрлүк – түрдүү, эллик – элүү, улук – улуу, каттык – катуу, сагат – саат, аччык – ачуу, көлүрүк – көлүрө, курук – кургак ж. б.*

– Позиция фонемы [й] в начале слова: *йат – жат, йагылган – жагылган, йок – жок, йараткан – жараткан, йокдур – жоктур, йак-*

шылар – жакшылар, йаранлар – жарандар, йорга – жорго, йурт – журт, йер – жер, йаж – жаз.

– Занимаемая позиция фонем [у], [ү]: *алтун – алтын, хатун – катын, малум – маалим, агаларум – агаларым, айрылур – айрылыр, көңүлүм калур – көңүлүм калар, айтум Нийяз – айттым Нияз, иатар идуңиз – жатар эдиңиз, болмас мидум? – болбос эдим?*

В качестве морфологических особенностей можно определить следующие признаки:

– Видоизменённая форма родительного падежа после мягких согласных в современном кыргызском языке -нын встречается в форме -ның: *кызының – кыздын, йерниң – жердин.*

– Грамматическая форма -ны винительного падежа употреблялась в форме -ни: *бу мырзани – бул мырзаны, сөзүңни – сөзүңдү;* также встречается грамматическая форма прошедшего времени -мыш: *калмыш бу дуньада жаккан адам – калган бу дүйнөдө жаккан адам.*

– Форма -ар в современном кыргызском языке, имеющая смысл предположительности, неопределённости реализации какого-нибудь действия и форма -лар, при аффиксации образующая множественное число, имели формы -ур и -дур: *билур – билер, болур – болор, нахалдур – алсыздар, халилдур – достор.*

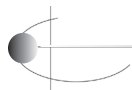
Вопросительное местоимение в современном кыргызском языке *кандай? (какой?)* употреблялось в форме *нечүк?*

К орфографическим признакам можно отнести следующие особенности:

– буква [ң] в современном кыргызском языке встречается в произведениях вышеупомянутого акына в формах -нун жана -кяр: *йуртыңг – журтуң, мангадай – маңдай, десеңгиз – десеңиз;*

– раздельное написание корня и окончания *тор-ның, камчым-ның, өзүм-нүң* и т. д.

Можно привести множество примеров подобного характера в разрезе сравнения особенностей чагатайского письменного и современного кыргызского языков, и все эти примеры лишь доказывают родство этих двух языков. В этой связи Б. М. Юнусалиев отмечал: «Насколько родственные языки отдаляются от древности, настолько же идёт сближение между ними» [8, с. 126]. Исходя из этой логики, мы подчёркиваем важность проблемы изучения языковых параметров, доказывающих близость и родство между современным кыргызским и чагатайским языками.

Список литературы

1. Абдулдаев Э., Бакинова Г., Бейшекеев Н. Особенности языка узбекстанских кыргызов. Фрунзе: Кыргыз ССР ИАсы, 1962. 83 с.
2. Азиз Нилло. По горным тропам: памирские путевые заметки. М.; Ташкент, 1933. 543 с.
3. Батманов И. А. Кыргызский язык и письменность до образования кыргызской нации (Формирование и развитие кыргызской социалистической нации). Фрунзе, 1957. 56 с.
4. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. 101 с.
5. Данияров С. С. Становление кыргызской советской культуры (1917–1924). Фрунзе, 1983. 60 с.
6. Каныметов А. Культура возрождённого к новой жизни кыргызского народа. Развитие социалистической культуры в союзных республиках. М., 1962. 290 с.
7. Шукуров Дж. Ш. Из истории кыргызского языка. КирФАН СССР: тр. Ин-та яз., лит. и ист. Фрунзе, 1952. Вып. 3. 72 с.
8. Юнусалиев Б. М. Избранные труды. Фрунзе, 1985. 130 с.
9. Eckmann Janos. Küçük Çağatay Grameri. İstanbul, 1960. 64 с.
10. Eckmann Janos. Çağatayca El Kitabı / Ed. Fak (Günay Karaağaç, Mut.). İstanbul, 1988. 245 с.

References

1. Abduldaev E., Bakinova G., Beishekeev N. Osobennosti yazyka uzbekstanskikh kyrgyzov. Frunze: Kyrgyz SSR IAsy, 1962. 83 s.
2. Aziz Nillo. Po gornym tropam: pamiirskie putevye zametki. M.; Tashkent, 1933. 543 s.
3. Batmanov I. A. Kyrgyzskii yazyk i pis'mennost' do obrazovaniya kyrgyzskoi natsii (Formirovanie i razvitie kyrgyzskoi sotsialisticheskoi natsii). Frunze, 1957. 56 s.
4. Vinogradov V. V. Problemy literaturnykh yazykov i zakonomernostei ikh obrazovaniya i razvitiya. M., 1967. 101 s.
5. Daniyarov S. S. Stanovlenie kyrgyzskoi sovetskoi kul'tury (1917–1924). Frunze, 1983. 60 s.
6. Kanymetov A. Kul'tura vozrozhdenного k novoi zhizni kyrgyzskogo naroda. Razvitie sotsialisticheskoi kul'tury v soyuznykh respublikakh. M., 1962. 290 s.
7. Shukurov Dzh. Sh. Iz istorii kyrgyzskogo yazyka. KirFAN SSSR: tr. In-ta yaz., lit. i ist. Frunze, 1952. Vyp. 3. 72 s.
8. Yunusaliev B. M. Izbrannyye trudy. Frunze, 1985. 130 s.
9. Eckmann Janos. Küçük Çağatay Grameri. İstanbul, 1960. 64 s.
10. Eckmann Janos. Çağatayca El Kitabı / Ed. Fak (Günay Karaağaç, Mut.). İstanbul, 1988. 245 s.

Библиографическое описание статьи

Акынбекова А. У. Общие фонетические признаки систем гласных современного кыргызского и чагатайского языков // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 45–48.

Reference to article

Akynbekova A. U. Common Phonetic Characteristics of the Vowel Systems of the Modern Kyrgyz and Chagatai Languages // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 45–48.

Статья поступила в редакцию 25.02.2016

УДК 811.112
ББК Ш100
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55

Наталья Анатольевна Антропова,
доктор филологических наук,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: naantropova@rambler.ru

К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка

Автор поставил перед собой цель изучить достижения феминистской критики языка в области реализации положений по гендерно-корректному употреблению немецкого языка. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку интерес к ней не прекращается как со стороны учёных-исследователей, так и со стороны практиков, использующих язык в качестве основного орудия профессиональной деятельности. До сих пор не прекращаются дискуссии как в отношении феминистской критики языка в целом, так и в отношении массового «насаждения» правил по антисексистскому формулированию немецкоязычных текстов. В работе приводятся документы, отражающие требования новой языковой политики, нацеленной на устранение гендерных асимметрий в языке. На основе анализа фактического материала автором выявлены правила, сегодня рекомендуемые в разных сферах общественной деятельности (государственное управление, СМИ, образование, издательская деятельность и т. п.) по соблюдению гендерно-корректного использования немецкого языка. Изучение вопроса позволило автору сделать вывод, что отношение к теме гендерно-корректного употребления немецкого языка далеко не однозначно и имеет как своих сторонников, так и противников. Содержащийся в работе информативный материал будет полезен изучающим немецкий язык как иностранный и осуществляющим устную и письменную коммуникацию на немецком языке.

Ключевые слова: феминистская критика языка, гендерные асимметрии в языке, новая языковая политика, антисексистское нормирование языка, правила гендерно-корректного употребления немецкого языка

Natalia A. Antropova,
Doctor of Philology,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: naantropova@rambler.ru

On Gender-Correct Use of the German Language

The author has set the goal to study the achievements of the feminist critique of language in realization of the provisions on gender-correct use of the German language. Actuality of the subject is without any doubt, as the interest in it does not stop on the part of researchers as well as practitioners using language as their main instrument of professional activity. Until now, debates are under way in relation to the feminist critique of language in general and in relation to the mass “implanting” of rules for antisexist formulation of German-language texts. The paper summarizes the documents reflecting the requirements of the new language policy aimed at eliminating the gender asymmetries in the language. Based on the analysis of factual material, the author revealed the rules recommended today in different spheres of public activity (government, media, education, publishing, etc.) on observance of gender-correct use of the German language. Studying of the issue has allowed the author to conclude that relation to the subject of gender-correct use of the German language is not consistent and has both its supporters and opponents. Informative material contained in the work will be useful for persons learning German as a foreign language and for persons performing spoken and written communication in German.

Keywords: feminist critique of language, gender asymmetry in language, a new language policy, antisexist norming of language, rules of gender-correct use of the German language

Феминистская критика языка, зародившаяся в 70-е годы прошлого столетия, принесла свои плоды, и сегодня можно воочию наблюдать, как изменился современный немецкий язык, уступив требованиям новой

языковой политики, нацеленной на гендерно-корректное нормирование языка. В первую очередь речь идёт о публичных текстах, имеющих хождение в различных областях общественной деятельности (административная

сфера, СМИ, образование, издательская деятельность, законодательство и т. п.).

Данный вопрос и сегодня не теряет своего значения, что подтверждается почти повсеместными нововведениями по гендерно-корректному употреблению языка на территории немецкоязычных стран и не прекращающимися дискуссиями на эту тему [2; 5; 9; 13]. Не отстает и поток научных и медиапубликаций, так или иначе затрагивающих вопросы альтернативного (несексистского) использования немецкого языка [12; 4; 8].

В связи с этим мы поставили перед собой цель изучить имеющиеся на сегодняшний день достижения в области реализации положений по несексистскому использованию немецкого языка. Цель определила постановку следующих основных задач:

1) ознакомиться с документами разного срока давности, провозглашающими и нормирующими гендерно-корректное использование немецкого языка;

2) на основе анализа фактического материала выявить правила, рекомендуемые в разных сферах для соблюдения гендерно-корректного употребления немецкого языка.

В качестве методов исследования мы использовали общенаучные методы познания, в частности, анализ, обобщение и систематизацию научной информации и выявленного фактического материала. Методологической основой исследования являются воззрения авторитетных и общепризнанных основоположников феминистской критики языка: Сенты Трёмель-Плётц (S. Trömel-Plötz: "Linguistik und Frauensprache", 1978; "Sprache, Geschlecht und Macht", 1980; "Frauensprache: Sprache der Veränderung", 1982; "Gewalt durch Sprache: Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen", 1992; "Vatersprache. Mutterland. Beobachtungen zur Sprache und Politik", 1992 и др.) и Луизы Пуш (L. Pusch: "Das Deutsche als Männersprache", 1981; "Alle Menschen werden Schwestern", 1990).

Следует отметить, что исследование имеет практико-ориентированный характер. Полученные сведения помогут соотечественникам не только в изучении немецкого языка, но и научат, как действовать в той или иной коммуникативной ситуации, не нарушая существующие нормы по несексистскому использованию немецкого языка.

Говоря о феминистской критике языка, следует особо подчеркнуть, что её целью было не столько выявление гендерных асимметрий в языке, сколько устранение языкового сексизма путём последовательной языко-

вой политики, направленной на сознательное переосмысление и, в конечном итоге, изменение существующих языковых норм. Насколько это удалось, можно судить из проведенного нами анализа.

Толчком к значительному усилению позиций феминизма стала «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», принятая 18 декабря 1979 года Генеральной Ассамблеей ООН и впоследствии ратифицированная в большинстве европейских стран (например, в 1985 г. Бундестагом). Борьба женщин за свои права не только значительно активизировалась, но и приобрела новые формы, одной из которых явилась феминистская критика языка.

В немецкоязычных странах, как и во многих других западных странах, в первую очередь англоязычных, перед феминистской критикой языка была поставлена задача доказать наличие взаимосвязи между языком и социальными установками в обществе, идентифицировать сексизм в языке и предложить альтернативные – не дискриминационные по отношению к женщинам – варианты употребления немецкого языка.

Профеминистская языковая политика нашла своё отражение в директивных документах по гендерно-корректному употреблению немецкого языка. Так, уже в 1980 году были обнародованы первые «Директивы по предотвращению сексистского употребления языка» (нем. *Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs*) [6]. В Австрии в 1985 году законом были запрещены гендерно-специфические обозначения в объявлениях о замещении вакантных должностей, а спустя три года введены параллельные женские наименования существующих профессий и должностей.

Дальнейшему продвижению в Европе феминистских идей способствовала принятая Комитетом министров Совета Европы 21 февраля 1990 года «Рекомендация об устранении сексизма из языка» (англ. *Recommendation No. R (90) 4 of Committee of Ministers to member states on the Elimination of Sexism from Language*).

Внесла свою лепту в этот процесс и Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), последовательно выступающая за гендерное равенство. Так, немецким отделением ЮНЕСКО в 1993 году были опубликованы профеминистские рекомендации «Язык для обоих полов: директивы для несексистского употребления языка» (нем. *Eine Sprache*

für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch), авторами которых были М. Хеллингер (*M. Hellinger*) и К. Бирбах (*Ch. Bierbach*) [7]. Вслед за ними стали появляться практические руководства по гендерно-нейтральному употреблению немецкого языка, выпускаемые не только по настоянию женских организаций, но и по специальным заказам земель и различных ведомств. В том же году в свет вышел «Справочник по несексистскому употреблению языка в официальных текстах» (нем. *Handbuch zur nichtsexistischen Sprachverwendung in öffentlichen Texten*), подготовленный З. Мюллер (*S. Müller*) и К. Фукс (*C. Fuchs*) по поручению магистрата г. Франкфурта на Майне и взятый на вооружение другими учреждениями и ведомствами [11]. Дважды (в 1997 и 2000 гг.) переиздавались аналогичные рекомендации под названием «Больше женщин в язык» (нем. *Mehr Frauen in die Sprache*), разработанные Ф. Браун (*F. Braun*) в 1991 году по поручению Министерства юстиции и по делам женщин, молодежи и семьи земли Шлезвиг-Гольштейн [1].

В Германии при Бундестаге с 1990 по 1993 год действовала специально созданная рабочая группа под названием «Язык права» (нем. *Rechtssprache*), которая взяла на себя правовое регулирование в области наименований профессий, должностей и должностных функций по признаку пола. Разработанные ею рекомендации под теперь уже широко известным заголовком «Мужские и женские обозначения лиц в языке права» (нем. *Masculine und feminine Personenbezeichnungen in der Rechtssprache*) были одобрены Бундестагом 15 января 1995 года и вскоре получили хождение по всей стране.

В период с 1990 по 1995 год появились директивы по антисексистскому использованию немецкого языка не только в большинстве немецких федеральных земель (в ФРГ в настоящее время действуют как федеральные, так и земельные директивы), но и в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. В 1990 году Австрийской федеральной канцелярией были приняты директивы о гендерном языковом равенстве в федеральном праве. С 2001 года в управлении федерального уровня реализуются решения Совета министров о гендерно-корректном употреблении административного языка. Собственные рекомендации и руководства по несексистскому использованию языка появились во многих немецких городах, в частности, Брауншвайге, Дуйсбурге, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне,

Кёльне, Ганновере, Саарбрюкене, Людвигсхафене-на-Рейне и др. Так, по поручению департамента по правам женщин г. Саарбрюкена Сабиной Дрекслер (*Sabine Drechsler*) было подготовлено руководство по несексистскому употреблению языка под названием «Женщины и мужчины равноправны также в языке» (нем. *Frauen und Männer sind gleichberechtigt auch in der Sprache*) [3].

Муниципальные советы крупных австрийских городов также разработали для своих служащих рекомендации по гендерно-корректному употреблению немецкого языка. В частности, муниципалитет г. Вены издал «Руководство по гендерно-корректному формулированию и недискриминационному иллюстративному языку» (нем. *Leitfaden für geschlechtergerechtes Formulieren und eine Diskriminierungsfreie Bildsprache*) [10].

Использование гендерно-корректного языка касалось в первую очередь лиц, которые профессионально и/или официально имели дело с письменным и устным немецким языком: работали в административно-правовой сфере, СМИ, издательствах, учебных заведениях, общественных организациях и т. п.

Гендерно-корректное использование немецкого языка в Германии было воплощено в Федеральном законе о госслужащих (нем. *Bundesbeamten-gesetz*) в редакции от 27 февраля 1985 года, в Федеральном законе о профессиональном образовании (нем. *Berufsbildungs-gesetz*) от 23 марта 2005 года, в Классификаторе профессий 2010 (нем. *Die Klassifikation der Berufe 2010*). Следует отметить, что женские формы наименований профессий, которые прежде не имели употребления в литературном языке, стали массово производиться посредством частотного суффикса женского рода *-in*: *Kanzlerin, Staatssekretärin, Amtsgerichtsrätin, Ingenieurin, Fernsehansagerin, Handwerkerin, Schaffnerin* и др.

Правила по гендерно-корректному употреблению немецкого языка разработаны и введены в большинстве высших учебных заведений немецкоязычных стран. Хотя эти правила предназначены для внутреннего использования, их можно найти на официальных сайтах вузов. В Венском специализированном высшем учебном заведении прикладных наук (нем. *die Fachhochschule des BFI Wien*: <http://www.fh-vie.ac.at/>) они рекомендуются студентам и преподавателям под названием «Руководство по гендерно-корректному формулированию и применению иллюстраций для студентов и преподавателей» (нем. *Leitfaden für gendergerechtes Formulieren und*

Bildverwendung für StudentInnen und LektorInnen). Как видно из графического написания названия, в нём самом используются гендерно-корректные формулировки, отражающие включённость лиц женского пола. Правила предназначены в первую очередь для письменного применения, в частности, при написании домашних и выпускных квалификационных работ. Поскольку имеются различные способы выражения гендерно-корректных формулировок, рекомендуется соблюдать в работах единообразие. Правила не действуют лишь при упоминании общепризнанных научных понятий. Авторам работ не разрешается прибегать к общей оговорке «Нижеследующий текст подразумевает женщин и мужчин в равной степени, а мужская форма применяется для удобочитаемости».

В вузах имеют место и более радикальные решения по устранению сексизма в языке. Так, в Берлинском университете им. Гумбольдта (нем. *Die Humboldt-Universität zu Berlin*: <https://www.hu-berlin.de/de>) специально созданная рабочая группа, внося свою лепту в антидискриминационную языковую политику, выпустила брошюру, свидетельствующую о креативных способностях её авторов. Молодые новаторы предлагают вместо суффикса мужского рода использовать букву «а» как нейтральный элемент (*Drucker = Drucka*), а кому это не нравится, заменять исходную букву мужского наименования каким-либо нейтральным знаком, например, «звёздочкой» или «х» (*Doktor = Doktox*, мн. ч. *Doktoxs*). А в «сексистском» местоимении *man* и однородных словах предлагается заменить гласную «а» на знак @ (*m@n*, *hum@n*).

Анализ сайтов различных учреждений позволил нам выявить правила гендерно-корректного употребления языка, рекомендуемые для внутреннего использования. Приводимые ниже примеры заимствованы нами из инструкции-памятки, введённой в обращение Федеральным бюро организации делопроизводства и оргтехники (ФРГ) под названием «Языковое равенство между мужчинами и женщинами: указания, области применения и примеры» (нем. *Sprachliche Gleichbehandlung von Frauen und Männern: Hinweise, Anwendungsmöglichkeiten und Beispiele*) [14]. Нам кажется, что отобранные нами примеры весьма наглядны и будут интересны отечественному читателю, в той или иной степени владеющему немецким языком.

Согласно директивам и рекомендациям в основу гендерно-корректного употребления языка легли четыре основных принципа:

1. Визуализация женщин и мужчин (девочек и мальчиков): лица женского пола не должны подразумеваться при использовании мужских форм, а должны быть выражены эксплицитно. Таким образом, родовой «маскулинум» постепенно теряет своё обобщающее и нейтрализующее значение.

2. Симметрия: оба пола равноправны и не должны именоваться дискриминационным образом, например, при обозначении титулов, имён, фамилий, профессий, должностей и функций. Наименования лиц должны быть равнозначными и отличаться только по признаку пола. Поэтому с осторожностью следует использовать слова с дополнительными коннотациями. Так, обозначение *die Sekretärin der österreichischen Botschaft* подразумевает секретаря-машинистку австрийского посольства, а *der Sekretär der österreichischen Botschaft* – лицо мужского пола, занимающего в австрийском посольстве руководящий пост со всеми присущими ему функциями. Разница, как мы видим, очевидна.

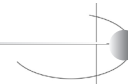
3. Равенство шансов: при обращении в общей форме должно быть гарантировано, что женщины и мужчины ощущают обращённость к себе в одинаковой степени и не подвергаются дискриминации.

4. Леди первые: если при назывании лиц параллельно используются женская и мужская формы, то фемининная форма должна стоять перед маскулинной.

В целях соблюдения принципов гендерно-корректного употребления языка рекомендуется использовать следующие варианты обозначений:

– полные парные формы типа: *alle Teilnehmerinnen und Teilnehmer*; *die Bewerberin oder der Bewerber*; *der oder die Angestellte*; *die oder der Vorsitzende*, *der Antragsteller bzw. die Antragstellerin*;

– сплиттинг в разных вариациях: *Teilnehmer/innen* или *TeilnehmerInnen*, или *Student(inn)en*. Кстати сказать, получил хождение и вариант *Teilnehmer_innen*, который, как оказалось, включает не только лиц женского и мужского пола, но и транссексуалов. Сплиттинг распространяется и на заимствованные наименования лиц (*UserInnen* или *User/innen*). Однако поскольку такие экономичные графические формы неудобны в устной речи, их следует по возможности избегать. Проблемы возникают и в тех случаях, когда при словообразовании существительных женского рода изменяется производящая основа в виде умляута (*der Arzt – die Ärztin*) или усечения исходного е (*der Pate – die Pa-*

tin). Если во втором случае при сплиттинге возможно написание *der/die Beamt(e)in*, то для первого случая какая-либо приемлемая форма выражения не найдена;

– нейтрализация понятий:

а) посредством использования гендерно-нейтральных обозначений лиц: *die Person, das Mitglied, der Gast, der Mensch, der Prüfling, die Bürokräft, die Leute*;

б) посредством использования гендерно-нейтральных субстантивированных причастий и прилагательных во множественном числе: *die Studierenden, die Institutsangehörigen, die Lehrenden, die Teilnehmenden, die Steuerpflichtigen*;

в) использование вместо наименований конкретных лиц метонимических форм с переносом значения на функции, учреждения, групповую принадлежность и т. п. (однако, по возможности, следует отдавать предпочтение обозначениям лиц): *das Personal, die Direktion, das Institut, die Abteilung, das Projektteam*;

– креативные решения, заключающиеся в поиске различных возможностей гендерно-корректного употребления языка в зависимости от контекста.

При всём том не следует перегружать текст и усложнять его структуру в ущерб удобочитаемости путём использования гендерно-корректных формулировок типа: *Erklärung des/der Antragsteller(s)/in oder sein(es)/er bzw. ihr(es)/er gesetzlichen Vertreter(s)/in...* Или: *Der Antragsteller oder die Antragstellerin, der oder die seinen oder ihren Antrag bei der zuständigen Bearbeiterin oder dem zuständigen Bearbeiter vorgelegt hat...* Рекомендуется формулировать предложения таким образом, чтобы избежать параллельного использования притяжательных местоимений. Так, фраза „*Kein Bediensteter und keine Bedienstete darf in der Ausübung seines oder ihres Wahlrechts oder in seiner oder ihrer Wählbarkeit beschränkt werden*“ может быть сформулирована по-другому: „*Kein Bediensteter und keine Bedienstete darf in der Ausübung des Wahlrechts oder in der Wählbarkeit beschränkt werden*“. Выходом из положения может служить использование множественного числа имён существительных при одновременном назывании лиц женского и мужского пола. Например, громоздкая фраза „*Die Mitarbeiterin oder der Mitarbeiter, die oder der ihre oder seine Lohnsteuerkarte...*“ может быть заменена на существование более простую: „*Die Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter, die ihre Lohnsteuerkarte...*“. Рекомендуется использовать множественное число субстантивированных причастий и прилагательных: *die Beisitzenden*

вместо *Beisitzer und Beisitzerinnen*. Здесь хорошо подойдут и композитные новообразования: *die Wahlberechtigten* вместо *der Wähler/die Wählerin*. В мире труда стали широко использоваться и собирательные существительные с полусуффиксом *-kraft*: *Lehrkraft, Hilfskraft, Kassenkraft, Reinigungskraft, Vollzeitkraft, Teilzeitkraft, Schreibkraft*. В некоторых случаях рекомендуется использовать причастные формы в сочетании с гендерно-нейтральными существительными: *Die antragstellende Person muss ihre Geburtsurkunde...* вместо *Die Antragstellerin oder der Antragsteller muss seine oder ihre Geburtsurkunde...*

Избежать громоздких текстов из-за использования гендерно-корректных формулировок можно путём переформулирования предложений. Для этого могут быть использованы альтернативные способы выражения одного и того же содержания. Так, благодаря использованию страдательного залога можно отказаться от обозначения активного действующего лица. Ср.: *Der Träger der Ausbildung hat dem Schüler eine angemessene Ausbildungsvergütung zu gewähren / Während der Ausbildung wird eine angemessene Ausbildungsvergütung gewährt*. В письмах, инструкциях, рекламных проспектах вместо обозначений лиц стали использовать прямые обращения. Ср.: *Die Bibliothek steht den Benutzern und Benutzerinnen in der Zeit von... bis... zur Verfügung / Die Bibliothek steht Ihnen in der Zeit von... bis... zur Verfügung*.

Сегодня вместо прямых наименований лиц мужского или женского пола стали чаще использовать предметные обозначения (*ein Professor / eine Professorin = eine Professur*) или абстрактные отглагольные существительные на *-ung* (*leitende, vertretende oder bedienende Personen beiderlei Geschlechts = Leitung, Vertretung, Bedienung*). Если всё же есть необходимость обозначить личности, используют гендерно-нейтральные производные слова. Ср.: *Unsere Berater und Beraterinnen werden Sie umfassend informieren / Unser Beratungspersonal wird Sie umfassend informieren*. Существует возможность отказаться от употребления обозначений лиц и путём замены существительного прилагательным: *Rat eines Arztes = ärztlicher Rat*. Чаще стали использоваться собирательные понятия на *-schaft*: *Lehrer und Lehrerinnen = Lehrerschaft, Bürger und Bürgerinnen = Bürgerschaft*. В качестве заместителей имён существительных могут использоваться неопределённые местоимения типа *jemand, niemand, alle*: *Niemand sollte den Eindruck bekommen, das Ob-*

jekt eines seelenlosen Verwaltungsapparates zu sein. Здесь стоит упомянуть, что феминистки не приветствуют употребление неопределённых местоимений *man* и *jedermann*, поскольку усматривают в них сексистскую составляющую. Однако предлагаемые ими аналоги *frau* и *jedefrau* не получили широкого признания, поэтому их использование в административном языке не рекомендуется. При употреблении вопросительного местоимения *wer*, во избежание согласуемой с ним мужской формы притяжательного местоимения *sein*, следует прибегать к гендерно-нейтральным формулировкам. Ср.: *Wer aus dem städtischen Dienst ausscheidet, hat sein Job-Ticket zurückzugeben / Wer aus dem städtischen Dienst ausscheidet, hat das Job-Ticket zurückzugeben.*

Использование параллельных форм, скобок и косых линий не рекомендуется в связанных и сложных по своей структуре текстах. Напротив, в вывесках, бланках, объявлениях, рекламных проспектах и т. п. гендерно-корректные формы приветствуются.

Если из контекста понятно, что речь идёт исключительно о лицах женского пола, не следует использовать родовые обозначения мужского рода: *Im Falle der Schwangerschaft einer Entwicklungshelferin sind Unterhaltsleistungen weiter zu gewähren...*

Допускается сохранять родовые мужские наименования в составе производных и сложных слов, если отсутствуют их гендерно-нейтральные эквиваленты. В составе прилагательных их не следует воспринимать как нарушение нормы.

Аббревиатуры титулов и обозначений лиц по их функциям при включённости обоих полов пишутся следующим образом: *Mag.a*, *Dr.in*, *Dlin*, *GFin*. Однако не подвергаются гендерной модификации заимствованные из английского языка академические степени *Bachelor* и *Master* (Ср. заимствованные из латинского языка профеминистские обозначения *Magister* м. р. – *Magistra* ж. р.).

Обращаясь к конкретным лицам, не следует употреблять неоднозначные формулировки типа: *der Käufer und/oder die Käuferin*. Однако если информация обращена к отдельному лицу и при этом неизвестен его пол, следует использовать союз *oder*: *Der Käufer oder die Käuferin verpflichtet sich...*

В письмах при обращениях и в адресах следует в обязательном порядке использовать женские формы, если известно, что адресат женского пола. Если речь идёт о супружеской паре, то допускаются следующие формулировки:

Frau Gisela Hofmann.

Herrn Gerhard M. Hofmann.

Неверно: *Manfred u. Ida Müller* или: *Eheleute Gerhard M. Hofmann.*

В формулярах и бланках всегда должны быть предусмотрены как женские, так и мужские формы.

И, наконец, при переводах текстов с английского языка на немецкий следует прибегать к гендерно-корректным формулировкам, по возможности выясняя, имели ли авторы в виду лиц одного пола или обоих полов.

В завершение следует отметить, что отношение к модификации немецкого языка согласно феминистским установкам далеко не однозначно. В дискуссию включилась широкая общественность, пополняются ряды как преданных сторонников, так и ярых противников нововведений. Среди последних большая часть – мужчины, называющие устремления борцов за равноправие мужчин и женщин в языке не иначе как безумием. Высказывается предположение, не придёт ли на смену родовому «маскулиnumу» родовой «фемининум», поскольку широко внедряемые «женские» языковые формы отнюдь не являются гендерно-нейтральными.

Однако несмотря ни на что, благодаря последовательной языковой политике гендерно-корректные языковые формы сегодня стали всё шире употребляться в различных сферах общественной жизни, в первую очередь в административно-правовой сфере, в СМИ, в системе образования. Значительную роль в этом процессе сыграли разработки профеминистски настроенных лингвистов и общественных деятелей (а это в подавляющем большинстве своём женщины), содержащие вполне ясные и достаточно подробные правила по гендерно-корректному употреблению немецкого языка. И было бы правильным, на наш взгляд, рекомендовать иностранным гражданам, в том числе россиянам, по возможности придерживаться этих правил.

Список литературы

1. Braun F. Mehr Frauen in die Sprache. Leitfaden zur geschlechtergerechten Formulierung. Kiel: Frauenministerin des Landes Schleswig-Holstein, 1991. 29 S.
2. Csitkovics E. Feministische Sprachkritik. Genderwahn [Электронный ресурс]. Wien: Universität Wien, 2013. Режим доступа: https://www.univie.ac.at/.../genderwahn_csitkovics.do (дата обращения: 13.02.2016).

3. Drechsler S. Frauen und Männer sind gleichberechtigt auch in der Sprache. Saarbrücken: Gleichstellungsstelle für Frauen der Landeshauptstadt Saarbrücken, 1991. 33 S.
4. Gender Cage – Revisited: Handbuch zur Organisations- und Geschlechterforschung / Hrsg. M. Funder. Baden-Baden: Nomos, 2014. 452 S.
5. Gender-Wahnsinn an Berliner Uni. Sprach-Experten lachen über „Mitarbeita“ und „Doktoxs“ [Электронный ресурс] // FOCUS Online. 23.04.2014. Режим доступа: <http://www.focus.de/familie/studium/gender-wahnsinn> (дата обращения: 14.02.2016).
6. Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L. F., Trömel-Plötz S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. № 69. 1980. S. 15–21.
7. Hellinger M., Bierbach Ch. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch. Bonn: Deutsche Unesco-Kommission, 1993. 13 S.
8. Hildebrandt E. Was ist sprachlicher Sexismus? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://prezi.com/zr6xgucywdzt/was-ist-sprachlicher-sexismus/> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Kubelik T. Genug gegendert!: Eine Kritik der feministischen Sprache. Halle: Projekte-Verlag, 2013. 174 S.
10. Leitfaden für geschlechtergerechtes Formulieren und eine Diskriminierungsfreie Bildsprache. Wien: Presse und Informationsdienst, 2011. 19 S.
11. Müller S., Fuchs C. Handbuch zur nichtsexistischen Sprachverwendung in öffentlichen Texten. Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993. 240 S.
12. Pettersson M. Geschlechtsübergreifende Personenbezeichnungen: eine Referenz- und Relevanzanalyse an Texten. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2011. 222 S.
13. Riedener C. Manche finden meine Sprache zu derb [Электронный ресурс] // WOZ. № 6. 05.02. 2015. Режим доступа: <https://www.woz.ch/-59b9> (дата обращения: 14.02.2016).
14. Sprachliche Gleichbehandlung von Frauen und Männern // BBB-Merkblatt M 19. Köln: Bundesverwaltungsamt – Bundesstelle für Büroorganisation und Bürotechnik (BBB), 2002. 30 S.

Библиографическое описание статьи

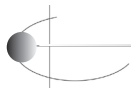
Антропова Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 49–55. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55.

Reference to article

Antropova N. A. On Gender-Correct Use of the German Language // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 49–55. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55.

Статья поступила в редакцию 25.02.2016

Бакытгул Даутбековна Искакова¹,
кандидат филологических наук, доцент,
Аркалыкский государственный
педагогический институт имени И. Алтынсарина
(110300, Казахстан, г. Аркалык, ул. Абая, 90),
e-mail: bakytgul.iskakova@mail.ru

Гульназ Токеновна Карипжанова²,
кандидат филологических наук, доцент,
Павлодарский государственный университет
имени С. Торайгырова
(140000, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 36),
e-mail: adon70@mail.ru

Семантические группы глагола в книге М. Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк»

В статье рассматривается семантическая категория глагола в книге М. Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк». На основе использования статистического метода были выделены семантические группы глаголов. Н. К. Дмитриев в своей работе «Строй тюркских языков» впервые в тюрковедении свёл лексические элементы в одну систему, разделив их на семантические группы. Этот метод учёного нашёл широкое применение во всех тюркских языках, в которых глаголы были распределены по семантическим группам. В казахском языкознании проблемой семантических групп занимались А. Хасенова, М. Оразов.

Основываясь на труде вышеназванных исследователей, мы проанализировали особенности значений глаголов в тюркском памятнике XI века «Дивани лугат ат-тюрк» М. Кашгари. С точки зрения теории современного казахского языка в процессе исследования глаголы «Словаря» были распределены на четыре лексико-семантические группы: глаголы движения, глаголы действия, глаголы мышления и качества, глаголы изображения и звукоподражания. С помощью статистического метода нами выявлена частотность употребления различных лексико-семантических групп глаголов. В результате, в тюркском памятнике средневековой эпохи высокая частотность употребления проявилась у глаголов действия, что непосредственно соотносится с историей развития современного казахского языка.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что с точки зрения теории и истории глагола глаголы тюркской средневековой эпохи сыграли значительную роль в развитии современных тюркских языков, в том числе казахского. В статье представлено исследование лексико-семантических групп глаголов «Словаря» в сопоставлении с материалами современного казахского языкознания.

Ключевые слова: тюркский язык, лексико-семантические группы глаголов движения, глаголы действия, глаголы мышления и качества, глаголы изображения и звукоподражания

Bakytgul D. Iskakova³,
Candidate of Philology, Associate Professor,
I. Altynsarin Arkalyk State Pedagogical Institute
(90 Abaya st., Arkalyk, 110300, Kazakhstan),
e-mail: bakytgul.iskakova@mail.ru

Gulnaz T. Karipzhanova⁴,
Candidate of Philology, Associate Professor,
S. Toraiyrov Pavlodar State University
(36 Lomova st., Pavlodar, 140000, Kazakhstan),
e-mail: adon70@mail.ru

Semantic Groups of Verbs in M. Kashgari's Work *Dīwānu l-Luġat al-Turk*

The semantic verb category in M. Kashgari's work *Dīwānu l-Luġat al-Turk* was analyzed in this article. During the research of Turkic lexis elements specific to the system, semantic grouping was

¹ Б. Д. Искакова является основным автором, организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Г. Т. Карипжановой проделана практическая работа по использованию статистического метода, в выделении его в семантические группы и сопоставлении с эквивалентами казахского языка.

³ B. D. Iskakova is the main author, she is an organizer of the research, she makes the conclusion and generalizes the aim of the collective project.

⁴ G. T. Karipzhanova has performed a practical research work on using a statistic method and selecting it into semantic groups by comparing with their equivalents in the Kazakh language.

made by N. K. Dmitriev in his work "System of the Turkic languages". As the scientist's opinion was supported widely, different verbs of the Turkic languages were classified into semantic groups. Semantic verb groups were studied by A. Khasenova and M. Orazov in Kazakh linguistics.

Having studied the works of the above mentioned scientists, we analyzed M. Kashgari's work *Diwānu l-Luġat al-Turk*, the Turkic monument of the 11th century, which has the specifics of the verb meaning. The semantic groups of verbs were identified on the basis of a static method. The verbs were divided into four lexical-semantic groups: verbs of motion, action verbs, verbs of thinking and quality, onomatopoeia verbs and images. They were compared with the corresponding equivalents in the Kazakh language. The statistical method determined the frequency of the lexical and semantic verb groups. The action verbs used in the medieval Turkish era were established, they are all directly related to the Kazakh language history.

Thus, the verbs of the medieval Turkish era played an important role in the development of the modern Turkic language, including the Kazakh language. The article presents the research of lexical and semantic groups of the Dictionary in comparison with the materials of the modern Kazakh linguistics.

Keywords: the Turkic language, lexical and semantic groups, verbs of motion, action verb, verb of thinking and quality, onomatopoeia verbs and images

В тюркском мире великому произведению М. Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк» нет равных. Созданный в XI веке, этот словарь с самого начала заинтересовал учёных-тюркологов. Очень мало написано научных статей и работ об этом труде.

Специфика материалов научного словаря М. Кашгари состоит в том, что они взяты из устного языка народа племенной эпохи. Поэтому в «Дивани» часто встречаются слова устной речи, повседневного бытового языка, диалектизмы, слова официального стиля и т. д. Важно продолжить сопоставление диалектологии, морфологии, лексикографии казахского языка с материалами этого словаря.

В научных исследованиях, докладах, статьях, отзывах по истории казахского языка и литературы было высказано достаточно много различных точек зрения лингвистов и литературоведов по поводу «Словаря» М. Кашгари. Такие учёные, как Г. Айдаров, М. Томанов, А. Курышжанов не вели специальных исследований глаголов в «Словаре», однако они постоянно акцентировали внимание в своих работах на проблемах грамматики тюркских языков в названном памятнике, связанных с историей казахского языка.

Древние, средневековые памятники занимают особое место в изучении истории формирования и развития казахского языка. Необходимо выявить, какое отношение к казахскому языку имеют научные выводы и заключения по «Словарю» М. Кашгари, в чем отличие казахского языка. В особенности необходимо выявить соотношение между мнением М. Кашгари о глаголе с теорией современного казахского языка. Необходима глубокая разработка этой проблемы. С точки зрения современного языкознания лексико-семантические и грамматические группы глаголов «Словаря» недостаточно исследованы.

Н. К. Дмитриев [2] одним из первых в общем тюрковедении свёл в одну известную систему лексические элементы и разделил их на семантические группы. Используя выводы этого учёного, исследователи языков распределили глаголы по семантическим группам.

В системе частей речи казахского языка глагол как сложная категория и его лексико-грамматические свойства в течение долгих лет исследовались всесторонне. В современном языкознании глагол рассматривался с точки зрения познавательной, прагматической, этнолингвистической позиций. Были отмечены особенности глагола в системе языка с точки зрения его функций, лексико-семантических характеристик и т. д.

В казахском языкознании впервые распределение глаголов по семантическим группам осуществила А. Хасенова [9]. Односложные глаголы по содержательному составу разделила на группы К. Касабекова [6]. Одновременно с ними М. Оразов исследует глаголы современного казахского языка [8]. И. Е. Маманов в своей работе, рассмотрев особенности глаголов с содержательной точки зрения, разделил их на 8 лексико-семантических групп [7, с. 35–36]. А. Хасенова выделила 6 семантических групп, А. Искаков – одиннадцать [9, с. 224]. В основе научного анализа в тюрковедении лежит принцип выявления лексико-семантических групп слов только при условии полного исследования их семантики.

Разумеется, М. Кашгари в «Тюркском словаре» не рассматривал лексико-семантические группы глаголов. Но он осмысливал значения глаголов через употребление их в предложениях. Объединяя глаголы «Словаря» по лексическому содержанию, мы выделили следующие лексико-семантические группы:

1. Глаголы движения.
2. Глаголы действия.
3. Глаголы качества и мышления.
4. Глаголы изображения и звукоподражания.

Глаголы движения. Обычно эти глаголы обозначают перемещение предмета с одного места на другое. Эти глаголы проанализированы и в тюрковедении, и в русском языкознании. В казахском языкознании М. Оразов [8] разделил их на 9 семантических групп.

Взяв за основу распределение глаголов в «Словаре» М. Кашгари М. Оразовым, мы выделили следующие группы:

1. Глаголы перемещения по поверхности земли: *ерді, озды, өткүрді-өткізді, барды, тұрды* и т. д.

2. Глаголы перемещения по воде: *ақты, ақытты, азды, шөмді – батты, сүңгіді, қозышланды – құлдырап* и т. д.

3. Глаголы перемещения по воздуху: *ұшты, шарды – жүзді, ітлінді – лақтырылды, талпышды – талпынды* и т. д.

4. Глаголы перемещения без определённого направления: *арғұлады – аралады, көрсетті, өтті* и т. д.

5. Глаголы приближения к говорящему или другому объекту: *авынды – жақындасты, талпынды – ұмтылды, талпынды* и т. д.

6. Глаголы отдаления от говорящего или другого объекта: *ашұнды – асып кетті, қашты, көшті, қуды, жүрілді – қуылды, қойды – үрісті* и т. д.

7. Глаголы перемещения в определённом направлении: *оюерушді – түсті, сызрылды – сырғыды, тұшланды – тұспа-тұс келді* и т. д.

8. Глаголы движения снизу вверх: *ағды (шықты, көтерілді) өрленді, өрледі, йарманды – тырбанды, өрмеледі* и т. д.

9. Глаголы быстрого перемещения: *тезді – безді, кезді – кезді, озушды – оздырысты, атынды – атылды, кетгірді – асаулық көрсетті (тулады)* и т. д.

Глаголы говорения подразделили на 5 лексико-семантических групп:

1. Глаголы произношения: *сенгетті – сен дегізді, сізлеттім – сіз дегіздім, терүрді – дегізді, теді – деді, айтты, сенледі – сен деді* и т. д.

2. Глаголы говорения: *айтты, танұлды – естірілді, айтылды, айтұрды – айтқызды, патлашты – парсыша сөйлесті* и т. д.

3. Глаголы извещения: *өтүпді – өтүнді, сөйлешді – сөйлесті, баяндады, қаттұрды – естірді, айтқызды* и т. д.

4. Глаголы говорения с эмоциональной окраской: *ағушді – мақтасты, іленді – айыптанды, бетіне басты, евзеді – сөкті, жамандады, қарғады – ач қады – қарғады – сіледі* и т. д.

5. Глаголы говорения с выявлением взаимоотношений: *алқашты – алғыстасты, айтынды – сұранды, екеледі – тілдеді, сөкті, алқалды – алғыс айтылды, керішді – керісті, тәжікелесті* и т. д.

В результате было обнаружено, что общее количество глаголов движения и говорения составило 229 единиц: из них глаголов движения – 157, глаголов говорения – 72. Среди них встречаются глаголы, соответствующие нормам современного литературного казахского языка или их слегка изменённые фонетические варианты, количество данных глаголов – 135, в современном языке количество глаголов отрицания – 94.

Глаголы действия – наиболее часто встречающийся в «Словаре» М. Кашгари тип глаголов. Движение направлено к одному объекту. Рассмотрев эти глаголы в «Дивани», мы разделили их на следующие группы:

1. Глаголы питья и еды: *өпді – ішті, ұрттады, үрді – үрледі, емді, өпүчді – ішкізді, ішүрді – ішкізді, емүзді – емізді, ашатты – асатты, ысрылды – шайналды, кевді – шайналды, татұрдым – татырдым, жегіздім, тозұрдым – тойдырдым, ағұрды – ішті, сімірді.*

2. Глаголы действия: *екді – екті, өрді – тоқыды, ашлады – құрсаулады, жамады, ұрғұланды – ұрықтанды, ішшелді – істелді, ковүшді – тігісті, құрұшды – құрысты, көпітті – сырып тіктірді.*

3. Глаголы разрушения и ломки: *ешді – төкті, үтті – үйтті, отұрды – кесті, қиды, өшүрді – өшірді, отұлды – оталды, іскенді – үзді, жұлды, артатты – бұзды, іскеді – түтті, жұлды, құртты, кеслінді – кесті, қырмамты – сүрдірді, міңдетті – жұлғызды.*

4. Глаголы общего действия: *ашды – ашты, алды, емгешті – еңбектеністі, іуғушді – жәрдемдесті.*

5. Глаголы (раз)деления: *езірді – айырды, езірді – талдады, оғұрды – айырды, шақты, азышты – айырылысты, ажырасты, семлетті – сүздірді, айырып алды.*

6. Глаголы, связанные с использованием вещи в деле: *сүйді, өрді, арқашды – арқаласты, йасталды – жасталды, иелімденді – желімденді, тарды – тартты, сатұрды – санатты.*

7. Глаголы действия с помощью оборудования: *үгді – үйді, атты, ұтты, ойды, езіт-*

ті – ен салды, ысмышты -тістесті, елгенді – еледі, еленді, қовзатты – қобыз тарттырды, тағлатты – тағалатты.

8. Глаголы действия, связанные с письмом и чтением: *оқышты – оқысты, оқылды, оқынды, бітішді – жазысты.*

Количественное распределение глаголов по выделенным группам выглядит следующим образом:

1. Глаголов движения – 229.
2. Глаголов действия – 500.
3. Глаголов качества и мышления – 180.
4. Глаголов изображения и звукоподражания – 100.

Благодаря распределению глаголов по лексико-грамматическим группам мы выявили, что в XI веке наиболее употребительными из них были глаголы действия.

Была выделена 9-я группа глаголов:

9. Глаголы состояния, мышления и качества. Главная особенность этих глаголов с точки зрения их семантики – значение настоящего времени. Всем известны высказывания А. Байтурсынова в теории казахского языка относительно глаголов настоящего времени [1, с. 216–217].

Научное исследование категории настоящего времени глаголов в казахском и других тюркских языках было осуществлено К. Жубановым. Он развил учение А. Байтурсынова об этой категории, дав ей научную характеристику, выявив пути образования глаголов настоящего времени, дав систему их группировки.

Особое внимание К. Жубанов обращает на глаголы состояния (отыр, тұр, жатыр, жүр), которые нельзя перевести одним словом на другие языки. Дав им характеристику, учёный выделяет три основных морфологических признака:

1. К корню *жат* добавляется частица *ыр* – создаётся форма глагола настоящего времени *жатыр*, оставшиеся три корня создают глаголы по схожей схеме.

2. Такие формы глаголов имеют значение настоящего времени.

Такая форма используется в значении двух видов лица, двух видов времени, двух видов наклонения [3, с. 216–217].

В общем языкознании существует достаточно суждений об образовании глаголов состояния, о суффиксах будущего времени = *p*, = *ap*, = *ep*, = *ur*, = *ыр*, = *ур* и других. Выявлению генезиса этих формантов посвящены труды Ф. Е. Корша, К. Фоя, В. Банга, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, К. Броккельмана, Ж. Дени, Л. Мелиоранского, Н. И. Ильминского, М. Хартмана. Например, Ф. Е. Корш

форму настоящего времени, сложившуюся в XVI–XVII веках с помощью суффикса -*ыр*, связывает с глаголами «*йтмак*», «*иатур*». По мнению учёного, в глаголе «*йтатур*» звук *t* выпал и возникли «*йа : p*», «*йо : p*». Впоследствии, в связи с особенностями развития национальных языков, использовались различные компоненты.

Н. И. Ильминский историю возникновения этого суффикса настоящего-будущего времени связывает с глаголом «*дур*». В. Банг рассматривает их в связи с глаголами «*калайур*», «*каладур*». Мы остановимся на том, что Ф. Е. Корш начало возникновения формы настоящего времени определяет с XVI века. С нашей точки зрения, элементы настоящего времени глаголов встречаются в «Словаре» М. Кашгари, и начало этого этапа – XI век. М. Кашгари пишет: «*Ер сөкел тутур – адам ауырып деген мәнді білдіреді. Ол еви турур – Ол үйде тұр – дүр. Ол үйде тұр дегенді аңғартады*» [10. Т. 3, с. 246].

Таким образом, в языковых памятниках XIII–XIV веков обнаруживаются глаголы в значении настоящего времени;

Көлде қара қула йувсапдыр – Көлде қара құла жұсап тұр.

Иазда иавлы тоқмақ иатыр. – Айдалада майлы тоқпақ жатыр [5, с. 71–72].

В современном казахском языке используются глаголы состояния в значении настоящего времени:

Мұндай сөзді естімегендіктен есіріп жүрсің (О. Бөкеев).

Енді, міне, Ақлима апай көрінген жұртқа балам келе жатыр деп күтіп отыр (Ф. Мүсірепов).

Абай кірпік қақпай қадалып, тыныстары да тыйылып, Тоғжан үнін тыңдаумен тұр (М. Әуезов).

Бұрынғы аға сұлтандық қалып, «болыс» деген жаңалық кіргелі жатыр (М. Әуезов)

Глаголы состояния, мышления и качества:

Безді, безілдеді – Ер суықтан безілдеді.

Ол ұмшақ неңі атұрды – Ол жұмсақ нәрсені қатырды.

Оғлан құтұрды – Бала құтырды.

Ашығ нең үшірді – Ащы нәрсе тәт-тәленді. Қызарды нең – Нәрсе қызарды. Иер түзерді – Жер тегістелді. Тон кірікті – Тон кірленді.

Суз соғұлды – Су сарқылды. Субалды – суланды. Безенді – Сәнденді. Мен азар қаздғурдум – Мен оған қайғырдым.

Кеші қашұғ тебірішді – Барлық кісі тебіренді.

Мен еиле усдым – Мен сондай күмәндандым. Ер ысрынды – Адам мұңайды. Өтүрді – Ойлантты, еске түсірді.

Сезіктім – Сезіктендім. Қомыды – Сағынды.

В «Словаре» глаголы мышления очень редко встречаются, да и в современном казахском языке они весьма специфичны. Например, значение глагола «сағынды» в «Словаре» – «думал», «желал». В современном казахском языке этот глагол не является синонимом глаголов *думать*, *размышлять*, но потерю лексического значения выявить не удалось. Глагол сағыну сменил семантику иконную «размышлять о чем-то», «тосковать» и сейчас он используется как глагол действия.

Глаголы изображения и звукоподражания:

Суы бурды – Су бұрқырады. Ашығ көпүрді – Қазан көпірді.

Көк бусарды – Көк тұманданды. Қуш сықырды – Құс сайрады, құс үн шығарды. Ер қыңырды – Адам қышқырды. Иер түнерді – Жер түнерді. Тікіледі нең – Нәрсе тікіледі, нәрсе нәзік дыбыс шығарды.

Тавұшлады – дауыстады, дыбыс шығарды.

Оның үзі сұрышды – Оның жүзі сұрланды.

Қан бүркірді – Қан бұрқырады. Ат бырқырды – Ат пысқырды.

Иағмұр тамшүрді – Жаңбыр тамшылады. Иер тозғырды – Жер тозаңдады. Бұлтлар қамуғ көремді – Бұлттың бәрі күркіресті.

Көзден шаш савруқты – көзден жас баулады.

Результаты статистического анализа показывают следующие данные:

1. Количество глаголов перемещение – 229.

2. Количество глаголов действия – 500.

3. Количество глаголов состояния, мышления и качества – 180.

4. Количество глаголов изображения и звукоподражания – 100.

В результате сопоставления лексико-семантических групп «Словаря» М. Кашгари благодаря статистическому методу впервые было обнаружено, что самое большое количество наблюдается у глаголов действия (500) и перемещения (229). Благодаря статистическому методу была выявлена схожесть глаголов «Словаря» и глаголов современного казахского языка, отмечено существование небольших их фонетических различий.

Благодаря разделению глаголов на лексико-семантические группы мы выявили, что наиболее употребительными глаголами в XI веке с содержательной точки зрения были глаголы действия. Современный язык – продолжение ататюркского языка, развитие языка – живой процесс.

Список литературы

1. Байтурсынов А. Вопросы казахского языка. Алматы: Ана тілі, 1991. 448 с.
2. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. 607 с.
3. Жубанов К. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Абзал-Ай, 2013. 640 с.
4. Искаков А. Современный казахский язык. Алматы: Ана тілі, 1991. 348 с.
5. Калиев Г., Боранбаева Г. История казахского литературного языка: хрестоматия. Алматы, 2000. 322 с.
6. Қасабекова Қ. Бір буынды негізгі түбір салт етістіктің мағыналық құрамы: филол. ғыл. канд. дис. Алматы, 1992. 130 б.
7. Маманов И. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2007. 488 с.
8. Оразов М. Қазіргі қазақ тілі қалып етістіктері. Алматы, 1980. 174 б.
9. Хасенова А. Қазіргі қазақ тіліндегі етістік категориясы. Алматы, 1951. 220 б.

Источники

10. Махмуд Кашгари. Дивани лугат ат-тюрк: в 3 т. / пер. А. К. Егеубаева Алматы, 1997–1998.
11. Махмуд Кошғарий. Туркий сузлар девони (Девони луготит турк). 1–3 т. Тошкент, 1960, 1961, 1963.
12. Kasqorli Mahmud. Divani luqati t- turk. Факсимиле. Ankara, 1990. 320 б.

References

1. Baitursynov A. Voprosy kazakhskogo yazyka. Almaty: Ana tili, 1991. 448 s.
2. Dmitriev N. K. Stroi tyurkskikh yazykov. M., 1962. 607 s.
3. Zhubanov K. Voprosy kazakhskogo yazykoznaniiya. Almaty: Abzal-Ai, 2013. 640 s.
4. Iskakov A. Sovremenniy kazakhskii yazyk. Almaty: Ana tili, 1991. 348 s.
5. Kaliev G., Boranbaeva G. Istoriya kazakhskogo literaturnogo yazyka: khrestomatiya. Almaty, 2000. 322 s.
6. Qasabekova Q. Bir buyundy negizgi tybir salt etistiktiñ mañynalyq quramy: filol. ғыl. kand. dis. Almaty, 1992. 130 b.
7. Mamanov I. Voprosy kazakhskogo yazykoznaniiya. Almaty: Arys, 2007. 488 s.

8. Orazov M. Қазиргі қазақ тили қалып етистиктери. Almaty, 1980. 174 б.
9. Khasenova A. Қазиргі қазақ тилиндегі етистик категориясы. Almaty, 1951. 220 б.

Istochniki

10. Makhmud Kashgari. Divani lugat at-tyurk: v 3 t. / per. A. K. Egeubaeva. Almaty, 1997–1998.
11. Makhmud Koshfarii. Turkii suzlar devoni (Devoni lugotit turk). 1–3 t. Toshkent, 1960, 1961, 1963.
12. Kasqorli Mahmud. Divani luqati t- turk. Faksimile. Ankara, 1990. 320 б.

Библиографическое описание статьи

Искакова Б. Д., Карипжанова Г. Т. Семантические группы глагола в труде М. Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк» // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61.

Reference to article

Iskakova B. D., Karipzhanova G. T. Semantic Groups of Verbs in M. Kashgari's Work Dīwānu l-Luġat al-Turk // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 56–61.

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

CONCEPTUAL WORLD VIEW

УДК 811.161
ББК 80/84 Ш
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-62-66

*Галина Анатольевна Заварзина,
доктор филологических наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет
(394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86),
e-mail: zga1311@mail.ru*

Особенности развития концепта «Социальное управление» в концептосфере нового российского государственного управления

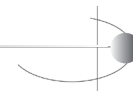
Настоящая статья посвящена исследованию системно-структурной организации важнейшего в русской концептосфере нового государственного управления когнитивно-образовательного образования – концепта «Социальное управление». В работе представлено и описано номинативное поле исследуемого концепта, которое формируется за счёт лексических и фразеологических единиц, входящих в состав одноимённого макрополя и образующих его микрополей. Особое внимание в статье уделяется анализу основных направлений развития концепта «Социальное управление», связанного с изменением составляющих его когнитивных дифференциальных признаков. Отмеченные процессы проявляются, с одной стороны, в исчезновении когнитивных признаков, сформировавшихся в период развития Советского государства под влиянием господствовавшей марксистско-ленинской идеологией, а с другой стороны, в закреплении новых когнитивных признаков. В статье делается важный вывод о том, что подобные трансформации обуславливают изменение состава номинативного поля концепта «Социальное управление», проявляющееся, прежде всего, в его расширении за счёт различного рода инноваций.

Ключевые слова: системно-структурная организация, концепт, макроконцепт, концептосфера, когнитивные признаки, номинативное поле концепта, социальное управление, государственное управление, макрополе, микрополе, инновации

*Galina A. Zavarzina,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University
(86 Lenina st., Voronezh, 394043, Russia),
e-mail: zga1311@mail.ru*

The Concept of “Social Administration” and the Features of its Development in the Conceptual Sphere of the New Russian State Administration

The present article is devoted to the study of system-structural organization of the most important cognitive formation in the conceptual sphere of the new Russian state administration – the concept of social control. The nominative field of the concept formed by lexical and phraseological units which are the constituents of the macro-field with the same title and its micro-fields is presented and described in the article. The research is particularly focused on the analysis of the main trends in the development of the concept of social control connected with the change of its cognitive distinctive features. The studied processes, on the one hand, manifest the disappearance of cognitive signs, formed during the development of the Soviet state under the influence of the prevailing Marxist-Leninist ideology, but, on the other hand, consolidate the new cognitive features.

To sum up, such transformations determine the modification of the nominative field of the concept "social administration" that appears itself first of all in its extension on account of various innovations.

Keywords: system-structural organization, concept, macro-concept, conceptual system, cognitive features, nominative field of a concept, social government, state government, macro-field, micro-field, innovations

В русской концептосфере нового государственного управления весьма важным когнитивным образованием является концепт «Социальное управление». Номинативное поле исследуемого концепта формируется за счёт лексических и фразеологических единиц, входящих в состав макрополя «Социальное управление», которое представлено микрополями «Управление наукой и образованием», «Управление в области культуры», «Управление в области труда и социального развития», «Управление в области здравоохранения, физической культуры и спорта», «Управление в области транспортно-дорожного комплекса и связи», «Управление в области строительно-жилищного сектора», «Управление в области экологии», формируемыми соответствующими микроконцептами.

Известно, что словосочетание «социальное управление» получило чёткое оформление в связи с закреплением в 70-годы XX века в научной политологической литературе понятия «социальная сфера», появившегося благодаря привлечению социологов к разработке планов социально-экономического развития советского государства и получившего в отечественной социально-философской литературе разные толкования, которые базируются, прежде всего, на западных концепциях и могут быть сведены к узкому и широкому пониманию данного явления.

Следует отметить, что среди сторонников узкого подхода к определению понятия «социальная сфера» также нет единства.

Согласно первому подходу социальная сфера понимается как непродуцирующая сфера народного хозяйства, в которой непосредственно не создаются материальные блага. Ср.: «...социальная сфера – это совокупность отраслей народного хозяйства», деятельность которых направлена на удовлетворение социальных потребностей граждан [12, с. 34].

Второй подход связывает социальную сферу с социальным воспроизводством как совокупности взаимодействия социальных субъектов. Так, С. А. Шавель понимал под социальной сферой «пространство воспроизводства повседневной жизни, развития и самоосуществления человека как личности» [15, с. 17]. По мнению О. Грачевой, категория

«социальная сфера» «трактруется как совокупность отраслей, непосредственно обслуживающих население: образование, здравоохранение, социальная защита, культура, физкультура и спорт и т. д. Именно в таком ракурсе социальная сфера представлена в бюджетных расходах субъектов федерации» [6, с. 9].

Сторонники широкого понимания понятия «социальная сфера» предлагают комплексный подход и исследуемому понятию.

Так, Т. А. Заславская, синтезируя точки зрения разных исследователей, предлагает несколько определений социальной сферы общества: общественная подсистема, обеспечивающая необходимый уровень жизни, а также духовное и интеллектуальное развитие людей; система формирующих социальную структуру общества отношений [10, с. 148]. По утверждению Ю. Е. Волкова, социальная система охватывает условия (включая социальную инфраструктуру) и образ жизни членов данного общества и формируется социальными отношениями, выступающими в качестве системообразующего фактора [5, с. 40].

На наш взгляд, наиболее правомерным является комплексный подход к определению категории «социальная сфера», охватывающий социальную инфраструктуру и то социальное пространство, в котором реально осуществляются деятельность людей, их общение, взаимодействие, многочисленные социальные связи [2; 3, с. 8]. Указанный подход учитывает взаимную зависимость социальной сферы от экономической и политической сфер, поскольку уровень их развития, безусловно, отражается на человеческом потенциале. Вместе с тем, анализируемая сфера выступает как область, на которую ориентировано одно из важнейших направлений государственного управления – социальное управление, или государственное управление социальной сферой.

В новейший период развития российского государства понятие «социальное управление» получило широкое освещение в научных работах Г. Атаманчука, Б. А. Кобзаненко, С. Ю. Наумова, А. М. Бабич, Н. А. Волгина, В. И. Волкова, Г. Ф. Горбунова, Е. В. Егорова, Е. Н. Жильцова, А. Е. Когут, В. Л. Куракова, Т. В. Шевцовой, Л. И. Яковсона и других ис-

следователей. Под «социальным управлением» учёные понимают «организацию и управленческие процедуры в гражданском обществе, защищающие культурные и религиозные ценности, создающие благоприятную атмосферу для самореализации личности» [1, с. 32–34], «деятельность, направленную на полное удовлетворение нужд общества, повышение благосостояния населения и соблюдение основополагающих принципов социальной справедливости» [11, с. 5], – и выделяют в его сфере такие направления, как управление образованием, наукой, культурой, социальным развитием, здравоохранением, жилищно-коммунальным хозяйством и др. Именно социальное управление способствует формированию «человеческого капитала» – образованной и здоровой нации.

На основании существующих в научной литературе определений понятия «социальное управление» в содержании одноимённого концепта можно выделить целый ряд постоянных когнитивных признаков, среди которых важнейшими являются следующие: «направленное на удовлетворение материальных и духовных потребностей граждан»; «направленное на соблюдение прав и гарантий, ориентированных на укрепление семьи, духовное, культурное, нравственное развитие граждан, на бережное отношение к наследию предков и преемственность поколений, сохранение самобытности национальных и исторических традиций»; «направленное на повышение уровня жизни населения»; «ориентированное на формирование эффективной системы социальной защиты»; «направленное на регулирование трудовых отношений» и др. Для характеристики социального управления в современной отечественной и зарубежной научной литературе активно используются такие термины, как «общественное благо», «качество жизни», «уровень жизни» и др.

Исследования показали, что развитие концепта «Социальное управление» в анализируемой сфере связано, прежде всего, с изменением составляющих его когнитивных дифференциальных признаков, проявляющихся:

а) в исчезновении когнитивных признаков, сформировавшихся в период развития Советского государства под влиянием господствовавшей в данный период марксистско-ленинской идеологии: «направленное на воспитание коммунистической нравственности», «направленное на устранение классовых различий», «основанное на социали-

стическом принципе распределения по труду», «направленное на развитие народной инициативы и идейно-политической сознательности», «направленное на упрочение материально-технической базы социализма», «направленное на развитие социалистических общественных отношений и социалистического образа жизни» [9];

б) в закреплении новых когнитивных признаков:

– «направленное на переход от “экономикоцентристской” к “человекоориентированной” и “социогуманной модели управления”». Ср.: «...стратегическими целями антропоэтики являются... обеспечение перехода от “экономикоцентристской”, “человекопотребляющей” парадигмы государственной политики – к “человекоцентрированной”, “человекоориентированной”, “человекоориентированной” парадигме государственного управления, перехода к политике “человекоориентированной” и “человекопроизводственной” и “человекопроизводственной”, устойчивому человеческому развитию» [7];

– «направленное на формирование патристических и гуманистических ценностей»; ср.: «...государственная поддержка молодёжных и детских объединений осуществляется в соответствии с принципами приоритета общих гуманистических и патристических ценностей...» [11, с. 37];

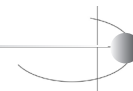
– «способствующее коммерциализации социальной сферы», который разрушает один из основных признаков социального управления – нерыночный характер, бесплатность для потребителя (ср.: «Перевод социальной сферы на “рыночные рельсы”, стремление “покончить с социальным иждивенчеством”, вовлечь каждого в самофинансирование социальных расходов форсировало ажиотажную коммерциализацию отраслей социальной сферы и перенос всей тяжести содержания этой среды на население» [14, с. 16].

В современных условиях всеобщей коммерциализации многие виды услуг социальной сферы активно включаются в сферу рыночных отношений и становятся платными (ср.: образование, здравоохранение, досуговые предпочтения). «В условиях современной российской действительности имеют место предпосылки к возникновению сферы коммерческого социального обслуживания не наряду и параллельно социальной сфере, а путём её переориентации» [14, с. 16];

– «направленное на снижение значимости труда (общественной деятельности) при распределении социальных услуг».

Формирование названного признака в структуре микроконцепта «Экономическое

управление» связано с изменением ценностных установок носителей русского языка, проявляющемся в разрушении популярного в советское время принципа распределения общественных благ «каждому – по труду». Кроме того, в настоящее время по мере удовлетворения чисто материальных потребностей усиливается значимость духовных и социальных потребностей. Так, при выборе работы в современных развитых странах молодёжь всё сильнее озабочена не только тем, чтобы получать высокую заработную плату (которая позволяла бы хорошо питаться и одеваться), но и тем, чтобы работа носила творческий характер, позволяла самореализовываться;

– «*направленное на предоставление качественных публичных услуг населению*» (ср. приоритетность услуг (а не товаров) и обозначения современного общества как «сервисное общество», «общество услуг»). Ср.: «Увеличение веса “услуг” по сравнению с “благами” в современном обществе свидетельствует скорее о его нежелательной дифференциации, чем о ведущей к единому социальному организму интеграции. Трудно сказать, возможно ли вообще построение социального организма, реализующего существующую во всех живых организмах идею взаимосодействия... своих членов в интересах общей цели, поскольку такой понимаемой и принимаемой большинством «общей цели» в мире людей нет [4];

– «*направленное на удовлетворение индивидуализированных потребностей*» (вместо коллективной формы потребления в советскую эпоху). Ср.: «В советском обществе

возрастают потребности, удовлетворение которых может быть только совместным» [Цит. по: 14, с. 8].

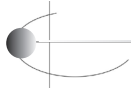
Подобные трансформации обуславливают изменение состава номинативного поля концепта «Социальное управление», проявляющееся, прежде всего, в его расширении за счёт различного рода инноваций.

Среди сильных инноваций можно отметить лексические (ср.: *составные общественные блага, независимые общественные блага, электронный документооборот* [8, с. 228], *принцип «одного окна»* [8, с.172] и др.), морфологические (ср.: *Минкультуры России, Минздрав России, наукоград* и др.) и синтаксические (ср.: *адресная помощь* [8, с. 22], *материнский капитал* [8, с. 94], *корпоративное профессиональное и пенсионное страхование, информационные блага* [8, с. 90], *рынок культурных ценностей, президентская стипендия, частная медицина* и др.) неологизмы. Слабые инновации в составе номинативного поля концепта «Социальное управление» представлены семантическими (ср., напр., *информационный продукт, карман государства* [8, с. 94], *пакет услуг* [8, с. 144] и др.) и функционально-семантическими (ср.: *меценатство, благотворительность* и др.) неологизмами.

Как видно, рассмотренный концепт, участвующий в формировании ключевого в современной российской политической картине мира макроконцепта «Государственное управление», в настоящее время претерпевает существенные изменения, проявляющиеся на всех его структурных уровнях.

Список литературы

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2009. 387 с.
2. Балушина Ю. Л. Трансформация категории «социальная сфера» в истории философской и социально-политической мысли России на рубеже XX–XXI веков [Электронный ресурс] // Филос. науки. 2013. Режим доступа: <http://research-journal.org/category/2013/page/4> (дата обращения: 07.11.2015).
3. Бойко С. В., Оганян К. М., Каверин Б. И. [и др.]. Социально-антропологический анализ качества жизни. Череповец: ИНЖЭКОН-Череповец, 2007. 216 с.
4. Бугаков И. А. Образование: частная услуга или общественное благо? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020097.htm> (дата обращения: 08.11.2015).
5. Волков Ю. Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социол. исследования. 2003. № 4. С. 34–42.
6. Грачева О. Место социальной поддержки населения в региональной социальной политике: методологический аспект // Человек и труд. 2008. № 1. С. 9–12.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН, 2011. 146 с.
8. Заварзина Г. А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века: слов.-справ. Воронеж: ВГПУ, 2012. 236 с.
9. Заварзина Г. А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2015. 381 с.
10. Заславская Т. А. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. 568 с.

11. Лаврентьева И. П., Кузнецов В. В., Григорьев В. В. Социальная политика и управление в социальной сфере: учеб. пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2009. 129 с.
12. Наумова С. А. Экономика и предпринимательство в социально-культурном сервисе и туризме: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2003. 127 с.
13. Рейнбах Е. Ю. Совершенствование системы управления социальной сферой как фактор социально-экономического развития регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. Махачкала: ДГУ, 2008. № 1(14). С. 14–19.
14. Решетняк Н. Б. Социально-экономические функции общественных фондов потребления при социализме и основные тенденции их развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Харьков, 1983. 194 с.
15. Щавель С. А. Социальная сфера общества и личность. Минск: Наука и техника, 1988. 68 с.

References

1. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: kurs leksii. M.: Omega-L, 2009. 387 s.
2. Balyushina Yu. L. Transformatsiya kategorii "sotsial'naya sfera" v istorii filosofskoi i sotsial'no-politicheskoi mysli Rossii na rubezhe XX–XXI vekov [Elektronnyi resurs] // Filos. nauki. 2013. Rezhim dostupa: <http://research-journal.org/category/2013/page/4> (data obrashcheniya: 07.11.2015).
3. Boiko S. V., Oganyan K. M., Kaverin B. I. [i dr.]. Sotsial'no-antropologicheskii analiz kachestva zhizni. Cherepovets: INZhEKON-Cherepovets, 2007. 216 s.
4. Bugakov I. A. Obrazovanie: chastnaya ushuga ili obshchestvennoe blago? [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020097.htm> (data obrashcheniya: 08.11.2015).
5. Volkov Yu. E. Sotsial'nye otnosheniya i sotsial'naya sfera // Sotsiol. issledovaniya. 2003. № 4. S. 34–42.
6. Gracheva O. Mesto sotsial'noi podderzhki naseleniya v regional'noi sotsial'noi politike: metodologicheskii aspekt // Chelovek i trud. 2008. № 1. S. 9–12.
7. Doklad o razvitií chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 g. / pod red. A. A. Auzana i S. N. Bobyleva. M.: PROON, 2011. 146 s.
8. Zavarzina G. A. Gosudarstvennoe upravlenie: aktual'naya leksika russkogo yazyka nachala KhKhI veka: slov.-sprav. Voronezh: VGPU, 2012. 236 s.
9. Zavarzina G. A. Russkaya leksika gosudarstvennogo upravleniya: istoriya formirovaniya i sovremennye protsessy razvitiya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2015. 381 s.
10. Zaslavskaya T. A. Sotsial'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva: deyatelnostno-strukturnaya kontseptsiya. M.: Delo, 2003. 568 s.
11. Lavrent'eva I. P., Kuznetsov V. V., Grigor'ev V. V. Sotsial'naya politika i upravlenie v sotsial'noi sfere: ucheb. posobie. Ul'yanovsk: UIGTU, 2009. 129 s.
12. Naumova S. A. Ekonomika i predprinimatel'stvo v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme: ucheb. posobie. Tomsk: Izd-vo Tom. politekhn. un-ta, 2003. 127 s.
13. Reinbakh E. Yu. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya sotsial'noi sferoi kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. Makhachkala: DGU, 2008. № 1 (14). S. 14–19.
14. Reshetnyak N. B. Sotsial'no-ekonomicheskie funktsii obshchestvennykh fondov potrebleniya pri sotsializme i osnovnye tendentsii ikh razvitiya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Khar'kov, 1983. 194 s.
15. Shchavel' S. A. Sotsial'naya sfera obshchestva i lichnost'. Minsk: Nauka i tekhnika, 1988. 68 s.

Библиографическое описание статьи

Zavarzina G. A. Особенности развития концепта «Социальное управление» в концептосфере нового российского государственного управления // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 62–66. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-62-66.

Reference to article

Zavarzina G. A. The Concept of "Social Administration" and the Features of its Development in the Conceptual Sphere of the New Russian State Administration // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 62–66. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-62-66.

Статья поступила в редакцию 22.02.2016

УДК 81'1
ББК Ш100.4
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-67-74

Жанарсын Жуматовна Капенова,
кандидат педагогических наук,
Павлодарский государственный университет
имени С. Торайгырова
(140007, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64),
e-mail: Zhanarsyn_k@mail.ru

Структура звёздных концептов: признаки и когнитивные модели

Статья посвящена вопросам концептуальных исследований в лингвистике – одного из новейших направлений, представляющих собой синтез когнитивных и лингвокультурологических научных теорий.

Проблема исследования концепта имеет свою историю. Ещё в XIX веке были предприняты попытки выделить основную единицу мышления, в которой нашли отражение и сохранились фрагменты картины мира. Такой единицей был признан концепт. В современной лингвистике концепт имеет множество трактовок, и это обусловило развитие концептуальных исследований, особенностью которых является разноаспектный взгляд на концепт как минимальную виртуальную единицу мышления и ментальности.

В предлагаемой статье дано описание звёздных концептов в русской и казахской языковых картинах мира. Звёзды и созвездия являются уникальными объектами, значимыми для всего человечества. С древних времён люди изучали эти загадочные небесные явления, находили сходства с земными предметами, давали им наименования, воспринимали их как существа, выполняющие определённые функции и обладающие особой энергетикой. Интерес к звёздным концептам связан с их сложностью и многогранностью, научностью и обыденностью их восприятия. В их структуре обнаруживается множество образных, символических, ценностных и других признаков, выявление которых позволяет отметить универсальные, национально-специфические, индивидуально-авторские признаки.

Ключевые слова: концептуальные исследования, концепт, звёздные концепты, ценностные признаки, символические признаки, образные признаки

Zhanarsyn Zh. Kapenova,
Candidate of Pedagogy,
S. Toraiyrov Pavlodar State University
(64 Lomova st., Pavlodar, 140007, Kazakhstan),
e-mail: Zhanarsyn_k@mail.ru

Structure of Stellar Concepts: Signs and Cognitive Models

The article is devoted to issues of conceptual studies in linguistics – one of the newest scientific directions in the field, which represent a synthesis of cognitive, linguistic and cultural scientific theories.

The problem of concept study has its own history. Even in the 19th century there were attempts to identify the basic unit of thought, which reflected and preserved the fragments of the picture of the world. This unit was identified as a concept. In modern linguistics, the concept has many interpretations, and it resulted in the development of conceptual research. A special feature of this direction is a various look at the concept as a minimum virtual unit of thinking and mentality.

In this article, there is a description of stellar concepts, which are given in the Russian and Kazakh language pictures of the world. Stars and constellations are unique objects that are relevant to all humanity. Since ancient times people have studied these mysterious celestial phenomena, have found similarities with terrestrial objects, have given them names, have perceived them as beings that perform specific functions and have a special energy. Interest in the stellar concepts is related to their complexity and versatility, scientism and commonness of their perception. Their structure reveals a lot of figurative, symbolic, valuable and other characteristics, the identification of which allows us to mark universal, national-specific, individually authorial features.

Keywords: conceptual studies, concept, stellar concepts, valuable signs, symbolic signs, figurative signs

Концептуальные исследования – новейшее научное направление в современной лингвистике, занимающееся всесторонним изучением ментальной сферы и культурного

фона в языке. Это мультидисциплинарная отрасль, возникшая на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Появление и развитие концептуальных исследований ста-

ло возможным благодаря активному вниманию к концепту как к научному объекту и множеству исследований отдельных концептов.

Концепт – межотраслевой термин, имеющий разные аспекты понимания и определения – философский, психологический, культурологический, логический, интегративный и др. В современной науке выделяется две позиции в исследовании концепта – когнитивная и лингвокультурологическая.

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт определяется как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [11, с. 90].

В лингвокультурологии концепт определяется как сгусток культуры, локализующийся в сознании, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [12, с. 43].

Представителями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии отмечается сложность структуры концептов и наличие следующих компонентов:

- чувственного образа (И. А. Стернин, З. Д. Попова);
- ценностного, фактуального, образного (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин);
- эмотивности, аксиологичности, национально-культурных коннотаций (В. А. Маслова);
- категориальных, функциональных, неметафорических, метафорических признаков (М. В. Пименова).

Возросший интерес к исследованию концептов обусловил многочисленные исследования концепта:

- как ключевого термина в научных лингвистических направлениях, сформированных в контексте антропоцентрической парадигмы;
- в русле экспериментального исследования множества концептов.

Благодаря научным изысканиям и теоретическому описанию концептов В. В. Колесова, М. В. Пименовой, понятие о концепте и выделение концептума стало представляться самостоятельной лингвистической категорией, осознаваться отдельной сферой изучения языка, его ментальных и культурологических смыслов.

О концепте заговорили как о ведущей научной единице постижения картины мира, представляющей собой «опорную сеть коренных понятий национальной культуры, существующую вне времени и пространства», которые «даны как помысленные сущности

параллельно с вещным миром», которые «познаются интуитивно и всеми носителями данной культуры воспринимаются одинаково, но с разной силой, энергией и отдачей» [3, с. 5].

Описывая концепт как единицу, значимую в ментальном пространстве, В. В. Колесов отмечает, что «именно концепт «держит» единство слова во времени и пространстве». [3, с. 46]. Исследователь пишет: «Поскольку “значений” слова может быть несколько, и все они проявляются контекстно (“каждое употребление слова – самостоятельное слово”), то только концептуальный его смысл создаёт единство слова, подчёркиваемое на письме формально – отдельной лексемой» [3, с. 46].

Учение о концепте получило активное развитие в Международных научных лингвистических школах, организованных в городах России, Украины, Казахстана, Кыргызстана.

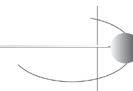
В настоящее время учение о концептах представляет собой отдельную область исследований и можно со всей определённой уверенностью говорить о том, что концептуальные исследования представляют собой самостоятельное научное направление, ориентированное на исследование концептов и концептуальной системы, выявление их признаков, классификацию, типологию и т. п.

В. В. Колесов, М. В. Пименова выделяют три базовые черты, отличающие это направление от других. В частности, к ним относятся:

- ономаσιологичность, «это речь говорящего, а не слушающего»;
- лингвальность, т. е. «подаётся со стороны речевой деятельности, а не логических суждений»;
- историчность, «ибо рассматривает концепты в развитии, в семантическом преобразовании» [3, с. 5].

В современных исследованиях расширяются границы изучения эволюционных и трансформационных возможностей концепта. Учёными выделяются основные признаки, позволяющие очертить траекторию исследования концепта как минимальной виртуальной единицы ментальности и культуры, воплощённой в языке.

В. А. Маслова называет такие инвариантные признаки концепта, как: «минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру», «основные единицы обработки, хранения и передачи знаний»; «имеет подвижные границы и конкретные функции»; «социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику»; «основная ячейка культуры» [4, с. 47].

Следовательно, концепт, по В. А. Масловой, обладает признаками абстрактности, лингвальности, аккумулятивности, подвижности, функциональности, социальности, прагматичности, культуры.

М. В. Пименова также приводит целый ряд признаков концепта, квалифицируя его как единицу мышления, объективирующуюся в языке. Концепт «является идеальным объектом», «служит элементом концептуальной системы», «не существует изолированно, он находится в тесной взаимосвязи с другими концептами», «обладает национально-культурной спецификой», «обладает достаточной сложной многоуровневой структурой» [7, с. 70–71].

Таким образом, концепт – явление сложное, виртуальное, абстрактное, локализуемое в сознании, характеризующееся наличием культурного компонента, способное самоорганизовываться или дифференцироваться в группы, обростать новыми признаками, развиваться или останавливаться на определённом этапе, вступать в системные связи с другими концептами и т. д. Из сказанного следует, что концепт – это синергетическая поликомпонентная виртуальная единица ментального пространства и культурного фона.

Учёными также отмечается, что концепт обладает признаками голографичности. Изучаемый объект может иметь в своей структуре взаимосвязанные между собой, но скрытые от нашего представления микрообъекты, фактически представляющие собой продолжение и развитие чего-то более значимого. В них содержится информация о фрагментах картины мира. Взаимодействуя друг с другом, эти микрообъекты составляют единый организм и складываются в человеческом сознании в целостную картину мира. В концепте одновременно отражается информация о прошлом, настоящем и будущем. В его структуре содержатся различные признаки, выявление которых позволит определить универсальное и индивидуальное, общечеловеческое и этноспецифическое [6, с. 66].

Любые речемыслительные действия связаны с актами познания окружающей реальности и её отражения в сознании. В свою очередь, эти акты предполагают проявление многообразия человеческого «Я». Отсюда многомерность и многоплановость концепта, в составе которого выделяются различные признаки:

- рациональные и эмоциональные;
- абстрактные и конкретные;

- универсальные, этнические и индивидуальные;

- категориальные, функциональные, ценностно-оценочные;

- неметафорические, мотивирующие, понятнейшие;

- метафорические, образные, символические и др.

Согласно методологии концептуальных исследований Кемеровской школы (М. В. Пименова), выделяются классы базовых концептов (космические, социальные, духовные), концептов-дескрипторов (дименсиональные, качественные, количественные), концептов-релятивов (оценки, позиции, привативы) [5, с. 45–46].

В концептуальных исследованиях наиболее частотными репрезентантами концепта признано слово. Слово рассматривается как единица вербализации; оно есть материальное, языковое воплощение мысли, чувств, верований, представлений, ассоциаций. Именно слово «является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, непосредственно данным словом не названные. Языковая номинация, таким образом, это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности» [8, с. 55].

Концепт объективируется системой лексико-фразеологических средств. Совокупность этих средств, репрезентирующих концепт в определённый период развития общества, в когнитивной лингвистике получила название «номинативное поле концепта» [8, с. 47]. Номинативное поле концепта составляют слова-репрезентанты, производные номинации, однокоренные слова, окказионализмы, устойчивые сочетания и фразеологические единицы, метафорические номинации, слова-ассоциаты, словарные статьи и толкования (данные в словарях, справочниках, энциклопедиях и др.).

Рассмотрим концепты, объективированные словами «звезда/звёзды», «созвездие/созвездия» и другими номинативными единицами, составляющими поле звёздных концептов.

Звёздные концепты – сложные по своей структуре и интересные с точки зрения их отражения и интерпретации в сознании человека. Звёзды и созвездия – объекты небесного пространства, которые привлекали внимание

древних звездочётов и астрономов, сегодня находятся в поле зрения современных учёных. Как научные объекты эти небесные тела имеют множество характеристик, в числе которых называются масса, цвет, температура, спектр, величина, форма, состав, расстояние до Солнца и др.

На основании перечисленных признаков существует научная классификация и типология звёзд. Например, дана классификация и последовательность звёзд по цвету с учётом температуры: голубые (самые горячие); голубовато-белые, белые (очень горячие); желтоватые, жёлтые, оранжевые (горячие); красные (с невысокой температурой атмосферы); инфракрасные звёзды и звёзды, называемые «коричневые карлики» (самые холодные). Среди некоторых типов звёзд выделены квазары, белые карлики, нейтронные звёзды – магнитары, пульсары [2].

В настоящее время учёными исследуются вопросы звёздно-земных связей: влияние звёздных процессов на земные. Как видим, представления о звёздах и созвездиях носят исследовательский характер. Это свидетельствует о том, что в структуре звёздных концептов обнаруживаются признаки, отражающие научные представления.

Вместе с тем отмечаются признаки, связанные с наблюдениями в древние времена за движением этих небесных тел. Эти наблюдения вербализованы в языке. Так, в казахском языке имеются астрономические понятия и выражения. Например, слово «тоғыс» в казахском языке обозначает «сближение Луны и Малой Медведицы (в каждом месяце через 27 суток и 5 часов)», выражение «жеті тоғыс» имеет значение «в феврале 7-го числа Луна сближается с Малой Медведицей», высказывание «бір жылда 13 тоғыс» означает «13 схождения в год» [9, с. 808].

Объяснение этих смыслов находим в кратком словаре казахской мифологии С. Кондыбая, где раскрывается следующее: «Казахи имели ещё несколько собственных календарных систем, в том числе у них был календарь, действие которого было ориентировано на движение Уркура относительно Луны, называли его тогус (тоғыс есеби – счёт перекрещиваний или столкновений)» [10, с. 234]. На протяжении одного года таких столкновений происходило 13 раз, следовательно «уркуровский календарь насчитывает 13 месяцев», месяц тогусов (перекрещиваний) «состоит из 27, 32 суток, а год – из 364 суток. Начало нового года всегда приходится к весне – маю, не достающие 1–2 дня добавляют-

ся в конце года» [10, с. 235]. Таким образом, кочевники ориентировались по ночным звёздам и вели счёт времени (часы, месяц, год), согласно появлению звёзд и созвездий.

Древние звездочёты, астрономы, философы соотносили звёзды и созвездия с окружающим миром – людьми, животными, растениями. Об этом свидетельствуют наименования созвездий Дева, Близнецы, Орион, Лира, Пёс, Кентавр, Орёл, Скорпион, Медведица, Рыба, Лев, Лебедь и др.

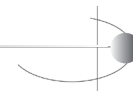
Звёзды и созвездия наделены собственными именами: Альфард, Арктур, Альдебаран, Регул, Денебола, Сириус, Майя, Звезда Соломона, Алькор, Альтаир и т. п. В основе своём названия звёзд и созвездий связаны с древнегреческими, арабскими, китайскими мифами. К примеру, звезду Альфард арабы называют «позвоночник Змеи» (Гидра – водяная змея, которую согласно мифам древних греков победил Геракл).

Множество названий звёзд даны древними людьми, которые делили небо на воображаемые фигуры животных в соответствии с конфигурацией звёзд (Большая и Малая Медведица, Большой Пёс, Лев, Дракон, Кентавр, Лебедь, Орион). Звезду Акраб в созвездии Скорпиона греки называли Рафиас, что означает «краб». Другие имена даны в честь мифических персонажей (Андромеда, Кассиопея, Персей и др.). Андромеда в греческой мифологии – дочь эфиопского царя Цефея и царицы Кассиопеи. Персей спас Андромеду от морского чудовища, посланного Посейдоном. По представлениям древних греков, все небесные персонажи расположены рядом.

Для казахского языка также характерны собственные наименования звёзд – Темірқазық (Полярная звезда), Шолпан (Венера), Үркер (Плеяды), Жеті қарақшы (Большая Медведица), Айдахар (Дракон). В рукописях Юсуфа Баласагуни наименование Полярной звезды «Темірқазық» имеет буквальный перевод – «Железный кол».

Согласно представлениям древних кочевников, Темірқазық – самая яркая звезда, наделённая категориальными признаками *верха* и *света* («Темірқазық түнгі аспанның шырқау биігі»/«Темірқазық – самая верхняя точка в ночном небе»), функциональными признаками *путеводной звезды* («Темірқазық білсең жолыңнан адаспайсын», «Адассаң темір қазыққа бақ»/«Темірқазық укажет путь, если заблудишься»).

В представлении древних казахов звёздный небосвод – это небесный мир, по подобию которого строилась жизнь на земле. Еже-

годные сезонные кочёвки (қыстау – зимовка, жайлау – летнее пастбище, көктеу – весеннее пастбище, күздеу – осеннее пастбище) связаны с передвижениями ночных звёздных светил в разное время года. Одним из звёздных ориентиров является созвездие Уркер – скопление звёзд, по которому люди определяли смену времён года: выражение «үркерлі айдың бүрі қыс» в переводе означает «месяц, когда сияют звёзды Үркер, зимний». Уркер виден в осенне-зимний период, весной он малозаметен в ночном небе и появляется лишь в середине лета. Созвездие Уркер ассоциировалось с холодными зимними месяцами, голодом, джудом.

В казахском фольклоре существуют различные варианты мифов и легенд об Уркере. В одном из них речь идёт о трёх братьях Уркерах, у которых была единственная сестрёнка, которую звали Ульпильдек. Семь разбойников Кырана, похитив Ульпильдек, бросились в бега. С тех самых пор и бегут по небу похитившие девушку Семеро Разбойников, а братья Уркеры их преследуют.

В словаре казахской мифологии С. Кондыбая находим другое описание созвездия Уркер (Улькеры): «Казахи представляли Уркер в образе девушек, и это созвездие использовалось в качестве календарно-временного ориентира. К концу весны Уркеры исчезают с ночного неба, казахи говорили по этому поводу «Үркер ауыл боп жерге қонды» (Уркеры сели на землю аулом). Аул с белыми юртами и девушками, привидевшийся охотнику, – это девушки Уркеры, чьё появление на земле ассоциируется с весной, началом года в календаре кочевника. А девушка, с которой он провёл ночь, по-видимому персонификация планеты Венера – Шолпан, Тансык, Тыныкәй» [10, с. 74–75].

Звёзды являлись объектами преклонения перед Вселенной, что наглядно отразилось на именах. Так, в казахском языке есть имена Шолпан, Венера (Утренняя звезда), Жұлдыз (Звезда). В русском языке нет собственного имени человека «Звезда». В украинском языке эквивалентами являются имена Зоряна, Зорян (от зоря – звезда), в белорусском – Стела.

Звёздные концепты обладают ценностно-оценочными признаками. Так, среди множества эпитетов к слову «звезда» можно выделить слова, содержащие в своей структуре признаки драгоценностей: алмазная, жемчужная, золотая, изумрудная, хрустальная, серебролучистая (уст.). В казахском языке при буквальном переводе наименований «Темірқа-

зық» («Железный кол»), «Алтын қазық» («Золотой кол») можно также отметить признаки ценности. В выражении «Құйрықты жұлдыз көрінсе, құт кетеді» («При виде кометы уходит богатство») в звёздном концепте обнаруживаются признаки материальных благ.

Среди оценочных признаков звёздных концептов отмечаются эстетические (красивая, прекрасная, самоцветная, разноцветная, светозарная), нравственные (вдохновительная, счастливая, несчастная, отрадная, весёлая, печальная), этические (чистая, целомудренная, смущённая, дрожащая, трепетная, нежная, кроткая, безмолвная), утилитарные (бледная, мутная, потухшая, тусклая, пустынная, холодная, колючая, одинокая).

Структура звёздных концептов состоит из первичных признаков, среди которых можно выделить:

- сияние, свет, блеск, сверкание;
- белое пятно;
- светлый, ясный, чистый;
- то, что светится, светило, светящаяся точка;
- серебро;
- небесное тело.

Звёздные концепты отличаются огромным богатством и разнообразием метафорических признаков, в составе которых выделяются образные и символические. Анализ образных признаков в структуре звёздных концептов позволил определить когнитивные модели:

– звезда – жизнь, судьба, предназначение («*верить в свою звезду*», «у каждого своя звезда», «В призрачности белой я слезу, Сколько их, тех звёздных паутин». К. Бальмонт);

– звезда – удача/неудача, успех («*родиться под счастливой/несчастливой звездой*», «*звезда закатилась*», «*Хотя много звёзд на небе*, и Луна, это украшение Земли, тоже сияет, однако, когда садится Солнце, наступает ночь». Нагарджуна);

– звезда – любовь, счастье («*Но где ж Зарема, звезда любви, краса гарема?*». А. Пушкин; «*Звезда моего счастья*»);

– звезда – молодой талант («Толстой... начал долго и обстоятельно докладывать ... о предстоящем музыкальном сезоне, о *восходящих звёздах* музыкального мира». А. Серафимович. «Постановка имела в Москве очень шумный успех, и тогда уже, в связи с этим спектаклем, очень много говорили о *восходящей звезде* – в то время ещё совсем молодым актёре Николае Петровиче Рощине-Инсарове». Ю. Юрьев);

– звезда – знаменитость, известная личность («...всем в истории театра известно, что Медведева открыла, угадала и дала театру *звезду первой величины* – Ермолову». Т. Щепкина-Куперник. «Айвазовский... есть *звезда первой величины* во всяком случае и не только у нас, а в истории искусства вообще». И. Крамской. «Но вот... к главному столу... подходит со стаканом в руке сам Плевако, знаменитый адвокат, ...*звезда первой величины*»). Н. Телешов. «Ни одной зимы не проходило без того, чтобы не приезжала *какая-нибудь звезда*». А. Чехов);

– звезда – опора, поддержка («Я счастлива, Марианна, тем, что я начинаю эту новую жизнь с тобою вместе! Ты будешь моей *путеводной звездой*, моей поддержкой». И. Тургенев);

– звезда – время, вершина, апогей («*звёздный час*», «*звёздная минута*», «*звёздная слава*»);

– звезда – интеллект, заурядность («*звёзд с неба хватает/не хватает*»);

– звезда – танец («*звёздный бал*», «*звёздные танцы*», «*звёздный вальс*», «*танцуют звёзды и луна*», «на темном небе *танцуют звёзды*», «Лишь *звёзды* яркие с Луной *Танцуют звёздный вальс* ночной», «Есть у меня одна мечта – *Кружиться в звёздном вальсе*», «*Звезда со мной танцует вальс*». П. Малов);

– звёзды – вечность («Давно – до нас с тобой – и дни и ночи были, И *звёзды*, как сейчас, на небесах *кружили*». Омар Хайям. «Будь весел, ибо скорбь земная бесконечна И *звёзды на небе сходятся будут вечно*». Омар Хайям. «Будь весел – всё равно не переждать невзгоды И в небе не собрать *звёзд бесконечных всходы*». Омар Хайям. «Сияли *звёзды* людям – и до нас! Текли дугою *звёзды – и до нас!*». Омар Хайям);

– звёзды – венец, создание Творца («В *венце из звёзд* велик Творец Земли». Омар Хайям. «*Бог создал звёзды*, голубую даль, Но превзошёл себя, создав печаль». Омар Хайям);

– звёзды – окна, откуда ангелы смотрят (Когда человек умирает, *небесное оконце* хлопывается и люди могут увидеть, как падает звезда «с выси небесной на грудь земную»).

Символические признаки в структуре звёздных концептов связаны с их формой. Известно, что звезда – это геометрическая фигура с остrokонечными выступами, равномерно расположенными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра. Различают звёзды по количеству углов, расположенных симметрично и соединяющихся друг с

другом способом правильного многоугольника: четырёхконечная, пятиконечная, шестиконечная, семиконечная, восьмиконечная...

Четырёхконечная звезда – знак месопотамского бога солнца Шамаша, символ путеводности и правильности.

Пятиконечная звезда или пентакль, символ защиты, охраны и безопасности. Знаком ислама является звезда в полумесяце; пятиконечная звезда символизирует соединение пяти столпов религии (свидетельство веры, намаз – молитва, зекет – пожертвование, ораза – пост в течение месяца Рамазан, хадж – паломничество к храму Каабы в Мекке). Пятиконечная красная или золотая звезда – символы Советского Союза, военная эмблема Красной Армии. В данном случае актуальна когнитивная модель «Золотая Звезда героя – мужество, отвага, героизм».

С пятью и восемью лучами обычно изображается Вифлеемская звезда.

Шестиконечная звезда – звезда Давида – иногда служит обозначением Полярной звезды, а также символизирует рождение.

Семиконечная звезда – один из древних символов Востока, древних цивилизаций. В зарубежной эмблематике употребляется при желании выразить понятие звезды вообще, когда стараются избежать её определения и как военной, и как религиозной.

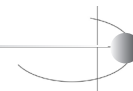
Восьмилучевая звезда, связанная с созданием и плодородием, была эмблемой богини Иштар в поздней ближневосточной традиции и Венеры (на вечернем небе). Основные семантические признаки Вифлеемской звезды: символ отдельной человеческой жизни, отдельной человеческой судьбы, указатель пути к возвышенной цели, символ всеобъемлющей любви.

Современный исследователь казахской орнаментики Алибек Кажгали улы утверждает, что в ковровом искусстве «восьмилучевая звезда носит общепринятое название *Star Kazak* (Казахская звезда)» [1, с. 98].

Восьмиугольная звезда представляет собой средоточие композиции орнаментального текста на восточном ковре, на плитках мавзолея Айша Биби, на стене саганатама Айжаксы в кургане Иссык и других памятниках.

Согласно исследованиям А. Кажгали улы, составленная из наложения друг на друга квадрата (Луны) и ромба (Солнца) восьмилучевая звезда символизирует соединение верха и низа, союз неба (ромб) и земли (квадрат), единство мужского (верхняя часть узора Ул) и женского (нижняя часть узора Ана).

Таким образом, говоря о структуре звёздных концептов, следует иметь в виду, что у каждой звезды свои образные и символические признаки. Однако в целом можно отметить универсальные признаки:

- цветковые, колоративные (оранжевая звезда, бледно-оранжевое сияние, красный гигант, яркая, голубовато-белая);
- временные (утренняя, вечерняя, ночная; на тёмном весеннем небе, на ярком летнем небе, звезда на небе в долгие зимние ночи, осенним вечером найти 4 яркие звезды);
- пространственные (на небе, вверху, над Землей, высоко, над головой, на востоке, в южной части неба);

- возрастные (старая/молодая, новая, 420 миллионов лет, в десять раз моложе Солнца);
- жизни – смерти (умершая звезда, родилась звезда);
- величины (звезда-гигант, Малая звезда, звезда второй величины);
- количественные (более 100 млрд звёзд, одинокая звезда, созвездие – группа звёзд).

Приведённые примеры показывают, что звёздные концепты значимы для всех народов, что нашло отражение в наименованиях звёзд, созвездий и планет; во фразеологизмах, пословицах и высказываниях; в изображении звёздной орнаментики на коврах, каменных плитах, памятниках и т. д.

Список литературы

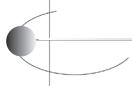
1. Кажгали улы А. Визуальный архетип. Алматы: Интерпринт, 2014. 536 с.
2. Константиновская Л. В. Звёзды и созвездия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.astronom2000.info/астрономия/звёзды (дата обращения: 07.03.2016).
3. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учеб. пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2012. 248 с.
4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
5. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. Вып. 7. С. 16–61 (Сер. Концептуальные исследования).
6. Пименова М. В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: памяти Е. А. Пименова: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. Вып. 15. 896 с. С. 65–83. (Сер. Концептуальные исследования).
7. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. М.: Флинта: Наука, 2011. 176 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Воронеж, 2006. 226 с.

Источники

9. Казахско-русский словарь: ок. 50 000 слов / под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.
10. Кондыбай С. Казахская мифология: кр. слов. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов [Электронный ресурс] / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997. Режим доступа: vocabulary.ru/dictionary/849/word/kognicija (дата обращения: 20.11.2015).
12. Степанов Ю. С. Константы: слов. рус. культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2001. 990 с.

References

1. Kazhgali uly A. Vizual'nyi arkhетip. Almaty: Interprint, 2014. 536 s.
2. Konstantinovskaya L. V. Zvezdy i sozvezdiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.astronom2000.info/астрономия/звёзды (data obrashcheniya: 07.03.2016).
3. Kolesov V. V., Pimenova M. V. Kontseptologiya: ucheb. posobie / V. V. Kolesov, M. V. Pimenova. Kemerovo: KemGU, 2012. 248 s.
4. Maslova V. A. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: ucheb. posobie / V. A. Maslova. 5-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2011. 296 s.
5. Pimenova M. V. Problemy kognitivnoi lingvistiki i kontseptual'nykh issledovaniy na sovremennom etape // Mental'nost' i yazyk / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. Vyp. 7. S. 16–61 (Ser. Kontseptual'nye issledovaniya).
6. Pimenova M. V. Simvolicheskie kontsepty kak chast' kontseptual'noi sistemy (na primere kontsepta tvorchestvo) // Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya: pamyati E. A. Pimenova: sb. st. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: IYa RAN, 2011. Vyp. 15. 896 s. S. 65–83. (Ser. Kontseptual'nye issledovaniya).
7. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie: ucheb. posobie / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'eva. M.: Flinta: Nauka, 2011. 176 s.

8. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. Voronezh, 2006. 226 s.

Istochniki

9. Kazakhsko-russkii slovar': ok. 50 000 slov / pod red. R. G. Syzdykovi, K. Sh. Khusain. Almaty: Daik-Press, 2002. 1008 s.

10. Kondybai S. Kazakhskaya mifologiya: kr. slov. Almaty: Nurly Alem, 2005. 272 s.

11. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Elektronnyi resurs] / sost. E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. M., 1997. Rezhim dostupa: vocabulary.ru/dictionary/849/word/kognicija (data obrashcheniya: 20.11.2015).

12. Stepanov Yu. S. Konstanty: slov. rus. kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akadem. Proekt, 2001. 990 s.

Библиографическое описание статьи

Капенова Ж. Ж. Структура звёздных концептов: признаки и когнитивные модели // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 67–74. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-67-74.

Reference to article

Капенова Z. Z. Structure of Stellar Concepts: Signs and Cognitive Models // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 67–74. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-67-74.

Статья поступила в редакцию 19.02.2016

УДК 81`1

ББК 81

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86

Владимир Викторович Колесов,
 доктор филологических наук, профессор,
 Санкт-Петербургский государственный университет
 (198504, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11),
 e-mail: prof.kolesov@gmail.com

Концепты *Рассудок, Разум, Ум и Мудрость* в поле русского сознания

В статье представлено описание русских концептов Рассудок, Разум, Ум и Мудрость. Изложение ведётся методом конструирования концептуального поля сознания, обоснованным автором на базе концептологии. Суть метода: в результате последовательного снятия несущественных для предикатов элементов текста выявляется исходный денотат, представляющий одновременно предметное значение и объём понятия, а в самом тексте отыскиваются десигнаты, совмещающие в себе словесное значение и содержание понятия. В последовательном соединении денотатов и десигнатов строятся законченные понятия общего смысла, выражающего концепт в его целом. На основе денотатов строятся семантические константы (постоянные), которые выражают всю сумму потенциальной «причинности», представленную ещё в теории «четырёх причин» Аристотеля: *основание, условие, причина, цель*. Соотношение выявленных признаков выражает двуединство мысли и дела – соответственно Разум – Рассудок и Ум – Мудрость. Мудрость – высшая форма Ума, постигающая сущности. Ум и Мудрость вбирают в себя Рассудок и Разум как действующие силы мышления. Представлено прочтение текстов в дискурсивной проекции – как подтексты высказываний авторов, подсознательно оперировавших скрытыми за словами концептами русского сознания.

Ключевые слова: концептуальное поле сознания, Ум, Разум, Рассудок, Мудрость, денотат, десигнат, семантическая константа

Vladimir V. Kolesov,
 Doctor of Philology, Professor,
 Saint Petersburg State University
 (11 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 198504, Russia),
 e-mail: prof.kolesov@gmail.com

The Concepts of *Mind (Um), Reason (Rassudok), Intellect (Razum) and Wisdom (Mudrost')* in the Conceptual Field of Russian Conscience

The article describes the Russian concepts of 'Rassudok' (Reason), 'Um' (Mind), 'Razum' (Intellect) and 'Mudrost'' (Wisdom). They are presented by the reconstruction of the conceptual field of conscience, founded by the author on the basis of conceptology. The essence of this method is as follows: by successive removal of the elements of the text that are non-essential for the predicate, the source denotatum is revealed, which represents both the substantive meaning and the scope of the concept, and in the text designata are found that combine the verbal meaning and the contents of the concept. The consecutive connection of denotata and designata builds completed concepts of the general meaning that expresses the concept as a whole. Semantic constants are built on the basis of the denotata that express the full amount of the potential "causality" that was presented as early as in the theory of "four causes" of Aristotle: the base, the condition, the cause, the purpose. The correlation between the expressed attributes reveals the duality of thought and action – 'Intellect-Reason' and 'Mind-Wisdom' respectively. 'Wisdom' is the highest form of 'Mind' that comprehends essences. 'Mind' and 'Wisdom' absorb 'Reason' and 'Intellect' as operating powers of thought. The article presents readings of the texts in discursive projection - as subtexts of the statements by authors that subconsciously operated with concepts of the Russian conscience that are hidden behind the words.

Keywords: conceptual field of conscience, Mind, Intelligence, Reason, Wisdom, denotatum, designatum, semantic constant

Начнём с некоторых общих понятий концептологии – учения о концептах.

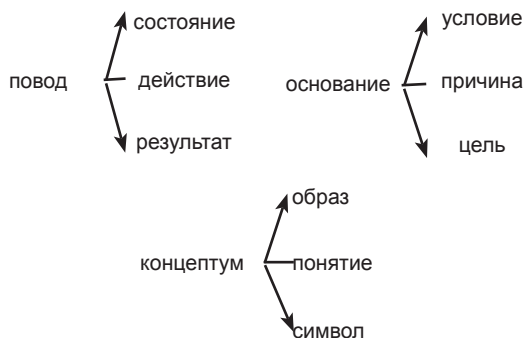
Лингвистический концепт и логическое понятие представляют собой одну и ту же содержательную единицу *сознания (conceptus)*,

но разной интенсивности. Это вызывается синкретизмом проявлений когнитивистики, но по той же причине переводчики часто смешивают термины *концепт* и *понятие*, работая с иностранным текстом. Аналитизм научно-

го метода требует разложения целого на составные части, и тогда *понятие* предстаёт только одной частью *концепта*. В процессе *познания* концепт расширяется за счёт прибавления новых форм – реально он всего лишь *понимание*.

Определяя понятие как *идею* через её противоположности к *вещи* и к *знаку*, выйдем на синергичную связь трёх (в составах семантического треугольника), представляющую собой замкнутую *неизменную* систему, которая изучается на синхронном уровне. Чтобы придать этой системе движение, необходимо добавить ещё один компонент, и тогда на плоскости образуется концептуальный квадрат, согласно постулату С. Н. Булгакова: «Четверица та же троица, только в движении». Это структура с четырьмя составами – конструктивными *образом, понятием, символом* и ментальным «зерном первосмысла» – *концептумом* (*conceptum* – ‘зерно’). Теперь понятие окончательно сузило своё содержание до своего современного реального состава. Это зона действий диахронической лингвистики, включившей в изучение константу времени (ср. *хронотоп*). По суждениям некоторых философов, такая константа отражает цельность и законченность объекта.

Перед нами не игра словами, а реальная картина взаимных отношений в *относительной* связи концепта и понятия. Всё зависит от точки зрения, от перспективы исследования, от его конкретной цели. В частности, большое значение имеет категория *причинности*, восходящая к теории «четырёх причин» Аристотеля. Это зависимость *условия, причины и цели* от своего *основания* («Во всем есть своё основание» гласит Закон достаточного основания Г. Лейбница). Причинность направляет действие понятий и «частных» причин. Как и всякая помысленная категория, Причинность может предстать метонимически в различных формах, выраженных разными словами, ср. развёртку «четырёх причин» в виде *семантической константы* (смысловой постоянной последовательности членов Причинности):

Сведём разноимённость признаков Причинности в сводную таблицу:

1		2		3
Повод		основание		концептум
Состояние	–	условие	–	образ
Действие	–	причина	–	понятие
Результат	–	цель	–	символ

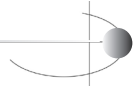
Все три горизонтально связанные имени обозначают ментально *одно и то же* – с позиции синтезирующего «зерна» концептума как *основания*, но взятое в разной проекции тернарного состава причинности. Здесь Причинность **1** отражает *реальные* отношения в их *онтологии* (это *события*) – как таковые совместно это единство Следствия; Причинность **2** выражает *логические* связи в их *гносеологии* (это *факты*), т. е. собственно Причинность; **3** – указывает *лингвистические* отношения в их *герменевтическом* статусе (это *язык*) – в проявлении содержательных форм концепта. Аналитически представленные соотношения определяются установками различных познавательных подходов, а именно «состояние – условие – образ» находятся в центре внимания реалистов с их установкой на *сознание*, «действие – причина – понятие» интересуют прежде всего номиналистов, нацеленных на *познание*, а «результат – цель – символ» являются предметом преимущественно концептуалистов, которые захвачены идеей *знания*.

Основываясь на этих положениях, представим описание концептов, заявленных в заглавии статьи. При этом будем строго выделять *основание* (отвечает на вопрос ЧТО?), *условие* (отвечает на вопрос КАК?), *причину* (отвечает на вопрос ПОЧЕМУ?) и *цель* (отвечает на вопрос ЗАЧЕМ?). Руководствуясь этими вопросами, мы и будем выделять из контекстных предикатов составы Причинности как совокупности основания, условия, причины и цели. В конечном счёте, составы Причинности позволят нам строить *семантические константы*, вскрывающие неявный концептуальный смысл привлечённых к анализу текстов.

РАЗУМ И РАССУДОК

Понятия разума служат для *понимания*,
понятия рассудка для суждения.
Иммануил Кант

Разум – практическое приложение ума и рассудка, духовно подразумевающее целесообразность, полезность, смысл и внутренние

связи вещей, что определяется навыком (наука) и искусством (умение). Утилитарное применение разума («здравый смысл») предполагает результат созерцаемый (*ведать* как *видеть*) и осязаемый (*понять* как *схватить*), оценкой которого служит ясность и чистота мысли. Высший Разум (греч. *σοφία*) лежит вне мирской разумности и воспринять его во всей полноте невозможно.

Общеславянское в церковнославянской форме от *раз-* 'часть' (восходит к корню со значением 'удар'), и *ум* 'сознание, чувство' (рус. форма *рбзум*) – следовательно, «действие (удар) ума»; др. рус. 'способность познавать и мыслить', 'знание, познание', 'представление (понятие)', 'умонастроение', 'смысл (слова)', 'содержание (текста)', 'причина, основание', 'довод, соображение', 'принцип, закон', 'путь, способ' (все 1073), 'мысль, дух' (1096), 'понимание, разумение', 'мнение, точка зрения', 'помышление, стремление', 'суть, сущность', 'предмет обсуждения', 'признак, примета' (все XI в.), 'воля, желание' (XII в.), 'указание, знак' (1261). Широкий разброс значений в XI–XII веках указывает на необработанность свежего концепта, концептум которого связан с греческим влиянием. Современное диалектное выражение *быть в разуме* 'находиться в нормальном психическом состоянии, понимать' близко к исходному значению концепта.

В «Словаре эпитетов» концепт Разум не представлен, как и концепт Рассудок. Это потому, что определение при соответствующих словах, как выражающих *абсолютные концепты сознания*, крайне редки; в наших материалах:

Разум – бедный, быстрый, глупый, твёрдый – признаки глубинные; разум беспристрастный, спокойный, человеческий – интенсивные.

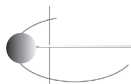
Предикаты выявляем из контекстов:

Нет, не будем клеветать разума человеческого – неистощимого в соображениях понятий (Пушкин). – Разум наш не из одного того составлен, что он сам открыл или выдумал, но из всего того, что он знает (Чаадаев). – Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями (Гоголь). – Разум человека есть начало живое и цельное; его деятельность в отношении к науке заключается в понимании (Хомяков). – Человеческий разум наделён способностью к абстракции, которая позволяет ему, после того, как он медленно обошёл и по отдельности исследовал... множество предметов, соединить их в одной и той же мысли (Бакунин). – Разум или смысл есть не что иное, как взаимоотношение всего в едином... Где есть мера, предел, норма, там есть тем самым и разум, и идея (Вл. Соловьев). – Истинная причина есть разум... Самый разум должен пробуждать в нас совесть (С. Трубецкой). – И, главное, разум никогда не замечает, что его подкупили (Шестов). – Логическое слово разума соответствует внешнему, механическому единству мира (С. Булгаков). – Разум есть в конечном счёте не что иное, как отчёт-

ливое, ясное, непротиворечивое описание или констатирование содержания нашего *опыта* ... Разум, в смысле простой способности теоретического знания, конечно, не может нас спасти (С. Франк).

В разум верят метафизики... Разум может познавать бытие, потому что бытие ему сообразно, заключает в себя разум (Бердяев). – Разум раскрывается в теоретической деятельности человека и отражается в жизни... Повсюду и неизменно в понимании начало деятельное исходит от разума, начало пассивное даётся природой... *Разум есть как бы мир, выраженный в символах*, – мир есть как бы разум, выраженный в вещах, и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно *понимание*, возникающее о мире в разуме (Розанов). – Разум является живой и бессмертной сущностью человека, силой созерцания и любви... Разум и сердце становятся единым целым; сердце зрит, и зрение его разумно; разум всемогущ, он верит и молится (И. Ильин). – Ибо разум, сам себя развивающий, сам собою и ограничивается (И. Киреевский). – Сам разум останавливается там, где кончается область очевидного и познаваемого (Лопатин). – Деятельность разума образная и образующая, он хочет *видеть* истину (Бурлака). – Пожалуй, бесспорно, что англичане понимают разум как здравый смысл, французы – как остроумие, русские – как раздумчивую неторопливость осмысления... (Бондарев). – Как и чувство, разум не даёт удовлетворения, не может находиться в статичном и самодостаточном состоянии, и одновременно он, подобно вере, безмерен... То, что сказано, то разумно (Галковский). – Критерием истинности суждения является разум (Л. Гумилев). – Разум есть способность синтетическая [в отличие от аналитического рассудка], он есть способность усмотрения высших основных принципов бытия и мышления... Стихия разума – в созерцании идей... Разум истинен, но не мочен... У современного «человека с улицы», у человека массы в наше время особенно развит рассудок при почти полном отсутствии способности разума (Левицкий). – Разум – это *своевольное движение* (Пришвин). – Человеческий разум не является формулой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие (В. Вернадский). – То, что мы называем разумом – то есть способность ассоциировать, предвидеть, обобщать, – присуще любому мозгу любого крупного млекопитающего (Невзоров // Изв. 2010. № 61).

Ср. суждения западных мыслителей, которые на эту тему высказываются щедро: Отличительнейшая черта разума – его недоверие к себе (Паскаль). – Разум есть способность идей (Кант). – Разум – это высшее соединение сознания и самосознания, т. е. знания о предмете и знания о себе... Борьба разума состоит в том, чтобы преодолеть то, что фиксировано рассудком (Гегель). – Слово *разум* есть понятие Нового времени. Оно подразумевает как способность человека, так и устроенность вещей... В традиционной логике разум означает способность делать заключения, то есть способность получения знания из чистых понятий без помощи нового опыта... Разум существует лишь в конкретно-исторических формах (Гадамер). – Разум отнюдь не дар, которым владеют, но взятое на себя обязательство... Для меня разум в подлинном и строгом смысле слова есть всякое действие ума, посредством которого мы устанавливаем связь с реальностью и встречаемся с трансцендентным. Всё остальное – только ум, нехитрая домашняя игра без последствий (Ортега-и-Гассет). – Разумом мы называем всеведущую открытость, которая в каждом акте рассудка есть нечто большее, чем рассудок. Разум даёт нам представление об истинном, пользуясь для этого формами рассудочно-го мышления... Разум есть движущая сила, которая доводит рассудок до той границы, где он терпит поражение (Ясперс). – Разум есть вняtie того, что есть, и это одно-

временно всегда означает, и что может быть, и что должно быть (Хайдеггер). – Разум существует только в виде сознания (Коллингвуд). – Разум же – это высшая цель, преследующая объединение различных типов мышления и деятельности (Рикёр). – Разум – это не творческая, а скорее гармонизирующая, контролирующая сила... Разум нацелен на то, чтобы исправить односторонность, а не уничтожить сам инстинкт (Рассел). – Разум, то есть способность мыслить абстрактно, проявляется только у *homo sapiens* и представляет собой результат развития способности мышления... Разум есть частный и специализированный тип мышления (Вальверде). – Разум имеет третье измерение – глубину, благодаря которой он проникает в суть вещей и процессов (Фромм).

Дополнительный материал дают термины, производные от концепта:

Разумение – Старославянское в значении 'понимание' – калька с греч. *νόημα* 'мышление'; др. рус. 'понимание, познание' (1073), 'суждение' (1144), 'мышление, размышление' (XII в.), 'акт мышления' и 'смысл, идея' (XV в.). Разумение представлено как *крайнее, полное, совершенное*, в современном представлении это 'точка зрения'.

Предикатные признаки немногочисленны и все обозначают **понимание**:

Опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумением (Пушкин). – Пустое концепирование – иллюзия абстракции; концепирование всегда и разумение, т. е. оно не только фиксирование логической точки, но и сознание её текучей, динамической полноты... Акт понимания или разумения, акт восприятия и утверждения смысла в концепте выступает как бы заключённым в оболочку концепции, формально-логического установления (*Setzung*) (Шпет). – Его (Петра I) разумение подобно его стране: потаённо обильностью, но дико лесной и звериной очевидностью (А. Платонов).

Разумность – Новое русское (начало XIX в.) от *разумный* 'рассудительный', определение только одно, но характерное: *мирская*. В современном понимании 'толковость'.

Предикатные признаки столь же редки, и на их основании также невозможно построить семантическую константу – признак недавнего сложения концепта:

Разумность – знание, инстинкт того, что важно, о чём больше всего думать, и что не важно (Л. Толстой). – Разумность не есть необходимость, она только условие возможности (Хомяков). – Всё это различие степеней разумности в мире от булыжника до «божественного» Платона не есть что-нибудь бессмысленное или противное идее (Вл. Соловьев). – Разумность порядка в максимальной мере благоприятствует существованию идеальных, высших начал человеческого бытия в *условиях, вытекающих из несовершенного состояния мира* (С. Франк). – Киреевский не придавал решительного значения природным или врождённым свойствам народа. Ценность русской истории и русского народного склада определялись для него этим высшим «началом» православной истины – цельности и разумности (Флоровский).

Ср.: Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум (Гегель). – Разумность означает теперь нахождение верных средств для достижения поставленной цели, причём вопрос о разумности самой этой цели не ставится (Гадамер).

Таким образом, предел понимания концептов подтверждают основные признаки денотата (объёма понятия = предметного значения), выявленные из рассмотрения концепта Разум.

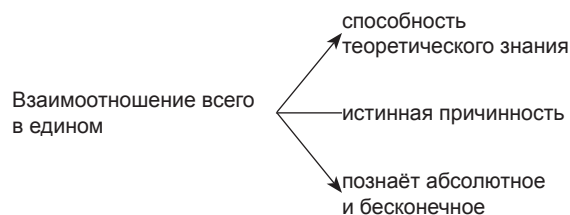
1. ЧТО? *Созерцание идей*, взаимоотношение всего в едином, безмерность и синтетичность, сам собою и ограничивается, первое воплощение ума, живая сущность человека, начало живое и цельное.

2. КАК? Преходящая ступень *сознания*, простая способность теоретического знания, постижение только очевидного, останавливается там, где кончается очевидное, раздумчивая неторопливость размышления, высшее проявление мыслительной способности и воли, способность обобщать, способность к абстракциям.

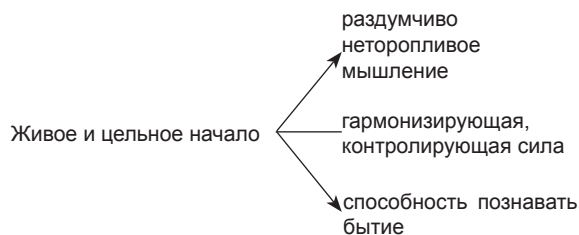
3. ПОЧЕМУ? *Деятельное качество*, истинная причинность, гармонизирующая, контролирующая сила, движущая сила, действующая сила, образная деятельность, описание опыта, из него исходит своевольное движение, двигатель, пробуждает совесть.

4. ЗАЧЕМ? *Понимание, познаёт* абсолютное и бесконечное, способность познавать бытие, способность самостоятельно мыслить в направлении к собственной цели, смысл, мера и предел, высшая способность в победе над страстями, мир, выражаемый в символах, творчески порождает существенное, предстаёт в синтезе, высшая цель.

Возможные семантические константы –

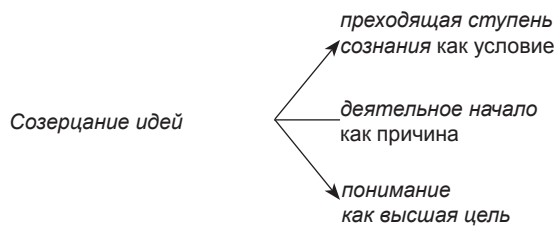
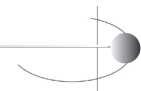

Читается: Разум – это *представление всего в едином способностью теоретического знания постигать истинную причинность в познании абсолютного и бесконечного*. Философское толкование конечных результатов научного мышления.

Читается: Разум – это *живое и цельное начало раздумчиво неторопливого мышления, гармонизирующей и контролирующей силой (сознания) способное познавать бытие*. Психологическое толкование «от субъекта», также в своём конечном варианте.

Обобщённая семантическая константа строится по опорным элементам выявленных объёмов:

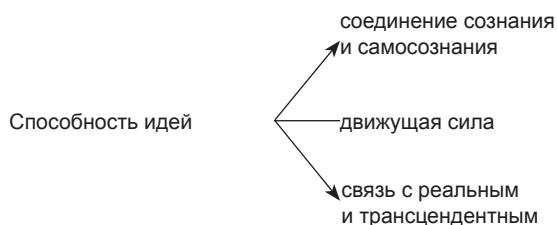

Читается: Разум – это *созерцание идей как переходящая ступень сознания и деятельное начало в понимании высшей цели*. Как и все предыдущие определения, и это также выражает предельность представлений о Разуме как интеллектуальной силе человеческого сознания.

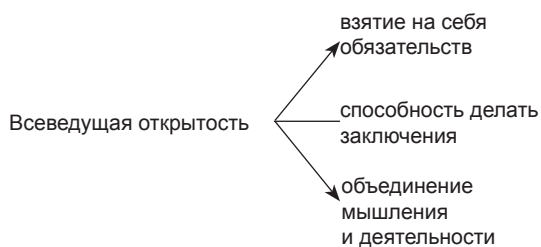
Сравним представленные определения с западным пониманием Разума:

1. *Основание* – способность идей, всеведущая открытость, обладает глубиной третьего измерения.
2. *Условие* – взятое на себя обязательство, соединение сознания и самосознания, существует только в сознании, специализированный тип мышления.
3. *Причина* – способность делать заключения, движущая сила, гармонизирующая и контролирующая сила.
4. *Цель* – связь с реальностью и трансцендентным, высшая цель объединения мышления и деятельности, соединение того, что может быть, с тем, что должно быть, подразумевает как способности человека, так и устроенность вещей.

Возможные семантические константы:

Читается: Разум – это *способность идей соединять сознание и самосознание ради движущей силы связ(ывания) реального с трансцендентным*, т. е. вещи с идеей. Философское толкование абстрактного типа.

Читается: Разум – это *всеведущая открытость взятых на себя обязательств делать заключения ради соединения мыш-*

ления с деятельностью. Оба определения рациональны, но различаются как объективное 1 и субъективное 2. Поразительно единодушны все высказывания относительно цели – все они толкуют о необходимости связывать «вещи» действительности с «идеями» мышления.

Рассудок – практически полезная способность ума-разума к осмыслению мира в чётких оценках – суждениях. Является рациональным составом (*суд*) в категориях здравого смысла (*разум*), когда доводы целесообразности и полезности превосходят действия чувства. Отталкиваясь от исходного суждения, рассудочный человек рассматривает положение в логической последовательности, оформляя рассуждения в слове (умозаключение). Именно рассудок обосновывает правду отдельного человека и определяет справедливость общественных законов. Бывает, что суждения, казавшиеся неоспоримыми, с развитием разума теряют смысл, переходят в разряд предрассудков и вызывают смех. Для русского человека рассудок – важнейшее свойство разума, рассудительность – качество умного человека («Глупый осудит, а умный рассудит»).

Новое русское (1771) от раз- 'часть (удар)' и суд – 'договор', можно перевести как 'действие суждения'. Десигнатные признаки ограничены, все входят в разряд глубоких: *голый, здравый, полный, твёрдый, трезвый*, и интенсивных: *объективный, человеческий*.

Предикаты: Рассудок есть способность по преимуществу аналитическая, из данных посылок выстраивающая следующие отсюда с логической необходимостью выводы... Стихия рассудка – в построении сети силлогизмов. Рассудок по своей природе утилитарен. Для рассудка не существует ни добра ни зла, но лишь – польза или вред... Прогресс рассудка сопутствуется регрессом интуитивно-эмоциональной сферы (Левитский).

Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается (Пушкин). – Деятельность творческая – воля; отражательная восприимчивость – вера; окончательное сознание – рассудок (Хомяков). – Рассудок заключает в себе две особливые способности, необходимо нужные для каждого художника, – остроумие и пронизательность... Остроумие находит сходства, пронизательность видит различия (Мерзляков). – Антиномичность – от дробности самого бытия, – включая сюда и рассудок как часть бытия (Флоренский). – Современная человеческая мысль утратила свою первоначально-глубинную почву... она ухватилась за чувственный опыт... поэтому мысль стала абстрактной и мёртвой, это уже не разум, а голый рассудок (И. Ильин). – Материализм основан на господстве отвлечённых функций человеческого рассудка, продукты которого проецируются вовне и в таком абстрактном виде абсолютизируются (Лосев). – Рассудок – это рациональная составляющая познавательной деятельности, синоним разума, интеллекта, мышления, ума. Иногда рассудок понимается как «здравый смысл» – способность мыслить всякого «нормального» (т. е. обычного) человека в отличие от научных, философских или художественных форм мышления... Рассудок либо пи-

тает разум, который в самом себе содержательно пуст, либо разум диалектически снимает рассудочность, интегрируя её содержание в качестве абстрактного момента (Бурлака).

Славянский ум сводится к рассудку (Галковский). – Все чёткие, как в математике, термины. И так, главное в рассудке – соотношение, способность правильно *держаться*... Раз рассудок – инструментальный, то с ним должно правильно обращаться и не делать работу стамески фуганком (Гачев). – Нет веры к вымыслам чудесным, Рассудок всё опустошил (Тютчев).

Ср. суждения западных авторов: Способность мыслить и есть *рассудок*... Способность представления о всеобщем есть рассудок (Кант). – Сознание *этого* предмета есть *рассудок*... Мышление, порождающее лишь *конечные* определения и движущееся в них, называется *рассудком*... Рассудок есть способность мысленно определять вообще и фиксировать в мысленных определениях. Его содержание как объективного рассудка составляют категории – мысленные определения бытия, образующие внутреннее единство многообразия (Гегель). – Научные понятия – вы согласитесь – являются продуктом рассудка, а не разума; они скорее произвольны, чем необходимы, подчиняются не философскому интересу, а практическим нуждам (Кроче).

На основании выявленных предикатов определим состав признаков, характерных для объёма понятий-денотатов:

1. ЧТО? Высшая познавательная способность *мышления*, его рациональная составляющая, важнейшее свойство разума, особая способность ума, часть бытия.
2. КАК? Окончательное *сознание*, каким мышление подавляет интуитивно-эмоциональную сферу, инструментальный мышления, прост, аналитичность, мёртвая мысль.
3. ПОЧЕМУ? *Целесообразность* и полезность нравственного чувства, утилитарен в режиме пользы, двумерен, способность правильно *держаться*.
4. ЗАЧЕМ? Выводы *суждения*, мышление в суждениях здравого смысла, достигает конечных определений в виде категорий, построение сети силлогизмов, отвлечённые функции, всё опустошает.

Денотаты на основе высказываний западных мыслителей:

1. *Основание* – способность мыслить, способность представления о всеобщем, способность определять общее.
2. *Условие* – мысленные определения бытия, осмотнительное сознание, прост, сдержан, осмотнительен и пронизателен.
3. *Причина* – порождает конечные определения, подчинение практическим нуждам, предполагает существование.
4. *Цель* – предполагает существование, осознание *этого* предмета.

Новые производные концепты пополняют данную характеристику относительно нашего времени.

Рассудочность – Новая русская калька (XIX в.) от *рассудочный* (1864). Признак единственный: *односторонняя*.

Предикаты: Основанием всего движения была односторонняя рассудочность и раздвоенность просветительского начала и совершенно соответствующая им раздвоенность общественной стихии (Хомяков). – Отвлечённое или рассудочное познание состоит в разложении непосредственного, конкретного воззрения на его

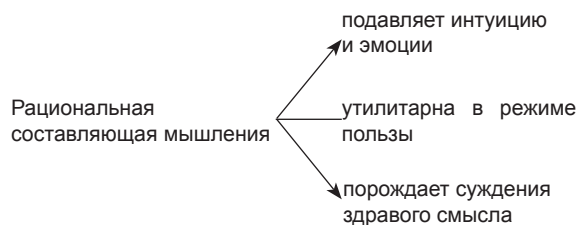
чувственные и логические элементы (Вл. Соловьев). – Рассудочное есть в то же время необъяснимое... Рассудочность – она же закон тождества отвлечённого мышления (Флоренский). – И разве рассудочность исчерпывает, вообще, человеческую природу: а, очевидно, она одна может быть придана окончательной формуле самим её творцом, разумом? (Розанов).

Рассуждение – мыслительный процесс размышления в суждениях, подводящий к определённому заключению. Др. рус. (XII в.) в конкретном значении ‘обсуждение, распознавание’ – калька с греч. *διάκρισις* ‘разделение, различие, разбор’ при старосл. *расужание* ‘рассудительность’, тоже калька с греч. *ἀσκησις* ‘образ мыслей’; др. рус. ‘способность оценивать’ и ‘тщательное исследование’ (XI в.), ‘различение, умение разбираться в чём-л.’ (1073), ‘решение, заключение, определение’ (1076), ‘толкование, объяснение’ (1668), ср. в рус. форме *рассужение* в тех же значениях, а также ‘суждение’ (XIII в.), ‘разговоры, пересуды’ (1551).

Постоянные признаки только глубинные (*важное, ложное, сухое*) и интенсивные: *блестящее, логическое, отвлечённое, политическое, последовательное, следующее, словесное, универсальное, философское*.

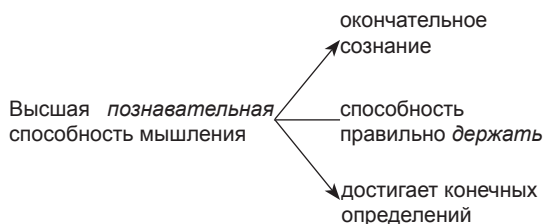
Предикаты: Движение человеческого ума не что иное, как последовательное рассуждение. Достигнув конечного предела этого универсального рассуждения, человеческий разум достигнет полной своей мощи. Гегель (Чаадаев). – Против ложного рассуждения есть противодействие в самом рассуждении (И. Киреевский). – Существует слово – второй подъём сознательной жизни над текущей наличностью, над *тáнта реi*. ... и только замысел – и цепь замыслов – логического рассуждения в некоторой степени спасает сознание от этого словесного безначалия им дурной бесконечности (Вл. Соловьев). – Сухие, отвлечённые рассуждения едва ли доступны молодым людям, получившим воспитание в заведении искусственных минеральных вод (Салтыков-Щедрин). Ср.: *Рассуждать* – значит общаться с самим собой посредством словесных значений (Шпенглер).

Теперь можно построить схемы семантических констант по русским источникам:

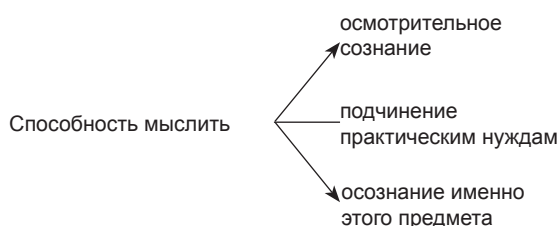
Читается: *Рассудок – это рациональная составляющая мышления, которая подавляет интуитивно-эмоциональную сферу сознания и ради достижения конкретной пользы порождает суждения здравого смысла. Практическое приложение Рассудка.*

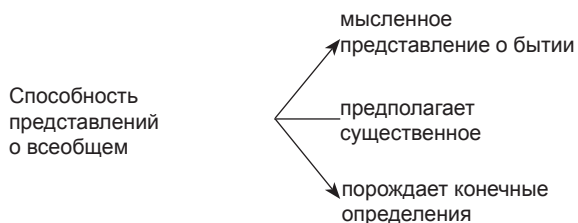

Читается: Рассудок – это *высшая познавательная способность мышления, в окончательном сознании способная держать в целях достижения конечных определений в виде категорий.* Философское определение Рассудка как формы познания.

Западное представление о Рассудке:

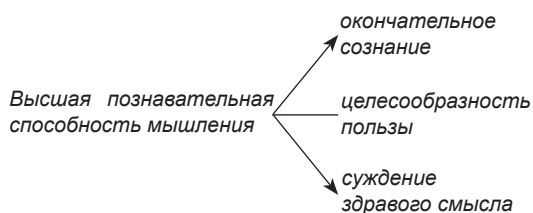

Читается: Рассудок – это *способность мыслить посредством осмотрительного сознания с подчинением практическим нуждам ради осознания именно этого предмета.* Рационально-практическое определение.

Читается: Рассудок – это *способность представлений о всеобщем в мысленном представлении о бытии, предпочитающая существенное ради порождения конечных определений.* Философское определение, в западной ментальности заменяющее определение Разума.

Соединяя все эти высказывания, представим схему семантической константы, полностью учитывающей все связи и отношения на категориальном уровне:

Читается: Рассудок – это *высшая познавательная способность мышления, в окончательном сознании в целях целесообразности пользы выстраивающая суждения здравого смысла.*

Читается: Рассудок – это *высшая познавательная способность мышления, в окончательном сознании в целях целесообразности пользы выстраивающая суждения здравого смысла.*

В текстах часто сопоставляются Рассудок и Разум на фоне Ума. Все они подтверждают справедливость каждого из приведённых определений.

Ср.: У западных европейцев накопление разума завершено, и они ближе к возможному пределу развития, у них разум из отвлечённой силы вследствие накопления сделался силой действующей, *idée force* – рассудка (Меньшиков). – Для русского человека свойственно разделять ум и разум, соединяя в понимании разума высшее проявление мыслительной способности и воли человека (Концепты). – Рассудок познаёт то, что относительное, земное, разум – абсолютное, божественное, бесконечное... Рассудок, оцениваемый как «сухой», абстрактный, аналитический, якобы односторонне доминирующий в Европе, противопоставляется свойственному России цельному «разуму», воспринимаемому как общинный, глубокий, интуитивный, синтезирующий... Первоначально гносеологическая оппозиция рассудка и разума приобретает для русских этический, духовный, общественный, религиозный и историософский смысл (Идеи в России).

Ум без рассудка делается для нас опасным даром; рассудок же без ума никогда не дойдёт далеко в плодотворной деятельности, а равно ум и рассудок окажутся совершенно ненужными и бесполезными, если мы не будем применять их к делу... Ум поверхностен, капризен и своеловен, рассудок прост, сдержан и осмотрителен. Ум учит весёлому и приятному, рассудок – солидному и хорошему (Вейсс; под Умом понимается Разум). – Сущность рассудка – критика, сущность разума – творчество. Разум порождает существенное, рассудок его предполагает (Шпенглер; точное отражение русской ментальности, для которой рассудок – «вещь», а разум – «идея»).

Сведём различия между этими концептами:

Разум	Рассудок
Познаёт абсолютное и бесконечное.	Познаёт относительное и конкретное.
Существует в трёхмерном измерении.	Существует в двухмерном измерении.
Синтетическая особенность мышления.	Аналитическая особенность мышления.
Разум преодолевает рассудок.	Рассудок снимается разумом.

При общности условий (сознание), Разум и Рассудок различаются в *основаниях* (глубинное созерцание идей – поверхностное мышление) и в конечных *целях* действия (широко познание и конкретно суждение). В целом, Разум соотносится с Духом, тогда как Рассудок сближается с Душой – оба концепта идеальные. В противопоставлении Рассудка Разуму проявляется присущее русскому сознанию мировосприятие реализма, удваивающего действительный мир миром идеальным, равновеликим ему и диктующим выбор предпочтений. Но в результате нашего анализа мы путём последовательных содержательных редуций дошли до уровня «пустых понятий»; возникает необходимость усилить

их содержательно, актуализируя в виде *об-разных понятий*. В данном случае число их ограничено из-за не разработанности десиг-натов: *твёрдое сознание, человеческая осо-бенность, здоровое сознание, трезвое созна-ние, объективная целесообразность* и т. д. Именно подобными понятиями мы и создаём сеть сиюминутных представлений, познавая мир в его многообразии.

УМ И МУДРОСТЬ

Умный человек – это человек в целом... только тогда его разум становится мудростью.
Иван Ильин

Ум – смысл и самое вещество мышления и сознания человека в одухотворенном хо-тении (воля) со-знавать (вместе и внутри) и по-знавать (самому и вне). Подчиняясь логи-ке практической полезности, оборачивается разумом (лат. *ratio*; «ум без разума – беда»); в единении с душой (духовность) и сердцем (любовь) постигает мудрость (разум душев-ный), опирается как на непосредственную наблюдательность (опыт), так и на умозре-ние (интуиция). Если ловкость ума-умения оборачивается хитростью и догадкой, то сила ума-разума зиждется на понятливости и вни-мательности, а непреходящая значимость ума-мудрости становится высшей формой проявления ума.

Общеславянское слово в значении ‘ум (проявление смысла)’ (ср. *явиться*); в др. рус. ‘совокупность духовных сил (душа)’, ‘об-раз мыслей’, ‘разумение, понимание’ (1047), ‘способность мыслить и познавать’ (1057), ‘мысль’, ‘промысел’ (XI в.), ‘причина, основа-ние’ (1144), ‘рассудок’ (1327), ‘знание, уме-ние’, ‘предначертание’ (XIV в.).

В «Словаре эпитетов» выделено 222 определения при слове *ум*; убирая сино-нимы и авторские эпитеты, получим следую-щий набор десигнатных признаков:

Типичные – гибкий, живой, зрелый, тонкий, точный, трезвый.

Глубинные – боевой, бойкий, большой, быстрый, великий, высокий, глубокий, жадный, здоровый, зоркий, острый, светлый, смелый, тяжкий, цепкий, чужой.

Интенсивные – аналитический, блестящий, вдумчи-вый, восприимчивый, всеобъемлющий, вьедливый, гро-мадный, задний, изобретательный, изощрённый, крити-ческий, могучий, незаурядный, огромный, основательный, поразительный, практический, природный, проникновен-ный, пылкий, разносторонний, разящий, рассудитель-ный, русский, свободный, энергичный, ядовитый и т. д.

Длительные – нет.

Специально для «русского ума» отмечены следую-щие признаки: *безличный, изобретательный, ирониче-ский, истинный, острый, чистый* – весьма выразитель-ные по составу.

Предикаты выделим на основе следую-щих текстов:

Затрудняется смутный мой ум, слабый разум имея, не может нужных слов изложить по порядку (Кирилл Ту-ровский, 1160-е гг.) – Ум не есть высшая в нас способ-ность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам всё то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, куда не двинутся в нас другие способности, от которых он умнеет. Он несравненно в большей зависимости на-ходится от душевных состояний..., ум идёт вперёд, когда идут вперёд все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идёт назад, когда не возвышаются нравственные силы (Гоголь). – Острый ум есть глаз гения; воображение и чувство – его крылья... ум как господствую-щая способность души благодетелен (Мерзляков). – Ум наш так составлен, что понятия у нас не истекают необхо-димым образом одно из другого, а возникают поодиночке, внезапно и почти не оставляя по себе следа... Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум (Чаадаев). – Развивать свой ум, значит именно менять и разнообразить свою точку зрения, пи-таться чужим, претворяя лишь его неузнаваемо по-своему (К. Леонтьев). – Ум, как говорили древние, есть правитель-ственная или владычественная часть души (Юркевич). – Ум есть сущее как субъект представления и носитель истины, а вследствие этого также субъект воли, блага и чувства красоты. (Вл. Соловьев).

Настоящий ум начинается со скромности, то есть с некоторого плача о себе и своих силах, о своём бес-силлии; и, пропорционально этому, с внимания к окру-жающему, с желания учиться из окружающего... Ум по преимуществу раскрывается в практической деятельно-сти человека – в способности умело вести дела личные и в умении устраивать дела общественные... Ум – это творчество в разуме (Розанов). – Ибо ум в конце концов укоренён и центрирован в сердце, так как личность име-ет единый сокровенный центр (Вышеславцев). – Сильно талантливый человек и не может быть очень умным, по-тому что при уме должна быть злость и холод, а талант греет (Пришвин). – Ум можно определить как способ-ность выносить суждение о единичном факте с высоты усвоенной тобою общей культуры... Ум не роскошь, а гигиена..., это – умение правильно знаниями распоря-жаться, умение соотносить эти знания с фактами и со-бытиями реальной жизни, объективной реальности, и главное – самостоятельно эти знания добывать, попол-нять (Ильенков). – Ум – чистая открытость, свобода вби-рающей пустоты... Ум – то в человеке, что способно к экстазу, восторженному безумию (Бибихин).

Стародумовское: «Ум, коли он только ум, – сущая безделица» – находит отклик, кажется, во всяком рус-ском... Стремление нравственное, сознание религиоз-ное, деятельность не головою только, но и всеми органа-ми духа... и представляется нам жизнью до дна серьёз-но, всецело достойною (Флоренский). – Но, чувство презрев, он доверил уму, Вдался в суете изысканий... И сердце природы закрылось ему, И нет на земле прорица-ний (Баратынский).

Мнение лингвистов: В понимании ума русское со-знание представляет способность человека думать и понимать нечто представляемое, подобно органу, при помощи которого осуществляются мыслительные опе-рации. «Ум» и «разум» – самостоятельные концепты, на что указывают особенности их выражения в русском язы-ковом сознании (Концепты).

Ср.: западное представление об уме Нашему остроумию, как кажется, более свойственны быстрота и внезапность, тогда как уму – основательность и медли-тельность (Монтень). – Наш ум, как и положено, напоми-

нает качающийся маятник, всё остальное равнозначно тупости (Ортега-и-Гассет). – Ум очень нередко идёт вразрез с требованиями рассудка. Способный к увлечению, он иной раз видит только одну сторону предмета, забывая другие... Ум без рассудка делается для нас опасным даром; рассудок же без ума никогда не дойдёт далеко в плодотворной деятельности, а равно ум и рассудок окажутся совершенно ненужными и бесполезными, если мы не будем применять их к делу... Ум ставит целью приятное, рассудок – полезное. Ум поверхностен, капризен и своеволен, рассудок прост, сдержан и осмотрителен.. Ум учит весёлому и приятному, рассудок – солидному и хорошему (Вейсс). – Ум – это не способность абстрактного мышления, а способность человека постигать вещи в качестве реальностей и потому изменять их (Вальверде).

Пополним материал специально для понятия «русский ум»:

Русский ум связан с душой (Гиренок). – Русский ум есть ум безличный по преимуществу (Чаадаев). – Этот ум, умеющий найти законную середину всякой вещи... есть наш истинно русский ум... Стало быть, полное беспристрастие возможно только в русском уме, и всесторонность ума может быть доступна одному только русскому (Гоголь). – Русский ум есть ум преимущественно практический... А между тем в русском уме есть жилка шутовности (П. Вяземский). – Всю русскую историю и всю нашу культуру, и всё наше теперешнее сознание создал наш, русский, ум (Шелгунов). – Ум наш требует фактов, доказательств; фраза нас не отуманит, а в самом блестящем и стройном создании фантазии мы подметим слабость основания и произвольность выводов... Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума (Писарев). – Русский ум не исходит из мысли, как ум германский, а из самой жизни приходит к мысли, как к орудию жизни (Бердяев). – Русский ум экзистенциален до гротеска, до сумасшествия (Горичева). – (Его) суждения давали повод думать, что французское проникновение в суть вещей соединялось у него со спокойным русским умом (Ладинский). – Есть западный ум, а есть русский. Понимаете? Америка от своей скудости ума шарит по странам, тянет к себе специалистов, разжигается чужим умом... Русский ум, пересаженный на чужую почву, поливаемый материальным интересом, быстро выдыхается (Крупин). – Русский ум – изобретательный ум (Чехов). – Он здраво мыслит о земле, в мистической купаясь мгле (Вяч. Иванов. *Русский ум*).

По мнению лингвиста, специально изучавшего вопрос, «в русском сознании ум понимается как нечто измеряемое. Это в равной степени справедливо и для культуры элитарной, и для культуры народной. Однако характер измеряемости ума в каждой из культур различается. Элитарную культуру не интересует “простой” ум, воспринимаемый как норма и потому никак не маркируемый, – она “измеряет” ум необычайный... необыкновенный» (Фархутдинова).

Раннее свидетельство иностранца: «У русских энергичный разящий ум. Их не заботят ни красота, ни изящество слога, они тотчас берут быка за рога» (Казанова).

На основании предикатных признаков выделяем признаки денотатные:

1. *Сознание*, представляет способность думать и понимать, господствующая способность души, правительственная часть души, врождённое чутьё, экзистенциален до сумасшествия.

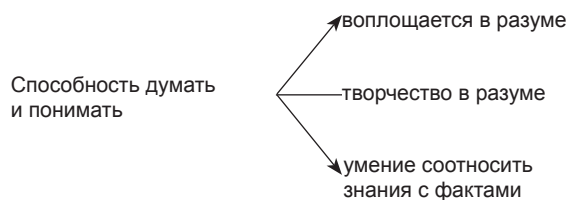
2. *Содержит разум*, воплощается в разуме, зависит от чувств, которыми и направляется, воображение и чувства – крылья ума, способен к увлечению, противоречит рассудку, центрирован в сердце, поверхностен,

капризен и своеволен; русский ум связан с душой, основательная медлительность, изобретателен, скептичен, безличен, беспристрастен.

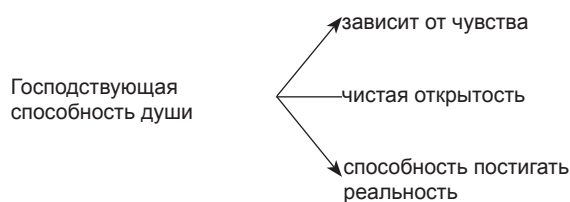
3. *Способность* сравнивать, творчество в разуме, носитель истины, чистая открытость, свобода пустоты, качающийся маятник, исходит из жизни к мысли, здраво мыслит о земном, раскрывается в *деятельности*, приводит в порядок всё.

4. Способность не к абстрактному мышлению, а к постижению реальности, умение соотносить знания с фактами, требует фактов, способность выносить суждения о фактах с высоты культуры.

Некоторые семантические константы:

Читается: Ум – это *способность думать и понимать, воплощаемая в разуме ради творчества и умения соотносить знания с фактами*. Рациональное определение.

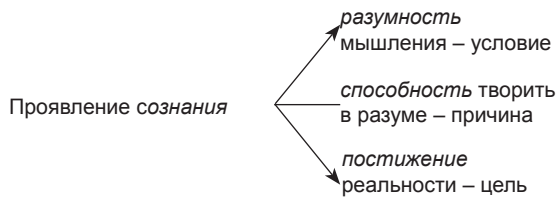
Читается: Ум – это *господствующая способность души, зависящая от чувства, чистая открытость к постижению реальности*. Психологический оттенок действия Ума.

Читается: Ум *экзистенциален до сумасшествия, способен к увлечению вопреки рассудку и раскрывается в деятельности суждений с высот культуры*. Философское определение.

Чтобы определить авторство каждого из членов приведённых толкований, достаточно просмотреть список предикатов – результат впечатляет. Необходимо только помнить, что большинство высказываний относятся к прошлому, и оттенки выражений могут быть устаревшими.

В результате семантическую константу в самом общем виде можно представить следующим образом:

Читается: Ум – это *проявление сознания в разумности мышления как способность творить в разуме ради постижения реальности.*

Соотношение десигнатных и денотатных признаков строится обычным порядком, соединением десигнатных признаков с выявленными денотатами; в результате получаем сеть возможных номинаций типа *живое постижение реальности, зрелое умение соотносить знания с фактами, глубокая и острая способность сравнивать факты, трезвое постижение реальности, блестящая изобретательность, незаурядная способность*, и т. д. при отсутствии соединений с признаком основания, поскольку он постоянен в действии и выражает концептуум.

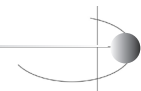
Особого развития удостоилось образное понятие «задний ум» – природный ум бывшего человека, по наитию способного решить любую проблему, по меткому замечанию, «ум окончательных выводов» природного свойства; в современном употреблении – о непредусмотрительном, поздно спохватывающемся человеке; диалектное – ‘упущение’. От *здравого смысла* отличается не рациональной, а скорее чувственной формой реакции на события. В древнерусском представлении господствовала «обратная перспектива»: *передний* – это *прежний* (общий корень) – «на преднее возвратимся» – вернемся к прежнему; таким образом, *задний* – впереди, рядом с субъектом, это буквально последний в ряду, а, значит, и свежий в силе («стань к лесу передом, ко мне задом»). Это последнее по времени, последующее действие, следующее событие (1288 г.). В книжных текстах до XIX века сочетание не отмечается, теперь же оно переосмыслено в связи с изменившейся перспективой взгляда («прямая перспектива»), понимается как «задним числом», *после* самого события. От *здравого смысла* отличается не рациональной, а скорее чувственной формой реакции на события.

Предикаты в текстах: (Крылов) – это наша крепкая русская голова, тот самый ум, ...которым *крепко русский человек, ум выводов*, так называемый *задний ум*... Вследствие этого *заднего ума*, или *ума окончательных выводов*, которыми преимущественно наделён перед другими русский человек, наши пословицы значительно больше, чем пословиц всех других народов (Гоголь). – Знали, что начальство в этих случаях всегда крепко задним умом (Достоевский). – Поймём однажды, что... (мы) задним умом крепки от пространственности (Л. Леонов). – Житейские неровности и случайности приучили его (русского) боль-

ше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед..., он стал более осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчёт искусства составлять сметы. Это умение и есть то, что мы называем *задним умом*. (Ключевский). – Русский народ, как и всякий народ, задним умом крепок (Шульгин). – Задний ум – медлительный и недоверчивый при виде нового, пользующийся готовыми образцами, противопоставляется «переднему» уму как высшей познавательной способности, помогающей изобретать и внедрять изобретения (С. Максимов). – Итак: Задний ум (природа) – общий ум (человек) – свой ум (Сам-человек). ...Мое остроумие в заднем уме, и оттого я вне общества, и оттого я писатель. Могу только среди своих (Пришвин). – Вылезем из ямы, подкормимся, а потом и опять можно за перестройку браться..., но уже укрепив человека задним умом (Кара-Мурза). – Задний ум не что иное, как итог, который русский человек подводит в результате самоанализа. Русские люди аналитичны в повседневной жизни, они всегда анализируют себя и своё поведение, ищут причины промахов и неудач, а когда находят их, то осознают их как задний ум, как понятие задним числом (Фархутдинова). – Куда ни побеги – ты изменник. Не отсюда ли – в мифологию вошедший «задний ум» русских, лукавый расчёт на «авось» и звериная осмотрительность при невозможности что-либо реально предусмотреть?... Наш ум – задний ум. Это не тупость, это дурь. Это скомороший, кенотический («зрак раба») спрятать ум поглубже, оставить в запасе до страшного часа (Аннинский).

Таким образом, русский ум особенный. В. И. Даль говорит о нём, как о *заднем уме*. Русский человек «задним умом богат». Можно подумать, что *задний ум* всегда отстаёт от уже совершённого дела или испытанного чувства – осмысляет «задним числом» событие. Однако этнографы XIX века показали, что в русском представлении *задний ум* объясняется скудостью специальных знаний, недостатком достоверной информации и даже отсутствием разделения труда. Современное о нём представление «как итог, который русский человек подводит в результате самоанализа», делает упор на рефлексию «самоедства» и привязано к узко интеллигентскому пониманию дела... *Задний ум* у самого Даля скорее соответствует общему смыслу слова *задний* – то, что следует *потом*, а не *сзади* (*задним умом догадливе* – только после природных ощущений и чувства). Тут приводят и слова Лермонтова: «Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом» – с запозданием развившимся? Пространственное *задний* заменено временным *поздний*. Для Михаила Пришвина несомненно следование: *задний ум* – природа, *общий ум* – человеческий, *свой ум* – сам человек. Апелляция к природе не столь уж и плоха в критический момент, когда только природа и спасает.

Мудрость – целокупность ума-разума и веры, личной совестью сплавленная в надличностное знание, присущее достойному пожилому человеку. Несёт в себе глубинное понимание мира, воплощённое в абсолютных величинах (*понятие* – *символ*) и выра-

женное в слове (притча, загадка, поговорка). В отличие от разума, мудрость опирается не на практическое умение (*наука*), а на совесть («разум душевный»).

Общеславянское слово от *мудръ* из индоевропейского корня в том числе со значением 'живой, бодрый, плодovitый'; в др. рус. 'ум, разум (благоразумие)' (1076), 'учённость' (XII в.), 'мудрёность (трудность)' (1274), 'хитрость, лукавство' (XIII в.), 'произведение искусства' (1618), 'приспособление, изобретение' (1655).

У этого концепта полностью отсутствуют типичные признаки, в «Словаре эпитетов» указано только 37 определений, в наших текстах их ещё 20:

Глубинные: высокая, глубокая, суровая, яркая, ясная.
Интенсивные: безграничная, бездонная, божья, житейская, земная, змеиная, мистическая, народная, неизъяснимая, неистощимая, неиссякаемая, неисчерпаемая, сверхъестественная, сверхчеловеческая, таинственная, целительная, чудесная.

Длительные: вековая, древняя.

Предикаты: Под мудростью понимается не только полнота знания, но и нравственное совершенство, внутренняя цельность духа... Мудрость как добродетель есть способность наилучшим образом достигать наилучших целей, или умение целесообразнейшего приложения своих умственных сил к предметам наиболее достойным (Вл. Соловьев). – Мудрость есть начало и конец нравственной, т. е. истинной деятельности человека... справедливость и всякая добродетель есть мудрость (С. Трубецкой). – Слово σοφία хотя и переводится как мудрость или премудрость, но однако вовсе не означает простого пассивного восприятия данности, вовсе не означает нашего: разум, знание, наука и т. п. В нём содержится вполне определённое указание на творчество (Флоренский). – Во всех вещах мира есть измерение глубины. И в этой глубине есть потайная дверь к мудрости и блаженству... Умный – это умный человек в целом: у него также умное сердце, умная воля, умная фантазия... только тогда его разум становится мудростью (И. Ильин). – Мудрость состоит в знании времени, когда следует указывать людям, что согласно со временем года нужно рамы в окна вставлять или раскапывать завалинку... Мудрость человека состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой жизни. Мудростью... называется та необходимая последовательность, с которой проводится в жизнь та или иная идея (Пришвин).

Людям простым, неучёным, рабам и нищим это внутреннее знание, мудрость, столь же доступно, как и людям властным, богатым и с высоким научным образованием... и составляет то, что называется «чистым сердцем» и «простым сердцем» и что справедливо почитается условием мудрости (П. Астафьев). – Ибо мудрость есть не что иное, как совершенно живое, сущностное, бытие – знание, нравственно-делание, прекрасно-творчество, светло-исповедание, или же, суммируя, ж и з н ь в предмете, ж и з н ь в С у щ е м . Мудрый мудростью живёт, всецело поставлен в бытии, в д о б р е , в красе, в светлости, в каждом из них и во всех них (Яковенко). – Философия требует также мудрости, которая не даётся одним знанием (Левицкий). – Совершившийся факт – это есть мудрость (Салтыков-Щедрин).

По мнению лингвистов: В архаической традиции мудрость нередко понималась как некий дар (равно духовный и сугубо материальный), с помощью которого достигается процветание, успех, удача, независимо от того, идет ли речь об обретении высших духовных ценностей или богатства, скота, потомства (к сексуальному аспекту см.: слав. *тсѣдѣ 'тестикулы') (Топоров). – Мудрость гра-

дуальна: её недостаток есть глупость, её избыток... однозначно оценивается отрицательно (Карасик).

Ср. суждения западных мыслителей: Мудрость, кажется, есть не что иное, как знание счастья (Лейбниц). – Было бы слишком требовать от людей *мудрости* как идеи законосообразно полного практического применения разума (Кант). – Мудрость – нечто холодное, и с этой точки зрения глупое (Витгенштейн).

Типы денотатных признаков:

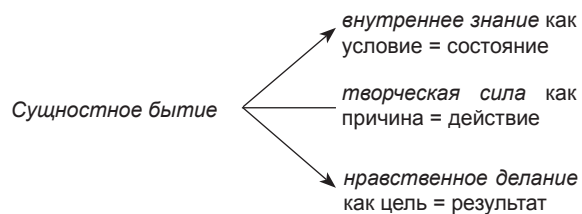
1. *Сущностное бытие*, дар духовный и материальный, умозрение целостности бытия, внутренняя цельность духа, глубинное понимание мира.

2. *Внутреннее знание*, полнота знания, сознание добра и зла, неизменно радостное восприятие жизни, знание счастья.

3. *Творческая сила*, ясное сознание закона, измерение глубины, искусство использовать момент, опора на совесть.

4. Последовательность проведения идеи, совершившийся факт, нравственное делание, прекрасное творчество, всякая добродетель направлена на практические цели.

Общая семантическая константа концепта Мудрость, противопоставленная реальной действительности:

Читается: Мудрость – это *сущностное бытие внутреннего знания как творческая сила ради нравственного делания*. Частные константы укладываются в это общее определение.

Из определений западных авторов следует, что Мудрость для них – это холодное применение практического разума сродни удаче (счастье), и вообще глупость. Чёткое отличие от русского представления Мудрости как высшей цельности духа и глубинного понимания мира. В русском материале примеры образных понятий: *вековое сущностное бытие, древняя цельность духа, безграничное внутреннее знание, мистическое сознание добра и зла, глубинная творческая сила* и т. п. с возможными синонимическими вариантами.

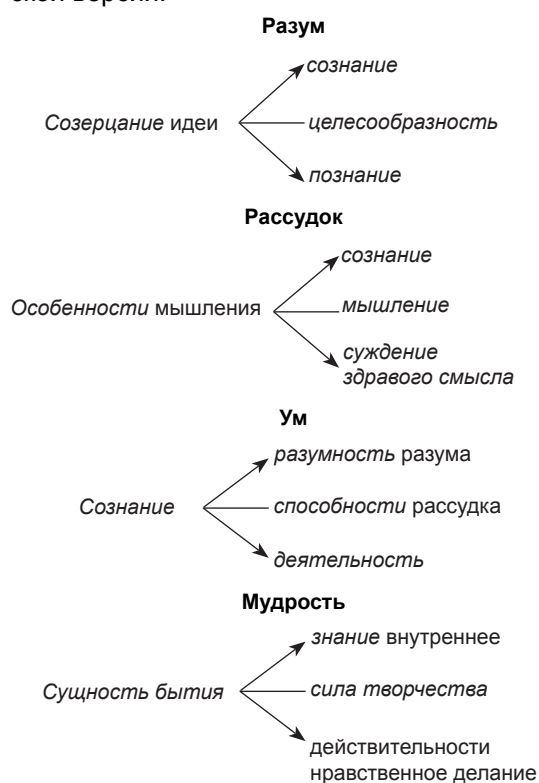
Объективность представленных соотношений (так же и во всех остальных примерах разбора концептов – легко проверить) определяется двумя обстоятельствами.

Первое. Всегда *состояние условий* создаёт *действие причин*, а верное *внутреннее основание* приводит к определённому *результату цели*. Примеры на общих константах: Мудрость – *внутреннее знание как творческая сила* (условие – причина) и *сущностное бытие ради нравственного делания* (основание – цель); Ум – *разумность ума и*

творчество в разуме (условие – причина) и проявление сознания ради деятельности в реальности (основание – цель) и т. д.

Второе. Подбор денотатов также не является случайным. Обычно оказывается, что авторство принадлежит представителям определённого круга лиц, близких по идейным воззрениям или определённого времени действия, а то и просто одному и тому же мыслителю. Примеры в порядке предъявления: П. Астафьев – П. Флоренский; Яковенко – Яковенко в первой константе; Писарев – Розанов; Шелгунов – Розанов во второй.

В заключение соотнесём семантические константы всех четырёх концептов в их русской версии:

Соотношение выявленных признаков отображает двуединство мысли и дела – соответственно верхний и нижний ряды. Мудрость предстаёт как высшая степень Ума (в целом, те же признаки), постигающая то, что Уму недоступно (сущности, а не вещи). Одновременно Ум и Мудрость вбирают в себя Разум и Рассудок как действующие силы мышления, основанного на сознании.

Перетекание объёмных предикатов создаёт ускользающую перспективу взаимных соотношений всех четырёх концептов. Соотношение концептов поддается пропорции

$$\text{Ум/Мудрость} : \text{Разум/Рассудок} = \text{Логос} : \text{Рацио}.$$

Соотношение концептов в границах концептуального квадрата также вполне определено:

	R	-R	
D	Рассудок	Разум	S
-D	Мудрость	Ум	-S

где R – референт, D – денотат, S – сигнификат (десигнат).

Ум как перводвигатель признавался большинством философов со времен Аристотеля, Разум как образное отражение Ума представлен в известной схеме Дионисия Ареопагита, Рассудок как рациональная сила сознания также хорошо известен, а символ Мудрости всегда поражал воображение людей. Вся парадигма коцептов данного ряда заполнена.

Важно, что все концепты различаются по десигнатным признакам: только Ум несёт признаки типичные (статус древности) и осознаётся как символ, Мудрость несёт признаки глубинные и длительные (статус ранней вторичности), Разум ещё имеет глубинные, а Рассудок ограничен интенсивными, поздними по образованию (самый новый концепт, едва ли не калька). Понятно, что во временной перспективе взаимные связи четырёх концептов могут изменяться, сохраняя неизменными только коренные концептуумы. Здесь представлено прочтение текстов своего исторического момента. Более того, здесь вскрыты *подтексты* высказываний авторов, подсознательно оперировавших скрытыми за словами первосмыслами национального сознания, данного в концептах. Вполне вероятно, авторы текстов и не осознавали смысла концептов, которые не находились в светлом поле их сознания, но в этом сознании присутствовали на подсознательном уровне. Мы заглянули в подтекст их ментальных действий, выражающих этот уровень.

Библиографическое описание статьи

Колесов В. В. Концепты Рассудок, Разум, Ум и Мудрость в поле русского сознания // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 75-86. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86.

Reference to article

Kolesov V. V. The Concepts of Mind (Ум), Reason (Рассудок), Intellect (Разум) and Wisdom (Мудрость) in the Conceptual Field Conscience // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 75–86. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-75-86.

Нуржамал Жумагазиевна Чонмурунова,

аспирант,

Кыргызский национальный университет имени Ж. Балаасагына
(720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Жибек-Жолу, 394),

e-mail: n.turahunova@mail.ru

Репрезентация концептов добра и зла в произведениях Ч. Т. Айтматова (на материале романа «Плаха»)

В статье рассматриваются способы репрезентации концептов «добро» и «зло» как универсалий человеческого мышления в терминах когнитивной лингвистики, раскрываются их содержательные характеристики на основе их вербальной объективизации в языке Ч. Айтматова (на материале романа «Плаха»). Проведённый нами анализ показывает, что концепт «зло» несёт идею разрушения. Если *добро* нельзя навязать, то *зло*, как правило, навязывается человеку извне. *Зло* как поступок может быть «адресованным конкретному человеку, т. е. быть злом с точки зрения его выгоды и счастья». И *зло*, по Айтматову, также может быть направлено против всего человечества.

В концептосфере Ч. Айтматова концепты «добро» и «зло» выступают одними из базовых понятий. Понятийный слой концепта «зло» в романе «Плаха» Ч. Айтматова является основным. Понятийная составляющая формирует представление о *зле* как *чём-то дурном, вредном, беде, несчастье, неприятности, досаде, злости (сделать что-н. со зла, иметь (держат) зло на кого-н.)*, служащем основой для образования концепта. Концепт «зло» на понятийном уровне имеет иерархически сложную фреймовую структуру, состоящую из слотов (как элемент концепта), которым в языке соответствуют вербализующие их лексические единицы. Анализ лексических единиц, актуализирующих сценарий концепта, позволяет выявить их способность реализовать те или иные признаки концепта «зло». Концепт «зло» в романе представлен следующими фреймами: «Моюнкусское светопредставление», «Дурман-трава», «Базарбай».

В статье понятийная составляющая концепта «добро» характеризует всё положительное, светлое, приятное, успешное, полезное, всё, относящееся к добрым делам, поступкам, приносящим пользу. Концепт «добро» в романе состоит из следующих фреймов: «Авдий» «Волки», «Бостон». В концептосфере Ч. Айтматова *добро* есть понятие духовной и мировоззренческой сфер жизни человека, это одно из основных понятий, формирующих моральный аспект жизнедеятельности человека. Лексема *добро* эксплицирует в произведении идею созидания, идею светлого потенциала человечества.

Ключевые слова: концепт, фрейм, слоты, когнитивная лингвистика

Nurzhamal Zh. Chonmurunova,

Postgraduate Student,

Zh. Balaasagyn Kyrgyzstan State University
(394 Zhibek Zholu pr., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan),

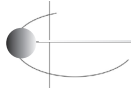
e-mail: n.turahunova@mail.ru

Representation of the Good and Evil Concepts in Ch. T. Aitmatov's Works (Based on the Novel *Plakha*)

The article considers the ways of representation of 'good' and 'evil' concepts as cognitive structures and as universals of human thinking, their informative features based on their verbal objectification in Aitmatov's language (based on the novel *Plakha*).

This article discusses the concepts of 'good' and 'evil' as universals of human thinking in terms of cognitive linguistics, opening their informative characteristics based on their verbal objectification in Chyngyz Aitmatov's language (based on the novel *Plakha*). Analysis which was made by us shows that the concept of 'evil' has the idea of destruction. If good cannot be attached to a person, but evil usually sticks on a person from outside. Evil as an act could be "addressed to a particular person, i. e. be evil in terms of its benefits and happiness". From Chyngyz Aitmatov's point of view, evil can be addressed to the whole humanity.

In Ch. Aitmatov's texts, the concepts of 'good' and 'evil' are the basic concepts. Conceptual meaning of 'evil' concept is the main essential part in the novel *Plakha* by Ch. Aitmatov. Cognitive components of the evil are formed from the meaning of something bad, harmful, trouble, misfortune,

nuisance, and annoyance (to do something with anger, to be angry to someone), and all these are the basis for making of 'evil' concept. The concept of 'evil' due to conceptual level has a hierarchically complex frame-based structure consisting of slots (as an element of the concept), which verbalize their lexical units in the language. Analysis of lexical units, filling the concept's script reveals their ability to implement those or other signs of 'evil' concept. The concept of 'evil' in the novel is represented by the following frames: 'Moũnkumskoe svetoprestavlenie', 'Datura-trava', 'Bazarbai'.

Conceptual component of the 'good' concept in the article characterizes all positive, bright, pleasant, successful, useful things, such as good works, acts that bring the benefits. The concept of 'good' in Ch. Aitmatov's novels consists of the following frames: 'Avdii', 'Volki' and 'Boston'. In Ch. Aitmatov's concept sphere, 'good' is the concept belonging to the spiritual and ideological spheres of human life, it is one of the main concepts that form the moral aspects of human life. The word 'good' explains the idea of creation, and the idea of bright potential mankind in his works.

Keywords: concept, frame, slots, cognitive linguistics

Объектом исследования в данной работе стали тексты произведений Ч. Т. Айтматова (1928–2008), в качестве предмета исследования рассматриваются концепты «добро» и «зло» как универсалии человеческого мышления в терминах когнитивной лингвистики, раскрываются их содержательные характеристики на основе их вербальной объективизации в языке Ч. Айтматова (на материале романа «Плаха»).

В книге «Лингвистика XXI века» А. В. Друзь в статье «Языковая репрезентация морально-этических концептов (на материале английского языка)» отметил, что «в лингвокультурологии концепт рассматривается как основная единица культуры и представляет собой “сгусток культуры” в сознании человека, как средство и способ языковой концептуализации мира (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.)» [4, с. 256].

З. Д. Попова и И. А. Стернин развивают когнитивный подход к пониманию концепта, определяя концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [6, с. 4].

В. И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [3, с. 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [3, с. 3], «переживаемая информация» [3, с. 128], «квант переживаемого знания» [3, с. 361].

М. В. Пименова отмечает: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом». «Структура концеп-

та – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира», «признак – мельчайшая единица структуры концепта» [5, с. 8].

Вводя понятие художественного концепта, можно также идти двумя путями: представляя его как индивидуально-авторское психическое образование и как элемент национальной художественной традиции, национальной художественной картины мира. Первое понимание характерно для лингвистических работ, выполненных в русле когнитивной поэтики и коммуникативной стилистики [8, с. 15]. Так, в диссертации О. В. Беспаловой художественный концепт трактуется как «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [2, с. 6].

Понятие художественного концепта находится в стадии осмысления. Л. В. Миллер этот феномен определяет как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и... психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [9, с. 41–42].

В. А. Маслова отмечает следующие отличия художественного концепта от познавательного: «Во-первых, в основе связи его лежит ассоциация; во-вторых, художественный концепт заключает в себе не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразные эмотивные смыслы; в-третьих, художественный концепт тяготеет к образам и включает в себя их». Автор считает, что «в отличие

от обобщённых познавательных концептов художественные концепты индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны; это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений, возникающий на основе художественной ассоциативности. Чем богаче культурный и эмоциональный опыт поэта, тем глубже и обширнее его концепты» [10, с. 34–35].

Поиск различных лингвистических методик для исследования концептов обусловлен сложностью концептуальных структур. Ведущими методами признаются семантико-когнитивный анализ концептов и фреймовый анализ. Ключевым термином фреймового анализа является термин «фрейм»; наряду с «образами», «прототипами», «схемами» и т. д., фреймы представляют собой разного рода связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире [2, с. 65]. Разработка подобных когнитивных структур представлена, в первую очередь, работами Ч. Филлмора, Дж. Лаккоффа, М. Минского. Фреймы, когнитивные структуры, стоящие за значением слова и обеспечивающие его понимание, образуют иерархически упорядоченные элементы – субфреймы, а также слоты, более мелкие единицы, составляющие какой-либо аспект или часть фрейма.

З. К. Дербишева отмечает в своей книге, «чтобы изучить языковую концептосферу писателя, нужно выбрать ключевые концепты, ментальные формулы, идиомы, метафоры, сравнения и т. д. Каждая из ментальных формул рождалась в недрах творческого сознания, терзала его душу, сердце и помимо его желаний становилась мудрым изречением, философской сентенцией, яркой самобытной метафорой». Концептосферу Ч. Айтматова она описала следующими ключевыми концептами: «Дети», «Любовь», «Нравственность», «Душа», «Зло», «Добро», «Слово», «Человек», «Жизнь», «Мысли», «Власть», «Совесть», «Природа», «Языковой космос», «Музыка», «Культура», «Художник», «Религия», «Судьба», «Война», «Истина», «Память», «Современный мир». Каждая из этих категорий представлена россыпью драгоценных мыслей писателя [1, с. 17].

В концептосфере Ч. Айтматова концепты «добро» и «зло» выступают одними из базовых понятий. Понятийный слой концепта «зло» в романе «Плаха» Ч. Айтматова является основным. Понятийная составляющая формирует о зле представление как о

чём-то дурном, вредном, беде, несчастье, неприятности, досаде, злости (сделать что-н. со зла, иметь (держат) зло на кого-н.), служащим основой для образования концепта. Концепт «зло» на понятийном уровне имеет иерархически сложную фреймовую структуру, состоящую из слотов (как элементов структуры концепта), которым в языке соответствуют вербализующие их лексические единицы. Анализ лексических единиц, актуализирующих сценарий концепта, позволяет выявить их способность реализовать те или иные признаки концепта «зло». Концепт «зло» в романе представлен следующими фреймами: «Моюнкусское светопрествление», «Дурман-трава», «Базарбай».

1. Фрейм «Моюнкусское светопрествление» раскрывает безжалостность, проявленную человеком по отношению к природе, которая оборачивается против него самого: того, кто творит зло, неизбежно постигает возмездие. Ядерными единицами данного фрейма являются слоты «Разрушение», «Жестокость», «Трагедия», «Ужас», «Хаос», которые реализуются такими выражениями, как: *Живой всесокрушающий поток, растоптаны и раздавлены, животная стихия, растерзать и растащить по кускам, безжалостный оборот судьбы, бешеный убийственный галоп, выкатить от ужаса глаза, панический бег, нагнетать страх, сплошная чёрная река дикого ужаса, знать на измор, кровавая дань, горы сайгачьих туш, паника и отчаяние, страх апокалиптических размеров, воцарение хаоса, бешеная облава, обливание кровью, апокалиптическое безмолвие, крик боли, предсмертный вопль, задыхаться от удушья и разрыва сердца, Моюнкуская трагедия, пристреленные и задавленные в облаве, нагонять страху, битые сайгачьи туши, хунта.*

2. Следующий фрейм «Дурман-трава» вербализует концепт такими словами, как: *конопля, каннабис, гашиш, марихуана, анаша, шмаль, дурь.* Эти единицы представляют наиболее точные понятийно-сущностные номинации *дурман-травы*. Главные спутники состояния человека, подсевшего на «лёгкие наркотики», – хроническое уныние и постоянно возникающее состояние паники. Всё это показано в романе «Плаха» Ч. Айтматова в описании поведения наркоманов Гришана, Петрухи, Лёньки.

Фрейм «Дурман-трава» в концептосфере Ч. Айтматова включает в себя такие слоты, как: «наркотик», «самоуничтожение», «деградация», которые объективируются такими

выражениями, как: *анаша, одурманивающее вещество, эйфория, иллюзия блаженства, одурманивающее зелье, пластилин – конопляно-пыльцовой массы, никчёмные искалеченные люди, проклятая трава, указывающие на зло, которое приносит это трава людям.*

3. Фрейм «Базарбай» в художественном тексте включает в себя слоты «Низость», «Наглость», «Подлость», реализующиеся следующей лексикой: *Нахальный, омерзительный, гнусный поклёп, гнусная натура, пьяная тварь, ненавистный муж, изверг, имеющие отрицательную коннотацию и оценивающие агрессивного, недружелюбного человека, который негативно относится к другим людям.*

Понятийная составляющая концепта «добро» характеризует всё положительное, светлое, приятное, успешное, полезное, то есть добрые дела, поступки, приносящие пользу. Концепт «добро» в романе состоит из следующих фреймов «Авдий», «Волки», «Бостон».

1. Фрейм «Авдий» в индивидуально-авторской концептосфере Ч. Айтматова включает в себя слоты «спаситель», «миссия», «любовь к ближнему», «Бог», реализующиеся такими выражениями, как: *спаситель рода человеческого, в сердце любовь, стремление к божественному совершенству, благородная миссия, извечные спасительные идеи, благородная цель и миссия.* Эти слоты указывают на то, что Авдий служит человечеству. Уже в выборе имени и фамилии героя автор подчёркивает его духовную связь с Иисусом и отражает характер героя, борющегося за справедливость на земле. Библейское имя Авдий означает «служитель бога», а Каллистрат, от имени которого произошла фамилия героя – «хороший воин» [11, с. 126].

2. Фрейм «Волки» актуализирует концепт «добро» в художественном тексте; он включает в себя следующие слоты: «материнский инстинкт», «верность», «забота», которые объективированы такими выражениями, как: *ощущение материнской неги, фосфоресцирующие глаза, сохранение потомства, нахлынула нежность, ощущение счастья, приятное предчувствие, спокойствие и благоденствие, усердные ласки, инстинкт материнской природы, понятливость и тонкость восприятия, подобно птицам быстрокрылым, приятное чувство, благо звери; лапы, сомкнутые в цветочные созвездия; соцветия волчьих; сплочённая воля; накопившаяся нежность.* Именно в Акбаре и Ташчайнаре олицетворено то, что издавна присуще

человеку: чувство любви к своему потомству, тоска по ним. Причём они не сводятся к одному лишь инстинкту, а озарены осознанием общности. Глубоко человечна и та высокая, самоотверженная верность друг другу, которая определяет всё поведение Акбары и Ташчайнара. Эти слоты раскрывают добро через представителя мира зверей: волк показан как олицетворение доброты и преданности. Айтматов призывает людей учиться у природы и указывает на укоренённость этой идеи в национальных традициях, в мифологии народа.

3. Фрейм «Бостон» в художественном тексте включает такие слоты: «трудолюбие», «любовь к животным», «порядочность», «справедливость». Эти слоты вербализованы следующими выражениями: *добросовестно работал, чадолюбив, умный и чуткий, передовик, энтузиазм, одержимость лучше содержать животных, хорош, непьющий, образец человека.* Бостон уважал законы человеческого бытия, любил детей, был предан семье, друзьям, тем самым осознавая себя составной частью Мира. Жизнь в слиянии с природой создавала ему необходимый душевный комфорт. Бостон свято верил в то, что человек, как и всё живое на Земле, обязан не уничтожать, а обогащать природу, а та не останется в долгу.

Концепты «добро» и «зло» имеют обширное номинативное поле – в романе «Плаха» обнаруживается много языковых средств вербализации этих концептов и их признаков. *Добро* и *зло* имеют прямые номинации (это ядро номинативного поля): *зло* (31) (в значении «*нечто плохое, дурное; несчастье, беда; недовольство, гнев, досада*», *злой* (2) (в значении «*закрывающий в себе зло*»; *причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сердит, исполнен злости на кого-нибудь*», *злые* (1), *зол* (2) (в значении «*досада, злость*»), *злодей* (1), *злота* (9), *злосный* (5), *злосодневный* (1), *злосность* (2), *злосдеяние* (5), *злосрадный* (2), *злосрадность* (2), *злосрадно* (1), *злосрадный* (1), *назло* (1), *злослучный* (3), *озлиться* (1), *обозлеть* (2), *озлобленный* (1), *злодей* (1), *злейший* (1), *добрый* (10), *добро* (нареч.) (19), *доброта* (1), *добротный* (1), *добродетель* (1), *добросердечный* (1), *добровольный* (1), *добродушно* (1). Методом сплошной выборки были отобраны слова с компонентом «добро» (всего 36 слов). Наиболее часто встречается наречие «добро».

Также отмечены номинации отдельных когнитивных признаков концептов «добро» и «зло»: *зло* – убийство животных, проблема

наркомании и т. п., добро – природа, любовь, семья, животные, раскрывающие содержание концепта, отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). У концептов «добро» и «зло» высокая номинативная плотность. Реккурентность этих концептов говорит об их актуальности в индивидуально-авторской концептосфере Ч. Айтматова.

Рассмотрим структуру приядерной зоны концептуальной оппозиции «добро – зло».

Концепты «добро» и «зло». Если в других романах писателей можно найти большое количество индикаторов логических связей с концептом «зло», то в произведении Ч. Айтматова, как правило, индикаторы логических связей отсутствуют. Встречая в тексте определённый сигнал – индикатор, читатель начинает задумываться над каждым словом, ожидая действий злой силы. Концепты «добро» и «зло» не узнаются на поверхностном уровне, как в других романах, а строятся на фоне ассоциативных цепочек. Ассоциации к слову *добро*: имя существительное (*блага, добро, справедливость, добродетель, праведник, приятность*), имя прилагательное (*нравственный, добродетельный, благой, праведный*), глагол (*творить, пожаловать, поживать, сотворить, веровать, восторгествовать*), наречие (*добром, искренно, радушно, добро*). Ассоциации к слову *зло*: имя существительное (*зло, худо, несправедливость, порок, насилие, сатана, эгоизм, умысел, коррупция, жестокость, злодей*), имя прилагательное (*злой, нечестивый, эгоистический, безнаказанный*); глагол (*содейть, причинить, нагробить*); наречие (*зло*). Например: «*Именно так рождаются идеи, так происходит духовное сращение новых поколений с предыдущими и пред предыдущими, и на том свет стоит, и жизненный опыт его постоянно увеличивается, приращивается – добро и зло передаются из поколения в поколение в нескончаемости памяти, в нескончаемости времени и пространства человеческого мира...*» [4, с. 437]. «*Ты, всепрощающий, не оставляй в неведении нас, не позволяй нам оправданий искать себе в сомкнутости добра и зла на свете*» [4, с. 446]. «*А меж тем у него промелькнула ещё мысль, что уже не раз приходила ему на ум: казалось бы, сколь ничтожны люди – гадят, мочатся, совокупаются, рождаются,*

мрут, вновь рождаются и мрут, сколько низостей злодеяний несут они в себе, и среди всего этого отврата и мерзости откуда-то вдруг – провидение, пророки, порывы духа» [4, с. 415]. «*Поставив ухо торчком, Ташчайнар приподнял свою угловатую, тяжеловесную голову, и в сумрачном взоре холодных зрачков его глубоко посаженных тёмных глаз промелькнула какая-то тень, какое-то смутное приятное предчувствие*». Кроме того, описывая определённый фрагмент действительности, автор использовал слова с усиленным коннотативным макрокомпонентом значения, большим ассоциативным потенциалом, которые выражают максимальную интенсивность признаков: «*побоище апокалиптических размеров*», «*хаос*», «*бешеная облава*», «*трагедия*», «*злодеяния*». Особенностью романа «Плаха» является также то, что в тексте автор сталкивает динамические кровавые сцены (*охота на сайгаков, гибель детей Акбары*) с трогательными статическими сценами (музыка в храме, раздумья Авдия о своей женщине): что является причиной эмоционального эффекта восприятия событий, связанных с концептами «добро» и «зло» (ч. 1, гл. 3). Именно Ч. Айтматов первый открыто сказал, что наркомания есть, она набирает силу. И мы с вами должны знать природу этого явления, пути распространения, возможности борьбы с ней.

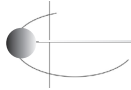
Человек собственными руками рушит многокрасочный и многонаселённый мир природы. Писатель предостерегает, что бессмысленное истребление животных – угроза земному процветанию. Позиция «царя» по отношению к животным чревата трагедией.

Проведённый анализ показывает, что концепт «зло» несёт идею разрушения. Если добро нельзя навязать, то зло, как правило, навязывается человеку извне. Зло как поступок может быть «адресованным конкретному человеку, т. е. быть злом с точки зрения его выгоды и счастья». И зло, по Ч. Айтматову, также может быть направлено против всего человечества.

В концептосфере Ч. Айтматова добро есть понятие духовной и мировоззренческой сфер жизни человека, одно из основных понятий, формирующих моральный аспект жизнедеятельности человека. Лексема добро эксплицирует в произведении идею созидания, идею светлого потенциала человечества.

Список литературы

1. Дербишева З. К. Вселенная Чингиза Айтматова. Бишкек: КТУ «Манас», 2012. 192 с.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею В. А. Масловой / ред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. Вып. 3. 944 с. (Сер. Концептуальный и лингвальный миры).
5. Пименова М. В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. Кемерово, 2004. Вып. 4. 208 с.
6. Попова З. Д., И.А Стернин. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
7. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. М., 2005.
8. Беспалова О. В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в её лексикографическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2002.
9. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
10. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта, 2004. 256 с.

Источники

11. Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день; Плаха; Пегий пёс, бегущий краем моря: романы, повесть. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 656 с.
12. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: слов.-тезаурис. Томск, 2008.

References

1. Derbisheva Z. K. Vselennaya Chingiza Aitmatova. Bishkek: KTU «Manas», 2012. 192 s.
2. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika. M.: Editorial URSS, 2000.
3. Karasik V. I. Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
4. Lingvistika XXI veka: sb. nauch. st.: k 65-letnemu yubileyu V. A. Maslovoi / red. V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov. 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2014. Vyp. 3. 944 s. (Ser. Kontseptual'nyi i lingval'nyi miry).
5. Pimenova M. V. Predislovie. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku / pod red. M. V. Pimenovoi. Kemerovo, 2004. Vyp. 4. 208 s.
6. Popova Z. D., I.A Sternin. Kognitivnaya lingvistika. M.: ACT: Vostok – Zapad, 2007. 314 s.
7. Superanskaya A. V. Sovremenniy slovar' lichnykh imen. M., 2005.
8. Bespalova O. V. Kontseptosfera poezii N. Gumileva v ee leksikograficheskom predstavlenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. SPb., 2002.
9. Miller L. V. Khudozhestvennyi kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya // Mir russkogo slova. 2000. № 4. S. 39–45.
10. Maslova V. A. Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoi: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2004. 256 s.

Istochniki

11. Aitmatov Ch. T. I dol'she veka dlitsya den'; Plakha; Pegii pes, begushchii kraem morya: romany, povest'. Frunze: Kyrgyzstan, 1988. 656 s.
12. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika teksta: slov.-tezaurus. Tomsk, 2008.

Библиографическое описание статьи

Чонмурунова Н. Ж. Репрезентация концептов добра и зла в произведениях Ч. Т. Айтматова (на материале романа «Плаха») // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 87–92.

Reference to article

Chonmurunova N. Z. Representation of the Good and Evil Concepts in Ch. T. Aitmatov's Works (Based on the Novel *Plakha*) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 87–92.

Статья поступила в редакцию 20.02.2016

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

LANGUAGE THEORY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК: 81'367.622=111=512.122
ББК 81.03

Лаура Мадибековна Алиярова¹,

аспирант,

*Кыргызский государственный университет им. Арабаева
(720026, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Раззакова, 51 а),*

e-mail: aliyarova.laura@mail.ru

Ляйля Мадибековна Махажанова²,

аспирант,

*Кыргызский государственный университет им. Арабаева
(720026, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Раззакова, 51 а),*

e-mail: makhazhanova.leila@mail.ru

Семантическая структура категории количества

В этой статье рассматривается семантическая структура категории количества, а также семантические особенности существительных со значением неопределённого количества. Семантическое поле неопределённой множественности охватывает не только значение количественности, значение неопределённой множественности, но и является масштабной языковой категорией, выражающей предметное, качественное значение и значение неопределённости. Каждая грамматическая категория раскрывает значение и содержание грамматической структуры и свойства языковых, грамматических абстракций. Также рассмотрено понятие о микрополе неопределённого множества, дано объяснение следующим предметам категорий числа и выражены количественные отношения, существующие в действительности. В работе были рассмотрены количественные категории неопределённой множественности. Наряду с использованием в любом языке общеязыковых семантических категорий в качестве общих универсальных категорий для всех языков в процессе сопоставления определяется их индивидуальная идиоэтническая характеристика.

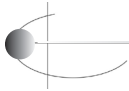
В статье дан обзор отечественной и зарубежной литературы по рассматриваемой проблеме, в том числе рассмотрены отзывы отечественных учёных о грамматических категориях. Рассмотренные работы позволили определить основные направления, идеи и понятия в исследовании данного концепта, определить перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: пара друзей, набор инструментов, букет цветов, стада быков, две стаи

---

¹ Л. М. Алиярова является основным автором, ею разработаны основные положения исследования.

² Л. М. Махажанова является соавтором в осуществлении исследовательской деятельности по данной проблеме.

Laura M. Aliyarova¹,
Postgraduate Student,
Arabaev Kyrgyz State University
(51 A Razzakova st., Bishkek, 720026, Kyrgyzstan),
e-mail: aliyarova.laura@mail.ru

Lyailya M. Makhazhanova²,
Postgraduate Student,
Arabaev Kyrgyz State University
(51 A Razzakova st., Bishkek, 720026, Kyrgyzstan),
e-mail: makhazhanova.leila@mail.ru

Semantic Structure of Quantity Category

This paper deals with the semantic structure of quantity category and semantic features of nouns with the meaning of an indefinite quantity.

The semantic field of an indefinite multiplicity covers not only quantitative value, indefinite multiplicity value, but it is also a widespread linguistic category expressing substantive, qualitative value and value of uncertainty.

Any grammatical category reveals the meaning and content of grammatical structure and features of language, grammatical abstractions. We also study the concept of microfield of indefinite multiplicity and give an explanation of the categories of quantity and express the quantitative relations existing in actual fact. In the paper, the quantitative categories of the indefinite multiplicity were considered. Along with the use of general linguistic semantic categories as general universal categories for all languages, their individual idioethnic feature in the process of comparison is determined. Domestic and foreign literature on the problem under discussion is reviewed, including reviews of local scientists on grammatical categories. The overviewed works allowed us to determine the main directions, ideas and concepts in the study of this concept and to determine the prospects for further research.

Keywords: couple of friends, a set of tools, bunch of flowers, herds of oxen, two herds

Категория количества – одна из философских категорий, в наиболее общем виде определяется следующим образом: «Количество – объективная определённость качественно однородных явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте со стороны его бытия в пространстве и времени». Данное определение подчёркивает, что количество – это свойство предметов. Поэтому следует вывод: количество «всегда связано с качественной определённостью предмета». На современном этапе развития мышления категория количества как бы освобождается от влияния категории качества и достигает высшей степени абстракции. Категория количества обычно рассматривается в ряду других философских категорий и относится к философии. В лингвистике чаще в предшествующие десятилетия употреблялся термин «категория числа». Однако последнее десятилетие стало свидетелем возврата лингвистов к термину «категория количества». Это объясняется приматом семантики над формой, ономаσιологическим характером исследу-

ований, когда за основу берётся семантика, а целью исследования становятся формы выражения этой семантической структуры. А. В. Бондаренко справедливо отмечал, что грамматическая категория числа – особая категория, которая не характеризуется особой и «грамматичностью», подобно категории лица, падежа связана с экстралингвистическими сущностями [3, с. 93]. Обычно содержание категории количества включает два значения: один (немаркированная форма) и больше, чем один (маркированная форма) [5, с. 405]. В. Бланер считает, что основным семантическим признаком, который лежит в основе категории количества, является признак дискретности. Но понятия «дискретности» – «один больше, чем один» противоречат друг другу. Наиболее общим абстрактным признаком является признак дискретности, так как он обладает большой объяснительной силой, он является разовым относительно «больше, чем один», т. е. последнее выступает в качестве видового понятия. Но «один больше, чем один» может быть родовым понятием

¹ Aliyarova L. M. is the principal author, she has developed the main provisions of the study.

² Makhazhanova L. M. is a co-author in the implementation of research activity on the problem given.

относительно таких понятий, как: а) конкретное множество; б) бесконечное множество; в) неопределённое множество; г) однородное множество; д) неоднородное множество. Основным языковым средством выражения категории количества в языках выступает имя числительное – часть речи, обозначающая количество. Числительные делятся на два лексико-грамматических разряда: количественные (два, пять и др.) и собирательные (оба, двое и др.). В состав количественных числительных входят определённо-количественные и неопределённо-количественные числительные. Следовательно, в языке семантика числительных означает определённо-неопределённое множество, безотносительно к их однородности и неоднородности. Однако числительные обычно определяют существительные, которые отражают феномены окружающего человека мира.

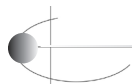
Относительно категории числа С. Д. Кацнельсон [6, с. 29] писал: «Противоположение форм единственного и множественного числа типа стол – столы не служат целям первичной квантитативной актуализации понятия при использовании его в речевой коммуникации». И далее он пишет: «Слово само по себе не выражает ни единичности, ни множественности». По мнению В. И. Болотова, данное утверждение справедливо для любого языка [2, с. 97]. Утверждение С. Д. Кацнельсона ещё раз подтверждает наличие тесной связи категории количества с неязыковой действительностью, подтверждает тот факт, что «количество» – не категория языковой системы, например, у существительных, а нормы речи [6, с. 32]. О. Есперсен [5, с. 216–233], описывая категорию числа, различал: 1. Обычное множественное число: лошадь + (другая лошадь) + третья (лошадь) = *horses* (лошади). 2. Приблизительное множество. Наиболее чётко оно прослеживается у местоимений: мы – это не я + я + я, но я + другие, присутствующие. 3. Единство высшего порядка. К этому классу О. Есперсен относит слова типа *pair (of gloves)* – «пара перчаток», *couple (of friends)* – «пара друзей», *a set (of tools)* – «набор (инструментов)», *pack (of dogs)*, *(of cards)* – «стая (собак)», «колода (карт)», *bunch (of flowers, of keys)* – «букет (цветов)», «связка ключей», *herd (of oxen, of goats)* – «стадо быков, коз». 4. Общее число (отсутствие различий между единственным и множественным числом). 5. Название массы, обозначающее либо вещество (серебро, ртуть, вода) либо невежество (движение, успех, здравомыс-

лие). Количество выражается словами «много», «меньше».

Как правило, имена собственные не имеют множественного числа: Иван, Петров. Однако в значении семья, фамилия может принимать формант множественного числа: Петровы, *Tymperleys*, что означает группу индивидов. С нашей точки зрения определённый интерес представляет взгляд Б. И. Болотова по данному вопросу. Он пишет: «Семья Тимперли, как и всякая другая семья, состоит из нескольких человек: родителей, детей (возможно три поколения); например, отец – Джон, мать – Мэри, сын – Эдвард, дочь – Кристина. *The Tymperleys* не означает *Tymperley (John) + Tymperley (John)*, а *Tymperley (John) + Tymperley (Mary)*». Следовательно, множественное число имён собственных – неоднородное множество. В этом – условие его существования, а для нарицательных существительных неоднородность – окказиональный признак. Очевидна связь между неоднородным множеством имён собственных и коллективными нарицательными существительными.

Существительные типа *cattle, police, flock* означают больше чем один предмет, их семантика указывает на неоднородное множество. Эта неоднородность касается, прежде всего, пола обозначаемых денотатов, хотя грамматическая категория рода формально в них не выражена. Грамматические значения слова *police* нам представляются так: множественное число, мужской и женский род. Так как объединённое грамматическое значение не получило своего структурного выражения, то можно считать, что указанные грамматические категории входят в само лексическое значение слова и подразумеваются имплицитно.

Следует обратить внимание и на различия между коллективными нарицательными существительными и именами собственными типа *the Tymperley*. Прежде всего, наблюдаются формальные различия: коллективные нарицательные существительные не имеют флексии множественного числа: *flock, cattle*, а коллективные имена собственные имеют: *the Tymperley*. Затем, имена нарицательные в определённых случаях могут приобретать флексию множественного числа и выступать как обычные количественные существительные: *two flocks* – две стаи. Если ввести несколько степеней абстракции, то *John* нулевая абстракция, *(a) book* – абстракция первой степени, *police* – абстракция второй степени. Категория количества «грамматически» вы-

ражается только у конкретных нарицательных существительных. В остальных случаях категориальное значение может входить в семантическую структуру слова и не получать грамматического выражения. У различных подразделов существительных оно имеет различные значения.

При актуализации конкретных нарицательных существительных оно означает однородное, неопределённое неограниченное множество, у имён собственных неоднородных – ограниченное множество (пол, поколение). Даже краткое рассмотрение содержания категории количества позволяет сделать следующие выводы. Фундаментальными признаками категории *количество* являются: 1) определённое количество – 20, 10, 109, 25 и т. д.; 2) неопределённое множество (количество) выражено относительными величинами (мало, немало, много, немного, несколько, сколько, столько). С логической точки зрения множественное число существительных избыточно и зачастую выражает «рациональное» видение деления мира, «рациональную» дискретность предметов окружающей среды. На более низком уровне абстракции категория количества у существительных принимает такой вид: 1. Конкретные нарицательные существительные – однородное, неопределённое, неограниченное множество на уровне нормы. 2. Континуумные существительные – вещественное, абстрактная категория числа на уровне нормы нерелевантна. 3. Собирательные существительные (армия, семья, стая). В форме единственного числа –

ограниченное, потенциально-неоднородное множество (различные по полу денотата и т. д.). 4. Имена собственные – неоднородное, ограниченное множество (пол, поколение). 5. Категория количества выражается в языках при помощи большинства частей речи: числительными, специальными формантами существительных, наречиями, прилагательными, глаголами, частицами и т. д.

Одной из категорий, интересующих лингвистов с целью раскрытия соотношений языка и познания, грамматики и логики, выступает категория множественности. С данной точки зрения, категория множественности считается одной из основных проблем исследования в области лингвистики.

Н. И. Кондаков в «Логическом словаре» дал следующее определение понятий множественности: «Множество – это самое широкое по объёму понятие математики и математической логики, т. е. это категория, а для категории нельзя найти более широкое, т. е. родовое понятие, в которое «множество» входило бы в качестве вида [10, с. 218]. Однако понятие количественности в математике и философии не равнозначно понятию количественности в языке, так как количественное понятие в языке является чистой грамматической категорией, основанной на языковой структуре, которая выражается путём определения грамматической формы. Таким образом, различие лингвистической категории множественности от математической категории множественности связано с восприятием человека окружающей среды, явлений.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие // Ин. яз. в шк. 1976. № 1. 189 с.
2. Болотов В. И. Множественное число имени собственного // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. 106 с.
3. Бондаренко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. 255 с.
4. Зуев А. Н. Типология языка и речевые мышления. Л.: Наука, 1972. 255 с.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
6. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. М.: Либроком, 2010. 216 с.
7. Колчанский Т. В. Языковая номинация. Общие вопросы лингвистики. М., 1977. 146 с.
8. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1956. 394 с.
9. Панфилов В. З. Категория мышления и языка // Становление и развитие категории количества в языке. М., 1971. № 5. 120 с.

Источник

10. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. 520 с.

References

1. Arnol'd I. V. Ekvivalentnost' kak lingvisticheskoe ponyatie // In. yaz. v shk. 1976. № 1. 189 s.
2. Bolotov V. I. Mnozhestvennoe chislo imeni sobstvennogo // Imya naritsatel'noe i sobstvennoe. M., 1978. 106 s.
3. Bondarenko A. V. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie). M., 1971. 255 s.
4. Zuev A. N. Tipologiya yazyka i rechevye myshleniya. L.: Nauka, 1972. 255 s.
5. Espersen O. Filosofiya grammatiki. M., 1958. 404 s.
6. Katsnel'son S. D. Obshchee i tipologicheskoe yazykoznanie. M.: Librokom, 2010. 216 s.

7. Kolchanskii T. V. Yazykovaya nominatsiya. Obshchie voprosy lingvistiki. M., 1977. 146 s.
8. Moskal'skaya O. I. Grammatika nemetskogo yazyka. M.: Izd-vo lit. na in. yaz., 1956. 394 s.
9. Panfilov V. Z. Kategoriya myshleniya i yazyka // Stanovlenie i razvitie kategorii kolichestva v yazyke. M., 1971. № 5. 120 s.

Istochnik

10. Kondakov N. I. Logicheskii slovar'. M., 1971. 520 s.

Библиографическое описание статьи

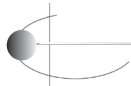
Алиярова Л. М., Махажанова Л. М. Семантическая структура категории количества // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 93–97.

Reference to article

Aliyarova L. M., Makhazhanova L. M. Semantic Structure of Quantity Category // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 93–97.

Статья поступила в редакцию 02.03.2016

УДК 811.512.157'36
ББК 81.2Як-2

Николай Николаевич Ефремов,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
(677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1),
e-mail: nik.efrem50@mail.ru

Отношения обусловленности в якутском языке: целевые конструкции

В статье впервые в якутском языкознании на основе методики полевого структурирования рассматриваются структурно-семантические особенности бипредикативных конструкций якутского языка, выражающих один из типов обусловленности – целевые отношения. В результате анализа фактического материала установлено, что в сфере исследуемых конструкций выделяются построения со специализированными и неспециализированными – контекстуально-обусловленными показателями связи предикативных частей. Ядро функционально-семантического поля обсуждаемых отношений представлено бипредикативными конструкциями с деепричастными, причастно-падежными и причастно-последложными (аналитико-синтетическими) зависимыми предикатами, что обусловлено постпозитивно-агглютинативным характером строя якутского языка. При этом деепричастные конструкции в отличие от причастно-падежных и причастно-последложных имеют только моносубъектное оформление. Периферия целевых отношений представлена аналитическими бипредикативными конструкциями, предикативные части которых возглавляются финитными формами и сочетаются при помощи скреп – союзов и союзных слов. Структурно-семантические особенности бипредикативных конструкций, выявленные и описанные в данной статье, могут быть использованы при изучении аналогичных конструкций в других тюркских языках. Якутский язык, как язык тюркской группы, в которой наблюдается экономное использование грамматических средств, характеризуется контекстуально-обусловленными средствами выражения целевых отношений.

Ключевые слова: якутский язык, отношения обусловленности, целевые конструкции, бипредикативность, структура, семантика

Nikolai N. Efremov,
Doctor of Philology, Leading Scientist,
The Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677027, Russia),
e-mail: nik.efrem50@mail.ru

The Relationship of Conditionality in the Yakut Language: Goal Constructions

For the first time in Yakut linguistics, structural and semantic properties of bipredicative constructions which express one type of conditionality, namely, the relationship of purpose based on the method of field structuring are considered. The analysis of data established that in the domain of constructions under investigation one can distinguish constructions with specialized and non-specialized – contextually-conditioned markers of the link between predicative parts. The nucleus of the functional semantic field of the relationships at hand is represented by bipredicative constructions with converbial, participial case-marked and participial postpositional (analytical-synthetic) dependent predicates which is conditioned by the postpositional-agglutinative nature of the Yakut language. Converbial constructions in contrast to participial case-marked and participial postpositional ones have a single subject. The periphery of purpose relationships is represented by analytical bipredicative constructions, which predicative parts are headed by finite forms and combine with the help of binders – conjunctions and connecting words. Structural and semantic properties of bipredicative constructions which have been identified and described in this article may be used when studying analogous constructions in other Turkic languages. Yakut as, a member of the Turkic group in which one can observe economical use of grammatical means, is characterized by contextually conditioned means of expression of purpose relationships.

Keywords: the Yakut language, relationship of conditionality, purpose constructions, bipredicateness, structure, semantics

Как известно, отношения обусловленности относятся «к типу непредметных (отвлечённых, предикативных и т. д.) значений» [8, с. 7].

В якутском языке, как и в других языках, под этими отношениями подразумеваются, прежде всего, причинные, условные, целевые, уступительные отношения. При этом причинность является доминантой семантики обусловленности как в синхроническом, так и диахроническом аспектах [1, с. 179]. Она выполняет также важнейшую роль «в плане организации текста» [8, с. 183].

Отношения обусловленности в целом являются одной из ведущих форм взаимосвязи процессов объективной действительности [7, с. 149].

Целевые отношения выражаются в основном бипредикативными конструкциями (далее – БПК). В подобных БПК передаётся «прямая непосредственная обусловленность явления его желаемым следствием» [3, с. 724]. Эти конструкции «семантически близки, с одной стороны, предложениям (придаточным. – Н. Е.) следствия, с другой стороны, условным и причинным предложениям» [Там же]. Событие, обозначаемое препозитивной – целевой частью, является причиной или результатом события главной части. В отличие от других типов обусловленности, необходимыми семантическими компонентами целевых отношений являются преднамеренность, желательность и запланированность результата тех действий, которые произойдут в будущем. А для «достижения этого результата необходима сознательная, активная деятельность субъекта» [2, с. 151].

Целевые отношения подразделяются на собственно-целевые и несобственно-целевые [3, с. 726]. В собственно-целевых отношениях описывается, что порождающая ситуация является желательной и запланированной, а порождаемая представляет собой активное, сознательное действие, направленное на достижение результата; в несобственно-целевых отношениях порождаемый компонент отношений осложнён семантической необходимостью или долженствования, а семантический компонент желательности частично или полностью нейтрализуется [Там же].

БПК цели в якутском языке как средства выражения отношений обусловленности ещё не были рассмотрены. Они изучены в виде основных структурно-семантических разновидностей сложного и полипредикативного предложений [5; 9].

Целью данной статьи является выявление и описание структурно-семантических особенностей целевых БПК якутского языка как средств выражения одного из типов отношений обусловленности.

В якутском языке целевые БПК по характеру средств связи частей подразделяются на 3 структурных типа: синтетические, аналитико-синтетические и аналитические. Синтетические БПК представляются зависимым предикатом, выраженным деепричастиями (-аары, -а), а также причастиями в форме дательного и винительного падежей лично-предикативного склонения. Аналитико-синтетические БПК оформляются зависимыми предикатами, выраженными инфинитивными предикативными структурами (прежде всего, причастиями) в сочетании с послелогом (*туһугар, иһин, инниттэн, наадатыгар*) [5, с. 256–259]. В аналитических БПК предикативные части возглавляются финитными формами, которые сочетаются посредством скреп (*диэн, ол туһугар* и др.). Синтетические и аналитико-синтетические БПК противопоставляются аналитическим – бифинитным БПК как монофинитные конструкции.

БПК синтетического типа

БПК с деепричастными зависимыми предикатами (синтетические конструкции деепричастной структуры). Зависимые предикаты этих конструкций оформляются деепричастиями на -аары, -маары (отрицательная форма деепричастия на -аары), -а. В отличие от деепричастия на -а форма -аары является специализированным средством выражения целевых отношений.

Связь между зависимой и главной предикативными единицами (далее – ЗПЕ, ГПЕ) обсуждаемых БПК реализуется при помощи примыкания – твёрдого порядка слов: «зависимый инфинитивный предикат препозитивной части + главный финитный предикат постпозитивной части». Подобные БПК моносубъектны, то есть невариативно-субъектны.

В конструкциях с -аары в отличие от структур с зависимым предикатом в форме деепричастия на -а выражается логически подчёркнутое отношение – значение целевого назначения (мотивация). Нужно отметить, что БПК с -а передают целевое значение в тех случаях, когда главный предикат оформляется глаголами движения. Кроме того, отрицательные формы деепричастия одновременно (на -а) -бакка/-мына в целевых конструкциях не встречаются. А БПК с зависимым предикатом, выраженным деепричастием на -маары (отрицательная форма дее-

причастия на *-аары*), передают отрицательное целевое значение. Например: *Ойонньор тоңумаары бураанын паньыаранан кэбиинэлээн кэбиспитэ* [11. Янв. 2016, с. 4] *ойонньор/старик тон; умаары/мёрзнуть:NEG.CV бураан:ы:н/буран:POSS.3Sg:ACC паньыара=нан/фанера=INSTR кэбиинэлээ:н/делать кабину:CV кэбис=пит=э/ AUX=PP=3Sg 'Старик, чтобы не мёрзнуть, сделал для своего бурана кабину из фанеры'*.

Конструкции с *-а* не допускают преобразование с помощью деепричастия на *-аары* (*– неправильная или нетипичная форма для данной фразы): *...сарсыарда тайахтыы* (ср. *тайахтаары) *бардыбыт* [14, с. 14] *сарсыарда/утром тайахт:ыы/охотиться на сохатого:CV бар=ды:быт/отправляться=PAST.1PI 'Утром мы отправились охотиться на сохатого'*.

Конструкции с *-аары*, в свою очередь, тоже не допускают преобразование по модели *-а*: *Аһата, арааһа, нэһилиэк сугулааныгар бараары* (ср. *бара), *атын көлүйтэрэн эрдэһэ* [13, с. 248] *аһа=та/отец=POSS.3Sg арааһа/кажется нэһилиэк/наслед сугулаан:ы=гар/собрание: POSS.3Sg:DAT бар=аары/поехать=CV ат:ы=н/лошадь: POSS.3Sg:ACC көлүй=тэр=эн/запрягать=CAUS=CV эр=дэһэ=э/AUX=PART=3Sg 'Отец, кажется, заставил его(сына) запрягать лошадь, чтобы поехать на собрание наследия'*.

В якутском языке БПК с зависимым предикатом в форме деепричастия следования (*-аары*) могут выражать и временные отношения [4, с. 365]: *Төннөөрү* (ср. *төннөн иһэн* букв. 'возвращаясь') *сылдьыам* 'Зайду на обратном пути'; *Олороору* (ср. *олорорбор* 'когда ты садился') *харандааспын тоһуппуккун* 'Когда ты садился, ты сломал мой карандаш'.

Как показывают диалектные материалы якутского языка [6, с. 60], в некоторых диалектах функции целевых БПК с *-аары* и *-а* могут выполнять БПК с *-ар* в форме дательного падежа безлично-предикативного склонения (*-арга*). Так, в северо-восточной группе говоров якутского языка, например, в индигирской зоне отмечается использование причастной формы на *-арга* вместо деепричастий на *-аары*, *-а* в позиции зависимых предикатов целевых БПК:

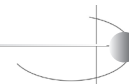
Бу дьону аһатарга (ср. *аһатаары* – Н. Е.) *биир байтаһын ынаһы өлөрөр* бу/этот дьон=у/люди=ACC аһат=ар=га/накормить= PFUT=DAT биир/один байтаһын/откормленный ынаһы:ы/корова:ACC өлөр=өр/забивать=PFUT.3Sg 'Для того чтобы накормить этих людей, он забивает одну откормленную корову' (индигирский говор) [Там же]; *Мин*

таба ферматын атын сиргэ көһөрөгө (ср. *көһөрө* – Н. Е.) *барбытым* мин/я табал олень ферма=ты:н/ферма=POSS.3Sg:ACC атын/другой сир=гэ/место=DAT көһөр=өр=гө/перевозить=PFUT=DAT бар=быт=ым/уходить=PP=1Sg 'Я пошёл перевозить оленеводческую ферму на другое место' (индигирский говор) [Там же].

БПК с причастно-падежными зависимыми предикатами (синтетические конструкции причастной структуры). Они характеризуются в качестве неспециализированных средств выражения целевых отношений и представлены показателями винительного, дательного падежей. В отличие от деепричастных БПК, которые выступают в моносубъектной форме, конструкции с показателем дательного падежа функционируют как в моносубъектном, так и в разнособъектном оформлении. Что касается БПК с показателем винительного падежа, то они, по данным нашей выборки, зафиксированы в разнособъектной форме.

БПК с показателем винительного падежа. Зависимый предикат выражается причастием будущего времени (*-ыах*) в винительном падеже лично-предикативного склонения, а сказуемое главной части выступает обычно в форме повелительного наклонения или конструкции условной модальности. Зависимой частью подобных БПК описывается ситуация «результатирующей цели» [2, с. 152]: *Бэлэх оңоруохпутун биир бэргэһэтэ атыылааң* [16, с. 12] *бэлэх/подарок оңор=у=ох=пут=ун/делать=FUT=1PI=ACC биир/один бэргэһэ=тэ/шапка=ACC.INDEF атыылаа=н/продавать.IMP.FUT.=2PI 'Чтобы мы сделали подарок (на свадьбе), продайте одну шапку';* *Үтэхэ төбөтүгэр үөлүөхпүн Биир эмэ кырбас эти Бэссэр да буолбаккын* (ср. *бэрсэрин буоллар* – Н. Е.) [17, с. 74] *үтэхэ/рожна төбө=тү:гэр/кончик=POSS.3Sg:DAT үөл=үөх:п:үн/жарить=FUT.1Sg:ACC биир/эма хотя бы один кырбас/кусок эт=и/мясо=ACC бэсс:эр/делиться:PFUT да/PRTCL буол=бак:кын/AUX=NEG.PFUT.2Sg 'Чтобы я (пожарил) на кончике рожны, Ты бы дал (мне) Хотя бы один кусочек мяса'*.

Конструкции с показателем винительного падежа могут преобразоваться в целевые конструкции с показателем дательного падежа лично-предикативного или безличного склонения без ущерба для семантики. В подобных случаях зависимый предикат, выраженный причастием на *-ыах* или формой *-ыа* в винительном падеже лично-предикативного склонения, заменяется предикатом, оформ-

ленным причастием настоящего-будущего времени (-ар) в дательном падеже лично-предикативного или безлично-предикативного склонения:

Бэлэх оңорорбутугар биир бэргэһэтэ атыылааң 'Чтобы мы сделали подарок (на свадьбе), продайте одну шапку'; Үтэхэ төбөтүгэр үөлэрбэр Биир эмэ кырбас эти Бэссэр да буолбаккын 'Чтобы я (пожарил) на кончике рожны, Ты бы дал (мне) Хотя бы один кусочек мяса'; Бэлэх оңорорго биир бэргэһэтэ атыылааң 'Чтобы сделать подарок (на свадьбе), продайте одну шапку'; Үтэхэ төбөтүгэр үөлэргэ Биир эмэ кырбас эти Бэссэр да буолбаккын 'Чтобы (пожарить) на кончике рожны, Ты бы дал (мне) Хотя бы один кусочек мяса'.

БПК с показателем дательного падежа. Зависимый предикат обозначается причастием настоящего-будущего времени в дательном падеже лично-предикативного склонения: *Атыыһыттар барыстаахтык эргинэллэригэр бу правительство бары усулуобуйаны оңордо* [18, с. 43] атыыһыт=тар/купец=PI барыстаахтык/выгодно эргин:эл:лэр=игэр/торговать:PFUT:3PI=DAT бу/этот правитель-ство/правительство бары/все усулуобуйа=ны/условие=ACC оңор=д=о/делать=PAST=3Sg 'Это правительство создало все условия, чтобы купцы торговали выгодно' (разно-субъектная БПК); *Сайдыылаах дойдуларга сырыттааха дьоннор ыттарын дьаарбаталларыгар анал сирдээхтэр* [12, с. 49] сайдыылаах/развитый дойду=лар=га/страна=PI=DAT сырыт=тах=ха/посещать=PART=DAT дьон= нор/люди=PI ыт=тары:н/собака=POSS.3PI: ACC дьаарбат=ал: лар=ыгар/выгуливать=PFUT:3PI=DAT анал/ специальный сир=дээх=тэр/место=POSSV.PFUT=3PI 'В развитых странах люди имеют специально отведенные места для выгула своих собак' (моносубъектная БПК).

В вышеприведённых фразах преобразование при помощи винительного падежа не допускается, так как в них – в целевых БПК с показателем дательного падежа в отличие от последних обсуждаемое отношение не зависит от контекстуальных условий.

БПК аналитико-синтетического типа

Целевые конструкции с послелогоми (*туһугар, иһин, инниттэн, наадатыгар*) – целевые БПК аналитико-синтетического типа могут быть как моносубъектными, так и разносубъектными, т. е. вариативно-субъектны. В моносубъектных БПК послеложного типа зависимый предикат характеризуется безличным оформлением.

БПК с *туһугар, инниттэн, наадатыгар* являются специализированными средствами выражения целевых отношений. Целевые БПК с *туһугар* могут функционировать в качестве синонимов конструкций с полисемичным послелогом *иһин*, соотнесённых с планом прошедшего времени и выражающих целевое значение: *Кини (Миша), хата, Николай ыраахтааһы бүрүстүөлүгэр төннөрүн иһин* (туһугар. – Н. Е.), *хаанын тохторбута* [20, с. 23] кини/он хата/ наоборот Николай/ Николай ыраахтааһы/царь бүрүстүөл:ү=гэр/ престол:POSS.3Sg=DAT төнн:өр=үн/вернуться:PFUT=3Sg иһин/POSTP хаан:ы=н/ кровь:POSS.3Sg:ACC тох=тор=бут=а/проливать=CAUS=PP=3Sg 'Он, наоборот, чтобы царь Николай вернулся на свой престол, пролил свою кровь'.

Целевые БПК с *туһугар*, главный предикат которых выражен глаголом повелительного наклонения, не допускают замены послелога *туһугар* послелогом *иһин*: *Эн ситэри өйдүүрүң туһугар* (ср. иһин*), *...сүһилии кэпсиим* [18, с. 19] эн/ты ситэри/ до конца өйд:үүр=үн/понимать:PFUT=2Sg туһугар/ POSTP сүһилии/подробно кэпс:иим/рассказать. IMP.FUT:1Sg 'Чтобы ты (меня) понял до конца, ...я расскажу (об этом) подробно' (разносубъектная БПК).

Послелог *инниттэн*, как показывает анализ выборки, употребляется в БПК с зависимым предикатом, выраженным отрицательной формой причастия настоящего-будущего времени – с показателем 3-го лица единственного числа (разносубъектная БПК) или без субъектного лично-числового показателя (моносубъектная БПК): *Маннык түбэлтэҕэ силиэдэбэтэл, кэлин дьыала букулла сылдыбатын инниттэн, сирэй көрсүһүүнү ыытара хайаан да наадалаах этэ* (М. Попов; из академической картотеки «Большого толкового словаря якутского языка») маннык/ такой түбэлтэ=ҕэ/случай=DAT силиэдэбэтэл/ следовательно кэлин/потом дьыала/дело булк:улл:а/путаться:PASS:CV сылды:ыбат:ын/ AUX:NEG.PFUT:3Sg инниттэн/POSTP сирэй/ личный көрсүһүү=нү/встреча=ACC ыыт=ар=а/ проводить=PFUT=3Sg//POSS хайаан да/ обязательно наада=лаах эт=э/надо=POSSV. IMPRF=3Sg 'В таком случае следователю необходимо было организовать очную ставку (обвиняемого с потерпевшим), чтобы впоследствии в делопроизводстве не возникало путаницы' (разносубъектная БПК); *Туох эмэ мөкү быһыы таһыстааһына, удьуор хааңа куһаҕаны сыһыарбат инниттэн, ылы-чып кистииллэр* (из разговорной речи) туох эмэ/

какой-нибудь мөкү/плохой быһыы/поступок таһыс=таһына/случиться=COND.3Sg, удьуор хааң:ңа/унаследование:DAT куһаҕан=ы/плохой=ACC сыһыар=бат/допускать=NEG.PFUT инниттэн/POSTP ылы-чып/тайно кист:и-ил:лэр/скрывать:PFUT:3PI 'Если случается какой-нибудь плохой поступок, чтобы это не допустить в унаследование, молча скрывают' (моносубъектная целевая БПК в составе сложноподчиненного предложения со значением условия).

Вещественная основа послелого *наадатыгар* (наада) представляет собой заимствование из русского языка (*надо*), которая в якутском языке получила оформление в дательном падеже притяжательного склонения (-*ты-гар*). БПК с данным послелогом могут иметь в качестве синонима аналитические БПК со скрепой *диэн*: [ыарыһах] *долгуйбатын наадатыгар* (ср. *диэн*), *бэйэтин кыана тутунна* [19, с. 172] *долгуй=бат:ын / волноваться=NEG.PFUT:3Sg наадатыгар/POSTP бэйэ=ти:н/сам=POSS.3Sg:ACC кыана тутун=н=а/воздерживаться=PAST=3Sg 'Чтобы (больной) не заволновался, она вела себя сдержанно' (разносубъектная БПК).*

БПК аналитического типа

БПК этого типа характеризуются финитными предикатами. В зависимости от позиции скреп, при помощи которых сочетаются предикативные части, названные БПК подразделяются на 2 подтипа: БПК с постпозитивными скрепами и БПК с препозитивными скрепами.

В БПК первого подтипа предикативные части сочетаются посредством скреп, размещённых в постпозиции препозитивной части. В БПК второго подтипа предикативные части соединяются при помощи скреп, расположенных в препозиции постпозитивной предикативной части.

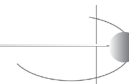
БПК аналитического типа являются семантическими эквивалентами синтетических и аналитико-синтетических БПК.

Аналитические БПК с постпозитивными скрепами. Они представляются следующими скрепами: *диэн* (неспециализированная скрепа), *сыалтан*, *туһуттан* (специализированные скрепы).

В БПК со скрепой *диэн* (<глагол речи *диэ-* + аффикс деепричастия *-эн*) зависимое сказуемое принимает форму повелительного наклонения. В качестве их семантическими эквивалентов могут выступать аналитико-синтетическая форма с послелогом *туһуугар* и синтетическая структура *-а*. В отличие аналитических БПК последние представляют собой монофинитные БПК:

[Ойуун энэбэр] *мэйиитэ быһа дьалкыңныы сылдыбатын диэн* (ср. аналитико-синтетический эквивалент: *дьалкыңныы сылдыбатын туһуугар 'чтобы не колыхался'...* *үрүң көмүс пластинаны тигэн кэбиспит буолуон сөп* [11. Янв. 2016, с. 20] *мэйии=тэ /мозг=POSS.3Sg быһа/постоянно дьалкы:ңн:ыы/колыхаться:ITER:CV сылды:ыба=тын/AUX:NEG. =IMP. PFUT.2Sg диэн/CONJ ...үрүң көмүс/серебряный пластина=ны/пластина=ACC тиг:эн/пришить:CV кэбис=пит/AUX=PP буол=уон/AUX=FUT.3Sg сөп/PRTCL '[Шаман моему деду] возможно, пришел [после операции на голове] серебряную пластину [вместо удалённых костей черепа], чтобы защитить головной мозг'; *Маппый биһиккини "оһонньоттору ыңыртаан аһалың" диэн* (ср. синтетический эквивалент: *оһонньоттору ыңыртаан аһалтара 'чтобы стариков позвать и привести)' түөрт ыалга ыиттылар* [11. Нояб. 2015, с. 4]. *Маппый/Матвей биһикки=ни/я и он=ACC оһонньо:т:тор=у/старик:PI:PI=ACC ыңыр=таа:н/позвать=ITER:CV аһал=ың/приводить.IMP.FUT=2PI диэн/CONJ түөрт/четыре ыал=га/соседи=DAT ыит=т:ылар/=отправлять=PAST=3PI 'Матвея и меня отправили к четырём соседям, чтобы мы позвали и привели (оттуда) стариков (в гости к своим родителям)'; *Аһымал кэнсиэргэ амарах санаалаах Сахабыт сириҥ дьонун-сэргээтин, биир дойдулаахтарбытын күндү ыалдыт буолуң диэн* (ср. *буоларгытыгар 'чтобы вы стали)' ыңырабыт* [15. Апр. 2015, с. 23] *аһымал/благотворительный кэнсиэр=гэ/концерт=DAT амарах/отзывчивый санаа=лаах/мысль=POSSV саха=быт/якут=POSS.1PI сир:и:н/земля:POSS.3Sg:GEN дьон:у:н-сэргэ:ти:н/люди:POSS.3Sg:ACC биир дойдулаах=тар=быт:ын/земляк=PI=POSS.1PI:ACC күндү/дорогой ыалдыт/гость буол=уң/быть.IMP.FUT=2PI диэн/CONJ ыңыр:а:быт/приглашать: PFUT: 1PI 'Приглашаем на благотворительный концерт отзывчивых людей нашей Якутии, земляков, чтобы были дорогими гостями'.***

В БПК со скрепами *сыалтан*, *туһуттан* предикат препозитивной части выражается причастием на *-ар*. Эти конструкции моно-субъектны, так как препозитивная часть имеет безличное оформление, то есть они в отличие от БПК с *диэн* монофинитные. Они могут заменяться синтетическими конструкциями – монофинитными БПК с *-аары*. Обсуждаемые БПК отличаются от синтетических тем, что в составе предиката их препозитивной части не допускается субъектный лично-числовой показатель. В монофинитных БПК синтети-

ческого типа (-аары) зависимый предикат может иметь специальный показатель лица-числа в форме сказуемости (в форме 3-го л. ед. ч. этот показатель нулевой).

БПК со скрепой *сыалтан* (<сыал+аффикс исходного падежа безличного склонения):

Kiһи дьылҕатын билэр сыалтан (ср. синтетический эквивалент: билээри/билээрилэр 'чтобы узнать/ узнать-они') *таңха иһиллииллэрэ* [11. Янв. 2016, с. 3] *киһи/человек дьылҕа=ты:н/судьба=POSS.3Sg:ACC бил=эр/ узнать=PFUT сыалтан/CONJ таңха/святочное гадание иһилл:ииллэрэ/слушать:PFUT:IMPFR.3PI 'С целью угадывать судьбу человека совершали святочные гадания'.*

БПК со скрепой *туһуттан* (<тус/-һ-дело (обстоятельство)+-а/-у-+ аффикс исходного падежа): "*Киин куорат*" *хаһыат "Ньургуһун – кыайы сибэккитэ" диэн улуу үүнээйи модун күүһүн туһанар туһуттан* (ср. синтетический эквивалент: туһанаары 'чтобы использовать') *улахан хамсааһыны оңорорго этии киллэрэр* [11. Янв. 2016, с. 1] *киин/центральный куорат/город хаһыат/газета ньургуһун/подснежник кыайы/победа сибэкки=тэ/цветок=POSS.3Sg диэн/CONJ улуу/великий үүнээйи/растение модун/мощный күүһ:ү:н/сила:POSS.3Sg:ACC туһан:ар/использовать:PFUT туһуттан/CONJ улахан/большой хамсааһын=ы/движение=ACC оңор=ор=го/делать=PFUT=DAT этии/предложение киллэр=эр/вносить=PFUT.3Sg "Газета 'Киин куорат' с целью использования могущественной силы великого растения вносит предложение организовать движение под названием 'Подснежник – цветок победы'".*

Аналитические БПК с препозитивными скрепами. Они в основном реализуются в виде БПК с скрепой *ол туһугар* (тус/-һ-+а/-у-+ аффикс дательного падежа). Имеют семантический эквивалент – монофинитную БПК с послелогом *туһугар*: *Эһиги эрэ дьоллоохтук олоруң, ол туһугар* (ср. семантический эквивалент: олороргут туһугар 'чтобы вы жили') *мин туохпун да харыстаабаппын эһиги/вы эрэ/только дьоллоохтук/счастливо*

олор=ун/жить.IMP.FUT=2PI ол туһугар/CONJ мин/я туох:п:ун/что:POSS.1Sg:ACC да/PRTCL харыстаа=бап:пын/ жалеть=NEG.PFUT:1Sg 'Только вы живите счастливо, ради этого я ничего не пожалею' [7, с. 303].

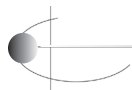
Выводы. Таким образом, целевые конструкции как средства выражения одного из семантических типов отношений обусловленности представляются деепричастными, причастно-падежными, послеложными – синтетическими, аналитико-синтетическими и союзными – аналитическими структурами. Данные средства характеризуются в качестве специализированных и неспециализированных показателей обсуждаемых отношений. Синтетические и аналитико-синтетические БПК являют собой ядро функционально-семантического микрополя цели. При этом БПК цели с деепричастными зависимыми предикатами являются моносубъектными – невариативно-субъектными, другие же – вариативно-субъектными. Аналитические БПК образуют периферию функционально-семантического поля целевых отношений, представляя собой семантические эквиваленты синтетических и аналитических – монофинитных БПК. Употребление неспециализированных – контекстуально-обусловленных средств связи предикативных частей обсуждаемых конструкций определяется тем принципом, что в якутском языке, как и в других тюркских языках, имеет место экономное использование грамматических средств при построении синтаксических образований.

Условные обозначения

ACC – винительный падеж; **ACC.INDEF** – частный падеж (по О. Н. Бётлингу, винительный неопределённый); **AUX** – вспомогательный глагол; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз (скрепа); **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **FUT** – будущее время; **IMP** – повелительное наклонение; **IMPRF** – имперфект; **INSTR** – орудный падеж; **ITER** – итератив; **NEG** – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; **PART** – причастие на -таһ; **PRTCL** – частица; **PASS** – страдательный залог; **PAST** – форма недавно прошедшего времени (-т); **PFUT** – настоящее-будущее время; **PI** – множественное число; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSSV** – форма обладания; **POSTP** – послелог; **PP** – прошедшее время на -быт; **Sg** – единственное число; **1** – первое лицо; **2** – второе лицо; **3** – третье лицо.

Список литературы

1. Акимова Э. Н. Функционально-семантическая категория обусловленности в плане языковой синхронии и диахронии // Интеграция образования. 2005. № 4. С. 177–180.
2. Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск: НГУ, 2003. 260 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
4. Грамматика современного якутского литературного языка / Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова [и др.] // Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
5. Грамматика современного якутского литературного языка / Е. И. Убрятова, Н. Н. Ефремов [и др.] // Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. 336 с.

6. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты) // Морфология и лексика / сост. С. А. Иванов. Новосибирск: Наука, 2010. Ч. 2. 178 с.
7. Дробышева Н. Н. Способы выражения отношений обусловленности в русском и чувашском языках // Вестн. Чуваш. ун-та. 2008. № 1. С. 149–151.
8. Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб.: СПбГУ, 1997. 200 с.
9. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. Новосибирск: СО РАН, 1998. 193 с.
10. Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.

Источники

11. Аар Тайҕа: газета. 2015; 2016.
12. Баппаҕай М. Бу сиргэ. Дьокуускай: Дани-Алмас, 2014. С. 212.
13. Гоголев И. Манчаары. Дьокуускай: Бичик, 2001. 352 с.
14. Картузов Е. Сунтаар сорсуннаах булчуттара. Дьокуускай: Илгэ, 2015. 224 с.
15. Киин куорат: газета. 2015. 23 апр.
16. Семенов И. Сонордьюттар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 104 с.
17. Муома олоңхолоро. Дьокуускай: Бичик, 2004. 237 с.
18. Хотугу Сулус: лит.-худ. журн. 1982. № 5.
19. Эристиин Э. Талыллыбыт айымньылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1954. 544 с.
20. Эристиин Э. Маарыкчаан ыччаттара. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 584 с.

References

1. Akimova E. N. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya obuslovlennosti v plane yazykovoi sinkhronii i diakhronii // Integratsiya obrazovaniya. 2005. № 4. S. 177–180.
2. Burkova S. I. Sopostavitel'noe opisanie funktsional'no-semanticheskikh polei obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka. Novosibirsk: NGU, 2003. 260 s.
3. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1970. 767 s.
4. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka / E. I. Korkina, E. I. Ubryatova [i dr.] // Fonetika i morfologiya. M.: Nauka, 1982. 496 s.
5. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka / E. I. Ubryatova, N. N. Efremov [i dr.] // Sintaksis. Novosibirsk: Nauka, 1995. T. 2. 336 s.
6. Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka (svodnye karty) // Morfologiya i leksika / sost. S. A. Ivanov. Novosibirsk: Nauka, 2010. Ch. 2. 178 s.
7. Drobysheva N. N. Sposoby vyrazheniya otnoshenii obuslovlennosti v russkom i chuvashskom yazykakh // Vestn. Chuvash. un-ta. 2008. № 1. С. 149–151.
8. Evtukhin V. B. Kategoriya obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke i voprosy teorii sintaksicheskikh kategorii. SPb.: SPbGU, 1997. 200 s.
9. Efremov N. N. Polipredikativnye konstruktсии v yakutskom yazyke. Strukturno-semanticheskoe opisanie. Novosibirsk: SO RAN, 1998. 193 s.
10. Tazhibaeva S. Zh. Kauzal'nye polipredikativnye konstruktсии kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyi aspekt). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. 271 s.

Istochniki

11. Аар Тайҕа: газета. 2015; 2016.
12. Баппаҕай М. Бу сирге. Д'окуускай: Дани-Алмас, 2014. С. 212.
13. Гоголев И. Манчаары. Д'окуускай: Бичик, 2001. 352 с.
14. Картузов Е. Сунтаар сорсуннаах булчуттара. Д'окуускай: Илге, 2015. 224 с.
15. Киин куорат: газета. 2015. 23 апр.
16. Семенов И. Сонорд'уттар. Д'окуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 104 с.
17. Муома олоңхолоро. Д'окуускай: Бичик, 2004. 237 с.
18. Хотугу Сулус: лит.-худ. журн. 1982. № 5.
19. Эристиин Э. Талыллыбыт айымньылар. Д'окуускай: Кинигэ изд-вота, 1954. 544 с.
20. Эристиин Э. Маарыкчаан ыччаттара. Д'окуускай: Кинигэ изд-вота, 1983. 584 с.

Библиографическое описание статьи

Ефремов Н. Н. Отношения обусловленности в якутском языке: целевые конструкции // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 98–104.

Reference to article

Efremov N. N. The Relationship of Conditionality in the Yakut Language: Goal Constructions // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 98–104.

Статья поступила в редакцию 03.03.2016

УДК 81`1
ББК Ш140-Оя-43

Гульназ Токеновна Карипжанова¹,
кандидат филологических наук, доцент,
Павлодарский государственный университет имени С.Торайгырова
(140000, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 36),
e-mail: adon70@mail.ru

Мукит Токенович Абикенов²,
кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет имени Шакарима
(071400, Казахстан, г. Семей, ул. Посмакова, 89),
e-mail: adon70@mail.ru

Скрипт, фрейм, схема в художественном тексте

В данной статье описывается национальное мировоззрение казахского народа. Авторы рассматривают термины «скрипт», «фрейм», «схема», объясняя их на материале произведений Жусупбека Аймауытова. Данные иллюстрации в художественном тексте раскрывают отдельные черты мировосприятия казахского народа.

В статье анализируются скрипты в произведениях Ж. Аймауытова. Скрипт имеет большое значение в познании национального характера. Ж. Аймауытов умело использует языковые сравнения, присущие казахскому менталитету. Скрипт – это картина мира, сформированная в сознании определённой нации. В статье также рассматривается фрейм в художественном тексте. Фрейм – это языковые единицы, вербализующие определённый концепт. Фрейм основан на ассоциативных связях концепта. К тому же анализ фреймов помогает описать особенности национальной картины мира. Фрейма схож со скриптом, но в скрипте преобладают статистические состояния, а во фрейме – динамические. Также в статье даётся определение термина «схема» в произведениях писателя. Писатель использует свойственные казахскому менталитету символы, знаки, сравнивая, сопоставляя их, чтобы более точно и образно описать определённый предмет, действие или явление.

Ключевые слова: текст, тема, идея, лингвистика, концепт, портрет

Gulnaz T. Karipzhanova³,
Candidate of Philology, Associate Professor,
S. Toraiyrov Pavlodar State University
(36 Lomova st., Pavlodar, 140000, Kazakhstan),
e-mail: adon70@mail.ru

Mukit T. Abikenov⁴,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Shakarim State University of Semey
(89 Posmakova st., Semey, 071400, Kazakhstan),
e-mail: adon70@mail.ru

Script, Frame, Scheme in a Literary Text

The article analyzes the script based on Zh. Aymaulytov's works. The script is important in understanding the national character. Zh. Aymaulytov skillfully uses comparisons inherent in the Kazakh mentality. The script formed the outlook of a particular nation. The article also examines the frame in a literary text. Frames are linguistic units gathered around a certain concept. These concepts provide a simple prospective information based on a specific concept associations. In addition, frames can definitely describe the national features. The frame is similar to the script, but the script is characterized by the predominance of statistical states and the frame is characterized by a dynamic state. The article also defines the term "scheme" in Zh. Aymaulytov's works. The writer uses symbols and signs appropriate for the Kazakh mentality comparing them more accurately and vividly in description of a particular object, action or phenomenon.

Keywords: text, theme, idea, linguistics, concept, portrait

¹ Г. Т. Карипжанова является основным автором, ею разработаны основные положения исследования.

² М. Т. Абикенов выполнил анализы художественных текстов и исследовал национальный колорит художественного текста.

³ G. T. Karipzhanova is the principal author, she has worked out the main provisions of the study.

⁴ M. T. Abikenov has analyzed literary texts and studied the national character of a literary text.

Чем стремительнее темпы развития человеческой жизни и общества, тем шире, безграничнее их знания и мысли. Безусловно, наряду с различными научными отраслями своё решение нашли и многие научно-теоретические проблемы лингвистики. Характерное сосредоточение языковых данных в целостную научную теорию как результат исследований новых направлений этой науки показывает, что многое ещё предстоит изучить. Расширение границ языковой глобализации вызывает реакцию необходимости повышения достоинства и популярности национального языка. В лингвистике предлагаются новые образцы систематизированных исследований языка. Широкое распространение получают новые направления изучения языка, особое внимание уделяется анализу образов, выраженных языковыми знаками. Внимание учёных направлено на рассмотрение таких вопросов, как язык – душа народа, язык – мышление, язык – сознание.

Имевшие место развитие антропоцентрической парадигмы вместе с системно-структурными, сравнительно-историческими методами исследования создают необходимость рассмотрения лингвистики в тесной связи с культурой, философией, психологией, лингвокультурологией. Конечно, антропоцентризм не возник за один день, его теоретические истоки нужно искать, например, в трудах Казанской лингвистической школы [4].

Принцип антропоцентризма состоит в рассмотрении позиции человека в языке. Цель исследования: познание сути этого принципа в рамках внутренних особенностей языка. Выявление принципа антропоцентризма стало причиной возникновения когнитивной лингвистики.

Раздел лингвистики, называемый наукой познания, в казахском языкознании рассмотрен в трудах А. Кайдара, Ж. Манкеевой, Э. Оразалиевой, К. Жаманбаевой, Е. Жанпейсова, Б. Акбердиевой, Г. Гиздатова и др. Мысли А. Кайдара относительно этнолингвистики стали основой для развития и формирования когнитологии в казахском языкознании [3]. Г. Гиздатов предлагает свои соображения на уровень проявления знаний, имеющих в сознании человека, на структуру и методы их передачи [1]. Г. Зайсанбаева обращает внимание на когнитивное направление в исследовании метафоры, даёт объяснение термину *фрейм*, подробно останавливается на познавательной роли метафоры [2].

Новые ориентиры и направления языковой науки, полностью соответствуя требова-

ниям времени, целью которых является осуществление основных ведущих идей мировой теоретической и прикладной отраслей науки, направлены на разрешение вопроса триады «человек-язык-культура». Поэтому концептуальный анализ произведений поэтов и писателей считается актуальным в современной науке о языке. З. Д. Попова и И. А. Стернин также полагают, что концептосфера языка представляет собой «совокупность концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев», подчёркивая, что типы концептов универсальны для всего [7, с. 43]. И. А. Тарасова полагает, что «корректнее трактовать фрейм не как концепт, а как когнитивную структуру более высокого уровня, тип взаимодействия между концептами, как способ (форму) организации ментального пространства», отражающий «типические связи в типических ситуациях» [8]. М. В. Пименова рассматривает также концепты культуры (категории), подразделяя их на универсальные («время», «пространство», «движение», «количество», «качество» и др.), социально-культурные («свобода», «справедливость», «труд»), национально-культурные («воля», «соборность», «душа»), этические («добро», «зло», «истина») и мифологические («ангел-хранитель», «домовой») [6; 10].

Скрипты в произведениях Ж. Аймауытова имеют важное значение в познании национального характера. Ж. Аймауытов умело использует сравнения, присущие казахскому менталитету. Скрипт – это картина мира, сформированная в сознании определённой нации. Например, в прозе Ж. Аймауытова сравнение *аркандалган аттай (как заарканенный конь)* возникло в связи с использованием коня в хозяйстве, но в результате абстрагирования от первоначального образа и применения выражения относительно человека предстаёт в виде скрипта. Это образное сравнение используют в отношении людей очень послушных или людей, вынужденных быть послушными.

Сравнение *как упёртый верблюд с проколотым носом (мурны жырык тартыншак түйеше)*, используемое в романе писателя, возникло в результате традиции, согласно которому двухгодовалому тайлак-верблюду прокалывают нос, чтобы приручить его и использовать для работы в хозяйстве.

В курносом, худошем, редкобородом, худощавом с жилистыми руками, ногами и грудью нарапашку, с озирающимся, как у пугливого животного, взглядом (уркек мал-

ша окшиган), тощим и костлявым лицом (*жагына пышак жанитын*) человеку сразу можно было узнать Искандера.

Портрет Искандера изображается в соответствии с национальным колоритом.

К скриптам относятся сравнения, которые считаются национальными, они показывают мастерство писателя в отношении передачи отдельных фрагментов мира, например: как корова, пришедшая с солончака (*сортаннан келген сиырдай*), как упрямый конь (*шэлкес аттай*), как заарканенный конь (*аркандалган аттай*), как верблюд с проколотым носом (*мурны жырык тартыншак түйеше*).

Ыкан, прикуривая папиросу, заполняет вначале рот дымом, после этого один за другим, рывками выдувает клубы дыма. При виде его перед глазами Бекболата предстал бык, который давеча, брыкаясь, закидал его песком (күл шашкан бука). Перед нами правдивая картина: Бекболат, выросший в ауле, представляет себе быка, действия которого неожиданно ассоциируются с процессом курения.

Закручивая как хвост борзой усы, с зачёсанными и блестящими, как выли-занный телёнок, волосами, врач в белом одеянии, указывая на дом, где находился больной, на русском что-то поручал матушкам. (Муртын тазынын куйрыгындай шираткан, шашын енесі жалаган бузаудай тарап, жылтыраткан ак киімді дәрігер де матүшкелерге орысшалап, ауру жаткан үйлерді нускап, бірдене тапсырып жүр). В ображаемой Бекболатом картине образ врача описывается от лица персонажа. Образы, находящиеся в основе сравнений, показывают быт аула, где вырос Бекболат, писатель умело применяет черты картины мира, знакомые для казахов. Зоркая наблюдательность свойственна лишь талантливым писателям – мастерам своего дела.

Пароход начал медленно двигаться, лязгая по воде, будто старый кобель шумно лижет бульон. (Пароход сорпа жалаган кэрі тобетше суды сылп-сылп урып козгала бастады) (Ж. А., с. 314).

Здесь тоже наблюдается картина, свойственная быту аула: техника оживает, её движения напоминают звуки лакающего пса.

М. Минский, который ввёл термин *фрейм*, утверждает: «Фрейм – структура, предназначенная для представления стереотипных ситуаций. Каждый фрейм ассоциируется с различной информацией» [5, с. 7]. «Фреймы состоят из ячеек, в которых собрана информация. Они располагаются определённым

ступенчатым образом. Ячейка из верхних ступеней содержит информацию, которая легко воспринимается органами чувств человека, такими, как зрение, слух, осязание. Информация по внешним данным у них относится к объёму, размеру и вкусу. В средних ячейках по необходимости сохраняется выборочная информация. А в нижних ступенях собирается информация об объектах, являющаяся для простого восприятия не явной, она связана с энциклопедическими знаниями. Каждый фрейм обладает сложной и объёмной структурой. В лингвистике фрейм применяется для объяснения знаний о различных стереотипных ситуациях. К тому же, фрейм может стать основой при передаче знаний об определённых референтах каждого языкового знака» [2, с. 30].

Фреймы формируют языковые единицы, вербализующие определённый концепт. По мнению И. И. Халеевой, фреймовые данные в структуре когнитивного сознания представляют собой «относительно обобщённую структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [9, с. 284].

Эти единицы передают простую информацию, основанную на ассоциациях. При помощи фреймов можно описать особенности менталитета, свойственные конкретному обществу. *Фрейм* схож со *скриптом*, но в *скрипте* преобладают признаки статического состояния, а во *фрейме* – динамического. Например:

Вдруг, разрывая ночную тишину, как рёв коров, раздались громкие кричащие голоса баб. Душераздирающий крик напугал всех вокруг. Оказалось, что они нашли растянувшуюся, бездыханное тело байбише, которая лежала в яме. Мамырбая ноги не держали, он с бычьим рёвом рухнул как подкошенный. Аул шумел словно стадо овец с ягнятами, когда кто-то из крайних услышал топот коня с всадником.

Народ, напуганный до смерти, услышав – Стреляли-стреляли! – неожиданно замолк, и стало так тихо, как тишина перед бурей, но чуть погодя, снова зашумели, зарыдали, и всё загудело... (- Атты-атты! -дегенде, су жүрек боп калган журт ішін тарткан дауылдай кенет басыла калды да, сонша болмады, кайтадан дәуірлей, бажылдай, күніреніп кетті...) (Ж. А., с. 171).

«Ситуационные фреймы отражают зна-ния мира неязыкового, событийного харак-

тера, в отличие от них классификационные фреймы могут передавать концептуальную информацию, непосредственно связанную с классифицирующей функцией нашего сознания, которое находит свое отражение в языке. Основным свойством данного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания» [10]. Ощущения душевного состояния персонажей из-за случая, произошедшего накануне и нарушившего спокойную, мирную жизнь аула, передаются через такие фреймы, как *ревел как бык (огіздей окірді)*, шумели как стадо овец с ягнятами (*койдай манырады, козыдай шулады*), как тишина перед бурей (*ішін тартқан дауылдай*).

Оповестив всех своих о произошедшем, Бозинген уже не могла найти себе места, размахивая обеими руками, *как верблюдица, быстрыми шагами* изо всех ног она понеслась теперь к Биркулак. Обойдя весь аул, она уже успела многим сообщить эту новость, теперь, зацепив с собой двух девиц и одну бабу, Бозинген направилась к Кумсинай. (*Оз үйіне түгел естірген сон, бул хабарды ішіне сыйғыза алмай, Бозинген бошалаган түйеше тайрандай басып, екі колын алды-артына кулаштай сермеп, Біркулактікіне карай жонелді. Ауылды кыдырып жүріп, бірталай жанды кулактандырган сон, қасына екі қыз, бір қатын ертіп, енді Бозинген Күмсинайдікіне тартты*) (Ж. А., с. 196).

Фразеологизм (*бошалаган түйеше – дословно: как верблюдица, которая собирает родить верблюжонка*) возник на основе ситуации обеспокоенной верблюдицы, которая собирает родить верблюжонка. *Как у норовистого, не знавшего ни узды, ни курука, коня, у строптивного мужика от страха сильно застучало сердце, он, как испуганный конь, задыхаясь, весь задрожал. (Тугалы жүген курык тимеген асаудай, асау азаматтын мойнына патшанын шынжыр бугалығы түсіп, асаудай алкынып, дірдір етіп, ет жүрегі шошып, үрейленіп турды)* (Ж. А., с. 44).

Внутренние переживания Карткожи переданы через выделенные в тексте фреймы. Признаки, лежащие в основе сравнений, свойственны картине мира казахского народа.

В следующем примере встречаем моменты, передающие настроение Шекер. Они настолько точны, словно это живая картина: *Когда брови, губы Шекер дергались, словно брыкающийся конь, дети богачей, грохоча как гром, погнали табун лошадей прямо через стадо коров, чуть их не затоптав.*

(*Шекердін қабағы, ерні аттай тулап келе жатқанда, бай балалары көп жылқыны күндей күркіретіп, кикүлап айдап, сиырды басып кете жаздап үстінен отті*) (Ж. А., с. 354).

Когда загорелись огоньки, и люди разошлись по домам, русские, услышав раздавшийся крик своего начальника, потянулись туда, *словно гуси, как растянутый аркан. (Шам жамырап, ел орынга отырған да орыстар бастығынын ақырып қалған дауысымен қаздай шубырып, асудын тар аузына қарай арқандай созылды)*.

Это было время Мекалая, *когда он был грозен как огнедышащий (дракон)*. А нынче не то, что огня, вряд ли найдешь его могилу. И Мажеке, который был очень строг, *с лицом, напоминающим морду алабас буры (верблюда) в февральский мороз*, распрощался со своим белым кнуром, лежит он теперь здесь покойно... Учил он отчаянно, был резв как пятилетний жеребец. (*О кез Мекалайдын аузынан жалыны шығып турған шағы еді. Ал бул күнде Мекалайдын жалыны түгіл, зуелі қабірін таба алар ма екенсін. Бул күні ондағы ызбарын тогіп отыратын Мэжекен де, бет-аузын ақпандағы алабас бураша сорағытып, ақ сабауға кош айтысып, қызырайып, тосегінде жатыр... Әйтеуір бесті айғырдан да шақар оқытады*) (Ж. А., с. 24).

Смысл таких выражений и словоупотреблений Ж. Аймауытова, как «верещит как самец суслика» (суырдын айғырындай шақылдау), «резв как пятилетний жеребец» (бесті айғырдай шаһар), «огнедышащий» (аузынан жалыны шығу), «как алабас бура» (ала бас бураша) и т. п., служит для описания особенностей человеческого характера.

Схема в произведениях писателя формируется через объективизацию таких признаков, реализуемых через семы, как плоскость, пространство, высота, измерение, время.

Однажды, *когда стемнело, русские будто куда-то собралась...* (*Бір күні қас қарайған кезде орыстар бір жаққа баратындай...*) (Ж. А., с. 176).

После того, как вскипятила молоко, когда запах кизяка, как запах благовонья, донесся до Акбилек... (Сүт пісіріп болған сон, тезек иісі жупар иісіндей Акбілектін мурнын жарған кезде...) (Ж. А., с. 192).

В таком грохоте прошло, наверное, некоторое время, как перед ними появились группа парней. (*Осы сартылмен биенін бірер сауымындай мезгіл откен шығар, қарсы алдынан бір топ жігіт кездесе кетті*) (Ж. А., с. 56). *Биенін бірер сауымындай*

мезгіл – дословно: время как несколько доек кобылы – это выражение связано с народным измерением времени дойки кобыл.

Вывали шустрые, находившиеся в удобном месте. (Урымтал жердегі озбырлар жулып экетті) (Ж. А., с. 65).

Один на расстоянии выстрела... (Біреуі ок бойы алдыда...) (Ж. А., с. 57).

Вдалеке, на склоне холмов, виднелись... (Алыста, коз ушында адырдын боктеріндегі ...) (Ж. А., с. 190).

В приведённых примерах такие сочетания, как *удобное место (урымтал жер)*, *на расстоянии выстрела (ок бойы)*, *виднелись вдалеке (коз ушында)* обозначают понятия измерения «близко», «не очень далеко», они относятся к единицам измерения времени, возникшим на основе бытовых ориентиров в окружающей среде.

Характер передачи понятий измерения количества явлений, людей, животных позволяет утверждать, что понятие множества писатель передаёт, подбирая точные образные слова, заставляя работать воображение.

У озера множество аулов, несметное количество скота, заливая всю землю и небо жёлто-красным золотом, летнее лучистое красное солнце медленно садилось, виднелся лишь его краешек. Лошади, поднимающая пыль, затемняя всё вокруг, громкозвесь, на скаку заходили в воду. Блеяния овец, мычания коров, рев быков, крики детей, голоса зовущих кого-то женщин, все это вместе, сливаясь, превращало берег озера в кишащий шум, дым из аулов переходил в синий туман, покрывая местность вокруг озера. И там, и тут толпа народа, невозможно всех узнать. (Шагала колдін басы иін тіркескен ауыл, бықырлаған мал, жердін жүзін, коктін түрін сары, кызыл алтынга бояп, жаздын нурлы кызыл күні беленнен асып, шеті кылтып барады. Шанданып, карауытып, топырлатып жылкы шауып суға түсті. Жамыраған кой, азынаған сиыр, окірген бука, айқайлаған бала, аукаулаған катындардын даусы косылып, колдін басы ын-жын, у-шу, ауыл-ауылдын түтіндері урандасып, уласып, кол арасын көк туман басып тур. О жер де бу жер де кара курык, біреуді біреу біліп болар емес) (Ж. А., с. 40).

В данных предложениях сочетание иін тіркескен (дословно «толпящиеся», «плечом к плечу») указывает на большое количество аулов и их близкое расположение друг к другу, а такие сочетания, как *бықырлаған мал, карауытып, топырлатып*, изображая

движения лошадей, используются для измерения их количества. В словах *жамыраған кой, азынаған сиыр* также содержатся количественные признаки, которые дают возможность ясно представить перед глазами картину аула.

...из маленьких сосков животного капает молоко, не молоко, а изобилие, ведра наполняются, из бурдюков наливается холодный, густой кумыс, шипящий лечебный кумыс, чаши переполняются. (...тутам емшек жануардын бауырынан сүт соргалап, сүт емес-ау кут соргалап, конек-конек лыкылдайды, кара саба емізіктен, кою салкын, сары кымыз, быжылдаған дәрі кымыз шара-шара шыпылдайды) (Ж. А., с. 146).

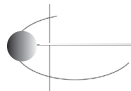
К значениям экспрессивов *капать (соргалау)*, *наполняться (лыкылдау)*, *переполняться (шыпылдау)* добавляется смысл множественности. В произведениях писателя концепт *измерение* вербализуется в следующих примерах: *Видно, что у таких баянаульских ру (родов)*, как *айдабол, каржас, козган, күлік скота стало больше, хозяйство наладились*.

Небольшие стада овец встречаются лишь изредка. Блуждающие животные рассыпались как степные зайцы. Ближе к найманам Айгыржала повстречались лишь редкие пасущиеся коровы, словно волосинки на лысине, и косяк лошадей вблизи колодца у оврага.

По содержанию текста можно определить, что количество животных было небольшое. Писатель, проявляя мастерство, описывая определённый образ, находит и использует слова, более точно и эффективно передающие значение множества. Уменьшение количества скота у казахов, для которых они служили главным источником достатка, ухудшение их жизненного уровня, передаются через такие сравнения, как «*рассыпались как степные зайцы*» (*коянындай бытырау*), *редкие пасущиеся коровы, словно волосинки на лысине (үркердей шошайған сандырамалар, таздын шашындай)*.

Писатель использует понятные казахскому менталитету символы и знаки, чтобы более точно и посредством национальных образов описать определённые предметы, действия или явления.

В произведениях Ж. Аймауытова за основу образных сравнений берутся названия природных явлений, соответствующие материальной и духовной составляющим культуры народа.

Список литературы

1. Гиздатов Г. Сойлеу кызметіндегі когнитивтік модельдер: типологиясы мен динамикасы: дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2005. 316 с.
2. Зайсанбаева Г. Метафоралы аталымдардын когнитивтік аспектісі (біріккен зат атаулары негізінде): дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004.
3. Кайдар Э. Казак тілінің озекті мәселелері. Алматы, 2001.
4. Кордабаев Т., Калиев Г. Жалпы тіл білімі. Алматы, 2004, 236 б.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 151 с.
6. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов, М. В. Пименова; под ред. М. В. Пименовой. Кемерово: Графика, 2004.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопр. теории и методологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 8–50.
8. Тарасова И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Языкознание. 2004. № 1. С. 14–18.
9. Халеева И. М. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 277–285.
10. Хачмафова З. Р., Макерова С. Р. Когнитивные системы языковой личности в процессе интерпретации художественного текста // Вест. МГОУ. Сер. Рус. филология. 2010. № 1.

References

1. Gizdatov G. Soileu kyzmetindegi kognitivtik model'der: tipologiyasy men dinamikasy: dis. ... d-ra filol. nauk. Almaty, 2005. 316 s.
2. Zaisanbaeva G. Metaforaly atalymdardyn kognitivtik aspektisi (birikken zat ataulary negizinde): dis. ... kand. filol. nauk. Almaty, 2004.
3. Kaidar E. Kazak tilinin ozekti meseleleri. Almaty, 2001.
4. Kordabaev T., Kaliev G. Zhalpy til bilimi. Almaty, 2004, 236 b.
5. Minskii M. Freimy dlya predstavleniya znaniy. M., 1979. 151 s.
6. Pimenova M. V. Predislovie // Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku / Z. D. Popova, I. A. Sternin, V. I. Karasik, A. A. Kretov, O. O. Boriskina, E. A. Pimenov, M. V. Pimenova; pod red. M. V. Pimenovoi. Kemerovo: Grafika, 2004.
7. Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i soznanie: teoreticheskie razgranicheniya i ponyatiinyi aparat // Yazyk i natsional'noe soznanie. Vopr. teorii i metodologii. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2002. S. 8–50.
8. Tarasova I. A. Kategorii kognitivnoi lingvistiki v issledovanii idioshtilya // Yazykoznanie. 2004. № 1. S. 14–18.
9. Khaleeva I. M. Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsipient inofonogo teksta // Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'. M., 1995. S. 277–285.
10. Khachmafova Z. R., Makerova S. R. Kognitivnye sistemy yazykovoi lichnosti v protsesse interpretatsii khudozhestvennogo teksta // Vest. MGOU. Ser. Rus. filologiya. 2010. № 1.

Библиографическое описание статьи

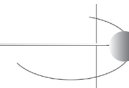
Карипжанова Г. Т., Абикенов М. Т. Скрипт, фрейм, схема в художественном тексте // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 105–110.

Reference to article

Karipzhanova G. T., Abikenov M. T. Script, Frame, Scheme in a Literary Text // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 105–110.

Статья поступила в редакцию 27.01.2016

УДК 81.711
ББК Ш 171.1
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-111-119

Софья Андреевна Симатова¹,
магистрант,
Пекинский университет языка и культуры
(100083, КНР, г. Пекин, район Хайдянь, Сюеюань лу, 15)
e-mail: sonyachita14@mail.ru

Сергей Владимирович Науменко²,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: naomianke@mail.ru

Проблема разграничения категорий 情态, 语气 и 口气 в современном китайском языке

Данная статья представляет собой попытку разграничения категорий 情态, 语气 и 口气 в современном китайском языке. Определение границ трёх обозначенных категорий китайского языка на сегодняшний день является одним из актуальных вопросов китайского языкознания. Сложность разграничения обусловлена, главным образом, отнесением всех трёх категорий к сфере категории модальности, структура которой чрезвычайно сложна и запутана. Ввиду отсутствия единого мнения относительно границ каждой из категорий, в лингвистических исследованиях соответствующих областей, проводимых на базе китайского языка, наблюдается отсутствие единообразия в терминологии и определениях. Авторы статьи рассматривают точки зрения известных китайских лингвистов на разграничение категорий 情态 и 语气, 语气 и 口气. Учитывая плюсы и минусы проанализированных теорий, авторы предлагают свою модель разграничения трёх категорий, а также возможные русские эквиваленты терминов для наименования данных категорий: 情态 – категория модальности в широком смысле, 语气 – категория модальности в узком смысле, 口气 – категория тона. В заключение авторы доказывают возможность практического применения выдвинутой модели при анализе предложений китайского языка с модальными частицами.

Ключевые слова: категория модальности в широком смысле, категория модальности в узком смысле, категория тона, функциональная модальность, модальная частица

Sofya A. Simatova³,
Graduate Student,
Beijing Language and Culture University
(15 Xueyuan st., Haidian district, Beijing, 100083, China),
e-mail: sonyachita14@mail.ru

Sergey V. Naumenko⁴,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: naominke@mail.ru

The Problem of 情态, 语气 and 口气 Categories Differentiation in Modern Chinese

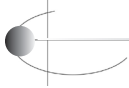
The paper is an attempt to distinguish among 情态, 语气 and 口气 categories in modern Chinese. Identification of the bounds of the three Chinese categories mentioned above is nowadays one of the most urgent problems in Chinese linguistics. The difficulty of differentiation is mainly caused by putting these three categories into the sphere of modality with a very complicated and tangled structure. As far as there is no common opinion on the bounds of each category, there is no common terminology and definitions in relevant linguistic researches based on the Chinese language material. The authors of the paper make a review of famous Chinese linguists' opinions

¹ С. А. Симатова является основным автором, ею выполнена большая часть работы по проведению исследования и сделаны соответствующие выводы.

² С. В. Науменко скорректированы формулировки некоторых теоретических положений, затронутых в исследовании.

³ S. A. Simatova is the principal author, she has done the most part of the research and drawn the relevant conclusions.

⁴ S. V. Naumenko has corrected wordings of some theoretical issues contained in the research.

on differentiation between 情态 and 语气, between 语气 and 口气. Considering advantages and disadvantages of all theories that have been analyzed, the authors create their own model of the three categories differentiation. The authors also introduce possible Russian equivalents for the terms corresponded with the three categories: 情态 – the category of modality in the broad sense, 语气 – the category of modality in the narrow sense, 口气 – the category of tone. Finally, the authors prove the possibility of their model's practical usage during the analysis of Chinese sentences with modal particles.

Keywords: the category of modality in the broad sense, the category of modality in the narrow sense, the category of tone, functional modality, modal particle

Термины “情态”, “语气”, “口气” связаны с категорией, которая в западном и отечественном языкознании называется категорией модальности. Модальность изначально рассматривалась в рамках философии и логики. Среди знаменитых логико-философских концепций категории модальности можно назвать теории Аристотеля, Г. В. Лейбница, И. Д. Скота. В XIX веке языкознание выделяется в отдельную науку, соответственно начинают выдвигаться лингвистические концепции категории модальности. Однако только в XX веке эти концепции обретают системный характер. Одними из самых известных исследований этого периода являются исследования Ф. Р. Палмера и Дж. Байби, результаты которых представлены соответственно в книгах «Наклонение и модальность»¹ и «Эволюция грамматики: время, вид и модальность в языках мира» [3]. Принятое в западном языкознании определение термина «модальность» можно сформулировать следующим образом: модальность – это «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [2, с. 2749]. Функционально-семантическая категория (далее – ФСК), подобно функционально-семантическому полю, представляет собой систему разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их функций [2, с. 5221]. ФСК, как правило, имеет в качестве ядра определённую грамматическую категорию, под которой традиционно подразумевается «система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [2, с. 1034], т.е. в узком понимании грамматическая категория объединяет лишь единицы морфологического уровня. В китайском языкознании существует более широкое понимание грамматической категории (语法范畴) в контексте рассмотрения модальности, когда грамматическая категория сбли-

жается с функционально-семантической, включая помимо морфологического уровня, ещё лексический и синтаксический уровни.

Китайское языкознание стало обретать системный характер тоже только во второй половине XX века. Считается, что начало развитию китайского языкознания положил фундаментальный труд Ма Цзяньчжуна (马建忠), созданный в конце XIX века. Именно Ма Цзяньжун впервые затронул в своей работе лингвистические явления, так или иначе связанные с категорией модальности, например, употребление частиц. Однако непосредственно применять к материалу китайского языка системы модальности, созданные для западных языков, оказалось невозможным из-за достаточно больших расхождений между грамматическими категориями этих языков. Немало выдающихся китайских лингвистов XX века исследовали систему модальности китайского языка, среди них Люй Шусян (吕叔湘), Ван Ли (王力), Ху Мин-ян (胡明扬), Хэ Ян (贺阳) и др. Из современных исследователей, вложивших свой вклад в разработку проблемы модальности китайского языка, можно назвать Ци Хуяна (齐沪扬), Сюй Цзиннин (徐晶凝), Пэн Личжэня (彭利贞), Цуй Силяна (崔希亮).

Изучив работы перечисленных китайских лингвистов, мы обнаружили довольно интересное явление: разные исследователи используют разные термины для обозначения той категории, которая по-английски звучит как “modality”, а по-русски как «модальность», соответственно вкладывая в это понятие и неодинаковое содержание. В западном и отечественном языкознании существует проблема разграничения только двух категорий – наклонения и модальности, в то время как в китайском языкознании есть проблема разграничения трёх категорий 情态, 语气 и 口气, связанных с понятием «модальность». Во время личной беседы лингвисты Пекинского университета языка и культуры сообщили нам, что ситуация с разграничением этих трёх категорий в китайском языкознании, действительно, очень запутанная, до сих пор

¹ Труд Ф. Р. Палмера «Наклонение и модальность» впервые опубликован в 1986 г.

нет единого мнения относительно того, на что конкретно указывает каждая категория. В нашей статье мы постараемся подробно проанализировать существующие точки зрения на данный вопрос и предложить собственный вариант разграничения указанных категорий. В процессе анализа мы сознательно будем избегать перевода наименований трёх рассматриваемых категорий на русский язык, поскольку это чрезвычайно спорный вопрос, и выдвижение определённой точки зрения относительно русских эквивалентов терминов “情态”, “语气” и “口气” (особенно относительно двух последних) возможно только после подробного изучения точек зрения разных лингвистов. В той части статьи, где мы предложим свой вариант разграничения трёх категорий, будет также предложен и вариант перевода наименований этих категорий на русский язык.

Разграничение категорий 情态 и 语气

При переводе книги Ф. Р. Палмера на китайский язык *modality* переводится как “情态”, а *mood* как “语气”. Так как исследование Ф. Р. Палмера базируется, главным образом, на материале английского языка, то на русский язык перевод данных терминов как «модальность» и «наклонение» вполне целесообразен, поскольку в английском языке существует грамматическая категория наклонения, воспринимаемая часто как ядро функционально-семантической категории модальности. Если смотреть на термины “情态” и “语气” исключительно как на китайские эквиваленты терминов «модальность» и «наклонение», то это не вызывает больших вопросов. Проблема состоит в том, что во многих трудах по грамматике китайского языка фигурирует термин “语气”, в то время как в китайском языке отсутствует грамматическая категория наклонения, следовательно, перевод “语气” на русский язык как «наклонение» в случае рассмотрения китайского языка нецелесообразен.

Если мы сопоставим получившую известность систему модальности (*modality*) Ф. Р. Палмера и одну из систем категории 语气 китайского языка, разработанную Ци Хуяном, то обнаружим, что категория 语气 в китайском языке, действительно, намного шире наклонения и по семантическому содержанию больше приближается к категории модальности (*modality*). В частности, два вида 语气 из системы Ци Хуяна, а именно 允许语气 и 能愿语气, соотносятся с частями категории событийной модальности (*event modality*)

Ф. Р. Палмера: 允许语气 – *deontic modality*, 能愿语气 – *dynamic modality*. Подвиды данных видов тоже соотносятся между собой: 允许语气 в широком смысле делится на 允许语气 в узком смысле и на 必要语气, которые соответствуют *permissive modality* и *obligative modality* у Ф. Р. Палмера; 能愿语气 разделяется на 能力语气 и 能愿语气, которые соотносятся с *abilitive modality* и *volitive modality* у Ф. Р. Палмера. Таким образом, подтверждается явная близость категории 语气 и категории модальности. Ещё одним аргументом в пользу непризнания термина “语气” в качестве эквивалента английского “*mood*” может служить выделение в системе 语气 Ци Хуяна 功能语气 как части 语气, подтипы 功能语气 соотносятся с четырьмя типами интонации предложения: повествовательной, вопросительной, побудительной и восклицательной. Согласно Дж. Лайонзу [1], подобная классификация есть один из возможных подходов к категории наклонения, следовательно, к категории наклонения приближается 功能语气 как часть категории 语气, а не категория 语气 в целом.

Современный китайский лингвист Чэнь Линьцзюнь (陈林俊) признаёт существование в китайском языке категорий 情态 и 语气, подчёркивая при этом, что эти термины не являются прямыми эквивалентами терминов “*modality*” и “*mood*” соответственно [5]. Он утверждает, что категории 情态 и 语气 обе указывают на категорию модальности (*modality*). Согласно такой точке зрения, представляется, что категории 情态 и 语气 не имеют между собой чётких границ, однако при этом обе соотносимы с категорией модальности. Данная позиция очень расплывчата и неконкретна, поэтому, на наш взгляд, не может быть приемлемой для объяснения разницы между категориями 情态 и 语气.

Второй вариант объяснения отношений между категориями 情态 и 语气 связан с их отождествлением в китайском языкознании, а конкретнее – с расширением границ 语气 до границ 情态. Если мы обратимся к трудам по грамматике китайского языка, то в качестве отдельного раздела чаще всего встретим именно 语气范畴, а не 情态范畴. Подробные описания 语气范畴 можно найти в трудах Люй Шусяна (1982), Ван Ли (1985), Ху Мин-яна (1991), Ци Хуяна (2002) и др. Хэ Ян (1992) и Сунь Жуцзянь (孙汝建, 1999) переводят “*modality*” как 语气. Определение 语气 у Хэ Яна звучит следующим образом: “语气 (*modality*)是通过语法形式表达的说话人针对句中命题的主观意识” [6, с. 59], т. е. категория

语气 представляет собой «субъективное понимание говорящим высказывания, выраженное через грамматические формы». Определение Сунь Жуцзянь: “语气 (*Modality*) 是指说话人根据句子的不同用途所采取的说话方式和态度” [13, с. 9], т. е. категория 语气 есть «способ коммуникации и отношения, который говорящий выбирает согласно разным сферам использования предложения» (под сферами использования в китайском языкознании подразумеваются повествование, восклицание, побуждение и вопрос). Как видно, в обоих определениях после термина “语气” в скобках указан термин “*modality*”, соответственно, вполне логично предположить полное отождествление этих терминов, а значит и возможность перевода “语气” на русский язык как «модальность». Однако, внимательно прочитав определения, замечаем, что они представляют собой более узкое понимание модальности, чем то, которое мы рассмотрели выше. В двух данных определениях есть указание лишь на субъективное отношение говорящего, но нет указания на соотношение высказывания с действительностью (например, в плане реальности и ирреальности). Таким образом, получается, что категория 语气 всё же несколько уже широкого понимания модальности (если мы понимаем 情态 как модальность в широком смысле, то 语气 – это более узкое понятие, чем 情态). Несмотря на обозначенное противоречие, мы признаём целесообразность сближения категорий 语气 и 情态 в китайском языкознании по двум причинам: 1) в китайском языке нет категории наклонения (*mood*), поэтому рассмотрение 语气 в этом смысле абсолютно нецелесообразно; 2) согласно системам 语气 в трудах разных китайских лингвистов, данная категория включает языковые единицы разных уровней, от отдельных лексических единиц (наречий, частиц, модальных глаголов) до сложных грамматических конструкций и супrasegmentных единиц (интонация), а это, в свою очередь, характерно для функционально-семантической категории модальности.

Следует отметить, что иногда в китайском языкознании 情态, как и 语气, ассоциируется исключительно с субъективной квалификацией сообщаемого, а именно с чувствами и отношением говорящего, не включая соотношение высказывания с действительностью в плане реальности и ирреальности, необходимости и возможности. Например, в грамматике китайского языка есть такой член предложения как комплемент (补语), который имеет множество разновидностей, в том чис-

ле существует тип, называемый «модальным комплементом» (情态补语). Модальный комплемент помогает говорящему выразить своё мнение относительно качества выполняемого действия: 1. 你写汉字写得好极了。[17, с. 33] – Ты просто великолепно пишешь иероглифы. 2. 今天冷得很。[17, с. 34] – Сегодня очень холодно. 3. 他跑得满身是汗。[17, с. 34] – Он так бежал, что весь вспотел. Во всех приведённых примерах модальные комплементы, стоящие после служебного слова 得, помогают говорящему выразить своё мнение о степени действия (写、跑) или состояния (冷), но не выражают, к примеру, мнение говорящего относительно возможности или необходимости действия или состояния. Нам представляется, что категория 情态 всё же не должна пониматься в столь узком смысле, если мы трактуем 情态 как модальность, то субъективное отношение говорящего (主观态度) – это лишь одна из сторон данной категории.

Ещё одна точка зрения связана с установкой чётких границ для категории 语气, а именно соотношение данной категории с указанными выше четырьмя типами интонации предложения (повествовательной, вопросительной, побудительной, восклицательной). Таким образом, границы категории 语气 сужаются до 功能语气 системы Ци Хуяна. Данная трактовка указывается в большинстве учебников по современному китайскому языку для студентов лингвистических специальностей, например, в учебниках Хуан Божуна (黄伯荣) и Ляо Сюйдуна (廖序东) [8], а также в недавно вышедшем учебнике Пекинского университета [15]. На наш взгляд, такое понимание категории 语气 во многом сближает данную категорию с категорией наклонения в том смысле, что и категория 语气, и категория наклонения относятся к сфере грамматики и могут представлять функционально-семантическую категорию модальности на грамматическом уровне. Таким образом, согласно такому подходу, категория 语气 китайского языка, как и категория наклонения в других языках, может пониматься как ядро функционально-семантической категории модальности. Что касается перевода термина “语气” на русский язык в данном случае, то этот вопрос остаётся открытым, термины «модальность» и «наклонение» здесь не могут быть использованы. Последний подход во многом упрощает понимание категории 语气 китайского языка, но является ли уместным подобное упрощение? Если да, то почему системы 语气 известных лингвистов столь сложны и запутаны? Возможно, последняя точка зре-

ния позволяет лишь временно определить суть категории 语气 китайского языка для проведения определённого типа лингвистических исследований, в действительности же содержание данной категории представляется более сложным.

Разграничение категорий 语气 и 口气

Мы убедились, что проблема разграничения категорий 情态 и 语气 очень сложна, однако её однозначное решение становится более затруднительным ввиду выделения в китайском языкознании ещё одной категории, а именно 口气. Иногда “口气” переводится как «тон речи», «манера речи», но такие варианты очень абстрактны и не могут дать чёткого представления о рамках категории 口气. Кроме того, один из современных китайских лингвистов, Вэнь Солинь (温锁林), называет категорию 情态 термином “口气”, понимая 口气 при этом как «субъективную модальность речи говорящего, то есть субъективные чувства и отношение говорящего, содержащиеся в объективном высказывании, которое является частью речевой коммуникации» (“说话人对所述话语的主观情态，也就是构成话语的客观命题中所携带的言语使用者的主观的情感和态度” [12, с. 23]). Понимание модальности здесь вновь сужается до субъективного мнения говорящего. Мы всё же считаем, что категория модальности намного шире понимания Вэнь Солиня, к тому же другие китайские лингвисты не высказывали подобного взгляда на соотношение категорий 情态 и 口气, поэтому мы остановимся на сопоставлении категорий 语气 и 口气, где, действительно, можно обнаружить много противоречий.

По мнению Ци Хуяна, на сегодняшний день в китайском языкознании существует три основных подхода к соотношению категорий 语气 и 口气: 1) чёткое разграничение двух категорий, определение чётких границ для категории 语气; 2) включение сферы категории 口气 в сферу категории 语气; 3) альтернативная точка зрения, суть которой заключается в выделении широкого и узкого понимания 语气 [11, с. 19]. Далее мы подробно рассмотрим каждый подход.

Согласно первому подходу, рамки категории 语气 сужены до четырёх типов интонации предложения: повествовательной, вопросительной, побудительной, восклицательной. Данная точка зрения уже подробно рассматривалась выше в разделе о соотношении категорий 情态 и 语气. Здесь мы сделаем лишь несколько дополнений. Как уже говорилось, данный подход к категории 语气 является

наиболее распространённым и часто указываемым в учебниках по современному китайскому языку. Иногда категории 语气 посвящается отдельный раздел в главе «Грамматика», например, в новом учебнике Пекинского университета [15], иногда данная категория затрагивается в разделе «Типы предложений» (句类) как критерий классификации предложений, например, в учебнике Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна [8], в этом случае сближаются понятия 句类和 语气 (т.е., говоря, к примеру, 感叹句类, мы одновременно имеем в виду 感叹语气). Что же в таком случае относится к категории 口气? Все остальные интонационные характеристики предложения. Например, в учебнике современного китайского языка Чжан Биня (张斌) говорится о таких типах 口气, как «обсуждение» (商量), «предположение» (推测), «приказ» (命令) [16, с. 439-467]. Если понимать 口气 таким образом, то получается, что изначально предложения разделяются по типам 语气, а затем на определённый тип 语气 накладывается дополнительный оттенок в виде 口气. Открытым остаётся вопрос о том, включается ли в данном случае 口气 в сферу 语气, т.е. являются ли типы 口气 в свою очередь подтипами определённого типа 语气. К сожалению, в учебниках данный вопрос не обсуждается. Мы можем лишь отметить, что включение 口气 в сферу 语气 в данном случае весьма проблематично, так как один и тот же тип 口气 может встречаться в предложениях разных типов 语气. Например, предложение с 疑问语气 и предложение с 感叹语气 оба могут иметь 推测口气 (догадка, предположение): 你是俄罗斯人吧? – Ты, наверное, русский? 他不会这么做吧! – Полагаю, он не может так поступить!

Сторонники второго подхода, описывая систему категории 语气, обходят стороной подробное обсуждение категории 口气. Наш взгляд, практически все системы 语气 известных китайских лингвистов основаны на данном подходе, в частности, системы Люй Шусяна, Ван Ли, Ху Мин-яна, Хэ Яна, Лю Даньцин (刘丹青) и др. Как правило, термин “口气” вообще не упоминается при описании систем 语气 указанных лингвистов, а рассматриваются только типы и подтипы 语气. Однако мы всё же можем предположить, что в данном случае категория 口气 включается в сферу категории 语气. Например, в системе Ху Мин-яна «восхищение» (赞叹), «удивление» (惊讶), «изумление» (诧异), «недовольство» (不满), т.е. те типы, которые согласно первой точке зрения относятся к сфере 口气, рассматриваются как подтипы 表情语气

[7, с. 52]. Лю Даньцин прямо говорит в своей работе о том, что 语气 есть более крупный класс, а 口气 представляет собой подклассы внутри данного класса [9, с. 478-479]. Мы уже говорили выше, что при таком подходе существует проблема отнесения одного типа 口气 к нескольким типам 语气.

Третья точка зрения на соотношение 语气 и 口气 была выдвинута Сунь Жуцзянем. По его мнению, можно рассматривать 语气 в широком и узком смыслах. Категория 语气 в широком смысле сближается с категорией 情态, Сунь Жуцзянь переводит её на английский как *"modality"*. Категория 语气 в широком смысле включает в свою сферу категорию 语气 в узком смысле и категорию 口气. Категория 语气 в узком смысле указывает на затронутые выше четыре типа интонации предложения, категория 口气 понимается как «различные способы выражения мыслей и чувств в предложении» («句子中思想感情色彩的种种表达法») [13, с. 9]. Соотношение категорий 口气 и 语气 в узком смысле подробно не рассматривается, но как мы можем судить, Сунь Жуцзянь не утверждает включение категории 口气 в сферу 语气 в узком смысле, утверждает лишь включение двух данных категорий в сферу категории 语气 в широком смысле. Сходной точки зрения придерживается и Ци Чуньхун (齐春红), говоря, что 语气 в широком смысле включает в себя категорию 功能语气 (по сути 语气 в узком смысле) и категорию 口气 [10]. Один из известных специалистов в области изучения модальности и модальных частиц китайского языка, Ци Хуян, скорее всего тоже склоняется к позиции Сунь Жуцзяня, так как: 1) он не признаёт сужения сферы категории 语气 до четырёх типов интонации предложения, а значит, поддерживает рассмотрение категории 语气 в широком смысле; 2) считает необходимым рассмотрение категории 口气 отдельно от 语气 [11, с. 20].

Мы считаем, что из трёх представленных точек зрения третья является наиболее приемлемым вариантом, хотя, как уже было упомянуто, характер отношений между категорией 语气 в широком смысле, категорией 语气 в узком смысле и категорией 口气 описаны весьма расплывчато. Кроме того, средства выражения 语气 и 口气 в труде Сунь Жуцзяня рассматриваются вместе, что, безусловно, ещё больше мешает понять характер отношений между этими двумя категориями.

Далее, основываясь на рассмотренных выше точках зрения, мы постараемся аргументировать свою позицию по поводу соотношения категорий 情态, 语气 и 口气 в

китайском языкознании. Основной принцип, которого мы будем придерживаться в данном случае – удобство анализа предложений китайского языка, главным образом, предложений с модальными частицами (语气词/语气助词), которые в большинстве лингвистических трудов считаются одним из основных средств актуализации категории 语气 китайского языка. Для более детального описания отношений между категориями 情态, 语气 и 口气, необходимо, вероятно, ещё не одно глубокое исследование.

Один из возможных вариантов разграничения категорий 情态, 语气 и 口气 в китайском языке

Наша позиция на разграничение категорий 情态, 语气 и 口气 в китайском языкознании во многом основана на третьем подходе к разграничению категорий 语气 и 口气, который был обозначен выше. Однако данный подход касается только двух из рассматриваемых категорий, поэтому нам необходимо сделать соответствующие дополнения о соотношении категории 情态 с двумя остальными. Помимо этого мы предложим русские эквиваленты для указания на анализируемые категории. Проблема разграничения трёх обозначенных категорий, существующая в китайском языкознании, рассматривается, как правило, на базе китайского языка, поэтому логично предположить, что и существует эта проблема именно в китайском языке. Соответственно, наша позиция тоже будет касаться, главным образом, разграничения трёх обозначенных категорий в китайском языке.

Мы считаем, что категория 情态 является категорией модальности в самом широком смысле слова, т.е. функционально-семантической категорией, которая выражает разные виды соотношения высказывания с действительностью и разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Этот термин наиболее часто употребляется как эквивалент английского слова *"modality"* в работах китайских лингвистов, а значит, мы можем достаточно уверенно переводить его как «модальность».

Относительно термина «语气» ситуация намного сложнее. Как мы уже говорили, категория 语气 китайского языка не может быть отождествлена с категорией наклонения, её рамки намного шире. Несмотря на это, категория 语气 в китайском языке, подобно категории наклонения в европейских языках, является ядром категории модальности китайского языка, т. е. включает в себя сред-

ства выражения модальности на грамматическом уровне. Таким образом, категория 语气, безусловно, находится в сфере категории модальности (情态). Мы согласны с Сунь Жуцзянем в том, что логично рассматривать категорию 语气 в широком и узком смыслах. В широком смысле 语气 указывает на грамматическую (в терминологии китайских лингвистов) категорию китайского языка, которая включает в себя различные средства выражения модальности, такие, как интонация (语调); синтаксическая трансформация (句式变化), выражаемая, главным образом, в использовании категории лица (人称) и видо-временных суффиксов (时态成分); модальные частицы (语气词); другие модальные элементы (其他语气成分), а именно, служебные глаголы (助动词), модальные наречия (语气副词) и междометия (叹词) [11, с. 24]. Как мы видим, сфера 语气 в широком смысле достаточно обширна, поэтому неудивительно, что многие исследователи сближают её со сферой категории модальности. Однако модальность всё же является более широким понятием, хотя бы в том смысле, что существует категория текстовой модальности, в то время как 语气 рассматривается только на уровне предложения. Следовательно, мы должны предложить другой русский эквивалент для обозначения категории 语气 в широком смысле. К сожалению, ввиду весьма скудной информации на русском языке о категории модальности китайского языка (обычно в грамматических трудах затрагиваются лишь средства выражения модальности, такие, как модальные глаголы и модальные частицы), мы не можем сделать выбор между переводами, выдвинутыми другими лингвистами. На наш взгляд, в переводе необходимо отразить тесную связь между категориями 情态 и 语气 в китайском языке, поэтому наш вариант перевода термина “语气” – «категория модальности в узком смысле», которая является ядром «категории модальности в широком смысле» (情态). Однако, будучи ядром функционально-семантической категории модальности (情态), категория модальности в узком смысле (语气) не является грамматической категорией в традиционном понимании отечественных и западных лингвистов, так как она реализуется на разных уровнях языковой системы, а не только на морфологическом уровне.

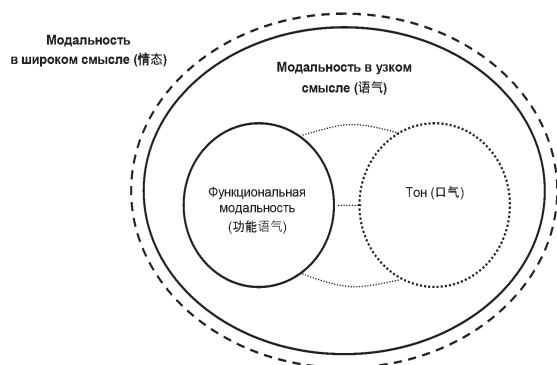
Теперь вернемся к категории 语气 в узком смысле, или как её ещё называют, 功能语气. Данная категория представляет собой интонацию предложения с точки зрения цели высказывания (повествование, побуждение,

вопрос), а также наличия или отсутствия восклицания. Следует отметить, что существует ещё понятие “语调”, которое тоже переводится на русский язык как «интонация», но это интонация с акустической точки зрения (например, повышение и понижение интонации). Чтобы избежать смешения русскоязычных терминов, мы предлагаем переводить “功能语气” как «функциональная модальность». Однако, ещё раз подчёркиваем, что вопрос о переводе этого и других терминов остаётся открытым, мы лишь предлагаем собственный вариант за неимением других.

Осталось проанализировать категорию 口气. Мы признаём, что данная категория относится к сфере категории модальности китайского языка в узком смысле (语气), тесно соприкасаясь при этом с категорией функциональной модальности (功能语气), однако, не будучи включённой в неё. Подобная трактовка позволяет временно отойти от проблемы наличия одного и того же типа 口气 в предложениях с разной функциональной модальностью. Мы также хотим подтвердить необходимость включения категории 口气 в сферу 语气 в широком смысле в связи с тем фактом, что в разговорной речи, говоря об определённой эмоциональной окраске предложения, китайцы склонны употреблять термин “语气”, а не термин “口气”, что следовало бы сделать с научной точки зрения. Например, чаще говорится 不满的语气, нежели 不满的口气 (недовольство, неудовлетворённость). Многими лингвистами признаётся целесообразность разделения понятий 语气 и 口气, соответственно, рассмотрение категории 语气 в широком и узком смыслах, а также включение 口气 в сферу 语气 широкого смысла есть логичное решение в данном случае. Относительно перевода термина “口气” ситуация несколько проще. Мы считаем, что термин «тон», предлагаемый в качестве эквивалента термина “口气” в китайско-русских словарях, здесь вполне приемлем, если понимать под тоном тон речи, эмоциональную окраску высказывания (не смешивать с понятием этимологического тона слога китайского языка “四声”). Мы не используем термин «интонация», так как он обычно употребляется как эквивалент терминов “语调” и “句调”.

Приведённые выше рассуждения мы для наглядности представили в виде схемы ниже. На рисунке пунктирными линиями обозначены те категории, рамки которых очень сложно очертить однозначно, а именно категория модальности в широком смысле (情态) и категория тона (口气). В отличие от них рамки

категории модальности в узком смысле (语气) и категории функциональной модальности (功能语气) обозначены сплошными линиями, так как они определяются более чётко: категория модальности в узком смысле рассматривается обычно только на уровне предложения, а категория функциональной модальности касается, как правило, только четырех типов интонации предложения. Пунктирные линии между категориями функциональной модальности и тона указывают на тесное соотношение данных категорий. Число линий никак не связано с количеством соотносимых друг с другом подтипов данных категорий, три линии проведены лишь для того, чтобы показать наличие связей между различными типами функциональной модальности и различными типами тона.

Предложенная нами модель разграничения категорий 情态, 语气 и 口气 может быть полезной при анализе предложений китайского языка с модальными частицами. В частности, при анализе таких предложений, на наш взгляд, целесообразно разделять тип функциональной модальности и тип тона предложения. Возьмем, к примеру, несколько предложений из современного китайского сериала «Красный Гаолян» режиссера Чжэн Сяолуна (郑晓龙):

1. 就连青岛的日本人都上他这儿来买酒呢。 – *Даже японцы из Циндао приезжают к нему сюда для закупки вина.*

2. 真是猖狂至极啊! – *Вот уж, действительно, распоясались донельзя!*

3. 这是有靠山了是吧? – *Этим вы хотите сказать, что нашли себе покровителя?*

4. 放我娘一条生路, 让她跟我回去吧。 – *Дайте моей матери возможность жить, позвольте ей вернуться вместе со мной.*

Тип функциональной модальности предложения 1 – повествовательный, конечная

частица 呢 выполняет усилительную функцию, добавляет тон утверждения и констатации факта. Тип функциональной модальности предложения 2 – восклицательный, конечная частица 啊 добавляет тон удивления, а также тон смягчения, т.е. смягчает восклицание. Тип функциональной модальности предложения 3 – вопросительный, конечная частица 吧 добавляет тон предположения, догадки. Тип функциональной модальности предложения 4 – побуждение, конечная частица 吧 добавляет тон смягчения, т.е. смягчает побуждение, превращая приказ в просьбу. При подобном анализе мы разграничиваем тип функциональной модальности и тона предложения, это имеет значение для определения функций модальной частицы в предложении.

Как мы видим, в трёх из рассмотренных выше предложений модальные частицы сами по себе вовсе не вносят в предложение определённую функциональную модальность, так как при исключении модальных частиц из предложений 1, 2 и 4 данные предложения всё равно будут иметь соответственно повествовательную, восклицательную и побудительную функциональную модальность. В предложении 1 и 4 определённая функциональная модальность создаётся за счёт структуры предложения (прямой порядок слов в повествовательном предложении; отсутствие подлежащего в побудительном предложении, предложение начинается с глагола), в предложении 2 восклицание создаётся за счёт элемента “真是” и интонации (语调/句调). Только в предложении 3 частица 吧 одновременно вносит в предложение вопросительную функциональную модальность и тон предположения. Наш пробный анализ показывает, что очень часто модальные частицы китайского языка вносят в предложение именно тон речи, а не функциональную модальность. К сходному выводу приходит и Сунь Жуцзянь, утверждая, что в связи с этим необходимо отказаться от термина “语气词” (модальные частицы) и ввести новый термин “口气词” (тоновые частицы) [14, с. 87].

Таким образом, предложенное нами разграничение функциональной модальности и тона может иметь практическое применение в исследованиях практик модальных частиц китайского языка. Кроме того, можно также одновременно определять модальность (情态), функциональную модальность (功能语气) и тон (口气) предложения, устанавливая взаимосвязи между этими категориями.

Список литературы

1. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева; пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 544 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа паблишинг, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Bybee Joan L. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world / Joan Bybee, Revere Perkins, and William Pagliuca. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
4. Palmer F.R. Mood and Modality. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p.
5. 陈林俊. 析现代汉语研究中的语气与情态 // 《语文学刊》. 2009. 第12期. 第56-58页。
6. 贺阳. 试论汉语书面语的语气系统 // 《中国人民大学学报》. 1992. 第5期. 第59-66页。
7. 胡明扬. 北京话的语气助词和叹词 // 胡明扬著《语言学论文选》. 北京: 中国人民大学出版社, 1991. 第51-80页。
8. 黄伯荣, 廖序东主编. 现代汉语. 增订本. 下册. 5版. 北京: 高等教育出版社, 2011. 248页。
9. 刘丹青. 语法调查研究手册. 上海: 上海教育出版社, 2008. 635页。
10. 齐春红. 现代汉语语气副词研究. 昆明: 云南人民出版社, 2008. 260页。
11. 齐沪扬著. 语气词与语气系统. 合肥: 安徽教育出版社, 2002. 323页。
12. 温锁林. 汉语中的语气与情态 // 《南开语言学报》. 2013. 第2期 (总第22期). 第21-29页。
13. 孙汝建著. 语气和口气研究. 北京: 中国文联出版社, 1999. 306页。
14. 孙汝建. 语气词口气意义的分析方法 // 《南通大学学报·社会科学版》. 2006. 第22卷. 第5期. 第84-89页。
15. 现代汉语. 北京大学中文系现代汉语教研室编. 增订本. 北京: 商务印书馆, 2012. 510页。
16. 张斌主编. 新编现代汉语. 上海: 复旦大学出版社, 2002. 582页。
17. 郑丽杰编著. 21天征服新HSK. 高级语法. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012. 297页。

References

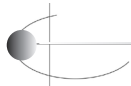
1. Lyons John. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku [Introduction to Theoretical Linguistics.] / pod red. i s predisl. V. A. Zvegintseva; per. s angl. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2010. 544 p.
2. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary] / Ed. by V. N. Yartseva. M: Direktmediya publishing, 2008. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
3. Bybee Joan L. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / Joan Bybee, Revere Perkins, and William Pagliuca. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1994. 398 p.
4. Palmer F.R. Mood and Modality. Second Edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 236 p.
5. Chen Linjun. Xi xiandai hanyu yanjiu zhong de yuqi yu qingtai [Analysis of Mood and Modality in Modern Chinese Research]. Yuwen xuekan [Journal of Language and Literature Studies], 2009, no.12, pp. 56–58.
6. He Yang. Shilun hanyu shumianyu de yuqi xitong [Touching upon the Problem of Modality System of Chinese Written Language]. Zhongguo renmin daxue xuebao [Journal of Renmin University of China], 1992, no. 5, pp. 59-66.
7. Hu Mingyang. Beijinghua de yuqizhuci he tanci [Modal Particles and Interjections of Beijing Dialect]. Yuyanxue lunwen xuan [Selection of Linguistics Papers], Beijing, Renmin University of China Press, 1991, pp. 51–80.
8. Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu [Modern Chinese]. Reprinted with corrections, Part II, The 5th edition, Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe [Higher Education Press], 2011. 248 p.
9. Liu Danqing. Yufa diaocha yanjiu shouce [A Handbook for Grammatical Investigation and Research]. Shanghai, Shanghai jiaoyu chubanshe [Shanghai Education Publishing House], 2008. 635 p.
10. Qi Chunhong. Xiandai hanyu yuqi fuci yanjiu [Research on Modern Chinese Modal Adverbs]. Kunming, Yunnan renmin chubanshe [Yunnan People's Publishing House], 2008. 260 p.
11. Qi Huyang. Yuqici yu yuqi xitong [Modal Particles and Modal System]. Hefei, Anhui jiaoyu chubanshe [Anhui Education Press], 2002. 323 p.
12. Wen Suolin. Hanyu zhong de yuqi yu qingtai [Chinese Mood and Modality]. Nankai yuyanxue kan [Nankai Linguistics], 2013, no. 2, pp. 21–29.
13. Sun Rujian. Yuqi he kouqi yanjiu [Study of Modality and Tone]. Beijing, Zhongguo wenlian chubanshe [China Federation of Literary and Art Circles publishing House], 1999. 306 p.
14. Sun Rujian. Yuqici kouqi yiyi de fenxi fangfa [Method of Analysis of the Tone Meaning of Modal Particles]. Nantong daxue xuebao, Shehui kexue ban [Journal of Nantong University, Social Sciences Edition], 2006, vol. 22, no. 5, pp. 84–89.
15. Xiandai hanyu [Modern Chinese] / Ed. By Chinese Teaching and Research Section of Chinese Department of Beijing University. Reprinted with corrections, Beijing, Shangwu yinshuguan [Commercial Press], 2012. 510 p.
16. Zhang Bin. Xinbian xiandai hanyu [Modern Chinese. New Compilation]. Shanghai, Fudan daxue chubanshe [Fudan University Press], 2002. 582 p.
17. Zheng Lijie. 21 tian zhengfu xin HSK gaoji yufa [To Conquer New HSK in 21 days. Advanced Grammar]. Beijing, Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe [Foreign Language Teaching and Research Press], 2012. 297 p.

Библиографическое описание статьи

Симатова С. А., Науменко С. В. Проблема разграничения категорий *情态*, *语气* и *口气* в современном китайском языке // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 111–119. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-111-119.

Reference to article

Simatova S. A., Naumenko S. V. The Problem of *情态*, *语气* and *口气* Categories Differentiation in Modern Chinese // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 111–119. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-111-119.

УДК 811.161.1:811.581.11
ББК 81.411.2:81.711

Чжао Сяобин,
доктор литературы, доцент,
Сычуаньский университет иностранных языков
(400031, КНР, Чунцин, ул. Жуангжи, 33),
e-mail: zhaorb50@sohu.com

К вопросу о порядке слов в русском и китайском языках: трансформации при переводе¹

В данной статье представлена проблема варьирования порядка слов в русском и китайском языках при осуществлении перевода. Поднимается вопрос о степени свободы семантической сочетаемости в простых предложениях в разных языках. Обсуждается семантическая, стилистическая и коммуникативная мотивированность, а также степень ответственности в случае сближения словопорядка и трансформации в случае его расхождения. В ходе исследования используется сопоставительный метод (анализ переводов), а также методы прямого и непрямого переключения. Результаты исследования показывают, что даже в ситуации сближения словопорядка, при адекватном переводе на китайский язык, необходимо использовать вспомогательные средства (служебные слова, добавочная лексика, уточнение интонационного рисунка). В случае расхождения словопорядка осуществлять трансформационный перевод в соответствии с языковыми нормами двух языков.

Ключевые слова: порядок слов, трансформационный перевод, семантическая сочетаемость, языковая обусловленность

Zhao Syaobin,
Doctor of Literature, Associate Professor,
Sichuan International Studies University
(33 Zhuangzhi st., Chongqing, 400031, China),
e-mail: zhaorb50@sohu.com

On the Issue about the Order of Words in Russian and Chinese: Transformations in Translation²

This paper discusses word order change in Russian and Chinese while translating. There is a freedom degree of semantic collocation in a simple sentence in different languages. It discusses semantic, rhetoric and communicative motivation of the word change and analyzes correspondence-translation in similar word order and transformation translation in different word order. The research results show that aids (function words, add words, tone of voice) are often used in equivalence translation into Chinese in similar word order, and there will be a translation transformation in different word order according to the bilingual specification.

Keywords: word order, transformational translation, semantic compatibility, language conditionality

Порядок слов – это важный аспект перевода, он касается расположения членов предложения, имеющих синтаксическое, смысловое и стилистическое значение для конкретного предложения и в целом текста. Л. А. Черняховская утверждает, что в высказывании имеются формально-грамматическая и информационная структуры, которые сосуществуют в высказывании и являются некой основой друг друга [3, с. 14–42]. По мнению исследователя, информационная структура высказывания – это структура со-

держания, заключённого в высказывании, структура, выражающая семантические отношения между смысловыми группами. Информационная структура обладает своим постоянным средством выражения – семантическим словопорядком, то есть определённым расположением смысловых групп. Именно семантический словопорядок, т. е. подобный принцип словопорядка в русском и английском языках, составляет основу переводческой модели [9, с. 386–387].

¹ Данная статья выполнена в рамках национального проекта фонда общественной науки КНР (13BY163).

² 该文为作者所承担的中国国家社科基金项目 (13BY163) 的阶段性成果.

Очевидно, что в переводческой деятельности необходимо учитывать семантический словопорядок оригинала. В переводе воспроизводится информационная структура, поэтому она может быть репрезентирована иным синтаксисом, чем в исходном языке. Великий китайский монах и теоретик перевода Даоань говорил о возможности даже обратного словопорядка исходного текста, например, при переводе буддийского текста на китайский язык. Русский исследователь Л. С. Бархударов в своей монографии «Язык и перевод» предложил теорию перестановки (или перестройки) при переводе. Он заметил, что перестановка как вид переводческой трансформации – это изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементами, способными подвергаться перестановке, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения (*clauses*) и самостоятельные предложения в канве текста [1, с. 191]. Перестановка обусловлена различиями двух языков, провоцирующих межъязыковое преобразование и исключающих буквальный перевод. Го Можо пишет: «Слово или высказывание в оригинале по мере возможности сохраняется при переводе, но не «смертно» переводится, а свободно двигается вперед или назад, с использованием синтеза или анализа, но без потери искомого значения» [7, с. 331]. Различие двух языков делает перестройку словопорядка в переводе распространённым явлением, но вопрос о том, каким образом изменяется словопорядок при переводе с одного языка на другой, сегодня требует исследования. Не ясны механизмы совпадения и различия словопорядка при неизменном сохранении плана содержания в процессе преобразовании речевого произведения на русском языке в речевое произведение на китайском языке и наоборот. Перед нами стоит задача: провести анализ порядка слов, имеющего принципиальное значение при переводе, в русском и китайском простых предложениях, группе предложений и в целом в тексте.

1. Словопорядок в русском и китайском простых предложениях: семантическая и стилистическая мотивированность, коммуникативная целесообразность.

В китайском простом предложении словопорядок имеет установленные правила и напрямую не связан с желанием говорящего. Например, можно сказать «我做作业», но нельзя сказать «作业做我», однако можно использовать конструкцию «我把作业做了», «作业我

做了». Ещё один пример: китайские предложения «他喜欢她» и «她喜欢他» имеют разную смысловую нагрузку, семантический словопорядок изменяется не свободно, строго закреплены расположения подлежащего и дополнения (объекта). В простом предложении в китайском языке, как правило, используется следующий порядок слов: подлежащее + предикат (сказуемое + дополнение), поэтому синтаксическая норма есть «подлежащее + сказуемое», неправильный словопорядок – «сказуемое + подлежащее».

Нормы словопорядка принципиально важны для синтаксиса китайского языка, в котором отсутствует морфология слова в строгом смысле. Так, в простом предложении «我吃饭» мы наблюдаем естественный словопорядок, а «我把饭吃了» и «饭(被)我吃了» – это аномальный словопорядок с соответствующим подчёркиванием и стилистическими акцентами. Изменение словопорядка в простом предложении влияет на его причинно-следственные связи и значение, а выбор словопорядка осуществляется в соответствии с контекстом.

В русском языке конструирование высказывания при сохранении исходной семантики обеспечивается благодаря изменению окончания слова. Так, возможна перестановка подлежащего и дополнения, но с использованием соответствующего падежа. Например, русский язык может позволить себе вариатив простых предложений: «я читаю книгу», «книгу я читаю», «читаю книгу я», «я книгу читаю», «книгу читаю я», «читаю я книгу». В данных примерах порядок слов определяет нюансы смыслов, важных для говорящего. В русском языке нормой является словопорядок «сказуемое + подлежащее», а в китайском такой словопорядок, как правило, не используется. Конечно, можно взять указанные простые предложения на русском языке и перевести их буквально на китайский, но в результате мы можем получить смещение искомого значения и ошибочный перевод. Например, буквально и неверно можно перевести на китайский язык фразу «читаю книгу я» – «读书我», также «читаю я книгу» – «读我书».

«В русском языке для подчёркивания сказуемого можно поставить его в начале предложения, тогда логическое ударение падает на сказуемое. Для подчёркивания подлежащего можно поставить его в конце предложения, тогда логическое ударение падает на подлежащее. Получится предложение с обратным порядком слов» [11, с. 524]. Например: «Вывели лошадей. Не понравились

они мне» (Тургенев); «Пойдёмте тише. Задыхаюсь я» (Павленко).

Могут ли быть переведены данные два предложения на китайский язык в соответствии со словопорядком русского языка? Возникают языковые затруднения, потому что в китайском языке принято использовать словопорядок «подлежащее + сказуемое», а словопорядок «сказуемое + подлежащее» не соответствует нормам китайского языка.

В русском языке ключевое значение имеет окончание знаменательного слова, благодаря чему выражается синтаксическая связь между словами. При этом возможно гибкое изменение словопорядка в простом предложении, что приводит к смене стилистической окраски при одновременной неизменности семантики. Для нас очевидно, что в китайском языке словопорядок играет более важную роль, нежели в русском. Но одновременно он коннотативно принципиально важен для русского языка. Китайский русист Zhang Huisen говорит: «В русском языке различные компоненты различных предложений всё ещё занимают своё обычное и привычное положение. Изменение словопорядка часто вызывает стилистическое изменение в большей или меньшей мере. В некоторых случаях изменение словопорядка вызывает существенное изменение синтаксической связи и вызывает изменение смысла предложения» [11, с. 521].

Несомненно, в русском и китайском языках словопорядок связан с семантикой, поэтому на него переводчик должен обратить особое внимание. С точки зрения стилистики, в русском и китайском языках существует нормальный и обратный (инверсивный, аномальный) словопорядок. С точки зрения устной коммуникации (общения), в русском и китайском языках выделяют тему и рему предложения, разный словопорядок связан с различной коммуникативной ценностью. Именно это и является семантико-стилистика мотивацией при разрешении вопроса словопорядка в русско-китайском переводе.

2. Перевод простого предложения с использованием определённого порядка слов в русском и китайском языках.

Мы отметили, что в русском и китайском языках наблюдаются как совпадение, так и расхождение в использовании того или иного порядка слов, при совпадении осуществляется соответствие-перевод, а в случае расхождения норм осуществляется трансформационный перевод. Рассмотрим разные варианты перевода.

В случае совпадения словопорядка несколько облегчается работа по поиску плана выражения и плана содержания. Как правило, мы пытаемся изменить словопорядок русского простого предложения и делаем соответствующий перевод на китайский язык:

Тигр кусает (кусал) прохожего.

老虎咬行人。

Нормальный словопорядок отвечает на вопрос «что случилось?»:

Тигр прохожего кусает (кусал).

老虎把行人咬。

Обратный (аномальный) словопорядок отвечает на вопрос «кого кусает тигр?»:

Прохожего кусает (кусал) тигр.

行人竟然被老虎咬。

Ещё один вариант обратного словопорядка выражает неожиданность происходящего, отвечает на вопрос «кто прохожего кусает?»:

Прохожего тигр кусает (кусал).

行人, 老虎竟然把他给咬了。

Другой словопорядок отвечает на вопрос «что происходит с прохожим?»:

Кусает (кусал) тигр прохожего.

老虎竟然把行人咬。

Ещё один словопорядок выражает удивление, подтверждение неожиданности ситуации, отвечает на вопрос «тигр кусает прохожего?»:

Кусает (кусал) прохожего тигр.

咬行人的是老虎。

Из указанных предложений только в первом используется нормальный порядок слов, все остальные предложения являются аномальными по стилистическим и иным причинам. Русский словопорядок изменяется, сохраняя основную семантику предложения: «тигр кусает прохожего». Разница словопорядка подчёркивает нюансы стилистической окраски и смысловые акценты, обусловленные контекстом происходящего и соответствующими коннотациями (переживаниями случившегося). В русском языке словопорядок автономно выражает желание говорящего, семы языковой личности, а в китайском простом предложении желания репрезентируются с помощью служебных слов.

Морфология русского языка не только указывает на синтаксическую связь, но и имеет семантическую ценность, может демонстрировать различное временное значение: прошлое, настоящее и будущее, а в китайском языке слова не наделены грамматической категорией времени, что значительно затрудняет процесс перевода исходного текста.

И, наоборот, при русско-китайском переводе ресурсы русского языка позволяют переводчику чувствовать себя гораздо свободнее. Русское предложение более гибкое и разнообразное, морфология русского языка позволяет достигнуть максимальной семантической, стилистической и коммуникативной эквивалентности. Порой наши переводчики испытывают восхищение возможностями русского языка, формальная экспрессивность китайского языка значительно уступает русскому.

Русский словопорядок репрезентируется в китайском переводе не только с помощью служебных (дополнительных) слов, но и с помощью ударения и интонации. Выбор типа китайского предложения осуществляется в зависимости от контекста или определённого типа предложения (пассивного, активного и др.).

К вопросу выбора словопорядка переводчик должен относиться осторожно и внимательно. Дао Ань писал: «Перевод осуществляется совсем в обратном порядке с исходного языка на китайский язык [“梵语 (胡语) 尽倒”]». Это поверхностное мнение, хотя и небезосновательное. Geoffrey Leech, который глубоко исследовал стилистику, делает акцент на эстетической функции словопорядка даже в случае, когда речь идет о семантике, подчёркивая, что разный словопорядок имеет разную коммуникативную ценность [8, с. 136].

Игнорирование переводчиком важности порядка слов в предложении провоцирует возможность отклонения от исходного значения в разных типах текста. «В русской прозе словопорядок книжного языка относительно требовательный, а в русской поэзии словопорядок относительно свободный, разговорная речь гораздо гибче в расположении слов, и это стало средством подражания стилистики в книжном языке» [10, с. 575].

Не только словопорядок главных членов простого предложения влияет на его семантику, но и словопорядок второстепенных членов (определение, дополнение) влияет на синтаксическую взаимосвязь и появление тех или иных смыслов:

Выступавший у нас артист вчера уехал.

在我们这儿演出的一位演员昨天走了 [11].

Вчера выступавший у нас артист уехал.

昨天在我们这里演出的一位演员已经走了 [11].

Русский и китайский языки имеют свои нормы, но дифференциация значения проявляется в словопорядке членов простого пред-

ложения. Чэнь Готин утверждал, что изменение словопорядка в русском предложении вызывает изменение семантики и коммуникативной функции, что характерно и для китайского предложения, поэтому можно говорить о некотором соответствии типов предложений в этих двух языках [5, с. 72]. В китайском языке в зависимости от разной презумпции, разной темы, разной коммуникативной функции, разной структуры могут образовываться различные типы предложений, которые, однако, предоставляют ограниченные возможности для выражения изменения русского словопорядка (одновременно и изменения коммуникативной функции) [5, с. 181–2].

Кроме того, на примере определённых расположенных подлежащего, сказуемого, определения, дополнения (объекта), обстоятельства читатель может попытаться сопоставить русское и китайское предложения, чтобы выявить специфику словопорядка в наших языках:

没有包月，他就拉整天，出车早，回来的晚，他非拉过一定的钱数不收车，不管时间，不管两腿。（老舍，《骆驼祥子》）。

«Когда не было постоянной работы, возил кого придётся. *Выкатывал коляску рано, возвращался поздно*, не жалея ног, бегал до тех пор, пока не набирал определённой суммы» [2, с. 33].

祥子的拼命，早出晚归，当然是不利于他（指刘四爷）的车的。（老舍，《骆驼祥子》）。

«Сянцзы работал, не щадя сил, *выезжал рано, возвращался поздно*, а это не шло коляскам на пользу» [2, с. 51].

Китайские выражения “出车早，回来的晚” и “早出晚归” имеют одинаковый смысл, но разный словопорядок. Писатель Лао Шэ ищет синонимичное выражение в китайском языке с целью отражения языковой экспрессивности. В русских переводах в рамках стилистического эффекта используется одинаковый словопорядок, в целях акцентуации и подчёркивания вводится обстоятельство и несколько гармонично расположенных предикатных глаголов, что делает предложение экспрессивно живым и коннотативно сильным.

Конечно, каждому языку свойственна особая система грамматики, что, с одной стороны, несомненно, мешает адекватному переводу, но, с другой стороны, позволяет переводчику использовать различный языковой инструментарий; например, в китайском языке апеллировать к служебным словам и интонации, в русском – к богатой морфоло-

гии [6, с. 84–86]. Отсутствие грамматической категории не означает бедность языка. Так, Р. Якобсон писал, что «языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено» [4, с. 16–24]. Морфология русского языка демонстрирует свободное изменение словоупотребления и стилистическое его использование, китайский язык отличается живостью, образностью, разнообразием служебных слов, он не только выражает семы, но и передаёт дух речи. Конечно, каждое произведение оценивается в целом, а не в частях, хотя одновременно важна каждая часть этого целого. Последнее утверждение имеет отношение, в том числе, к трансформационному переводу.

3. Трансформационный перевод при несовпадении словоупотребления.

В русском и китайском языках имеются предложения модели «подлежащего + сказуемого», которые, как правило, не составляют особой трудности при переводе. Более сложная ситуация возникает при трансформационном переводе, который предполагает перестройку синтаксической структуры предложения и лексико-грамматическую трансформацию. Разберём русские простые предложения и их китайские переводы с точки зрения разницы словоупотребления подлежащего и сказуемого:

«Вывели лошадей. Не понравились они мне» (Тургенев).

马牵出来了, 都没中我的意 [11].

«Пойдёмте тише. Задыхаюсь я (Павленко)».

咱们慢点儿走吧, 我连气都喘不上来了 (喘不上气呀) [11].

В русском предложении сказуемое поставлено в начале с целью подчёркивания его значения, в китайском переводе опущено и не переведено подлежащее или использовано предложение модели «подлежащего + сказуемого». Чтобы репрезентировать истинные семы подлинника, используется трансформационный перевод, поскольку в китайском языке обратный словоупотребление «сказуемое + подлежащее» практически не встречается.

«Повизгивали медные колёсики, скрипел пол, гулко бухал барабан» (М. Горький «Дело Артамоновых»).

小铜轮子吱吱地叫, 地板嘎嘎地响, 大鼓咚咚地敲 (汝龙译)。

«Ветром, зеленью и морем шумело лето» (К. Паустовский).

夏天里风、树木和大海都在喧嚷 [5, с. 184].

«Поёт море, гудит город, ярко сверкает солнце, творя сказки» (М. Горький).

大海在歌唱, 城市在轰鸣, 太阳在明亮地闪烁, 创造着连篇的童话 [5, с. 185].

В русском языке принято использовать активный словоупотребление, когда сначала ставится сказуемое, а потом подлежащее. Из-за отсутствия подобной морфологии в китайском языке переводчики прибегают к трансформационному переводу. Например, русское предложение «наступило лето» обычно переводится на китайский язык «夏天到了».

Возьмём также несколько предложений из романа «Верблюд» Лао Шэ и посмотрим их русские переводы с целью наглядной демонстрации разницы словоупотребления между китайским и русским языками:

“怎么办呢?”老头子指着那些钱说。(老舍, «骆驼祥子»)。

«Что думаешь с этим делать?», – спросил Лю Сые, указывая на деньги» [2].

«В русском языке авторская речь находится после прямой речи или посередине прямой речи, подлежащее авторской речи всегда находится после сказуемого» [11, с. 524], а в китайском языке, наоборот, используется словоупотребление «подлежащее + сказуемое». В таком случае русское добавочное действие (деепричастный оборот) «указывая на деньги» находится после главного «спросил», то есть образовался словоупотребление «сказуемое + подлежащее + обстоятельство», в китайском же языке обычно используется словоупотребление «подлежащее + обстоятельство + сказуемое».

Китайские и русские бытийные предложения соответствуют друг другу и используют обратный порядок. В китайском языке, если важна сема «что делает субъект», субъект обязательно находится впереди глагола.

刘四爷的大圆眼在祥子身上绕了绕, 什么也没说。祥子戴着新草帽, 走在他对面。(老舍, «骆驼祥子»)。

«Большие круглые глаза Лю Сые испытующе оглядели Сянцзы, от тапочек до новой соломенной шляпы, но старик ничего не сказал...» [2, с. 46].

«Если имя существительное ограничивает несколько определений с использованием различных частей речи, то используется в основном следующий словоупотребление: местоимение + число + прилагательные свойства + прилагательное отношения + определяемое слово» [11, с. 524]. Данный словоупотребление применим как для русского, так и для китайского языков, например, китайское сло-

восочетание “他的一双大圆眼睛” переводится на русский язык «его большие круглые глаза». Но китайское словосочетание “刘四爷的一双大圆眼” переводится на русский язык «Большие круглые глаза Лю Сые». Лю Сые находится в конце в качестве подчёркивания семы «несоответствия», а русский вариант этого словосочетания переводится ещё в обратном режиме на китайский язык: “一双大圆眼睛, 刘四爷的”. Это резко отличается от китайского словосочетания “刘四爷的大圆眼”. В простом предложении между двумя языками существует интересное соответствие и некая разница словопорядка. Перевод осуществляется в соответствии с нормами двух языков, в поисках совпадения смыслов; переводчик должен проявить двуязычную способность вновь написать текст, соответствующий нормам языка перевода. Например, 他自己年轻的时候, 什么不法的事儿也干过。(老舍, 《骆驼祥子》).

«В молодости он сам занимался всякими тёмными делишками» [2, с. 47].

祥子自己可并没轻描淡写的随便忘了这件事。(老舍, 《骆驼祥子》).

«Однако сам Сянцзы не мог так легко и быстро забыть обо всём случившемся» [2, с. 49].

В китайском предложении “自己”, или “本人”, или “本身” расположено в единственно возможном словопорядке лишь после личного местоимения и имени, а русское слово «сам» находится рядом с существительным и личным местоимением, но может вполне

менять место расположения. В случае, когда русское *сам, самый* находится в начале, его использование отличается от норм китайского языка:

Верните эту книгу *самому* Петру Ивановичу.

把此书还给彼得·伊万诺维奇本人。

Сам его приезд уже означает примирение.

他的到来本身就表示和解。

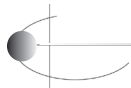
Таким образом, словопорядок семантически, стилистически и коммуникативно мотивирован, встроено в контекст информационной структуры (словопорядок – тема – рема) предложения. В русском и китайском языках словопорядок простого предложения в некоторой степени соотносим, что обусловлено универсальностью мышления человека. Это предоставляет возможность осуществлять перевод-соответствие (в том числе с использованием необходимых вспомогательных средств: добавление слова, служебные слова, интонации). Однако нормы словопорядка в русском и китайском языках имеют свои отличия, что усложняет работу переводчика, требуя соблюдения чётких правил и принципов перевода, и провоцирует многочисленные интересные языковые изменения, которые должны стать предметом пристального научного исследования. Важным также представляется изучение вопроса о словопорядке при переводе больших единиц предложений, групп предложений (сверхфразовых единств).

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Лао Шэ. Избранное: сб.: пер. с кит. М.: Прогресс, 1981. 512 с.
3. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976. 264 с.
4. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
5. 陈国亭, 俄汉语对比句法学 [M], 上海外语教育出版社, 2014年。
6. 高名凯. 高名凯文集 (叶文曦 编选) [C], 北京: 北京大学出版社, 2010年。
7. 罗新璋. 翻译论集[C], 北京: 商务印书馆, 1984年。
8. 王东风, 连贯与翻译 [M], 上海: 上海外语教育出版社, 2009年。
9. 吴克礼主编, 俄苏翻译理论流派述评 [M], 上海外语教育出版社, 2006年。
10. 信德麟等. 俄语语法 [M], 北京: 外语教学与研究, 2001年。
11. 张会森. 当代俄语语法学 [M], 北京: 商务印书馆, 2010年。

References

1. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s.
2. Lao She. Izbrannoe: sb.: per. s kit. M.: Progress, 1981. 512 s.
3. Chernyakhovskaya L. A. Perevod i smyslovaya struktura. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. 264 s.
4. Jakobson R. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike. M., 1978. S. 16–24.
5. 陈国亭, 俄汉语对比句法学 [M], 上海外语教育出版社, 2014年。
6. 高名凯. 高名凯文集 (叶文曦 编选) [C], 北京: 北京大学出版社, 2010年。

7. 罗新璋. 翻译论集[C], 北京: 商务印书馆, 1984年。
8. 王东风, 连贯与翻译 [M], 上海: 上海外语教育出版社, 2009年。
9. 吴克礼主编, 俄苏翻译理论流派述评 [M], 上海外语教育出版社, 2006年。
10. 信德麟等. 俄语语法 [M], 北京: 外语教学与研究, 2001年。
11. 张会森. 当代俄语语法学 [M], 北京: 商务印书馆, 2010年。

Библиографическое описание статьи

Чжао Сяобин. К вопросу о порядке слов в русском и китайском языках: трансформации при переводе // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 120–126.

Reference to article

Zhao Syaobin. On the Issue about the Order of Words in Russian And Chinese: Transformations in Translation // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 120–126.

Статья поступила в редакцию 20.11.2015

УДК 811 : 002. 703.0

ББК 80 : 76.120.8

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-127-136

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Маркёры русской культуры в современном медиатексте

В статье на основе многолетней работы по лингвокультурологическому анализу медиатекста выявлены ключевые маркёры русской культуры, закреплённые в концептуальном дискурсе СМИ, которые указывают (маркируют) на ключевые признаки, установки и семы отечественной культуры.

Маркёры есть своеобразные носители национальной памяти народа, они являются идеальным объектом, аккумулируют культурные коды и раскрывают специфику типических коллективных переживаний. Областью их локализации выступает национальная модель мира языковой личности автора медиатекста. Маркёры формально изменчивы, но одновременно они глубинно чрезвычайно устойчивы.

Сфера маркирования отчётливо проявляет себя в смысловом медиатексте, имеющем либо проблемно-тематическую композицию, либо идейно-концептуальную. В процессе исследования удалось выявить следующие типы маркёров: 1) когнитивные (или концептуальные); 2) аффективные (энергемы), отражающие распространённый спектр чувств носителя культуры; 3) сценарные (нарративы); 4) знаковые (символы); 5) пространственно-временные (континуум).

Сценарные маркёры разворачивают в определённом композиционном режиме ядерные семы культуры. Наиболее ярко проявляют себя следующие архетипические сюжеты: 1) «Падения и Восстания»; 2) нарратив «Восток – Запад», в рамках которого своеобразие нашей жизни осознаётся через антитезу Западу; 3) сюжет «Масленицы» структурирует доминирующую медиатопику и отражает игровую парадигму мышления авторов.

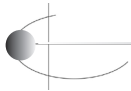
Маркёры поддерживаются фоновыми знаниями адресанта и адресата, и, несмотря на элитарность интерпретации, задействуют смыслы прототекста, априори актуального и востребованного массовым потребителем.

Ключевые слова: маркёры русской культуры, национальная модель мира, национальные ценности, медиатекст, языковая личность, репрезентация

Irina V. Erofeeva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Markers of Russian Culture in Modern Media Text

Many years of work on linguocultural analysis of media text allowed the author to reveal the key markers of Russian culture used in conceptual mass media discourse that mark the key features, objectives and semes of Russian culture.

Markers are peculiar bearers of people's national memory, they are ideal objects that accumulate and reveal the specific features of typical collective experiences. A national model of the media text author's linguistic identity world is the sphere of their localization. Markers are formally variable, but at the same time they are mostly very stable.

Marking sphere distinctly shows itself in meaningful media text, which has either problem-thematic composition or idea-conceptual one. The following types of markers have been determined during the study: 1) cognitive (or conceptual); 2) affective (energems) reflecting the wide range of culture bearer's feelings; 3) scenic (narrative); 4) sign (symbols); 5) spatial-temporal (continuum).

Scenic markers display nuclear culture semes in a certain composition regime. The following archetypal plots are the most vivid: 1) "Rise and Fall"; 2) "East-West" narrative in terms of which peculiarity of our life is realized through the West antithesis; 3) story of "Maslenitsa" structures a dominating media topic and reflects a play paradigm of the authors' thought.

Markers are supported by addresser' and addressee' background knowledge and, in spite of interpretation elitism, involve prototext meanings a priori topical and requested by a mass consumer.

Keywords: markers of Russian culture, national model of the world, national values, media text, peculiarity, representation

Медиа́текст в силу своих сущностных характеристик транслирует идеалы и культурное наследие поколений. Он способен тиражировать ценности, и специфика аксиологической социорегуляции зависит от канала коммуникации, жанровой принадлежности текста, его технологического и креативного инструментария. В эпоху рынка и геополитической информационно-психологической войны проблема ценностного содержания массмедиа выходит на первый план и становится компонентом национальной безопасности страны. Текст СМИ есть способ хранения, передачи, а также трансформации ценностей нации.

Методология вопроса (Methods). В процессе творческой деятельности автор медиа́текста объединяет две стихии – духовную и физическую. Когнитивные возможности и ментальные представления творца поддерживаются градусом его таланта и паттернами поведения. Медиа́текст вбирает индивидуальное и коллективное сознание, с одной стороны, автор демонстрирует возможности своего личностного потенциала, с другой стороны, автор репрезентирует модели национального мировидения. Автор апеллирует словом, а язык есть когнитивный, познавательный инструмент, в котором закреплены результаты ментальной деятельности человека и основные коды культуры. С помощью языка человек воспринимает мир и отражает его. Обработывая фактуру, автор использует фоновые знания, которые являются результатом многовековой истории России. И именно «коллективное знание – отмечает А. А. Залевская, – задаёт те ориентиры, в соответствии с которыми продуцент текста придаёт последнему определённую структуру» [7, с. 353].

В. И. Карасик утверждает, что в структуре языковой личности особое место принадле-

жит ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры [9, с. 166]. Духовные ценности, отражающие сущность аксиологии культуры, закреплены в национальной модели мира языковой личности – в системе понятийных схем и вербализированных представлений-оценок о собственном «Я» и окружающем мире. В процессе текстопостроения языковая личность, как субъект медиа́текста в действии, активно воспринимает, продуцирует и преобразовывает информацию. Руководствуясь в своей мыслительной деятельности национальной моделью мира, творец селекционирует признаки действительности, интегрирует весь массив воспринимаемого, случайные признаки отсеиваются, воспринимаются и осознаются лишь наиболее близкие (конгруэнтные) и информативные для носителя определённой культуры.

Духовные ценности культуры хранятся на глубинном уровне общественного сознания, будучи системообразующей (а не динамической) частью российского менталитета, они генетически устойчивы и являются не только необходимым основанием творческой деятельности автора, но и универсальным фактором интереса для российской аудитории. Духовные ценности центричны, они непосредственно встроены в культуру, адекватная их интерпретация в медиа́тексте заряжает его необходимой энергией, и чем дальше «концентрические круги от брошенного камня», тем они слабее [8, с. 10]. Заинтересованный читатель/слушатель/зритель предпочитает вступить в диалог, он, в первую очередь, предполагает общение, а не познание. Усвоение необходимой человеку фактуры вторично, оно невозможно без понимания текста, эффе́ктивное восприятие медиа́про-

изведения претендует на диалог с автором, который начинается внутри себя, внутри личности адресата. Мы погружаемся в диалог, когда есть совпадение с ментальным миром автора, и, соответственно, когда текст нам конгруэнтен. Через текст «Я» принимает и понимает «Другого», запускает текст «Другого» в себя. Ю. Боров рассматривает интерпретацию как «устранение дистанции между автором и реципиентом... Интерпретатор выступает как своеобразный культурный медиум» [3, с. 347–348].

В течение ряда лет мы проводим лингвокультурологический анализ медиатекста различных типов, полученные результаты позволяют говорить как о трансформации духовных ценностей в современных СМИ, обусловленной преимущественно влиянием внешних факторов политического и социального характера, так и об адекватной репрезентации этих ценностей [7]. Обобщая итоги многолетней работы, удалось выявить ключевые маркёры русской культуры, закреплённые в концептуальном дискурсе СМИ, которые указывают (маркируют) на ключевые признаки, установки и семы отечественной культуры.

Культурные маркёры являются своеобразными носителями национальной памяти народа, аккумулируют культурные коды и раскрывают специфику, если использовать терминологию Г. Г. Шпета, «типических коллективных переживаний» [17].

Каждому народу свойственны определённые идеи – видения, интуиции, схемы, модели, в которых он представляет все явления его жизни, поэтому маркёры являются идеальным объектом. Областью их локализации выступает сознание человека, национальная модель мира языковой личности автора медиатекста. Маркёры формально изменчивы, но одновременно они глубинно чрезвычайно устойчивы, поэтому позволяют понимать, принимать, хранить и передавать аксиосферу национальной культуры.

Следы маркирования, как правило, отчётливо проявляют себя в смысловом медиатексте, имеющем либо проблемно-тематическую композицию, либо идейно-концептуальную. Текст должен отражать «сюжет мысли» автора и глубинные связи смыслового пространства, необходима интерпретация фактуры, поэтому средствами репрезентации маркёров выступают факт-протофакт, факт-перспектива, факт-инобытие (смыслы и идеи текста).

Конечно, журналист рассказывает о реальном мире, об индивидуальном и непо-

вторимом, но одновременно он предлагает категориальную канву изложения событий. Объективный мир в медиатексте пропущен сквозь горнило интерпретации автора, текст демонстрирует самобытное отношение, расставление приоритетов языковой личности, которая руководствуется определёнными ментальными схемами и стратегиями.

В процессе исследования были выявлены следующие типы культурных маркёров: 1) когнитивные (или концептуальные); 2) аффективные (энергемы); 3) сценарные (нарративы); 4) знаковые (символы); 5) пространственно-временные (континуум).

Анализ. Обсуждение результатов (Discussion)

I. Когнитивные маркёры демонстрируют совокупность смыслов и всей суммы представлений о важных категориях человеческого бытия. В качестве когнитивных единиц медиатекста, концентрирующих духовные представления нации, выступают концепты как «единицы коллективного знания/сознания» (С. Г. Воркачев) и архетипы, позволяющие обрабатывать, хранить и передавать ментальную информацию, закреплённую в национальной культуре. Концепты имеют, в первую очередь, ментальную основу, а затем уже вербальное воспроизведение, они сталкивают словарное значение обозначающего слова с народным опытом человека. Среди ядерных концептов российского медиатекста наиболее активно представлены *правда/истина; свобода/воля; патриотизм (русская земля); соборность; власть; слава/успех; любовь*¹. Данные концепты отражают специфическое отношение к миру его носителей, демонстрируют национальные особенности

¹ Подробно см.: Ерофеева И. В. Концепт «успех – слава» в дискурсе современных СМИ // Русский язык: взгляд из-за рубежа: сб. ст. – М.: Старая площадь, 2009; Ерофеева И. В. Концепт «власть» в аспекте объективации модели «веры – недоверия» в медиатексте // Ментальность народа и его язык. Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сб. ст. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 278–284; Ерофеева И. В. Концепт «соборность» в пространстве современного медиатекста: проблемы репрезентации // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград, 2010. – № 2 (12). – С. 18–25; Ерофеева И. В. Двупольность концепта «любовь»: аспекты репрезентации в современном медиатексте // Смена парадигм в области гуманитарного знания: материалы междунар. науч.-практ. конф. сессии «XII Невские чтения». – СПб.: Изд-во Невского ин-та яз. и культуры, 2010. – С. 88–95; Ерофеева И. В. Когнитивная природа «свободы слова» в дискурсе современных СМИ // Журналист. Социальные коммуникации. – М., 2013. – № 4 (12). – С. 29–37; Ерофеева И. В. Правда и истина в пространстве современного медиатекста: дихотомия справедливости // Гум. вектор. – Чита, 2014. – № 4 (40). – С. 84–92 и др.

общения и деятельности людей. Концепт, как бытийно-культурное образование, отправляет нас к высшим духовным ценностям народа.

II. Аффективные маркёры (энергемы) обнажают «душевный строй» (Г. Лебон) и распространённый спектр чувств носителя культуры, раскрывают энергию коллективно-го сознания. Энергетическая природа современного медиатекста обусловлена своеобразием отечественной культуры, которой свойственно преобладание именно чувственной рефлексии: сердце, созерцание и совесть в национальной модели мира доминируют над волей, сухим анализом и жёсткой организацией. Так, С. А. Суценко среди основных свойств российского менталитета выделяет иррациональность/ эмоциональность, интуитивность, непредсказуемость поведения, мечтательность [15, с. 268].

Духовные формы существования нашей цивилизации определили доминирующий вектор переживаний русского человека, для которого осознание верхнего и нижнего, святого и скверного, небесного и земного стало константой мыслительных операций. Чеховский «звук натянутой струны» отражает своеобразную энергетическую ёмкость русского медиатекста, когда душевные метания медиатекстов не только укрепляют их в правоте своего дела, но и подталкивают самого автора бороться за справедливость, которая в его ментальных убеждениях «граничит с правдой и включается в когнитивное поле истины» [14, с. 10]: «Бесконечная история. В Чите пивной бар работает рядом с художественной школой» (Забайкальский рабочий. 2016. 10 марта); «Дороги нашей мечты. Когда в Забайкалье появятся трассы высокого класса? Никогда – язык не поворачивается сказать...» (Экстра. 2013. 11 дек.); «Включаем мозг. Популярный Интернет-агрегатор статистики о городах России «Градотека» продолжает резать статистическую правду-матку. Недавно Чите досталось на орехи в рейтинге «Безопасность»» (Эффект. 2014. 20 авг.); «Троцкисты подняли голову. Или кому мешают казахи патрули?» (Вечорка. 2015. 16 дек.). Борьба за правду в пространстве медиатекста не обходится без ярко выраженных экспрессивно-оценочных коннотаций: бесконечная история, включаем мозг, досталось на орехи и др. Подобный энергетический потенциал текста позволяет генерировать необходимые смыслы.

Если на весы симпатии положить с одной стороны расчётливость и чистый разум, а на другую сторону – особую душевность и страстность, россиянин отдаст предпо-

чтение голосу души и сердца. Крайности русского бытия концентрируют себя в чувственной дилемме: «всё или ничего» (вспомним у А. К. Толстого: «Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча, Коль рубнуть, так уж с плеча!»). Яркий эмоциональный фон мирозидения, «бытия на срыве» закрепился в паремиологическом комплексе русского языка: «Колотись, да бейся, а всё же надейся», «Сердце вещун, чует добро и худо», «Либо в стремя ногой, либо в пень головой», «Вечер плач, а заутре радость», «Живи, не тужи: помирёшь, не заплачешь», «Риск – благородное дело» и т. д. Языческая бесшабашность – отчаянная безвекторность поведения русского человека замешана на равнодушии и проистекает, как это не парадоксально, из томительного и требующего реализации желания духовных сомнений и скитаний.

Энергетический потенциал медиатекста сталкивает дихотомические ощущения потребителя. «В этом несоответствии природной реальности русского ментального пространства и духовных глубин христианского вероучения – тяжёлая мифологическая проблема», – замечает С. А. Глузман [5, с. 42]. Поэтому вполне оправдан тот факт, что в метатексте современных СМИ склонность российского сознания к духовной рефлексии пробуждается и усугубляется техниками сенсорного воздействия, в результате серьёзные социальные проблемы иногда тонут и растворяются в громких и впечатляющих эфирах: ток-шоу «Пусть говорят», «Мужское/Женское» (Первый канал), «Прямой эфир» (Россия 1), «Лолита» (НТВ) и др.

И. А. Ильин обращал внимание на особую культуру сердца, совести и чувства в России. Наш человек способен сочувствовать без гротесковой сентиментальности, жалеть и радоваться без «карнеговской улыбки» и театральных жестов. «В типической русской душе, – писал другой известный мыслитель Н. А. Бердяев, – есть много простоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест» [2, с. 155]. Не случайно, по итогам исследований [13, с. 241], российский потребитель отказывается положительно воспринимать преувеличенные восторги и клятвы в СМИ, не признаёт стилизации чувств и, соответственно, не верит в подобным образом рекламируемый товар.

III. Сценарные маркёры разворачивают в определённом композиционном режиме

ядерные семы культуры. В нарративе про-буждаются когнитивные модели – концепты и архетипы, а также энергетические ресурсы народной души.

Русская классическая литература всегда претендовала на изучение психической реальности человека (Лермонтов, Островский, Лесков, Достоевский, Толстой, Чехов, Пастернак и др.). Композиция русского текста психологична по своей сути, в центре повествования, как правило, оказывается душа – природа человека и многомерная структура личности. Лейтмотивом отечественной литературы выступает тема страдания как необходимости прозрения, лишь грех и плоды от древа познания достаются без усилий, а истина бытия требует внутренних действий и поступков. Авторы медиатекста, очерковых и проблемных материалов, портретных зарисовок имманентно воспроизводят русский психологический роман.

Порывы нашей души становятся предметом рассмотрения разных жанров, например, эссе: «Целую сто раз. Три слова, ради которых можно залезть на крышу и не бояться с неё упасть» (Огонёк. 2015. 25 мая); очерка: «Невостребованный талант. Кто помешал балерине Шелест стать мировой звездой» (АиФ. 2016. 26 февр.); памфлета «А с нами вот что происходит. Поэт Некрасов произнёс фразу, которую можно произносить в России регулярно, в любую эпоху и без малейшего шанса ошибиться: ...Бывали хуже времена, но не было подлей» (Новый вторник. 2016. 1 марта); и даже рецептов: «Пирог со смыслом. Когда б вы знали, из какого сора сочиняется весенний тарт на ужин» (Огонёк. 2015. 25 мая. С. 43).

Концептуальные тексты отечественных СМИ повествуют о психологических процессах жизни конкретного человека или нации – познавательных и рефлексивных, эмоциональных и волевых. Авторы медиатекстов тяготеют к рассказу о страданиях, поисках, сомнениях и идентификации своих героев. Так, актриса Валентина Титова признаётся читателям «АиФ»: «А я не хочу себя оценивать – всё-таки более 100 картин за плечами. Каким-то искусствоведам эти роли кажутся мелкими – да ради бога! Всё равно это был путь познания – мира, других людей, более совершенных, нежели я, умных, талантливых. Благодаря кино такой цветник я встретила – с ума можно сойти!» (АиФ. 2016. 24 февр.).

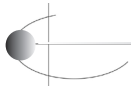
Ввиду неоднозначной современной политической ситуации и отношения в мире к России общность именно национальной судьбы

всё чаще обсуждается в информационном пространстве, как в рамках ток-шоу: «Вечер с Владимиром Соловьёвым», «Поединок» (Россия 1); «Право голоса» (ТВЦ) и других, так и в печатных СМИ: «Страна меняется, причём в лучшую сторону. Надо только потерпеть», – говорит известный актёр Константин Лавроненко в материале «Мы открыты миру» (АиФ. 2016. 17 февр.). На страницах «Российской газеты» писатель Захар Прилепин и литературный критик и публицист Лев Пирогов в споре о буржуазности писателей заметили: «В нашей стране столько событий произошло даже за последние десятилетия, что, может быть, в этом плане нам гораздо сложнее, чем другим. Но я вижу, что попытки найти себя, свой путь есть. Процесс идёт! Дай бог, в ходе этого процесса нам бы справиться с многочисленными ошибками прошлого» (Рос. газета. 2016. 4 марта).

Наиболее ярко в современных СМИ проявляют себя следующие архетипические сюжеты:

1. Парадигма «Падения и Восстания» встроена в композиционный рисунок очерковых материалов, в том числе очерковых фрагментов портретного интервью, репортажа, статьи, эссе. Именно архитектора очерка, идейно-концептуальный сюжет представления фактуры позволяет наиболее адекватно организовать процесс объективации полярных и обострённых экзистенциальных смыслов. Ключевая задача очерка – дать образное представление о людях, включённых в события эпохи, раскрыть сущность и смысл происходящего через внутренний мир героя, показав его жизнь в действии. Очерк обнажает ценности и мировоззрение человека сквозь призму выбора на жизненном пути. Жанр воссоздаёт образную картину действительности, и его публицистическое начало ожидается не только на фактах, принципы очеркового повествования тяготеют к обобщению фактического материала, к типизации реальности. Детализированная ситуация кризиса или катастрофы в жизни народа и конкретной личности, дающая возможность понять этот мир, пройти нелёгкий душевный путь через преодоления препятствий и очиститься от ненужной «шелухи бытия» – концептуальный аспект именно очеркового материала. Очерк «в образной форме исследует закономерности социально-нравственного бытия человека», – отмечает С. Г. Корконосенко [10, с. 164].

Медиагерои странствуют, ищут себя и свою дорогу, верное направление на жизненном пути, одерживают победу и ошибаются,

каждый по-своему ощущает пушкинский образ «телеги жизни» в её ценностно-смысловой ипостаси.

Мифологема Пути образует многогранное философско-концептуальное поле современного медиатекста. Путь – универсальный символ судьбы и самореализации. В толковых словарях закреплено одно из значений «пути»: «направление деятельности, развития чего-нибудь, образ действий»¹. Конструкт *Путь* предполагает ситуацию выбора, раскрывает внутренний потенциал личности, демонстрирует её суть, способствует самосовершенствованию человека.

Нравственный выбор между честью и бесстыдством, долгом и себялюбием, горним и дольным, подвигом и трусостью – центральная тема русского нарратива. Так, путь у Н. Гоголя – синоним необъятного. Е. Трубецкой пишет: «Беспредельное – не содержание, а форма национального существования. Чтобы найти Россию, надо преодолеть пространство... В поэзии Гоголя мы находим человека в борьбе с пространством. В этом – основная её стихия, глубоко национальный источник» [16, с. 324]. В произведениях И. Тургенева путь становится символом скитаний в поисках смысла жизни и вечных вопросов бытия: «с самого утра тащимся и никак доехать не можем»²; «теперь опять придётся мыкаться по свету»³.

Путник – центральная фигура на дороге жизни, ищущая себя в мечтах, делах, страданиях и победах. В пространстве медиатекста человек – действующее лицо. Б. Пастернак настаивал, что человек – «герой постановки, которая называется “история” или “исторические существование”... Человек реален и истинен, когда он занят делом... Каждый человек, каждый в отдельности единственен и неповторим. Потому что целый мир заключён в его совести. Потому, что в единстве идеи, в символе находит этот мир своё окончание и завершение» [12, с. 213–214]. В ракурсе указанных национальных акцентов в современном медиатексте предстаёт судьба человека, его поиск самого себя и истины через череду ментальных и эмоциональных событий. Духовный опыт героя интересен как автору медиатекста, так и адресату. Журналист Анна Хвостова в материале «Жизнь – дорога. У каждого человека есть своя мечта» аргу-

ментированно замечает: «Одни хотят стать обладателями миллиардов, другие грезят о власти, третьи готовы покорять горные вершины...» (Эффект. 2014. 20 авг. С. 21). Традиционное повествование в СМИ, как правило, структурировано русской Лествицей, которая раскрывает выбор жизненного пути человека, выявляя его подлинность в восхождении и падении: «Долгий путь Солженицына» (Комсомольская правда (далее – КП). 2016. 9 дек.); «Ложный путь к спасению» (КП. 2015. 10 марта); «Анна Семенович: Я прошла непростой путь к успеху» (КП. 2015. 4 нояб.). В интервью «Иногда лучше быть чутким, чем честным» актриса Наталья Портман признаётся: «Как часто – будучи актрисой – я наблюдала восхождение никому не известных художников и падение великих!» (Огонёк. 2015. 25 мая. С. 32). В статье «Мы писали по указке сердца» корреспонденты старейшей региональной газеты «Забайкальский рабочий» рассказывают о трудном пути советских журналистов, которые не только информировали читателей, а выражали «идеи и настроения, витавшие в общественной жизни Забайкалья» (Забайкальский рабочий. 2016. 10 марта. С. 12), высказывали свою позицию в жёсткой атмосфере авторитарной системы и порой в ущерб своей благополучной карьере. «Не все сходило с рук... За бойцовский характер преследовали журналистов “Забайкальского рабочего” и за пределами области», – пишет ветеран Тамара Пенягина (Там же. С. 13).

Очерковая логика изложения сюжета «Падения и Восстания» подразумевает преломление фактуры в свете личности героя и позиции автора медиатекста. Важен не факт сам по себе, а его видение, восприятие и интерпретация. Факт сублимирует в образ, либо в систему реальных образов (конкретных персонажей), либо в систему образов-понятий, позволяющих обогатить текст дополнительным «подводным», смысловым уровнем. Образ есть воспроизведение осознанного автором явления с помощью тех или иных материальных средств и знаков.

Так, актуальный медиадискурс о войне рассказывает аудитории о многочисленных героях. Один доброволец из Донбасса воюет, не имея пальцев: «Чтобы вести огонь из автомата, Лёха сначала придумал приспособление из верёвок. А потом научился обходиться без них. Сейчас он овладел навыками ведения огня из автомата Калашникова и ручного гранатомёта. Алексей немногословен. От него не услышишь историй о подвигах,

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры. – 3-е изд., стер. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 623.

² Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. – Минск, 1972. – С. 94.

³ Там же. – С. 83.

слов ненависти или злобы. Мечтает о мирной жизни» (КП. 2015. 24 июня). Несколько выпусков «Военной программы» А. Сладкова были посвящены добровольцам, «воюющим в Донбассе против украинских карателей», двум донецким комбатам Арсению Павлову и Михаилу Толстых (Военная программа. Россия 1. 2015. 4 апр.), ополченцу Олегу Тарутину (Военная программа. Россия 1. 2015. 18 апр.). Журналист, конструируя образ своих героев (одни – простые работяги, другой – врач «Скорой помощи» с 25-летним стажем), подчёркивает их самоотверженность. В лексико-семантическое поле образной системы включены такие качества как смелость, мужество, обострённое чувство справедливости и ответственности перед своими подчинёнными и мирными жителями. В подобных материалах проявляет себя художественное начало очерка, создающее убедительную картину действительности, характеры и явления типизируются, появляются обобщённые персонажи эпохальных событий, и текст перерастает в зрелищное и масштабное произведение. Специфика журналистского текста в совокупности с имманентной репрезентацией культурных кодов позволяет поддерживать национальную аксиому: «В Русской истории были святые и предатели, герои и преступники, творцы и обыватели, единственное, кого там не было – это правых и виноватых» [5, с. 325].

2. Сюжет «Масленицы» структурирует доминирующую медиатопику, демонстрирует проблематику информационных потоков, обуславливает содержание гедонистических текстов. «Масленица» не только воспроизводит особенности нашей смеховой культуры, но и отражает игровую парадигму мышления автора. Концептуальное поле Масленицы является частью карнавальной смеховой культуры России, объединяющей традиционные знаки «света и тьмы» и подчёркивающей дихотомию русской жизни, в нашей душе удивительным образом уживаются и поп и скорморох. Карнавальное пространство в русской литературе замкнуто на веселии, игре, плясках, шутках и сквернословии, как, например, в «Чертогоне» Н. Лескова и «Бесприданнице» А. Островского. В весёлом круге Лариса Огудалова бьётся как птица в клетке.

Современные авторы медиатекста часто стремятся уйти из со-бытия в со-блзн («блажь-дурь»). Масленица медиатекста проявляется в увлекательной сюжетной канве с весёлой относительностью предметов, в обилии масок и лиц, в анархической силе воль-

ного языка, в подробном описании шумного беспорядка жизни, где стёрты границы между добром и злом. Телевизионный эфир предлагает аудитории многочисленные масленичные форматы: «Вечерний Ургант», «Давай поженимся», «Подмосковные вечера» (Первый канал); «Кривое зеркало» (Россия 1); «Женская лига: парни, деньги, любовь» (ТНТ) и т. д. Карнавал затягивается, становится постоянным явлением, отодвигая на периферию некарнавальные формы жизни.

В креативном царстве Масленицы разграничение Нормы и Ненормы, подлинного и ложного, красоты и безобразия теряет свою чёткость: «Урулюнгуи тонет в бухле» (Вечорка. 2014. 14 июня), «Чита.ру легло под ИТАР-ТАСС» (Вечорка. 2015. 30 окт.); «Проблема бабла и зла» (Мужской журнал GQ. 2011. 24 февр.) – интервью с обилием низовой лексики. Сегодня популярны также провокационные рекламные слоганы и картинки: «Сосёт за копейки (Пылесос LG); «Дура ты! И коза твоя – дура» (Банк «Империал»); «Не будь лохом, оденься в ГУМе»; «Отдамся за копейки» (Эльдорадо); «Оближи шары» (Якитория. Японская кухня). Отсутствие и попираание табу и запретов опускает текстовое пространство до уровня чистой физиологии. Процесс создания медиатекста перерастает в «оргию творчества». М. Бахтин писал: «Игра – это мир-перевёртыш, инобытие, где жизнь разгрызает другую свободную (вольную) форму своего существования» [1, с. 263].

3. Актуальным и востребованным стал также **нарратив «Восток – Запад»**, в рамках которого своеобразие нашей жизни осознаётся, в первую очередь, через антитезу Западу. Пробуждаются известные идеи русской литературы (Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Пастернак и др.) о том, что «пропагандируемое западное пространство освоено, но останется всегда чуждым русскому человеку» [8, с. 85]. В тургеневском романе «Дворянское гнездо» смысл национальной русской судьбы раскрывается оппозицией Запад – Россия. Европейское образование и воспитание не повлияли на душу Фёдора Лаврецкого. В другом известном романе И. Гончарова европейский герой Штольц противопоставлен национальному типу Обломова, который живёт в мифологически-событийном времени, когда и «конца нет и смерти нет» [Там же. С. 97].

Жизнеутверждающее освоение собственной самобытности с одновременным жёстким противопоставлением чуждому и западному – популярная когнитивная точка

отсчёта многочисленных медиаматериалов разных каналов коммуникации: «Мне нравилось быть пышкой. Наталья Крачковская о славе, кино, любви: Это на Западе актёры хорошо устроены, им живётся легко – с их налаженным бытом. А я обычная» (АиФ. 2016. 3 марта); «Запад выбрал Россию в роли врага всерьёз и надолго» (КП. 2015. 1 июля); «Запад в тревоге и ревности» (КП. 2015. 12 мая); «И вновь холодная? Совсем недавно, выступая в Мюнхене, от «скатывания в новую холодную войну» между Россией и Западом предостерег премьер Д. Медведев. А может, мы действительно в эту войну уже скатились?» (АиФ. 2016. 5 марта); «Запад рискует получить шахматной доской по ушам» (Аргументы Недели. 2015. 11 июня) и др. Современный медиатекст отличается высокая номинативная плотность лексики с отрицательными коннотациями в отношении к Западу: чёрный список Запада, страны Запада негласно поддерживают терроризм, Запад нарушает свободы СМИ, ловкие дельцы Запада, европейские задворки, аморальный/циничный/агрессивный/ тлетворный Запад¹ и т. д.

4. Знаковые маркёры суммируют символические представления народа, выступают планом выражения для другого более ценного содержания, индексируют более обширный текст культуры. Знаковость человеческой культуры – всеобъемлющий феномен и некий мифологический базис для понимания специфики национального бытия. Любая страна имеет свою систему семиотических кодов. Знаковые маркёры работают как подсказка, определяют направление мысли, пробуждают уснувшие воспоминания представителя определённой культуры.

Знаковые маркёры отражают принцип генетической связи единого культурного кода, объективированного в символах и мифологемах. В памяти нации запечатлены люди-символы, события-символы. «Это всегда считанные люди и считанные события, – подчёркивает А. Панченко, – ведь символов не может быть много, как не может быть много гениев и нравственных заповедей. Иначе они обесценятся» [11, с. 201]. Восприятие и отражение мира невозможно без использования знаковых маркёров, цементирующих прошлое и настоящее и позволяющих почувствовать себя частью социума. Медиадискурс вербализирует актуальные символы нации, 70-летие победы в Великой Отечественной войне

стало информационным поводом для актуализации в медиатексте известных героев войны и основных событий Второй мировой.

Также в современной политической риторике активно эксплуатируется образ медведя, с которым традиционно ассоциируется русский человек. «Медведь – грозный, красивый, но медленный, – пишет Г. Г. Гачев, – ибо разум его – посланец меры в истине и красоте. В нём всё от центра, целого, гармонии». Душа «российского медведя» нараспашку, его стихия «воз-Дух», духовное пространство, в котором он – и странник, и солдат своего Отечества» [4, с. 415]. Данный образ настойчиво упоминается представителями власти, включён в атрибутику партии «Единая Россия» и часто фигурирует в аналитических материалах СМИ: «Генералы США хотят заработать на провоцировании России... НАТО слишком долго обнимались с русским медведем» (Взгляд. RU. 2016. 3 марта); «Я тот русский непобедимый медведь, про которого слагают легенды» (АиФ. 2016. 8 марта); «Русский медведь вновь на линии Маннергейма» (КП. 2015. 24 апр.); «США не могут запугать русского медведя» (Взгляд. RU. 2014. 28 апр.) и др.

5. Пространственно-временные маркёры подчёркивают вечные и неизменные ценности национального бытия. Каждая цивилизация выступает хранителем определённого континуума. Время и пространство – не элементарные измерения жизни, они воплощают экзистенциальное значение, особый путь народа. Временные и пространственные взаимоотношения неразделимы, их тесное слияние М. Бахтин называет хронотопом [1, с. 121]. Обработка времени и пространства осуществляется душой и сознанием человека, сформированными природой на генетическом и социальном уровнях.

Общий медиатекст репрезентирует пространственно-временные ипостаси жизни человека в России [подробнее см.: 6, с. 121–133]. Хронотоп СМИ, с одной стороны, объективирует исторически накопленный опыт осознания континуума русским человеком, с другой стороны, автор медиатекста раскрывает свои результаты познания и изучения времени и пространства, одновременно вступая в сферу смыслов и ценностей, что возможно, как отмечал М. М. Бахтин, «только через ворота хронотопа» [1, с. 290].

Г. Гачев представляет традиционную русскую культуру с помощью образа «Иван Грозный убивает своего сына», и этой укоренённостью в прошлом, утверждает исследователь,

¹ Результаты случайной (вероятностной) выборки 2015–2016 гг.: Российская газета, Взгляд.Ru, Аргументы Недели, Комсомольская правда, Аргументы и факты.

наша культура противостоит американской, которой ближе античный сюжет о царе Эдипе, убившем своего отца и женившемся на матери [4]. Прошлое манит русского человека, делает его самоотверженным защитником традиций, обеспечивает преемственность и единство национального культурогенеза. В современном медиапространстве вместе с вопросом идентичности остро переживается проблема преемственности, разорванности поколений – в унисон «звука лопнувшей струны» А. П. Чехова.

Газета «Взгляд» опубликовала статью «Другого места у нас нет», в котором Сергей Худиев отмечает: «Наше положение в истории цивилизации определяется решением, которое принял святой князь Владимир. Другого места у нас нет, и взять его неоткуда. Это – корни, и их нельзя поменять, можно только отрезать себя от них... Блудный сын вернулся в отчий дом не потому, что он впал в самодовольство, но ровно наоборот. Он понял, что погибнет, если не вернётся» (Взгляд. 2015. 10 сент.). «Российская газета» задаётся вопросом, почему «дети Интернета» начинают петь голосами деревенских старушек, и предлагает читателям материал «Свидание с корнями» (Рос. газета. 2016. 3 марта).

Газета «Эффект» в 2014 году инициировала проект «Неизвестная война», в рамках которого публикует материалы Второй мировой войны, «которую мы не знали или забыли», с пометкой «Отгремели торжества, посвящён-

ные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Но это совсем не повод забывать о героическом прошлом нашей страны» (Эффект. 2014–2016. № 11–31, 35–50 и др.).

Заключение (Conclusion). Результаты многолетнего исследования показали, что в современном концептуальном медиатексте интенсивно репрезентируются маркёры русской культуры, которые пробуждают национальную память и фокусируют внимание на ключевых культурах текста, способных передавать информацию от автора к потребителю на разных уровнях: когнитивном, эмоциональном, нарративном, знаковом и на уровне континуума. Несомненно, данная проблема требует дальнейшего изучения и детализации вопроса с использованием, в том числе, социологических методов исследования.

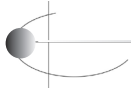
Маркёры отражают «диалект памяти» (Ю. Лотман) человека, обусловлены фоновыми знаниями адресанта и адресата, и, несмотря на элитарность интерпретации, задействуют смыслы прототекста (мифологического или первоначального текста культуры), априори актуального и востребованного массовым потребителем. Благодаря рассмотренным маркёрам медиатекст реализует культуронаследственную функцию, способен поддерживать плодотворное существование национальных ценностей в массовой коммуникации, заново породить русский мир и непрерывно транслировать аксиологию отечественного бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
3. Боров Ю. Б. Эстетика. П.: Политиздат, 1981. 399 с.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: АCADEMIA, 1998. 430 с.
5. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
6. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). 2-е изд., изм. и дораб. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.
7. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
8. Камедина Л. В. Обретая смысл заново (Опыт прочтения русской литературы в начале третьего тысячелетия): учеб. пособие. 2-е изд., доп. и дораб. Чита: ЗабГПУ, 2003. 166 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Корконосенко С. Г. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. СПб.: Знание: СПБИНВЭСЭП, 2000. 272 с.
11. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 203 с.
12. Пастернак Б. Мой взгляд на искусство. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 287 с.
13. Сальникова Е. В. Эстетика рекламы. Культурные корни и лейтмотивы. М.: Алетейя, 2001. 288 с.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004. 992 с.
15. Сущенко С. А. Социальная психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 345 с.
16. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 232 с.
17. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Алетейя, 1996. 154 с.

References

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.
2. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. M.: Sov. pisatel', 1990. 346 s.

3. Borev Yu. B. Estetika. P.: Politizdat, 1981. 399 s.
4. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii. M.: ACADEMIA, 1998. 430 s.
5. Gluzman S. A. Mental'noe prostranstvo Rossii. SPb.: Aleteiya, 2010. 332 s.
6. Erofeeva I. V. Aksiologiya mediateksta v rossiiskoi kul'ture (reprezentatsiya tsennosti v zhurnalistike nachala KhKhI veka). 2-e izd., izm. i dorab. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. 340 s.
7. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbr. tr. M.: Gnozis, 2005. 543 s.
8. Kamedina L. V. Obretaya smysl zanovo (Opyt prochleniya russkoi literatury v nachale tret'ego tysyacheletiya): ucheb. posobie. 2-e izd., dop. i dorab. Chita: ZabGPU, 2003. 166 s.
9. Karasik V. I. Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
10. Korkonosenko S. G. Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista: ucheb. dlya vuzov. SPb.: Znanie: SPbIVESEP, 2000. 272 s.
11. Panchenko A. M. Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform. L.: Nauka, 1984, 203 s.
12. Pasternak B. Moi vzglyad na iskusstvo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1990. 287 s.
13. Sal'nikova E. V. Estetika reklamy. Kul'turnye korni i leitmotivy. M.: Aleteiya, 2001. 288 s.
14. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury: 3-e izd., ispr. i dop. M.: Akadem. Proekt, 2004. 992 s.
15. Sushchenko S. A. Sotsial'naya psikhologiya. Rostov n/D.: Feniks, 2005. 345 s.
16. Trubetskoi E. N. Smysl zhizni. M.: Respublika, 1994. 232 s.
17. Shpet G. G. Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu. SPb.: Aleteiya, 1996. 154 s.

Библиографическое описание статьи

Ерофеева И. В. Маркёры русской культуры в современном медиатексте // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 127–136. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-127-136.

Reference to article

Erofeeva I. V. Markers of Russian Culture in Modern Media Text // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 127–136. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-127-136.

Статья поступила в редакцию 22.02.2016

УДК 070:378

ББК 76:74.48

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-137-142

Борис Яковлевич Мисонжников,
 доктор филологических наук, профессор,
 Санкт-Петербургский государственный университет
 (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
 e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Концептосфера корпоративной прессы немецких университетов как предмет формирования медиадискурса

В статье рассматривается корпоративная университетская пресса современной Германии. Объектом исследования становится как общее её положение с выделением наиболее важных типформирующих особенностей, так и аспекты текстопостроения, причём особое внимание уделяется характеру воссоздания концептосферы университетских изданий. В статье особенно подробно рассмотрены публикации в корпоративной прессе нескольких ведущих университетов Германии – Берлинского университета имени Гумбольдта, Мюнхенского университета имени Людвига Максимилиана и Кёльнского университета. В процессе исследования выявлено, что, несмотря на общую схожесть компонентов концептосферы изданий, некоторым из них особенно близки те или иные отдельные концепты, которые, хотя и входят в вузовскую концептосферу, имеют относительную самостоятельность. В них нашли отражение определённые приоритеты деятельности вузов, их исторические традиции и актуальные задачи современного периода. Вследствие изучения некоторых функциональных аспектов корпоративных университетских изданий можно также сделать вывод о том, что тому или иному типу издания свойственна своя наиболее употребительная группа концептов, которые, по сути, играют важную роль в процессе типотформирования.

Ключевые слова: университет, корпоративная пресса, газета, публикация, концептосфера, концепт

Boris Ya. Misonzhnikov,
 Doctor of Philology, Professor,
 St. Petersburg State University
 (7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia),
 e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Concept Sphere of Corporate Press in German Universities as a Subject of Media Discourse Formation

The article discusses the corporate University press in modern Germany. The object of the research is both a general situation highlighting the most important type forming features and aspects of text-construction, with a special focus on the nature of reconstitution of the University publication sphere. The article specifically considers the publications in the corporate press at several leading universities in Germany – Humboldt University of Berlin, Ludwig Maximilian University of Munich and the University of Cologne. The study found that despite the overall similarity of the components of the publications concept sphere, some of them particularly close to certain individual concepts, which being included in the concept sphere of the University have a relative autonomy. They reflect the specific priorities of higher education institutions, their historical traditions and challenges of the modern period. Through the study of some functional aspects of the University corporate publications it can also be concluded that any type of publication is peculiar to the most common group of concepts that, in fact, play an important role in the process of type formation.

Keywords: University, corporate press, newspaper, publication, concept sphere, concept

В рамках публикаций университетской прессы актуализируется особая группа концептов, анализ которых позволяет создать представление как о наиболее актуальных тематических и дискурсных интенциях вообще прессы данного типологического направ-

ления, так и конкретных изданий, отражающих приоритеты в деятельности определённого вуза. Тому или иному типу издания свойственна своя, наиболее употребительная группа концептов, которые, по сути, играют важную роль в процессе типотформирования,

и далеко не в последнюю очередь это имеет отношение к печати именно корпоративного типологического направления.

Несмотря на то, что корпоративная пресса уже достаточно основательно идентифицирована в типологическом отношении, в настоящее время продолжается процесс уточнения отдельных типоформирующих положений. Важным в этом плане представляется обращение к опыту зарубежных массмедиа, в частности, немецких, поскольку корпоративные издания Германии успешно развиваются в течение многих десятилетий и отличаются уникальной организацией всего медиапроцесса. К тому же, как подчёркивается, «на Западе внутрифирменное издание является неотъемлемой частью корпоративной культуры» [6, с. 242]. В данном случае важна и морально-правовая сторона вопроса, которая отражается в декларации о том, что «высшим принципом немецкой прессы объявлено уважение к правде и правдивое информирование общественности» [3, с. 44]. Огромное внимание в Германии уделяется вопросам менеджмента во всех массмедиа, включая корпоративные. Небезынтересным представляется следующее утверждение: «Но помимо инноваций в печатной и электронной среде, есть ещё кое-что, в чём немцам сложно найти равных. В производстве корпоративных медиа. Даже у сравнительно небольших компаний в начале XXI века стали появляться свои внутрикорпоративные журналы или веб-порталы. Компании же посерьёзнее давно стали делать упор на “новые медиа”».

В Германии львиная доля корпоративной прессы стала выпускаться силами специализированных издательских домов, то есть отдавалась на аутсорсинг» [2].

Подключение внешних ресурсов для достижения конкретных целей помогает достичь высокого профессионального уровня и более рационально решать производственные задачи. Для современной Германии характерен поиск максимально эффективных вариантов организации массмедиа, и «индикатором усиления роли экономических императивов стала организационная перестройка редакционной деятельности с ориентацией на “эффективный/прибыльный редакционный маркетинг-менеджмент”, предусматривающий усиленный контроль затрат медийного предприятия, курс на экономическую рационализацию информационного производства с сопутствующим сокращением расходов, обеспечение высоких экономических показателей доходности медийной организации

за счёт увеличения рейтинга и наилучшего удовлетворения запросов и вкусов разных целевых аудиторных групп» [7, с. 13].

Повышенный интерес вызывает статус и организация корпоративных медиа, существующих при вузах. Это могут быть как издания журнального и газетного типа, так и программы радио, телевидения, сетевые порталы. Опыт российских специалистов, устанавливающих типологическую идентичность данного вида изданий, показывает, что в этой области сделано уже немало и актуальность обращения к данной проблематике исключительно высока. Принципиально важной является констатация того, что «так же, как остальные корпоративные СМИ, издания вузов являются средством PR» [8, с. 133] и что «во многих случаях речь идёт о целой системе средств массовой информации – печатных и электронных. Именно так обстоит дело, например, в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, Уральском государственном университете имени А. М. Горького, Уральском государственном горном университете и во многих других вузах» [8, с. 132].

Важные наблюдения появились и в ходе изучения корпоративных изданий Ухтинского государственного технического университета: у изданий PR аудитория представлена узкими целевыми группами, конкуренция между подобными изданиями отсутствует [1, с. 11]. Воссозданная обобщённая картина университетского телевидения именно как корпоративного массмедиа, причём функционирующего «во внешнем информационно-коммуникационном пространстве» [4, с. 9], позволила сделать ценные выводы о преодолении им корпоративной замкнутости, возможности аккумуляции творческого потенциала, высокой роли в реализации образовательного ресурса и совершении определённого шага в проработке модели общественного телевидения. То есть, «современное университетское телевидение выработало такой информационный контент и такие способы его презентации, которые позволяют рассматривать его как платформу для создания общественного телевидения» [4, с. 14].

В связи с этим обращение к опыту университетских массмедиа Германии может оказаться своевременным и во многом поучительным, поскольку эти массмедиа, представленные, в частности, газетными изданиями, делаются не просто профессионально, но и технологически почти безупречно. В них нашла практическое воплощение очень вы-

сокая культура создателей данного медийного продукта на стадии от первоначального замысла до полного воплощения, т. е. выразилось мастерство коллективного субъекта медиапроизводства как обобщённого продуцента – от авторов текстов до технического персонала.

В этом случае можно наблюдать два не лишённых интереса начала: с одной стороны, это PR-издания, а именно корпоративные, перед которыми поставлены совершенно конкретные цели и которые по определению не могут быть журналистскими, а с другой стороны, это издания, в которых редакционный коллектив обладает сравнительно высокой социальной и политической свободой в принятии решений, поскольку это гарантировано конституцией Германии. Это обуславливает и возрастающий уровень творческой свободы. Примечательно, что вузовские медиа охватывают практически всю образовательную систему страны. М. В. Еременко отмечает: «При исследовании вузовской корпоративной печати нами было установлено, что в Германии практически в каждом вузе, особенно это касается вузов с гуманитарной направленностью, существует свой отдел печати. Его сотрудники решают разные задачи. В некоторых случаях речь идёт об издательстве учебных материалов, подготовленных как сотрудниками, так и студентами вуза и представляющих собой пособия и научные исследования с ограниченным тиражом. Например, издательство при университете в Касселе или Дуйсбурге. В других случаях мы имеем дело с периодической печатью. Например, издание журналов (*“Student!”* – в университете Лейпцига, *“Universitäts-Mosaik”* – в университете имени Генриха Гейне в Дюссельдорфе)» [5, с. 174]. Однако обратимся к опыту некоторых конкретных изданий и рассмотрим технологию выпуска печатной университетской периодики и методику формирования текста.

Берлинский университет имени Гумбольдта (старинное название на латинском языке – *Alma Mater Berolinensis*) располагает газетой, в названии которой зафиксирован именно данный латинский вариант наименования этого крупнейшего в немецкой столице вуза – *Humboldt. Die Zeitung der Alma Mater Berolinensis* (Гумбольдт. Газета Берлинской альма-матер). В сокращённом варианте даже в официальных случаях газету именуют просто *Humboldt*, что представляет собой фамилию знаменитых братьев Вильгельма (собственно основателя университета) и Александра и в данном варианте звучит до некоторой

степени окказионально и разговорно-просто-речно. Тем не менее к данной редакции при-выкли и она укоренилась достаточно глубоко. То, что это издание именно корпоративное, подтверждается статусом издателя. Это – президент вуза профессор Я. Х. Ольбертц. То есть через персону издателя также лишний раз может быть подтверждена типологическая идентичность издания. Тираж газеты достигает 10 000 экз., и распространяется она бесплатно.

Примечательным является размещённое на сайте издания своеобразное указание, обращённое к потенциальным авторам, в котором определяются формы их сотрудничества с редакцией. Тем, кто претендует на роль автора, рекомендуется спросить себя: «Почему общественность должна знать содержание моего сообщения? Чем ещё интересно моё сообщение, кроме того, что в нём представлен профессиональный мир? Оно информативно? Чего особенного, своеобразного, захватывающего, необычного содержится в моём исследовании, нашем учебном проекте и в его результатах? Какую важную информацию, какое сообщение я хочу безусловно передать? Какую пользу могла бы принести моя деятельность и какие последствия она может иметь?»

Кроме того, авторам рекомендуется писать «понятно» и использовать «различные формы публикаций», а именно сообщение (*Meldung*) – «информационную заметку с характером нового. Краткий, компактный текст, который по-деловому и корректно даёт ответ на поставленные выше вопросы». Следующая «форма» – корреспонденция (*Bericht*), предполагающая «описание ситуации, но не интерпретацию. Корреспонденция может быть написана, например, через день после события. Однако важно всегда на переднем плане представить основной аспект этого события. Существенное замечание: не создавайте протокола происходящего». И, наконец, репортаж (*Reportage*), который, «как и информационная заметка, содержит сведения о происшедшем, переданные читателю, однако, в качестве результата наблюдения и субъективного взгляда автора. Конкретный, наглядно представляющий текст с драматургическим построением. Он начинается с чего-либо особенного, а не с заурядного. Действующие персонажи обладают своей индивидуальной речью. В обеих последних текстовых формах важной является вводная часть, первый абзац, который должен заинтриговать и побудить к дальнейшему чтению.

Используйте здесь какую-либо примечательную цитату, необычное наблюдение или потрясающий тезис. Никогда не начинайте свой текст следующим образом: “22 сентября в Университете имени Гумбольдта состоялась конференция на тему...”

Настоящую информацию содержит второй абзац. Здесь называют повод для написания материала... И лишь потом следуют причины, которые обусловили произошедшее, показывается развитие события, даётся его истолкование. Окончание вы увязываете с началом» [10]. Такой заочный практикум представляет собой исключительную ценность для начинающих авторов. Номера газеты архивируются и выкладываются в программе PDF в Интернете.

Концептосфера издания формируется в соответствии с императивами, характерными в целом для университетской прессы, но, пожалуй, можно выделить особую актуализацию концепта «*alumni*» (множественное число от «*alumnus*» – питомец, выпускник университета). Газета *Humboldt* проявляет совершенно особую заботу о создании культуры выпускника этого старейшего вуза. Во-первых, задача решается организационно: активно действует общество выпускников, работа которого освещается в газете практически в каждом номере, выступление того или иного выпускника носит, как правило, конкретный и прагматичный характер, содержит предложения по культурным мероприятиям, по работе университетских фондов и т. д. Во-вторых, большое значение имеет идеологический фактор: редакция стремится создать тёплую корпоративную атмосферу, предлагает читателям вступать в «Гумбольдт-семью», подчёркивает особый статус тех, кто в прошлом окончил этот университет, охотно рассказывает о карьерных достижениях выпускников.

В Мюнхенском университете имени Людвига Максимилиана выходит газета, полное название которой представлено следующим образом: *Die Campuszeitung der Ludwig-Maximilians-Universität München*. Обычно газета именуется просто как *Die Campuszeitung*, а логотип выглядит ещё проще: *CaZe*. Заявленный тираж издания – 5 тыс. экз. На первой полосе, кроме сокращённого логотипа, публикуется полное общее название газеты и справа помещается полужирный фирменный знак – чёрный силуэт крадущейся кошки. В выходных данных представлена обычная для подобного раздела информация, а также обосновываются некоторые условия работы редакции с читателями. Так, особо подчёр-

кивается, что «редакция оставляет за собой право сокращать и печатать пришедшие письма читателей». В поле выходных данных содержится и обращение непосредственно к читателям: «Мы ищем верстальщиков, редакторов и всех тех, кто получает удовольствие от сотрудничества с этой газетой (особенно охотно ищем специалистов в самых разных областях знания – всё равно, это естественные или гуманитарные науки). Просто обратитесь по адресу *campuszeitung@stuve.uni-muechen.de*. <...> Привлекает вас какая-либо тема особенно и вы хотели бы высказать своё мнение? Присылайте нам ваши предложения, мнения и читательские письма...» [9].

Очень важный текстовый элемент – материал от имени редакции, которым открываются многие номера и который, как правило, подвёрстывается под общий заголовок на первой полосе, иногда под фотографией актуального содержания. Материал даётся под повторяющимся названием – «Слова редакции» – и представляет собой, по сути, небольшое эссе, своеобразное обращение сотрудников издания не к аудитории в целом, а к индивидуальному читателю, что позволяет сократить дистанцию, создать атмосферу доверия между субъектами общения. Например: «Ты нам нужен не только в качестве читателя, но мы ищем также авторов для нашей новой рубрики “Студенческое творчество” (страница 10). Мы сохраняем целую страницу свободной для тех или иных коротких текстов студентов. Итак: будь креативным и отсылай нам по электронной почте свои произведения. Здесь ты можешь также сообщить, хочешь ты сотрудничать с нами или просто что-то нам сказать» [12].

В концептосфере издания *Die Campuszeitung* нельзя выделить особым образом представленный концепт «наука» («*die Wissenschaft*»), который явно актуализирован, хотя, само собой разумеется, и не в ущерб концептам, обязательным для университетской газеты. Концепт «наука», который носит обобщающий характер, реализуется в газете в развёрнутом виде – гуманитарные и точные науки, а в их рамках представлены конкретные научные направления – астрономия, математика, физика и т. д. Интересно жанровое решение: газетные публикации не ограничиваются информационными сообщениями, а являют собой впечатляющие образцы серьёзной газетной публицистики. Зачастую это – полноценный портретный очерк с проблемами, отражением уникальных достиже-

ний героя. В университете достойных учёных найти несложно. Так, несколько полос занял материал об университетском профессоре Харальде Леше, астрономе, физике и философе, который рассуждает на темы познания тайн Вселенной [12].

В организации студенческой корпоративной прессы ценным является и опыт Кёльнского университета, одного из старейших в Европе, учреждённого гражданами города в 1388 году, а свидетельство об основании было подписано папой римским Урбаном VI в Перудже. Ныне этот университет занимает третье место в Германии по количеству студентов и располагает студенческой газетой достаточно высокого качества – *Kölner Universitätszeitung*, издателем которой является ректор университета профессор Аксель Фраймут. Это издание находится в «свободном доступе», в полнотекстовом варианте существует в сетевой и печатной версии, распространяется бесплатно. Ранее эта газета выходила под названием *Kölner Universitäts-Journal*. С одной стороны, это типичное современное университетское издание, а с другой стороны, выделяется традициями и высоким уровнем профессиональной культуры. В этом издании внимания заслуживает оформление выходных данных (*Impressum*). Кроме обязательной в таких случаях информации, даются рекомендации морально-правового характера: об ответственности за плагиат и неточность ссылок, о недопущении левоэкстремистских проявлений и прочее [11].

В концептосфере текста газеты, которая типична для европейского классического университета, выделяется многокомпонентный концепт «университет». Он сформирован как уникальный фрейм, в пределах которого реализуется ряд других концептов, в определённом смысле производных от базового концепта. В связи с уникальным прошлым этого вуза

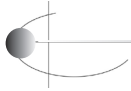
актуализируются такие концепты, как «история», «хроника» и т. д. Газета очень серьёзно, детально исследует минувшее, постоянно действует раздел «Хроника университета» («*Chronik der Universität*») [11].

Корпоративные газеты немецких университетов имеют много общего в силу своей специфики. Это, как правило, многостраничные издания таблоидного формата, сверстанные в сдержанном стиле, рационально и в рамках классической традиции, представлены всегда в цвете. Их содержание замыкается в основном на события студенческой жизни, но порой затрагиваются актуальные политические, экономические, нравственные и культурные проблемы. По рубрикации можно судить о тематическом диапазоне: «Актуальное», «Кампус», «Исследование», «Мечты... ..жизнь», «Культура/история» (*Humboldt. Die Zeitung der Alma Mater Berlinensis*); «Университет и наука», «Университет и мир», «Университет, а потом?», «Университет и культура», «Университет и жизнь», «Университет и окончание» (*Die Campuszeitung der Ludwig-Maximilians-Universität München*); «Тема», «Мир и высшая школа», «Обучающиеся», «Исследование и учение», «Персоналия» (*Kölner Universitätszeitung*).

Электронные версии данных изданий представлены на сайтах университетов и всегда доступны для аудитории. Их можно без труда найти, причём и номера, которые вышли в прошлом. Тексты газет, ярко, многогранно и оригинально освещающие явления университетской жизни, в сумме своей воссоздают уникальное дискурсивное пространство, т. е. текстовое пространство, не только тесно связанное с событиями окружающего мира, но и обладающее не теряющим актуальности смысловым значением. Это своеобразная летопись университетской – и главным образом студенческой – жизни.

Список литературы

1. Алексеев Д. А. Корпоративное издание в формировании имиджа регионального вуза (на примере комплекса изданий Ухтинского государственного технического университета: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб., 2005.
2. Вильгельм К. СМИ в Германии конца XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2008/04/SMI%20v%20Germanii.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).
3. Вороненкова Г. Ф. Некоторые аспекты правовых основ функционирования СМИ Германии // Журналистика: взаимодействие науки и практики. Актуальные вопросы медиарегулирования: опыт Германии и России: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д., 3–6 окт. 2012 г.) / отв. ред. А. И. Станько. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2012. С. 42–47.
4. Говердовская-Привезенцева С. А. Университетское телевидение как потенциальный ресурс российских медиакоммуникаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Тверь, 2013.
5. Еременко М. В. Анализ опыта вузовской корпоративной печати в Германии // Корпоративные массмедиа (генезис, функционирование, трансформации): Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (Корпоративные массмедиа): материалы науч.-практ. семинара (СПб., 1 дек. 2010 г.) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: Фак. журналистики СПбГУ, 2010. С. 173–177.

6. Коршиков Т. А. Внутрифирменное издание как инструмент корпоративной культуры // Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века: материалы к науч.-обществ. форуму (СПб., 14–16 дек. 2000 г.) / под общ. ред. В. Г. Марахова. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2000. С. 241–243.
7. Фатымина В. Д. Усиление экономических аспектов функционирования ежедневных газет ФРГ как дискуссионная проблема германской журналистской науки и медиакритики (1990–2005 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2005.
8. Чемякин Ю. В. Вузовские издания как тип корпоративных СМИ // Корпоративные массмедиа (генезис, функционирование, трансформации): современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (Корпоративные массмедиа): материалы науч.-практ. семинара (СПб., 1 дек. 2010 г.) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: Фак. журналистики СПбГУ, 2010. С. 132–137.
9. *Habt ihr Lust, euch bei der Campuszeitung zu engagieren?* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stuve.uni-muenchen.de/download/caze.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).
10. *Hinweise für Autorinnen und Autoren der Zeitung HUMBOLDT* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hu-berlin.de/pr/medien/publikationen/humboldt> (дата обращения: 07.02.2016).
11. *Uni – Impressum* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal.uni-koeln.de/impressum.html> (дата обращения: 07.02.2016).
12. *Worte der Redaktion* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stuve.uni-muenchen.de/download/caze2.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

References

1. Alekseev D. A. *Korporativnoe izdanie v formirovanii imidzha regional'nogo vuza (na primere kompleksa izdaniy Ukhtinskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. SPb., 2005.
2. Vil'gel'm K. *SMI v Germanii kontsa KhKh veka* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2008/04/SMI%20v%20Germanii.pdf> (data obrashcheniya: 07.02.2016).
3. Voronenkova G. F. *Nekotorye aspekty pravovykh osnov funktsionirovaniya SMI Germanii // Zhurnalistika: vzaimodeistvie nauki i praktiki. Aktual'nye voprosy mediaregulirovaniya: opyt Germanii i Rossii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Rostov n/D., 3–6 okt. 2012 g.)* / otv. red. A. I. Stan'ko. Rostov n/D.: YuFU, 2012. S. 42–47.
4. Goverdovskaya-Privezentseva S. A. *Universitetskoe televidenie kak potentsial'nyi resurs rossiiskikh mediakommunikatsii*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. Tver', 2013.
5. Eremenko M. V. *Analiz opyta vuzovskoi korporativnoi pechati v Germanii // Korporativnye massmedia (genезis, funktsionirovanie, transformatsii): Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov (Korporativnye massmedia): materialy nauch.-prakt. seminar (SPb., 1 dek. 2010 g.)* / otv. red. B. Ya. Misonzhnikov. SPb.: Fak. zhurnalistiki SPbGU, 2010. S. 173–177.
6. Korshikov T. A. *Vnutrifirmennoe izdanie kak instrument korporativnoi kul'tury // Formirovanie grazhdanskogo obshchestva kak natsional'naya ideya Rossii XXI veka: materialy k nauch.-obshchestv. forumu (SPb., 14–16 dek. 2000 g.)* / pod obshch. red. V. G. Marakhova. SPb.: Izd-vo NIIX SPbGU, 2000. S. 241–243.
7. Fatymina V. D. *Usilenie ekonomicheskikh aspektov funktsionirovaniya ezhdnevnykh gazet FRG kak diskussionnaya problema germanskoi zhurnalistikoi nauki i mediakritiki (1990–2005 gg.)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. Voronezh, 2005.
8. Chemyakin Yu. V. *Vuzovskie izdaniya kak tip korporativnykh SMI // Korporativnye massmedia (genезis, funktsionirovanie, transformatsii): sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov (Korporativnye massmedia): materialy nauch.-prakt. seminar (SPb., 1 dek. 2010 g.)* / otv. red. B. Ya. Misonzhnikov. SPb.: Fak. zhurnalistiki SPbGU, 2010. S. 132–137.
9. *Habt ihr Lust, euch bei der Campuszeitung zu engagieren?* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stuve.uni-muenchen.de/download/caze.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).
10. *Hinweise für Autorinnen und Autoren der Zeitung HUMBOLDT* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hu-berlin.de/pr/medien/publikationen/humboldt> (дата обращения: 07.02.2016).
11. *Uni – Impressum* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal.uni-koeln.de/impressum.html> (дата обращения: 07.02.2016).
12. *Worte der Redaktion* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stuve.uni-muenchen.de/download/caze2.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Библиографическое описание статьи

Мисонжников Б. Я. Концептосфера корпоративной прессы немецких университетов как предмет формирования медиадискурса // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 137–142.
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-137-142.

Reference to article

Misonzhnikov B. Y. Concept Sphere of Corporate Press in German Universities as a Subject of Media Discourse Formation // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 137–142.
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-137-142.

Статья поступила в редакцию 25.02.2016

УДК_070.4
ББК 4600.2
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-143-150

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(195426, Россия, г. Санкт-Петербург, Индустриальный пр-т, 13),
e-mail: a-nik@list.ru

Речевой жанр личной истории в контексте развлекательного журнала

В данной статье освещаются проблемы медиатизации современной культурной элиты, прослеживаются медийные стратегии влияния на массовую аудиторию через образцы поведения культурной элиты. Культурную элиту страны составляют художники, писатели, архитекторы, композиторы, журналисты, театральные деятели, кинематографисты, среди которых есть депутаты Государственной Думы, однако проблема в том, что как медийные персоны, они сообщают о себе или о других популярных людях резонансные подробности.

В статье обращается внимание на отсутствие традиции в ходе интервью спрашивать известного человека о его личной жизни, таким образом, отсутствие информации окружало знаменитость ореолом тайны, что помогало воспринимать её сквозь призму яркого таланта, наделять всеми достоинствами, относиться с уважением. Эпоха гласности сняла все ограничения с информации о частной жизни культурной элиты, однако привлекают внимание журналистов только громкие имена. Коммерческий успех даёт право на рассказ о себе, в подробностях без оглядки на стыд. «Караван историй» распространяет представление о стыде как рудименте человеческих чувств посредством речевого жанра «интимная история». Интенция жанра развлекательная, на грани эпатажа. Жанр востребован в контексте девальвации культурно-нравственных ценностей. Подход к жанру как вербальному оформлению типических ситуаций социального взаимодействия людей обуславливает дифференциацию текстов по источнику информации: первичный – совокупность фактов собственной интимной жизни, которым рассказчик субъективно придает значимость, вторичный – подробности интимной жизни известного человека, рассказанные женой/мужем (как правило, бывшими), детьми (в основном, незаконнорождёнными), близкими друзьями, посвящёнными в личные драматические тайны. Эти группы рассказчиков привержены разным формам упрощённой, нелитературной речи, которой соответствует примитивистский стиль.

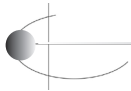
Автором сделан вывод, что законы рыночной конъюнктуры способствуют приоритету стратегии примитивизма как доминанты речевого жанра интимной истории, поскольку снимают культурные ограничения с тематики и лексики. В свою очередь, рассказы известных людей об интимных переживаниях увеличивают рейтинг журнала, тираж.

Ключевые слова: медиатизация, культурная элита, речевой жанр, интимная история, примитивистский стиль, стратегии примитивизма

Alla N. Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(13 Industrialnyi pr., St. Petersburg, 195426, Russia),
e-mail: a-nik@list.ru

Speech Genre of Personal History in the Context of an Entertainment Magazine

Patterns of cultural elite behavior shape citizens' values. The cultural elite is in charge of the future of humanity. Artists, writers, architects, composers, journalists, theatre workers, cinematographers are the cultural elite of society. Not all the elite has become popular media figures. In Soviet journalism it was not a tradition to ask a famous person about his personal life. The celebrity was surrounded by an aura of mystery. People take a celebrity through the prism of a bright talent. Celebrity ascribed all the virtues to be treated with respect. Publicity has lifted restrictions on information about private life of the cultural elite. Not all attract the attention of journalists. Commercial success gives you the right to talk about yourself. This story has a surprising lack of shame in the narrator. *Caravan of Stories* magazine is spreading the idea of shame as a vestige of human feelings. The primary role of the speech genre is "intimate history". The intention of the genre is fun; it is to shock people. The genre is in demand in the context of the devaluation of cultural and moral values. The genre can be seen as the verbal design of the typical situations of social interaction of people. This approach leads to the differentiation of the

texts on the source of information: the primary assemblage of the facts of his own intimate life. Secondary source of information are details of the intimate life of a famous person, told by the wife/husband (usually the former), children (mostly illegitimate), close friends. All these persons initiated into the secrets of personal drama. These groups of storytellers committed to various forms simplified, colloquial speech. This speech meets style, known in science as primitive one. Market conditions promote the priority strategies of primitivism. The laws of market conditions remove cultural constraints to subjects and vocabulary. The strategy of primitivism is the dominant speech genre of an intimate history. Stories of famous people about intimate collisions increase the rating of the journal circulation.

Keywords: mediatization, the cultural elite, speech genre, intimate story, primitive style, strategy of primitivism

Личная история вошла в репертуар речевых жанров относительно недавно. Рассказанная известным человеком в интервью, она привлекает своей подлинностью, влияет на выбор поведенческой тактики читателей, склонных доверять образцам. Проблема заключается в том, что журнал конструирует стиль жизни, ориентированный, прежде всего, на достижение материальных благ. Читателю предлагается рецепт борьбы за счастье любой ценой.

Э. Фромм первым нашёл точный термин для названия общества, которое постоянно стремится к получению материальных благ. Он подчёркивал ошибочность довлеющей после Первой мировой войны идеи взаимосвязи благосостояния и ощущения счастья, надежды измученных войной людей на то, что приобретение самых качественных вещей в большом количестве, владение и потребление смогут удовлетворить запросы и сделать жизнь счастливой. Фромм предсказал тщетность попыток обрести счастье в изобилии вещей, продуктов, предвидел, что стремление к наслаждению за счёт другого снова станет целью, что модус потребления распространится не только на вещи, но и на человеческие отношения. Стимул потребления в окрепшем за послевоенные годы обществе охватил повседневную жизнь и на ярких примерах отдельных людей заставил население поверить, что счастье, если оно понимается как совокупность материальных благ, может быть достигнуто через пренебрежение духовными ценностями.

Отношение населения к материальным и нематериальным благам формируется посредством образов поведения культурной элиты, которой наиболее соответствует первое место среди социально-доминантных групп общества. В качестве атрибутивных признаков классической элиты выделяют высшее образование и высококвалифицированный умственный труд; относительно высокий экономический статус; сложившуюся

систему ценностей, установок и стереотипов поведения; самоорганизацию, устойчивую структуру; интеллектуальные продукты деятельности (символический капитал). Совокупность идеальных характеристик позволяет говорить о глобальной ответственности культурной элиты за то, каким будет человечество в отдалённой перспективе.

Культурную элиту общества составляют художники, писатели, архитекторы, композиторы, журналисты, театральные деятели, кинематографисты, однако далеко не все становятся популярными медийными персонами. Ещё в XIX веке, размышляя над причинами избирательного внимания к личности со стороны биографов, П. Л. Лавров объяснял неравномерность интереса тем, что исключительно даровитые менее других служат выражением своей современности. «Великие личности с их особенностями служат хорошими разгадками для запутанных явлений в последующей истории человеческой цивилизации, но свою современность они объясняют плохо. Во втором ряду деятелей гораздо чаще встречаются личности весьма талантливые, чутко воспринимающие все передовые стремления, но в то же время, может быть, именно вследствие своей впечатлительности, менее способные противостоять окружающим их влияниям, легче подчиняющиеся этим влияниям и вносящие в свою деятельность не столько оригинальности, но более полное отражение современности. Эти люди не руководят движением эпохи, несмотря на свой неоспоримый талант; они редко оставляют бессмертные произведения, хотя их приходится поставить высоко в ряду представителей человечества; но они переживают своё время со всеми его великими стремлениями и со всеми его слабостями. Их биография... служит полнейшим, хотя не всегда последовательным выражением этого времени. В них же всего удобнее изучать это время, тогда как более исключительные деятели его заслоняют их своей преобладающей лично-

стью» [8, с. 149–150]. Критик А. М. Скабичевский подчёркивал ценность для истории таких людей, на которых сказывается «обыкновенно или целая эпоха, или тот элемент брожения, представителями которого они служат. В их жизни... вы можете проследить наглядно, чем страдали их современники, чего им недоставало, к чему они стремились и в чём заблуждались» [16, с. 43].

В советской журналистике не было традиции спрашивать известного человека о его личной жизни, таким образом знаменитость окружал ореол тайны, личность воспринималась сквозь призму своего яркого таланта, людская молва наделяла её всеми достоинствами. Эпоха гласности сняла завесу с частной жизни культурной элиты, однако привлекают внимание журналистов лишь те, кто добился коммерческого успеха, который и даёт право на биографию или рассказ о себе. В этом контексте особую интерпретацию получает мысль Ю. М. Лотмана о том, что каждый тип культуры вырабатывает свои модели «людей без биографии» и «людей с биографией» [10].

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни так же указывает, кто сегодня может рассчитывать на биографию, и констатирует, что «частная жизнь часто подвергается вторжениям, поскольку для определённой части некоторых средств массовой информации подробности личной жизни стали предметом чрезвычайно выгодной купли-продажи. Их жертвами в основном становятся публичные люди, поскольку подробности их жизни служат хорошим стимулом для продаж. Одновременно публичные фигуры должны признавать то обстоятельство, что особое положение, которое они, зачастую по собственному выбору, занимают в обществе, автоматически ведёт к усилению давления общественности в отношении их личной жизни. Публичными фигурами являются те лица, которые занимают государственную должность и (или) пользуются государственными ресурсами, а также все те, кто играет определённую роль в общественной жизни, будь то в области политики, экономики, искусства, в социальной сфере, спорте или в любой иной области»¹.

Интервью успешных представителей культурной элиты журналу «Караван исто-

рий», с одной стороны, оказывают влияние на ценностные ориентиры молодого поколения, а с другой – создают парадоксальный медиаобраз лидера общества потребления, в котором, как подчёркивают западные и российские учёные, проблема отчуждения от моральных, нравственных и культурных ценностей является одной из самых актуальных [1, с. 240–242; 12, с. 22].

Журнал «Караван историй» с 1998 по 2015 год опубликовал свыше 800 интервью с представителями культурной элиты страны или с теми, кто мог рассказать об их личной жизни. Поскольку журнал позиционирует себя как развлекательное издание, можно заключить, что субъектом развлечения служит личная жизнь известного человека. Философские науки считают личной жизнью человека такую область жизнедеятельности, которая касается только данного лица и лежит за пределами производственной и общественной деятельности. Это нечто автономное, свободное от внешней социальной регламентации, регулируемое внутренними нравственными стимулами и не подлежащее контролю со стороны общества и государства. К личной жизни человека относится возможность уединяться, размышлять, общаться с другими людьми, вести личную переписку, неприкосновенность жилища, тайна переговоров и переписки. Образ мыслей, увлечения, творчество также относятся к сфере личной жизни. Иными словами, личная жизнь – это состояние обоснованной уверенности, что личные тайны человека не будут выявлены и преданы огласке. Высказывание французского политика XIX века П. Ройе-Коллара о том, что частная жизнь должна быть обнесена стеною, оставался моральным принципом и в течение XX века, которым руководствовались журналисты, когда осторожно касаясь личной жизни своих героев, писали об их талантах, наиболее ярко проявляющихся именно в этой сфере. Этика помогала различать личную жизнь и интимную жизнь человека, информация о которой представляла табу. Под интимной жизнью понимали сокровенное, затаённое, сугубо личное в отношениях между людьми, разглашение сведений о чём обычно вызывает чувство стыда, даёт повод для сплетен и кривотолков, порождает сенсации, оскорбляющие честь и достоинство личности, портит репутацию, препятствует служебной карьере [11, с. 49–55]. Эпатажное освещение табуированной тематики (сексуальные отношения; натуралистические подробности болезней и т. п.) заключается в отказе от неприкосновенности любых, даже самых скрытых от

¹ Резолюция 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность личной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberpeace.org.ua/files/iii_4.pdf (дата обращения: 12.02.2016).

публичного обсуждения, сфер человеческого бытия. Сложившаяся ситуация характеризуется философами как «утрата элементарного стыда, деликатности и скромности, выражение инстинктов и патологии» [3, с. 47].

Словари трактуют чувство стыда как отрицательно окрашенное чувство, объектом которого является какой-либо поступок или качество субъекта. Стыд связан с ощущением социальной неприемлемости того, за что стыдно. Лотман характеризовал внутреннюю структуру общества как систему нравственных запретов, социально-психологическим регулятором которых является стыд. Можно сказать, что область культуры – это сфера тех моральных запретов, нарушать которые стыдно. Каждая эпоха создаёт в этом отношении свою систему стыда – один из лучших показателей типа культуры [9, с. 11].

«Караван историй», один из наиболее популярных журналов о стиле жизни, распространяет новое представление о стыде как рудименте человеческих чувств посредством речевого жанра «интимная история», формирующего особый пласт в медиастиле, который нуждается в специальном изучении. Интенция жанра – освобождение от запретов, ограничения и долга. Вслед за М. М. Бахтиным в качестве глубинного жанрообразующего фактора будем рассматривать идеологию общества потребления, понимая под идеологией «всю совокупность отражений и преломлений в мозгу человека общественной и природной действительности, выраженную и закреплённую им в слове, рисунке, чертеже или в иной знаковой форме» [2, с. 51]. Ключевая идея учёного позволяет понять, что жанр «интимная история» становится востребованным при соответствующем морально-интеллектуальном климате, в контексте девальвации культурно-нравственных ценностей. Подход к жанру как вербальному оформлению типических ситуаций социального взаимодействия людей [15] обуславливает дифференциацию текстов по источнику информации: первичный – совокупность фактов собственной интимной жизни, которым рассказчик субъективно придаёт значимость, вторичный – подробности интимной жизни известного человека, рассказанные женой/мужем (как правило, бывшими), детьми (в основном, незаконнорождёнными), близкими друзьями, посвящёнными в личные драматические тайны. Эти группы рассказчиков историй «в своих привычках и пристрастиях привержены разного рода жаргонам и другим формам некодифицированной, нелитературной речи» [7, с. 12], формирующей дискурс примитивизма.

Если дискурс привносит в текст социальное измерение, то стиль – философское и эстетическое. Интенциональная структура медиастилля обусловлена реализацией в медиатекстах ведущего замысла, на основе которого можно выделить три субдискурса в пространстве медиадискурса: новостной – реализующий интенцию информирования; публицистический – с целью убеждения; развлекательный [5, с. 40–46]. Развлекательная интенция «Каравана историй» определяет выбор содержательных и формальных признаков, своеобразных стилистических средств, базовыми признаками которых является ориентация на речевой опыт аудитории. Законы рыночной конъюнктуры способствуют приоритету стратегии примитивизма как доминанты речевого жанра интимной истории, поскольку снимают культурные ограничения с тематики и лексики [6, с. 217], в свою очередь, рассказы известных людей о своей жизни или частной жизни друзей, подруг и т. д. увеличивают рейтинг журнала, тираж. Переизбыток историй не оставляет субъекту времени на «внимательное рассмотрение каждого конкретного случая и отдельной личности – он вынужден прибегать к упрощённому пониманию Другого» [4, с. 41].

Интимная история известной личности в журнале «Караван историй», как правило, включена в интервью, что усиливает эффект спонтанности разговорной речи, насыщенной просторечной и грубо-просторечной, вульгарной лексикой: *К моменту нашей встречи я, несмотря на свои девятнадцать лет, была совершенно независимой. При профессии, приличной зарплате и при богатом ухажёре. ... Не знаю почему, но очень многих мужчин страшно «заводит» мысль о романе с воздушной гимнасткой. В мою примерку за кулисами постоянно ломились поклонники. ... Для меня он [Меньшиков] был просто очередной ухажёр, и всё. ... Появился Олег: симпатичный, но слишком взрослый для меня. Широкие штаны, рубашка навыпуск... Сажу, салатами объедаюсь, с кем-то беседую, в его сторону даже не смотрю. В один прекрасный день собираюсь на свидание к своему ухажёру (Людмила Колесникова: Олега считала мужем) [16]. Как-то ухажёр моей подруги Михаил Городецкий пригласил нас в театральную студию при заводе «Укркабель» (Ирина Селезнева: Я никогда не обвиняла Максима) [17].*

Многочисленное употребление просторечных и жаргонных слов, ставших штампами, ухажёр, разборки, крыша, в шоке и других ха-

рактарно не для одного текста, а в целом для медиастиля «Каравана историй». Поскольку папа был личностью мутной, я уже больше склонялся к шпиону... В семье была мутная история, связанная с русско-турецкой войной и Венгрией (Ангелы и демоны Ивана Охлобыстина [18]. Тавтология в конкретном тексте сохраняется редактором сознательно, как стилистический приём создания эффекта неподготовленной речи, из-за этого недостаточно логичной и грамотной.

Активно используются в речи слова общего жаргона, многие из которых постепенно утрачивают жаргонный и приобретают разговорный характер: *Думаю: ну понятно, сейчас приедут такие бычары... На разборки меня вызывала «на зады» школы. ...Приезжаю – мне тут же рассказали, что он без меня шашни крутил. ...Коля тогда вспылил и разобрался со старостой «по-мужски». Но не рассчитал силы, и тот оказался в больнице. ...Не сойти с ума в этой ситуации мужику очень сложно. Потому что остаются только посиделки с друзьями, выпивки постоянные – и больше ничего. ... Да и Коля мне говорил потом, что когда встретил меня – у него сразу крышу снесло (Наталья Расторгуева: Колю я ни от кого не уводила [19]. За дверью раздались шаркающие шаги, потом на пороге появился пьяный небритый мужик в потёртых джинсах и футболке. Пытаюсь уйти, а они меня чуть ли не силой удерживают: «Сиди, раз пришла. Давай выпьем, поговорим» и снова наливают. «Я адрес перепутала», – говорю, а они в ответ ржут. Не верят! ...буквально на следующий день они, протрезвев, стали поливать друг друга самыми последними словами (Татьяна Масленникова о Николае Еременко: Счастье, стой!) [20]. В этом месте, кстати, снимали «Хованщину», и я болталась на съёмках. Росла я жуткой оторвой – лазила с мальчишками по деревьям, играла в лапту (Наталья Крачковская: Я осталась одна) [21].*

Снижение спроса на вдумчивое и глубокое чтение способствует расцвету девиантности как отклонению от языковой нормы: *А значит, постоянные компромиссы: куда пойдём, что будем делать... Притирка. Я на всех гостей накрывала «поляны»...Созвонились и зацепились языками ...Я сама три месяца искала нам трёхкомнатную квартиру, Гарика оставалось лишь её одобрить и вложить... Всю юность днём снимался, потом тусовался и целую ночь в игры резался. ...В июле прошлого года я ощутила, что у нас напряг в отношениях (Юлия Харламова: Пусть люди*

узнают правду о Гарике!) [22]. *Архиерей – мужчина крупный, и, глядя на него, многие подозревали, что, когда смиренные церковные комментариисты на его собеседника действия не имеют, может и в табло зарядить (Ангелы и демоны Ивана Охлобыстина [18].*

Употребление в текстах «Каравана историй» жаргонной лексики является одним из наиболее банальных средств выражения экспрессивной оценки, как правило, негативной, с небольшим спектром оттенков: от лёгкого неудовольствия до прямого осуждения. *Надо было работать, ты же ни хрена не делала! Через полгода я попыталась бунтовать – хотела вернуться на работу, но у Гарика обнаружился бзик: «Не хочу, и точка!» (Юлия Харламова: Пусть люди узнают правду о Гарике! [22].*

В качестве средства демонстрации эмоций могут использоваться производные от жаргонизмов: *...Я был в этот вечер сильно раскуренный, и мне было совершенно наплевать: Пугачева это или не Пугачева. Никакой робости я не чувствовал. Помню, мы сразу же крепко ударили по коньяку (Сергей Челобанов: Пугачеву никто не гнал замуж) [23]. Не знаю, счастлива ли была с ним мама? Я в их отношения не лезла – это была уже не моя семья. ...В кабинет ворвалась охрана и скрутила разбушевавшегo подследственного. Конечно, этот эпизод стал для меня шоком (Оксана Федорова: Мучительный роман) [24]. Скомандовала себе: «Обалдела, что ли? Вставай! Иди играй!» Я, случилось, загуливалась до рассвета, когда вино рекой, теплоход и всё такое. Поначалу меня даже бесило, что Крачковский мирно спит, когда я прихожу в восемь утра. И вот прихожу утром с провожатыми: «Только, пьяные рожки, не шумите, Володю разбудите». «Пьяные рожки» понимающе хмыкали: «Любовь...» (Наталья Крачковская: Я осталась одна) [21]. Алогичность: *Нельзя сказать, что я была в шоке ...И через несколько строк: Я была просто в шоке (Юлия Харламова: Пусть люди узнают правду о Гарике!) [22]. Частотность вариантов слова в шоке, которая играет существенную роль в организации примитивистского стиля: И вдруг, словно во сне, открывается дверь и в палату входит сам Георгий Жженов! Первая встреча в сознательном возрасте... «Привет, как себя чувствуешь?» – говорит он так, будто мы всю жизнь общались. Я же гляжу на него в испуге, шоке, стеснении... (Марина Жженова: О предательстве отца я слышала с детства) [30].**

В «Караване историй» активно используются арготизмы, универсальная интенция

которых – передать атмосферу уголовного мира, к которому оказались близки представители российской культурной элиты: ...Шумные компании, девочки, портвейн «Агдам», от которого потом крутило живот, и гитара – это был самый, что называется, «фасон» того времени. Не задумываясь, мог дать «леща» случайно подвернувшемуся парню или позволял себе грубость с девушкой, которая отказала во взаимности. День без кайфа был серым и пасмурным, и я щедро «расцветчивал» его наркотиком (Сергей Челобанов: Пугачеву никто не гнал замуж) [23]. Помню, как на одном из первых «Кинотавров» собралась самая настоящая бандитская сходка. 90-е годы. Это было такое время, когда спонсорами кино выступал бандитский капитал. Публика колоритная: все с цепями толщиной в палец и золотыми зубами. Они «галантно» ухлёстывали за всеми актрисами, а нас инструктировали их резко не посылать, только вежливо отшивать. За мной ухаживал один крупный «авторитет» из Волгограда. Через несколько лет в Москве меня нашли его друзья и вручили фотографию. Оказывается, моего ухажёра убили в какой-то разборке (Ирина Малышева о тайном романе с Элемом Климовым) [25]. Уличная братва меня уважительно звала Кобзя. Да и в армии я никому не давал спуска. Однажды драка вышла настолько серьёзной, что я даже боялся возбуждения уголовного дела. Один товарищ на моем этаже очень серьёзно пострадал. Я ему сломал челюсть. Этот балалаечник так довёл меня и окружающих, что пришлось серьёзно с ним разобраться. Потом я долго носил ему бульончики в Институт Склифосовского... В общем, немного подрожал, пока он не выписался из больницы и не забрал из милиции заявление (Иосиф и Нелли Кобзон: Брак по расчёту) [26].

Медиатексты, в которых употребляются арготизмы, во-первых, свидетельствуют о толерантности рассказчика к соответствующей субкультуре, во-вторых, трансформируют развлекательный дискурс в уголовный, в-третьих, отвечают за формирование тезаурусности, переводя арго в разряд нормативной лексики [13, с. 8].

Примитивная речь многословна не только за счёт тавтологии: рассказчик не умеет выражать мысль абстрактно, перегружая историю деталями и подробностями: *Пропев последнюю строчку, Римма стоя, залпом выпила водку и села. Эта – первая в третьем застолье – рюмка нарушила то зыбкое равновесие,*

которое она старательно удерживала в себе до последнего момента. Выпив и взглянув не без кокетства направо – на сидевшего рядом с ней хмурого Моравиа, Римма тихонько толкнула его локтем в бок и промурлыкала – А что мы не пьем? Моравиа не пошевелился. Переводчица передала её фразу как изысканное приглашение выпить за дружбу. Не надеясь на ответ, Римма неожиданно, полуобернувшись к нему, просунула указательный пальчик левой руки под красный галстук застывшего от неожиданности соседа, между двумя пуговицами его рубашки, и легонько поскребла ноготком его грудь. После чего поднесла к его губам рюмку и что-то произнесла по-итальянски, очевидно, интимное, потому что переводчица тут же возмущённо поджала губы (Печаль материнского сердца. О Римме Казаковой рассказывает подруга Татьяна Кузовлева) [27].

Примитивность как доминирование материального над духовным является органикой интимной истории, жанр которой включает четыре темы: любовные отношения, секс, семья, развод. Рассказчик не анализирует свой жизненный путь и допущенные ошибки. Он далёк от рефлексирования, отчётливо проявляет стремление обосновать свой выбор, оправдать поступки как единственно возможный способ удовлетворить потребности и осуществить желания. Герой истории описывает события такими, какими ему хотелось бы их видеть, а не такими, какими они были на самом деле. Память всегда проявляет себя избирательно. Поэтому журнал чаще выбирает стратегию беседы не со «звездой», а о «звезде», где источником информации является человек, который выносит на обозрение близкие отношения, может много рассказать о счастливых и несчастливых событиях, и не может забыть обид. Нарратив состоит из цепочки типовых событий: разлюбил/и; полюбил/а другую/ого, предают, изменяют, пьянствуют, разрушают семьи, приобретают дома, путешествуют, обретают, теряют. Анализ отсутствует, действия совершаются необдуманно. Результатом удовлетворения любопытства аудитории является развенчание, депрессия образа знаменитой актрисы, актёра, музыканта, писателя и т. д., о которых сообщают негативные факты. Более того, отрицательные примеры чаще служат образцом для выбора стилия жизненных практик.

Медиатизация интимной сферы жизни культурной элиты приводит к неутешительному выводу: дискурс, конструируемый массовым журналом, превращает культ сексу-

альности в форму самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности. Карнавализация, традиционно меняя местами «низ» и «верх», выводит интимную сферу личной жизни в лидеры тематического рей-

тинга, а талант, творчество, труд выставляет как нечто, чего рассказчику следует стыдиться, а журналистам – опасаться задавать вопросы, из-за нерентабельности ценностного контента.

Список литературы

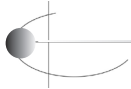
1. Ван ден Хааг Э. И нет меры счастью и отчаянью нашему / пер. Р. Облонской // Ин. лит. 1966. № 1. С. 240–242.
2. Волошинов В. Что такое язык? // Лит. учеба. 1930. № 2. С. 48–66.
3. Дубровский Д. И. Постмодернистская мода // Вопр. философии. 2001. № 8. С. 45–57.
4. Кайгородов П. В. Целесообразность концепции национальности как элемента самоидентификации // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 3. С. 38–43.
5. Клушина Н. И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. 2013. № 2(44). С. 40–46.
6. Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. 217 с.
7. Крысин Л. П. Введение. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 11–32.
8. Лавров П. Л. Дидро и Лессинг // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 149–150.
9. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / вст. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 5–66.
10. Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 842 с.
11. Мозговой О. В. Понятие и сущность личной жизни человека на современном этапе развития общества и законодательства // Евразийский юридический журн. 2009. № 4. С. 49–55.
12. Прокофьева Д. В. Проблема системы ценностей в современной России // Гум. вектор. Сер. Философия, культурология. 2014. Вып. 2(38). С. 21–24.
13. Рацибурская Л. В. Жаргонный словарь печатных СМИ // Журналист. Социальные коммуникации. 2011. № 1. С. 78–82.
14. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психологические и социолингвистические аспекты / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 1999. 180 с.
15. Скабичевский А. Дмитрий Иванович Писарев // Отечественные записки. 1869. № 1. С. 43.

Источники

16. Караван историй. 2007. № 11.
17. Караван историй. 2008. № 12.
18. Караван историй. 2010. № 12.
19. Караван историй. 2010. № 2.
20. Караван историй. 2009. № 6.
21. Караван историй. 2011. № 3.
22. Караван историй. 2013. № 4.
23. Караван историй. 2006. № 9.
24. Караван историй. 2010. № 9.
25. Караван историй. 2013. № 4.
26. Караван историй. 2008. № 8.
27. Караван историй. 2016. № 2.

References

1. Van den Khaag E. I net mery schast'yu i otchayan'yu nashemu / per. R. Oblonskoi // In. lit. 1966. № 1. S. 240–242.
2. Voloshinov V. Chto takoe yazyk? // Lit. ucheba. 1930. № 2. S. 48–66.
3. Dubrovskii D. I. Postmodernistskaya moda // Vopr. filosofii. 2001. № 8. S. 45–57.
4. Kaigorodov P. V. Tselesoobraznost' kontseptsii natsional'nosti kak elementa samoidentifikatsii // Idei i idealy. 2013. T. 2. № 3. S. 38–43.
5. Klushina N. I. Intentsional'naya konfiguratsiya mediinogo prostranstva // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2(44). S. 40–46.
6. Kolesov V. V. Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra. SPb., 1998. 217 s.
7. Krysin L. P. Vvedenie. Problema sotsial'noi i funktsional'noi differentsiatsii yazyka v sovremennoi lingvistike // Sovremennyi russkii yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya. M., 2003. S. 11–32.
8. Lavrov P. L. Didro i Lessing // Otechestvennye zapiski. 1868. № 1. S. 149–150.
9. Lotman Yu. M. Poeziya 1790–1810-kh godov // Poety 1790–1810-kh godov / vst. st. i sost. Yu. M. Lotmana. L.: Sov. pisatel', 1971. S. 5–66.

10. Lotman Yu. M. O russkoi literature. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1997. 842 s.
11. Mozgovoi O. V. Ponyatie i sushchnost' lichnoi zhizni cheloveka na sovremennom etape razvitiya obshchestva i zakonodatel'stva // Evraziiskii yuridicheskii zhurn. 2009. № 4. S. 49–55.
12. Prokof'eva D. V. Problema sistemy tsennostei v sovremennoi Rossii // Gum. vektor. Ser. Filosofiya, kul'turologiya. 2014. Vyp. 2(38). S. 21–24.
13. Ratsiburskaya L. V. Zhargonnyi slovar' pechatnykh SMI // Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii. 2011. № 1. S. 78–82.
14. Sedov K. F. Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoii lichnosti: Psikh- i sotsiolingvisticheskii aspekty / pod red. O. B. Sirotininoi. Saratov, 1999. 180 s.
15. Skabichevskii A. Dmitrii Ivanovich Pisarev // Otechestvennye zapiski. 1869. № 1. S. 43.

Istochniki

16. Karavan istorii. 2007. № 11.
17. Karavan istorii. 2008. № 12.
18. Karavan istorii. 2010. № 12.
19. Karavan istorii. 2010. № 2.
20. Karavan istorii. 2009. № 6.
21. Karavan istorii. 2011. № 3.
22. Karavan istorii. 2013. № 4.
23. Karavan istorii. 2006. № 9.
24. Karavan istorii. 2010. № 9.
25. Karavan istorii. 2013. № 4.
26. Karavan istorii. 2008. № 8.
27. Karavan istorii. 2016. № 2.

Библиографическое описание статьи

Тепляшина А. Н. Речевой жанр личной истории в контексте развлекательного журнала // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 143–150. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-143-150.

Reference to article

Tepl'yashina A. N. Speech Genre of Personal History in the Context of an Entertainment Magazine // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 143–150. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-143-150.

Статья поступила в редакцию 15.02.2016

УДК 070.4 + 654.197:070.4
ББК Ч603.208 + Ч603.249
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-151-159

Людмила Петровна Шестёркина¹,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76),
e-mail: 250852@mail.ru

Евгения Леонидовна Дмитренко²,
заместитель директора,
Государственная телерадиокомпания «Южный Урал»,
(454000, Россия, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 54Б),
e-mail: evgdmitr@mail.ru

Специфика медиатекстов общественно значимого телепроекта в контексте культурно-просветительской функции телевидения

В данной статье впервые на примере опыта ГТРК «Южный Урал» рассматриваются стилистические и лингвистические особенности медиатекстов, сопровождающих организацию и реализацию в эфире общественно значимых телевизионных проектов. Подробно исследуются структура, характер, целеполагание, язык и стиль медиатекстов, созданных для телевидения, радиовещания, печатных и интернет-СМИ в период подготовки и осуществления телепроекта. Доказано, что с помощью тематического и жанрового разнообразия медиатекстов, ставших неотъемлемой составляющей телепроизводства, в ходе телепроекта можно в полной мере реализовать различные компоненты ведущих социальных функций телевидения, и прежде всего – культурно-просветительской – и в период проведения интересного полезного досуга приобщать телезрителей к истории, культуре, культурным и нравственным ценностям общества.

Ключевые слова: телевидение, журналистика, телепроект, медиатекст, Интернет, культурно-просветительская функция, общество, нравственные ценности

Lyudmila P. Shesterkina³,
Doctor of Philology, Assistant Professor,
South Ural State University
(76 Lenina pr., Chelyabinsk, 454080, Russia),
e-mail: 250852@mail.ru

Evgeniya L. Dmitrenko⁴,
Deputy Director,
State TV and Radio Company "South Ural"
(54B Ordzonikidze st., Chelyabinsk, 454000, Russia),
e-mail: evgdmitr@mail.ru

Specificity of Media Texts of Socially Significant TV Project in the Context of Cultural and Educational Function of Television

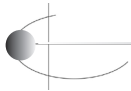
For the first time in this article, the stylistic and linguistic features of media texts are considered on the example of TV "South Ural". Media texts always accompany organization and implementation of socially significant television projects on the air. The structure, character, goal-setting, language and style of media texts created for television, radio, print and online media during the preparation and implementation of the TV project are studied in detail. It has been proved that during the TV project, with the help of thematic and genre variety of media texts, which have become an integral part of television production, we can fully realize various components

¹ Л. П. Шестёркина – организатор исследования.

² Е. Л. Дмитренко осуществляет научное руководство исследуемых творческих проблем, как профессиональный тележурналист, имеет опыт организации региональных телепроектов.

³ L. P. Shesterkina – research organizer.

⁴ E. L. Dmitrenko provides scientific supervision of creative problems studied, as a professional journalist, she has experience in the organization of regional TV projects.

of the leading social functions of television, and above all – cultural and educational functions, one can also introduce viewers to the history, culture, cultural and moral values of society during interesting useful leisure.

Keywords: television, journalism, TV project, media text, the Internet, cultural and educational function, society, moral values

Общественно значимые телевизионные проекты социальной направленности появились в процессе реализации социальных функций телевидения, и в силу своей сложноресурсности и многокомпонентности на современном этапе развития отечественного телевидения создают новые условия для их реализации. В настоящее время социальные телепроекты занимают особое место в эфире федерального и регионального телевидения. При этом их роль постоянно возрастает. Они предстают как важный социальный компонент современного отечественного телевидения, становясь всё более популярными и востребованными среди различных групп потребителей информации.

Ведущие социальные функции телевидения – информационная, интегративная, социально-педагогическая, организаторская и другие являются объективной основой для организации, создания и воплощения общественно значимых тематических телевизионных проектов, направленных на удовлетворение многообразных социальных и информационных потребностей общества. «Сегодня телевидение стало необходимым техническим средством информации, его социальные функции многообразны: информирование, просвещение, образование, развлечение. Наряду с радиовещанием и печатными средствами массовой информации оно призвано выполнять и культурно-просветительскую миссию: формировать культурное пространство, повышать культурный и интеллектуальный уровень общества, способствовать межкультурному общению, гармонизации межнациональных отношений и взаимообогащению культур, воспитывать хороший вкус» [1, с. 8].

В контексте культурно-просветительской функции телевидения нами проведено исследование специфики медиатекстов, созданных в процессе подготовки и реализации телепроекта ГТРК «Южный Урал» «Помни меня».

В 2010 (год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне) и в 2015 годах (год 70-летия Великой Победы) ГТРК «Южный Урал» в Челябинске разработала концепцию и реализовала масштабный общественно значимый социально-патриотический телевизионный проект «Помни меня». Журналисты региональной телекомпании собрали самый

большой в России фотоархив героев Великой Отечественной войны (солдат и тружеников тыла) и разместили эти снимки на специальной конструкции, которую назвали «Стена Памяти». Благодаря трансляции финала акции по трём телеканалам в прямом эфире более трёх миллионов человек одновременно увидели фотографии своих родственников и почтили память героев войны.

В ходе реализации этого проекта культурно-просветительская функция, призванная приобщать людей к культуре и культурным ценностям, нашла своё отражение в языке, выборе литературного стиля, лексических конструкций в заголовках, пресс-релизах, пост-релизах, жанров различных медиапродуктов и справочных материалов телевизионного проекта. Во всех этих материалах использовались оригинальные лингвистические и экстралингвистические приёмы – создавались большие и малые языковые «смысловые якоря», которые усиливали воздействие на сознание аудитории и подчёркивали масштабность и уникальность проекта. Примером такого «смыслового якоря» может служить понятие «длина “Стены Памяти”»:

В 2010 году – длина «Стены Памяти» – 1418 м – именно столько дней шла Великая Отечественная война.

В 2015 году – длина «Стены Памяти» – 4 км – по количеству лет войны.

Другой «смысловой якорь» был создан при установке Книги героев – она была установлена у Вечного огня в Челябинске 22 июня в 4 часа утра.

В медиатекстах проекта целенаправленно использовались такие определения, как «уникальный», «масштабный», «грандиозный», «не имеет аналогов в мире» и др. Они подчёркивали значимость и уникальность телепроекта. В процессе исследования нами проанализировано более 300 журналистских и рекламных материалов телепроекта, выполненных для различных видов СМИ – телевидения, радиовещания, печатных и интернет-СМИ и в разных жанрах. Это информационные жанры: заметка, сюжет, репортаж и т. д.; жанры аналитические: комментарий, обзор и т. д.; художественно-публицистические: портретный очерк, проблемный очерк, научно-популярный очерк и др.

В. Л. Цвик в своих многочисленных исследованиях особенностей журналистики неоднократно отмечает, что теория жанров находится в постоянном процессе развития и видоизменяется вместе с журналистской практикой: «Важно помнить, что в чистом виде многие жанры не так уж и часто встречаются на страницах печатных изданий, в теле- и радиопрограммах. То и дело мы видим, как жанры видоизменяются, взаимопроникают друг в друга (это явление называется диффузией). На стыке жанров подчас точнее отражаются сложные жизненные отношения, драматические коллизии нашего времени» [8, с. 20].

Эволюция телевизионных жанров на современном этапе подробно исследована С. Н. Ильченко, который отмечает, что сейчас происходит трансформация системы жанров, образуются новые жанровые модели интерпретации эмпирической и организации экранной реальности, расширяется совокупность функций телевидения и телевизионной журналистики [5, с. 28].

В этом контексте телевизионный проект – это сложносоставная конструкция, включающая в себя элементы разных жанров журналистики, и именно их синтез, совокупность, взаимопроникновение и одновременное присутствие обусловило существование разножанровых медиатекстов в рамках одного проекта, ставших единой филологической составляющей, работающей на поставленную задачу.

Однако же основной группой медиатекстов телепроекта являются материалы информационного характера.

Мы провели анализ информационных текстов телепроекта для печатных СМИ и определили, что большинство информационных текстов о телепроекте, опубликованных в печатных СМИ, носит рекламный характер.

Исследование лингвистических и экстралингвистических компонентов таких информационных текстов телепроекта для печатных СМИ, проведённое с учётом авторской оценки событий, также выявило специфику контактоустанавливающих средств, набора речевых форм, в которых воплощается содержание, лексическое своеобразие и другие характеристики медиатекста.

Информационный рекламный текст в телепроекте «Помни меня» ориентирован на прямолинейно-императивное и прагматически направленное («участуй!») общение с массовым адресатом. При рассмотрении текстов телевизионных промо-роликов проекта

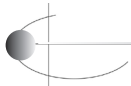
в них очевидно выделяется компонент, несущий основную информационную нагрузку, это ктематоним – имя предмета, который сам по себе обладает функцией имени и может стать словесным компонентом торгового знака.

Очень мощным ктематонимом в проекте «Помни меня» можно считать словосочетание «Стена Памяти». В проекте был разработан и создан явный центральный предмет – «Стена Памяти» – это объект, сооружение, конструкция, материальная, осязаемая, наземная часть проекта, однако в ходе его реализации этот предмет взял на себя функцию имени и сегодня большинство респондентов называют акцию не «Помни меня», а «Стена Памяти». Таким образом, можно предположить, что ктематоним – это не только предмет, который может обладать функцией имени, но и предмет, который конкурирует с именем и претендует на доминирование. «Стена Памяти» – очень яркий пример доминирования предмета над именем и «перетягивания» на себя функции имени. Несмотря на масштабную медиакампанию, в которой многократно повторялось название проекта «Помни меня», в сознании аудитории закрепилось имя акции как «Стена Памяти». Следующим, широко используемым при подготовке телепроекта компонентом, можно назвать «слоган» – очень краткое рекламное или политическое сообщение, девиз, суть рекламируемого товара, события или политической идеи [10].

В 2010 году слоганом проекта «Помни меня» стала фраза – «Они хотели, чтобы мы помнили!», а в 2015 году – «Мы победили!».

Авторы слоганов проекта «Помни меня» специально использовали местоимение «Мы» для того, чтобы усилить конкретность обращения к аудитории и эффект объединения, вызвать ощущение причастности: «Мы вместе создали Стену Памяти», «они хотели, чтобы Мы помнили», «Мы не считаем, сколько их, не узнаем, как погиб каждый, не спросим, о чем он думал, умирая. Мы можем только помнить».

Особая роль в таких медиатекстах была отведена глаголу. Глаголы в слоганах употребляются в основном в настоящем времени, так как это создаёт эффект реальности происходящего, картинка и призыв оживают, они призывают к действию именно в данную минуту, прямо сейчас. Использование форм прошедшего времени случается крайне редко и обусловлено необходимостью данного употребления. Глаголы «хотели», «помнили», «победили» в слоганах проекта «Помни

меня» по замыслу копирайтеров сознательно употребляются в прошедшем времени, так как служат напоминанием об истории, о великом подвиге и героях, которые этот подвиг совершили. В слоганах телепроекта используется только восклицательная интонация, которая эмоционально окрашивает утверждение. Эти слоганы можно отнести к стратегическим и эмоциональным, поскольку рациональная составляющая в такой тактике не прослеживается. А вот в комментирующей части промороликов проекта «Помни меня», представляющей собой одну-две фразы, динамичные по своей синтаксической структуре, раскрывающие суть сообщения, активно используются глаголы в форме повелительного наклонения, такие как «отправь», «приходи», «вспомни». Их цель – побудить аудиторию к определённым, заданным авторами телепроекта действиям. К примеру, «Отправь фотографию своего родственника – участника Великой Отечественной войны на сайт pomni.is74.ru, и она появится на “Стене Памяти”»; «Приходи на Аллею Славы 9 мая в 21.30 и вспомни своего героя».

Кроме того, в медиатекстах телепроекта активно использовались конструкции, которые можно охарактеризовать как дихотомию: «сделай – свершится!», «отправь фотографию – она появится», «приходи – вспомни».

Одним из важных текст образующих факторов является обусловленная его целевой установкой, прагматическая ориентация всего текста. Именно целевая установка определяет наличие в рекламном тексте различных типов речевых актов (призыв, утверждение, обещание, просьба и т. д.). Таким образом, эффективность информационных рекламных текстов в телепроектах обусловлена использованием ктематонимов, слоганов, различных синтаксических структур, раскрывающих суть сообщения, что обеспечивает усиление воздействия на аудиторию и реализации культурно-просветительской функции телевидения. Особое место следует уделить роли архетипов в медиатекстах проекта «Помни меня». Феномен архетипов – это атрибут любой культуры, этноса, нации, народа. Исследователь И. В. Ерофеева считает, что использование архетипов усиливает журналистский текст и привлекает внимание аудитории, поскольку являются сакральными символами.

«Архетипы не вызывают отторжения, воспринимаются как знакомый контекст, стимулируя эффект доверия к информационному продукту, так как первообразы представляют собой врождённые идеи, мыслен-

ные представления, изначальные, испокон века существующие образы восприятия и действия. Технику введения архетипа в текст называют «приёмом суммирования психической энергии». При удачном совмещении эмоционального фона изображаемого события с экспрессией архетипа к энергии медиатекста присоединяется совокупность личных переживаний читателя (слушателя, зрителя), что придаёт журналистскому произведению дополнительную убедительность и силу» [2, с. 150–154].

Сильнейшими архетипами, которые были «защиты» в общую концепцию проекта «Помни меня» и в его медиатексты, стали понятия «герой», «семья», «война»: «найди фотографию своего ГЕРОЯ», «имена ГЕРОЕВ», «портреты ваших ГЕРОЕВ», «история твоей СЕМЬИ в истории твоей страны», «СЕМЕЙНЫЕ фотографии», «мы не хотели этой ВОЙНЫ», «нам досталась ВОЙНА». Таким образом, можно предположить, что культурно-просветительская функция телевидения, опираясь на использование архетипов в современных медиатекстах, способна обращаться к подсознанию аудитории, определять её действия и влиять на поведение.

Анализ текстов информационных репортажей, промо-материалов, анонсирующих материалов проекта «Помни меня» на телевидении опирался на такие критерии, как раскрытие темы, объективность материала, использование синхронных, структура и язык телерепортажа [9, с. 177].

Приведём в качестве примера текст телерепортажа об открытии пунктов сканирования фотографий с сайта [vesti.ru](http://www.vesti.ru/doc.html?id=2510972&cid=17) (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2510972&cid=17> от 17 апреля 2015, 08:50).

ПОДВОДКА: На Южном Урале открылись пункты сканирования фотографий для размещения на самой большой в России «Стене Памяти». Специалисты по всей области помогают жителям загрузить на сайт снимки своих родственников – героев Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

ТЕКСТ 3/К: В публичную библиотеку челябинцы стали нести фотографии с самого утра, ещё до официального открытия здесь пункта сканирования. Вера Корнилова давно собиралась принять участие в масштабном проекте – ещё в первый год его работы, в 2010 году. Однако всё никак не могла решиться. Да и сложно было самой разобраться в технических тонкостях: как добавить фотографию на сайт, где написать биографию. В её семье два труженика тыла и три фронтовика. И хочется, чтобы память осталась о каждом из них.

СИНХРОН: Вера Корнилова, жительница Челябинска: «Папа у меня был машинистом паровоза, его назначили инспектором по безопасности транспорта в Магнитогорске. То есть он руководил отправкой составов в Челябинск и другие территории, не занятые фашистами или освобождённые».

ТЕКСТ 3/К: Поместить фотографии и историю героев на сайт Вере Ивановне помогла библиотекарь Юлия Пляскина. Каждому, кто желает, чтобы фото его родственника оказалось на «Стене Памяти», нужно просто принести снимок в пункт сканирования. Дальше всё сделают специалисты.

СИНХРОН: Юлия Пляскина, библиотекарь: «Можете прийти в нашу публичную библиотеку, принести фото, и в течение трёх дней фото будет на сайте, мы в реальном времени всё пишем и отправляем».

ТЕКСТ 3/К: Каждый участник проекта может выбрать, на стене какого города нужно поместить снимок. Фотомемориалы появятся в Челябинске, Магнитогорске, Миассе, Златоусте, Коркино и Троицке. И даже если изображение не самого лучшего качества, его примут.

СИНХРОН: с/т Наталья Дискан, директор универсальной научной библиотеки: «По большому счёту все фотографии можно принести. Технологии позволяют провести обработку и в надлежащем качестве выставить».

ТЕКСТ 3/К: Пункты, где помогут отсканировать и загрузить на сайт фотографию, работают в каждом городе, участвующем в проекте. Только в Челябинске их около 30. В их числе торговые центры, супермаркеты, кинотеатры и библиотеки. С полным списком можно познакомиться на сайте проекта «Помни меня», а также на сайте ГТРК «Южный Урал». Фотографии будут принимать до конца следующей недели, после их разместят на самой большой в России «Стене Памяти». Её длина будет 4 километра — по числу лет Великой Отечественной войны».

По типологическим особенностям этот материал относится к событийному репортажу, поскольку корреспондент является очевидцем события, и речь идет о показе реального события, протекающего независимо от репортёра, задача которого — по возможности точно и достаточно подробно проинформировать об этом. Личностное восприятие события обусловлено подбором героев на месте события, что не противоречит объективности этого информационного жанра. Тема раскрыта подробно, использование синхронов доказывает объективность материала, формулировки чёткие, содержание репортажа подчинено теме.

Поскольку главные требования к звучащему в эфире тексту выражаются в понятиях: точность, ясность, краткость, интерес, грамотность, при подготовке телевизионного текста в рамках телепроекта они учитывались прежде всего, а также то, что текст, сосуществуя с видеорядом, должен произноситься уверенно и вызывать доверие телезрителя.

Особая группа медиаматериалов в ходе организации и реализации телевизионного проекта была подготовлена для радиовещания. При подготовке радиоматериала журналисты, прежде всего, старались соотносить задачи такого радиосообщения с особенностями своего индивидуального журналистского стиля и со всем строем своего сугубо личностного мировосприятия.

На радио слово, вербальный текст не просто главный, но единственный инструмент радиожурналиста для передачи основного содержания, мыслей, идей; это осмысленный звуковой ряд, форма речевого общения, может быть, самая распространённая и, скорее всего, древнейшая знаковая система. Особенностью текста радиопрограммы является его фонематическая доминанта, ориентация на слуховое восприятие аудитории [7, с. 201].

В качестве примера приводим материал радиожурналиста Я. Торминой в информационном радиовыпуске «Вести Южный Урал».

«ПОДВОДКА: Найти портреты своих родственников на “Стене Памяти” сейчас приходят сотни жителей Челябинска. Сегодня завершился монтаж последнего баннера. Рассказывает Яна Тормина.

ТЕКСТ: 4 километра памятных снимков, 100 тысяч фотографий героев Великой Отечественной. Тех, кто не дожил до 70-летнего юбилея Победы. Буквально за месяц челябинская Аллея Славы превратилась в уникальную галерею памяти. И вот ещё один рывок — монтаж последнего баннера. К 65-й годовщине Победы, когда акция проводилась впервые, удалось собрать 60 тысяч фотографий. К 70-летию — ещё столько же.

Не дожидаясь 9 Мая, семья Килановых приехала на Аллею Славы. Около часа они гуляли среди стендов, искали знакомые лица и фамилии. Рассказывает Владимир Киланов.

СИНХРОН: Это очень приятно, волнующе! Да любой, хоть он даже и медалями не отмечен, но он прошёл войну... Достойны они!

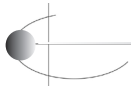
ТЕКСТ: Подобного нет ни в одном регионе России. В Челябинской области такие “Стены Памяти” появились сразу в шести городах: Магнитогорске, Златоусте, Миассе, Троицке, Коркино и, конечно, Челябинске. По мнению заместителя губернатора Челябинской области Вадима Евдокимова...

СИНХРОН: Большая Аллея Славы получилась, с большим количеством портретов. И вот я смотрю, приходят как пожилые люди, так и совсем молодые ребята, которым интересно смотреть на эти фотографии, вглядываясь в лица этих людей. Как они жили, чем жили, как защищали Родину.

ТЕКСТ: Финальные мероприятия акции пройдут 9 Мая. С цветами, свечами люди придут, чтобы почтить память героических родственников. Церковный хор под открытым небом исполнит поминальную молитву. В Челябинске всё начнется здесь, на Аллее Славы, в половине десятого вечера. Те, у кого не получится посетить это мероприятие, смогут наблюдать за происходящим на экранах своих телевизоров. Телерадиокомпания «Южный Урал» будет вести прямую трансляцию с места события».

В этом радиоматериале все фонетические элементы — голос, звучащая речь, музыка, шумы и интершумы — находятся в композиционном единстве и связаны, поддерживают и дополняют друг друга, но основная смысловая нагрузка ложится на содержание, стиль и язык произносимого текста.

Существенное отличие радио от других средств массовой коммуникации заключается в том, что смысл, содержание информа-

ции может быть передано только при помощи звучащего текста, поэтому так важно учитывать необходимость чёткого произнесения фразы, её фонетические особенности (альтерацию, наличие и отсутствие определённых гласных и согласных, длину фразы, наличие и отсутствие причастных и деепричастных оборотов). Важную роль играет способность журналиста к интонированию, акцентации отдельных предложений, организации эмоциональных подъёмов и спадов, пауз и т. д.

Особую группу информационных материалов составили интернет-публикации о подготовке и ходе телепроекта. «В отличие от других видов СМИ Интернет гарантированно расширяет количество пользователей, выстраивает и учит воспринимать специфически смоделированную действительность. Наличие реципиента нового типа повлекло за собой трансформацию материалов телепроекта в интернет-ориентированные версии, актуализацию нового типа коммуникации. Понятие текста при этом не перестало быть самоценным и в то же время активно ассимилировалось в пространство гипертекста: текст структурно стал подобен системе, в координатах которой он воспринимается. Естественны при этом такие характеристики текста, как нелинейность, фрагментарность, монтажность, отсутствие психологического подтекста, жанровый и стилиевой синкретизм» [4, с. 21].

В анализе интернет-текстов телепроекта мы опирались на требования того что, веб-текст должен быть небольшим по объёму; разбит на блоки с подзаголовками; структурирован с помощью маркированных списков, а также различными способами выделения текста (полуужирный, курсив, подчёркивание). Кроме того, в конструкции веб-текста применяется общепринятая форма подачи новостных материалов, так называемая «перевернутая пирамида». В соответствии с данным принципом, сообщение начинается с существенного, опорного факта, который в дальнейшем только конкретизируется. В связи с этим особую роль играет лид – первый абзац текста – краткий, ясный, недвусмысленный и самодостаточный; с суммой всех фактов, изложенных в тексте; от качества лида зависит, перейдёт ли читатель дальше по ссылке, к основному тексту. В качестве типичного примера можно привести интернет-текст журналистки В. Сердитовой, опубликованный на сайте «Магнитогорский рабочий» 4 апреля 2015 года [6].

Заголовок «Километры Памяти. Челябинскую Аллею Славы отдали победителям».

Подзаголовок «В Челябинске приступили к монтажу стендов с фотографиями участников Великой Отечественной войны».

«Социально-патриотический проект “Помни меня” включает в себя создание экспозиций, на которых будут размещены фотографии людей, прошедших дорогами войны, проведение Уроков памяти в учебных учреждениях, а также День памяти погибших, который традиционно пройдет накануне Дня Победы в виде церемонии зажжения свечей. В Магнитогорске ещё только готовятся к праздничным мероприятиям, а вот в Челябинске 7 апреля уже приступили к возведению самой большой в стране фотостены Памяти. Пока на Аллее Славы областного центра появились несколько десятков стендов и 60 тысяч фото, но к 9 Мая инициаторы акции обещают установить на каркасы 333 баннера, где будет размещено 150 тысяч фотографий участников Великой Отечественной и тружеников тыла. Длина “Стены Памяти” составит четыре километра.

В нынешнем году помимо челябинцев фотографии героев присылали жители Магнитогорска, Миасса, Златоуста, Троицка, Коркино. Всего же народный мемориал включил в себя фотоснимки, которые южноуральцы приносили с 2010 года по апрель года нынешнего.

Стоит отметить, что фотографии на мемориал можно добавить и сейчас. Для этого снимок и краткое описание – отдельными файлами – следует отсканировать и добавить на сайте организатора проекта pomni.is74.ru. Сайт также является электронной копией проекта, на котором фотографии и материалы о героях будут храниться вечно» [6].

Этот интернет-материал имеет яркий заголовок – «Километры Памяти», текст разбит на блоки, начинается с опорного факта – «приступили к монтажу стендов с фотографиями», присутствует бэкграунд. Важно отметить, что в этом интернет-тексте телепроекта принцип «перевернутой пирамиды» приобрёл несколько иное значение в отношении веб-текста. Каждая структурная единица веб-текста была самодостаточной и не отсылала читателя к уже прочитанному. Особую значимость приобрела информационная насыщенность материала: в нём не было лишних слов, ненужных оборотов, «воды», но в то же время использовались тропы. Таким образом, данный веб-текст телепроекта отличался лаконичным, ясным, информационно насыщенным, точным, ёмким, художественным языком.

Особое место среди разнообразия медиатекстов проекта занимает сценарий финального мероприятия проекта «Помни меня». Он разрабатывался как универсальное литературно-драматическое журналистское произведение для воспроизведения его в прямом радио- и телеэфире на нескольких челябинских теле- и радиоканалах. В связи с этим аудитория разделилась на две части: участники финальной акции, принимающие в ней непо-

средственное участие, и зрители, оставшиеся дома у экранов своих телевизоров. Первые слушали радиоверсию сценария финального мероприятия проекта «Помни меня» во время трансляции акции в прямом телеэфире. Вторые – наблюдали за ходом акции по телевизору. Один и тот же сценарий, одна и та же фонограмма, с той лишь разницей, что в телеэфире она сопровождалась видеорядом, а на площадке финального мероприятия воспринималась многотысячной аудиторией исключительно на слух. Единственным инструментом, с помощью которого можно было обеспечить наличие аудитории на съёмочной площадке, была фонограмма – многокомпонентное аудиопроизведение, включающее в себя текст, музыку, интершумы. Проанализируем подробнее текстовую часть фонограммы, которая решала одновременно три задачи:

- информировать аудиторию (причём плотность фактов на единицу времени должна быть очень высокой, чтобы вызвать интерес);
- рождать эмоции (люди разного возраста в кадре должны думать, сопереживать и плакать);
- вовлекать в процесс (люди в кадре в нужных местах сценария должны совершать простые действия, но одновременно зажигать свечи, посмотреть на небо, спеть песню).

В соответствии с задачей информирования сценарий создавался как информативно насыщенное произведение, содержащее большое количество текстов информационного характера. Главными критериями качества информационных текстов стали чёткость, ясность, убедительность, наличие цифр и мощных фактов.

Приведём информативно насыщенный фрагмент сценария:

«Историки до сих спорят, сколько нас. Последняя официальная цифра – 27 миллионов. Вы можете представить себе 27 миллионов человек? В Челябинске живёт чуть больше одного миллиона. А это сразу 27 таких же Челябинсков. Что такое 27 миллионов за четыре года войны? Это 18 с половиной тысяч человек в день. Почти восемьсот в час. Примерно 13 человек – каждую минуту. (раздельно) Каждую минуту // с 41-го // по 45-й годы // в нашей стране // умирали // 13 человек».

Эмоциональную часть сценария составили повествования от первого лица, которые стали доминантной финального мероприятия проекта «Помни меня». Тексты были написаны журналистами ГТРК «Южный Урал» на основе реальных историй, присланных на сайт pomni.is74.ru. Небольшая часть из десятков тысяч текстов о судьбах южноуральцев лег-

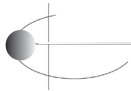
ли в основу иллюстрации великого подвига обычного человека и целой нации. Эти тексты были написаны в жанре автобиографии, содержали большое количество деталей, преимущественно бытовых, которые подчёркивали обычность этих людей, похожесть их на современников. Авторы сознательно вводили в эти тексты просторечия и жаргонизмы. Все истории начинались с местоимения «Я» и короткой презентации героя (профессия или занятие в мирной жизни, возраст, семья, хобби и др.). Они были написаны от лица людей разного возраста, социальной принадлежности, вероисповедания (мусульманский поэт, девочка, мечтающая стать балериной, председатель колхоза, выпускник школы, рабочий завода, пимокат, тракторист и др.). Масштаб и ужас войны подчёркивается в финале каждой истории, драматургия которых такова, что каждый герой погибает: кто-то совершает подвиг, кто-то умирает от голода, кто-то погибает на поле боя. В качестве примера приведём текст письма, написанного от имени бойца, пропавшего без вести:

«Я ведь толком-то и мирной жизнью не успел пожить. Когда началась война, мне было 30, и я только вернулся с фронта. Александр Ярополов, председатель колхоза, ветеран финской компании. Уходил я в 41-м, на 3-й день войны. В тот день прошёл проливной дождь... было жарко. Я снял ботинки и шёл босиком. Земля приятно грела ноги, ведь тогда я ещё не знал, что спустя неделю земля подо мной будет ГОРЕТЬ. На площади у сельсовета собрался весь колхоз. Бабы плакали, детишки, несмышлёные совсем – бегали босиком по лужам. Недолгое прощание, я не люблю этих сантиментов. Погрузились в машины, уже выехали за село, как услышал знакомый голос. Моя младшая за машиной бежит и что-то держит в руках. Догнала, сунула мне и остановилась... Так и стояла, пока мы за холм не заехали. Я уж потом сквозь слезы разглядел – охалка грязной июньской моркови – самое вкусное, что я ел в жизни. Не видала меня больше дочь. Пропал я... без вести».

С точки зрения вовлечения в процесс участников финального мероприятия, не являющихся зрителями, в сценарии использовались приёмы прямого правдивого обращения к людям:

«Сегодня здесь на Аллее Славы и у экранов телевизоров собрались люди, которые хотят вспомнить своих героев. Сейчас не будет шоу! Не будет зрелища! Не ждите спецэффектов! Вы будете только СЛУШАТЬ. Слушать и СЛЫШАТЬ их! Они хотели, чтобы мы помнили.

Давайте внимательно посмотрим на лица на стене. Десятки тысяч снимков. Десятки тысяч лиц. Жизней. Судеб. Смотрим на них. Слушаем. Вспоминаем». Приведём так же для примера другой фрагмент текста сценария: «Сейчас над Аллеей Славы на одну минуту будет выключено освещение. В свете живого огня свечей всмотритесь в лица на стене. Вспомните их». И следом – текст от первого лица: «Зажгите свечи. Зажгите столько свечей, сколько нас на этой стене. Зажгите свечи и смотрите. Хорошо смотрите, чтобы запомнить».

И всё это находило отклик в сердцах участников акции, по какую бы сторону экрана они ни находились. Зажигались свечи, звучали молитвы, люди вспоминали Героев войны.

Цель акции была достигнута. «Сценарий развёртывания концепта «война» в доминирующих информационных потоках СМИ включает основные смыслы национальной картины мира о войне, ярко представленные в русской классике: М. Лермонтов, Л. Толстой, М. Булгаков, В. Быков, Ю. Бондарев и др. Известные когнитивные модели закреплены в повторе в отечественном медиадискурсе: война – преступление против человечества – бедствие и невозполнимые утраты – бессмысленная бойня – «слава, купленная кровью» (М. Ю. Лермонтов). Современный контент о войне навеивает, в том числе, откровенные аналогии с публицистикой Великой Отечественной войны. Несомненно, совре-

менный медиадискурс и дискурс Второй мировой – пространства разнопорядковые. Тем не менее, в данных текстовых пространствах возможно выделить и обозначить интенсивную активизацию одних и тех же концептов: патриотизм, соборность, русская земля» [3].

Таким образом, мы приходим к выводу, что разрабатывая и реализуя общественно значимый телевизионный проект, с помощью языка, лингвистических, экстралингвистических, стилистических особенностей, использования архетипов, тематического и жанрового разнообразия медиатекстов, ставших неотъемлемой составляющей телепроизводства, можно в полной мере реализовать различные компоненты ведущих социальных функций телевидения, прежде всего, культурно-просветительской, и в период проведения интересного, полезного досуга приобщать телезрителей к истории, культурным и нравственным ценностям общества.

Список литературы

1. Гегелова Н. С. Культурно-просветительская миссия телевидения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2012. 378 с.
2. Ерофеева И. В. Архетип в медиатексте: возможности и особенности воспроизведения // Вестн. ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2009. № 2 (53).
3. Ерофеева И. В. Параллели репрезентации концепта «война» в медиатексте: длиной в 70 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oaji.net/articles/2015/245-1439294200.pdf> (дата обращения: 17.11.2015).
4. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М.: Фокус-медиа, 2010. 200 с.
5. Ильченко С. Н. Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2012. 47 с.
6. Сердитова В. Километры Памяти. Челябинскую Аллею Славы отдали победителям [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mr-info.ru/11890-kilometry-pamyati-chelyabinskuyu-alleyu-slavy-otdali-pobeditelyam.html> (дата обращения: 17.11.2015).
7. Универсальный журналист. Основы творческой деятельности: учебник / под. ред. Л. П. Шестёркиной. Челябинск: ЮУрГУ. 2015. Ч. 1. 275 с.
8. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.
9. Шестёркина Л. П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2011. 336 с.
10. Энциклопедический фонд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russika.ru/t.php?t=4750> (дата обращения: 17.11.2015).

References

1. Gegelova N. S. Kul'turno-prosvetitel'skaya missiya televideniya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.10. M., 2012. 378 s.
2. Erofeeva I. V. Arkhetip v mediatekste: vozmozhnosti i osobennosti vosproizvedeniya // Vestn. ChitGU. Chita: ChitGU, 2009. № 2 (53).
3. Erofeeva I. V. Paralleli reprezentatsii kontsepta «voina» v mediatekste: dlinoyu v 70 let [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://oaji.net/articles/2015/245-1439294200.pdf> (data obrashcheniya: 17.11.2015).
4. Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediinye / pod red. A. G. Kachkaevoi. M.: Fokus-media, 2010. 200 s.
5. Il'chenko S. N. Transformatsiya zhanrovoy struktury sovremennogo otechestvennogo telekонтента: aktualizatsiya igrovoi prirody televideniya: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.10. M., 2012. 47 s.
6. Serditova V. Kilometry Pamyati. Chelyabinskuyu Alleyu Slavy otdali pobeditelyam [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.mr-info.ru/11890-kilometry-pamyati-chelyabinskuyu-alleyu-slavy-otdali-pobeditelyam.html> (data obrashcheniya: 17.11.2015).

7. Universal'nyi zhurnalist. Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti: uchebnik / pod. red. L. P. Shesterkinoi. Chelyabinsk: YuUrGU. 2015. Ch. 1. 275 s.
8. Tsvik V. L. Televizionnaya zhurnalistika: istoriya, teoriya, praktika: ucheb. posobie. M.: Aspekt Press, 2004. 382 s.
9. Shesterkina L. P. Formirovanie innovatsionnoi modeli podgotovki zhurnalistov v kontekste stanovleniya konvergentnykh SMI (gumanitarnyi i tekhnologicheskii aspekty): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.10. M., 2011. 336 s.
10. Entsiklopedicheskii fond [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.russika.ru/t.php?t=4750> (data obrashcheniya: 17.11.2015).

Библиографическое описание статьи

Шестёркина Л. П., Дмитренко Е. Л. Специфика медиатекстов общественно значимого телепроекта в контексте культурно-просветительской функции телевидения // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 151–159. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-151-159.

Reference to article

Shesterkina L. P., Dmitrenko E. L. Specificity of Media Texts of Socially Significant TV Project in the Context of Cultural and Educational Function of Television // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 151–159. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-151-159.

Статья поступила в редакцию 03.02.2016

УДК 930.25
ББК 63.3(2)

Марина Васильевна Аюшеева,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: ayagma@yandex.ru

Личный архив И. Н. Мадасона (1911–1984)

В статье рассмотрен личный архив Ильи Николаевича Мадасона – фольклориста, поэта, собирателя устного народного творчества бурят, этнографа, – хранящегося в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ). На основе архивных материалов была изучена творческая биография учёного и его вклад в развитие бурятской науки. Кратко описаны основные разделы личного фонда И. Н. Мадасона, включающего по двум описям 891 единицу хранения по разным отраслям гуманитарного знания. Рассмотрена экспедиционная деятельность учёного в составе Аларо-Унгинского отряда диалектологической экспедиции 1962 года, а также ряд его самостоятельных командировок в Аларский район (1940–1941 гг.) с целью фиксации эпической традиции бурят, что позволило очертить вклад учёного в собирание и изучение образцов бурятского фольклора, в открытии им новых имён улигершинов. Отмечена значимость собранного им материала по литературной, культурной жизни Бурятии, дан обзор обширной картотеки учёного, включающей несколько тысяч карточек в разнообразных рубриках. Также дано описание его уникальной коллекции генеалогий иркутских и забайкальских бурят, насчитывающей более 3000 листов разного формата. Выявлены особенности фиксации генеалогий, принятые учёным. Подчёркнута роль учёного как пытливого этнографа, сохранившего для потомков уникальные записи бурятских родословных, преданий и легенд.

Ключевые слова: личный архив, И. Н. Мадасон, улигер, бурятские генеалогии, ЦВРК

Marina V. Ayusheeva,
Candidate of History,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: ayagma@yandex.ru

Private Archive of I. N. Madason (1911–1984)

In the article, private archives of Ilya Nikolaevich Madason, the Buryat scientist, poet, collector of folklore, ethnographer, kept in the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (COMX IMBT) are considered. On the basis of archival materials, the biography of the scientist and his contribution to the development of the Buryat science have been studied. The main sections of the I. N. Madason's personal fund, including 891 units of storage on different branches of humanitarian knowledge are briefly described.

Field activities of the scholar as a member of Alaro-Unginsky group of dialectological expedition of 1962, and of a number of his independent expeditions to Alarsky district in 1940–1941 with the purpose of fixing epic folklore are analyzed. This has allowed outlining the scientist's contribution to collecting and studying of the Buryat folklore, to opening new names of Buryat *uligershins*. The importance of the collected material on literary and cultural life of Buryatia is emphasized; the review of the extensive card file of the scientist including several thousands of cards on various themes is given. The description of his unique collection of genealogies of Irkutsk and Transbaikal Buryats numbering more than 3000 sheets of different format is given. The methods of fixing genealogies used by the scholar are looked upon. The role of the scientist as an ethnographer who has saved vast records of the Buryat family trees, legends and materials on shamanism is revealed.

Keywords: private archives, Ilya N. Madason, uliger, Buryat genealogies, COMX

В 2016 году исполнилось 115 лет со дня рождения Ильи Николаевича Мадасона – бурятского учёного, фольклориста, поэта, собирателя и исследователя устного народного творчества, библиофила, этнографа. Общеизвестны поэтические работы Ильи Николаевича, его творческий псевдоним Дольён (лёгкий как волна) Мадасон. За свою жизнь он опубликовал несколько сборников стихов, занимался переводами на русский язык произведений молодых бурятских поэтов. На протяжении многих лет сотрудничал с Союзом бурятских писателей. Долгие годы работал в области фольклористики, им записаны тысячи пословиц и поговорок. Однако личность учёного недостаточно освещена в истории бурятской науки, а его роль в накоплении уникальных материалов по этнографии, особенно по генеалогиям бурятских родов, малоизвестна.

Илья Николаевич Мадасон родился 21 января 1911 года в улусе Эрхэдэй Боханского района Иркутской области в многодетной семье, как он пишет в своей автобиографии, «полукрестьянина, полуотходника, а с 1923 года середняка»¹. С шести лет начал учиться в улусной начальной школе. Обучение велось на русском языке, с перерывами, так как «часто менялись учителя, мешала гражданская война». Тем не менее, в 1928 году окончил Боханскую семилетку, много занимался самообразованием. Работал учителем бурятского языка и литературы в школах Боханского и Тункинского районов.

В годы Великой Отечественной войны И. Н. Мадасон служил в рядах Красной Армии. В 1943 году, участвуя в боях, при сопровождении эшелонов на фронт, был контужен. Пройдя курс длительного лечения в госпиталях, был снят с воинского учёта. После демобилизации работал в колхозе, затем кинемехаником, а с 1950 по 1957 годы работал библиографом в Бурят-Монгольском

облпрофсовете. Оттуда он перешёл на работу в Союз писателей Бурятии литературным консультантом. Затем много лет проработал в должности сотрудника отдела фольклора и литературы Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (ныне ИМБТ СО РАН).

И. Н. Мадасон много сил и таланта отдал собиранию и систематизации материалов бурятского устного народного творчества. Его научная и творческая деятельность была отмечена званиями и наградами. Илья Николаевич Мадасон – заслуженный работник культуры Бурятской АССР. Награждён Почётными грамотами Президиумов Верховных Советов Российской Федерации и Бурятской АССР, медалью «Ветеран труда».

Творческая биография молодого И. Н. Мадасона началась в стенах Бурятского учёного комитета в 1926 году с должности письмоводителя. Но первые шаги пытливого искателя сокровищ народной мудрости состоялись чуть ранее, в 1925 году он записал свои первые образцы устного народного творчества – 23 загадки и 3 пословицы сугубо с практической целью – не быть поверженным в традиционной бурятской игре-забаве: загадывании и разгадывании загадок.

Многолетний кропотливый труд по собиранию афористической поэзии бурятского народа нашёл отражение в издании сборника «Буряад арадай оньһон хошоо үгэнүүд» [7]. Данный труд отличается полнотой, содержательностью и подлинным тематическим разнообразием. В него вошло более 6 тысяч бурятских пословиц и поговорок, систематизированных в 97 предметно-тематических групп. Этот труд один из биографов И. Н. Мадасона М. П. Хамаганов охарактеризовал так: «Это золотые поэтические россыпи, в которых обобщён конкретный социально-исторический опыт трудового бурятского народа» [5]. Записанные им произведения малых жанров фольклора отражают мировоззрение ушедших

¹ ЦВРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4.

времен, но как образцы народной мудрости, до сих пор поражают своей лёгкостью, точностью, красотой выражения. Например: «Гарай хүсэтэй хүн, ганса хү диилэхэ. Эрдэмэй хүсэтэй хүн, мянган хү диилэхэ» (Сильный человек – одолеет одного человека. Умный – одолеет тысячу); «Хубсаһан – бэеын шэмэг, эрдэм – ухаанай шэмэг» (Одежда – украшение тела, знание – украшение ума); «Муу засаг – түрын үбшэн, муу эзэн – гэрэй үбшэн» (Плохой правитель – болезнь государства, плохой хозяин – болезнь дома) [7].

Первое стихотворение Дольёна Мадасона «Весна» было опубликовано на страницах газеты «Буряад Унэн» в 1927 году. В 1932 году он выпустил свой первый сборник стихов «*Habariin gerel*» («Весеннее сияние»). Как отмечает автор в предисловии к изданию, в 1928 году в Бохане он написал небольшие стихи «Весна», «Осень», «Лето», но затем, в связи с работой киномехаником и учителем, не написал ни одной строчки, и, лишь находясь на больничной койке в областной больнице в 1931 году, вновь начал писать стихи. Молодой поэт, указывая на несовершенство своей формы, обещал работать над своими недостатками. Считал, что нельзя отказываться от живой речи и диалектизмов, мечтал показывать в своих стихах реальную жизнь [8, с. 3–4]. Его лирические стихи воспевали сельский труд, звали к новой жизни. Накануне войны, в 1941 году, Бурятское книжное издательство выпустило небольшой сборник на бурятском языке «Лирикэ», затем последовали лирическая поэма «Сэсэгтэ нуга дээрэ» («На цветущем лугу», 1950 г.), «Хүхын дуунай үеэр» («Время кукования кукушек», 1958 г.) и др. В 1959 году на русском языке был выпущен сборник «Лирические стихи». Для детей дошкольного и младшего школьного возраста им был издан небольшой сборник бурятских сказок «Боосоото урилдаан» («Пари», 1969 г.).

И. Н. Мадасон, неутомимый собиратель бурятского фольклора, открыл миру имена многих бурятских сказителей. Это такие знаменитые сказители, как Пеохон Петров, Папа Тушемилов, Аполлон Тороев, Л. Балтахинов, Парамон Дмитриев, М. Билдаев, М. Шоболов и др. Нередко, как это было с П. Петровым, Илья Николаевич подвергался своеобразным «экзаменам»: на точность и быстроту записи, на знание бурятского фольклора.

В отчётах по итогам экспедиционной деятельности за 1940–1941 годы И. Н. Мадасон отмечает, что им были прослушаны более 17 сказителей: Пеохон Петрович Петров,

Василий Тимофеевич Аксеев, Александр Моторов, Хилтуу Петчинов, Абрам Урбаев, Хонрон Косоков, Шобой Шадаев, Александр Балдакшинович Балдакшинов и др. В эти же годы были записаны улигеры «Могой Сагаан хүбүүн» (478 стих. строк), «Абай Гэсэр хан» (12 300 стих. строк) от П. Петрова, «Мунгэн бухэтэн хубуун» от А. Балдакшинова (2500 стих. строк), «Алтан Шагай Мүнгэн шагай» (1200 стих. строк) со слов Дагданова Игна-тия, версии «Абай Гэсэр-хана» от Х. Петчинова, П. Дмитриева, Н. Романова. Объём записанного материала составил по подсчётам собирателя – 21 410 стих. строк. И это была лишь незначительная часть богатой духовной культуры бурят. В отчёте за 1940 год И. Н. Мадасон планирует ещё одну командировку в Унгинскую долину длительностью на один месяц для встречи со сказителями А. Алексеевым, А. Хулукшановым, братьями Пантевыми, Хайдуровым, Егоровым, Антропом, А. Матвеевым¹ Здесь же отмечается, какие ещё «һалаа» – ветви Гэсэра – знают улигершины, и что предстоит записать на месте, т. е. в Алари, и каких улигершинов следует вызвать в город для записи их репертуара на фонографе.

В 1947 году И. Н. Мадасон представил в Дирекцию перечень своих материалов в фондах Рукописного отдела. Перечень включал записанные им тексты, а также рукописи, подвергнутые его художественной обработке – всего 7930 стих. строк.

В 1960 году в Ленинграде была опубликована книга «Абай Гэсэр», содержащая бурятский текст эпоса, записанный И. Н. Мадасоном у гениального сказителя Пеохона Петрова в 1940–1941 годах, и перевод на русский язык с комментариями и вступительной статьей А. И. Уланова. Отметим, что «Абай Гэсэр» занимает важное место в бурятской национальной культуре, являясь выдающимся памятником эпического творчества.

Личный архив И. Н. Мадасона был передан на хранение в фонды Рукописного отдела Бурятского комплексного научно-исследовательского института (ныне Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ) в сентябре 1995 года. После научно-технической обработки материалы были сгруппированы в 2 описях, фонду был присвоен номер 18. В первую опись включено 875 ед. хр., во второй – 16 ед. хр. Материалы личного фонда в первой описи систематизированы в следующих разделах: 1) материалы к его биографии; 2) материалы по общественной и служеб-

¹ ЦВРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 14. .

ной деятельности; 3) творческие материалы И. Н. Мадасона; 4) материалы, собранные им. Каждый раздел состоит из подразделов, в которых дела систематизированы по отраслям знаний и в логической последовательности. Во вторую опись вошли материалы, вычлененные из общего архивного фонда и поступившие на хранение во время работы Ильи Николаевича в отделе фольклористики и литературоведения, это, главным образом, экспедиционные материалы.

Помимо личного архива учёного часть его трудов находится в общем архивном фонде ЦВРК, как составная часть материалов диалектологических или фольклорных экспедиций. Они также содержат материалы по бурятским родам, шаманские призывания, предания, легенды и генеалогии информантов.

Круг интересов у кропотливого и неутомимого исследователя родной культуры и истории был широк: фольклор – Илье Николаевичу удалось записать значительный корпус больших и малых форм устного народного творчества бурят; этнография – в частности многочисленные генеалогические записи; библиография – учёный старался подробно зафиксировать историю культурной жизни Бурятии; литературоведение – он собрал биографические сведения о многих литераторах и поэтах. И. Н. Мадасон также является основателем антологии бурятской литературы (1950 г.), пятитомного собрания сочинения Х. Намсараева, трёх литературных сборников «Тункинская весна» (1936 г.). Для шеститомной истории советской многонациональной литературы (1974 г.) он составил хронику литературной жизни Бурятии.

Значительную часть архива занимают собранные учёным материалы – газетные вырезки по разным отраслям знания, но главным образом, это история бурятской литературы и театра, этнография бурят, биографии сказителей и выдающихся деятелей науки и культуры бурят.

В разделе «Материалы о поэтах и писателях Бурятии» собраны биографии и творческие материалы 131 деятеля: Б. Абидуева, Р. Белоглазовой, И. Калашникова, Б. Ябжанова и др.

Обширна картотека И. Н. Мадасона, содержащая библиографическую информацию о первых печатных изданиях, упомянутых выше родословных, картотека песен, пословиц и поговорок, биографий бурятских учёных, кандидатов и докторов наук и др.

В состав архива вошли его стихотворения и рассказы за 1931–1976 годы в рукопи-

си и отпечатанные на машинке, оригиналы и переводы на русский язык. Также представлены рецензии, статьи, многочисленные записи улигеров «Абай Гэсэр», «Хараасгай Мэргэн», «Эрын хайнда түрэн Сэмнэг Мэргэн хүбүүн», «Арбалжан Мэргэн», «Алтан Сэгсэ хүбүүн» и др. Эти тексты представляют большую научную ценность. Все они были записаны у ныне уже покойных выдающихся улигершинов Пеохона Петрова, Папы Тушемиллова, Парамона Дмитриева. Несомненную ценность имеют загадки (около 2000) и их варианты, записанные И. Н. Мадасоном в различных районах Бурятии, Иркутской и Читинской областей. Многочисленные образцы текстов малого жанра – пословиц, поговорок, благопожеланий, сказок, басен – переплетены в толстые рукописные книги. Немало материалов по шаманизму западных бурят, шаманские призывания, ритуальные словословия и т. д. хранятся вместе со стихами собирателя, например, в деле № 29 «Стихи (1933–1945 гг.)» собраны такие призывания, как «Бэртөө бөгөнэй дурдалга» (записано со слов Семена Васильевича Хамаева, 1897 г. р.) или «Түрүүни тогоони дурдалга» (записано 16 августа 1933 г. в улусе Моло Осинского района от Түмэрхөөна Федоровича Петрова).

Особый интерес вызывает переписка И. Мадасона с Х. Намсараевым, П. Дамбиновым (Солбонэ Туяа) и другими адресатами, в которой отражены творческие планы и решения бытовых вопросов, что в целом характеризует время и личность учёного.

И. Н. Мадасон – незаурядный этнограф. Тяга к истории родного края, своим корням, живой интерес к судьбам других людей и поэтический дар позволяли ему неутомимо работать в области фиксации больших и малых форм устного народного творчества, генеалогий и преданий бурят. В начале своего научного пути И. Н. Мадасон, призывая неравнодушных людей объединиться в кружок краеведов, подписался под обращением «краевед Мадасон». Первоочередной задачей он считал собирание памятников бурятской культуры, чему и посвятил всю свою жизнь.

И. Н. Мадасон в своих научных экспедициях объездил всю этническую Бурятию, но всё же больше его внимание привлекали иркутские буряты, среди которых в полной мере сохранились шаманские представления, эпические произведения, которые под натиском исторических перемен уходили в забвение.

В составе Алара-Унгинского отряда диалектологической экспедиции в 1962 году

И. Н. Мадасон объехал улусы Нукутского района, записал генеалогии (тетрадь № 1), составил 500 карточек слов и выражений. Им были записаны лексемы по разным тематикам: названия одежды (хубсаһанай нэрэнүүд), названия птиц, зверей, конской упряжи, термины родства, названия родов и подродов. Интерес вызывают записанные им детские слова: няня – мясо, шуушуу – коза, тютюу – курица и др.¹

Дело № 791 «Материалы по этнографии» содержат записи И. Н. Мадасона, выписки из этнографической литературы и собранные им самим материалы, как описание бурятских игр для детей и взрослых «Шоно үнэт» (Волк и коровы) и др. В этом же деле содержится обращение краеведа И. Н. Мадасона ко всем неравнодушным людям: «Каждый сознательный гражданин должен знать о своём родном крае...» (1929 г.)². Целеустремлённый И. Н. Мадасон ставил себе в план работ по краеведению на ноябрь 1929 года: «1. Пятно – «тамга». 2. Написать (вернее нарисовать пятно). 3. Организовать ячейку научного общества им Д. Банзарова. 4. Сделать доклад о краеведении. 5. Написать статью по краеведению. 6. Читать статьи по этнографии»³. Справа на этом же листке в клетку нарисованы несколько видов «тамга», ниже – сделана пометка о составлении «тамга» своего улуса Егоровска, перечислены 9 домохозяев. К сожалению, среди материалов фонда нами не обнаружена планируемая к написанию статья И. Н. Мадасона о знаках собственности. В данном деле также содержатся записи народных поверий о дороге, сороке, собаке, коршуне, змее, кошке, удоде, петухе и др.

Много материалов было собрано И. Н. Мадасоном о природе Бурятии, в частности, об озере Байкал, реке Селенге. Очерк о Закаменском районе содержит общие географические сведения, в нём перечислены представители флоры и фауны данного района с указанием мест обитания, полезные ископаемые. Примечательно то, что учёный приводит латинские и бурятские названия растений, птиц и зверей⁴.

В личном архиве учёного также представлено несколько его рисунков на этнографические темы – бурятка в национальном костюме, вид поселения, набросок свиньи с записями пословиц и поговорок на темы рисунков⁵.

¹ ЦВРК. – ОАФ. – Д. 1982/г.

² ЦВРК. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 781. – Л. 21.

³ Там же. – Л. 24.

⁴ Там же. – Д. 55.

⁵ Там же. – Д. 2.

В деле 799 представлено более 300 фотографий, это и семейные фотографии И. Н. Мадасона, фотографии рабочих встреч, информантов, участников различных совещаний и пр. Исследователям литературной жизни Бурятии также будут интересны документы из раздела «Материалы съездов и заседаний Союза писателей» (всего 16 дел за 1933–1970 гг.).

На протяжении всей своей жизни И. Н. Мадасон собирал редкие и просто хорошие книги по литературе, истории, искусству и культуре Бурятии и Монголии. Вместе с творческими материалами учёного на хранение в ЦВРК была передана его личная библиотека, насчитывающая более 900 наименований научной и художественной литературы, содержащая: 1) художественные произведения бурятских писателей (610 единиц); 2) коллективные сборники, антологии, альманахи, журналы (288 названий). Среди книг представлены редкие экземпляры довоенных изданий, в том числе и на бурятском языке на латинизированном алфавите.

Если работы по фольклористике учёный успел хотя бы частично опубликовать и ввести в научный оборот, то материалы по родословным, так кропотливо собираемые им на протяжении долгого периода времени, до сих пор остаются в рукописном виде. С ними активно работают исследователи и читатели. За последние три года приток новых исследователей, заинтересованных в поиске своей родословной, значительно увеличился (если в 2013 г. было зафиксировано 199 человек, то в 2014 г. – 272, а в 2015 г. – 316).

Бурятские исторические хроники и родословные представляют собой ценный историко-этнологический источник. Их изучением занимались такие учёные, как Г. Н. Румянцев, Ц. Б. Цыдендамбаев, С. П. Балдаев и мн. др. Значительный вклад в данную область внесли результаты исследований И. Н. Мадасона. Из многочисленных экспедиций по районам Иркутской области он привозил исписанные листы разного формата с генеалогическими данными. Родословные записи присутствуют во всех его материалах, им была создана обширная картотека, свыше 1400 карточек, по родословным бурят. Уникальны записанные им этнографические записи о бурятских родах – «присловия» – меткие стихотворные 2–3-сложные характеристики, отражающие особенные черты того или иного рода, подрода: «99 энгууд, ехэ тэмээн ашаан».

Материал по родословным сгруппирован по территориальному признаку: Забайкальские буряты (33 ед. хр.) и Иркутская область (60 ед. хр.) внутри этого деления материалы по Иркутской области распределены по районам, внутри районного деления по улусам и родам (Эхирит-Булагатский, Баяндаевский, Качугский, Аларский, Нукутский, Осинский, Боханский районы). 40 ед. хр. имеют смешанный характер «Родословные разных родов». Общий объём генеалогий, хранящихся в личном фонде И. Н. Мадасона, насчитывает более 3 тыс. листов. Следует отметить, что в фонде, главным образом, сосредоточены генеалогические таблицы по родословным иркутских бурят: материалы по родословным иркутских представлены на более 2700 листах, в то время как родословные забайкальских бурят – приблизительно на 600 листах.

И. Н. Мадасон тщательно выверял свои записи, старался свести разрозненные записи к единому предку. Прежде всего следует отметить дело 202 «Родословная книга бурят», которое состоит из 265 листов и содержит генеалогические записи, систематизированные по родам и территориям (Кутанка, Наймангууд, Тунка, ноеты, энгуты, готольцы и т. д.).

Генеалогические записи И. Н. Мадасона – это не просто перечень имён, это источник разного рода исторической, этнографической, фольклористической информации. Учёный непременно записывал принадлежность той или иной группы родовичей к более крупному родовому образованию и отражал более мелкие деления. Например: род Ухайха 2-го хултубаевского рода подразделялся на следующие подроды: Михиитэ ураг (представители фамилий Хазагаевых, Халтаевых, Данчиновых); уудай ураг (Старикова, Филиппова, Игнатьевы, Быленовы, Бабуевы); шарагша ураг (Хилхановы, Багааниг); балайха ураг (вымерли); хархин ураг (Бадуевы, Хулакшановых, Генинова)¹. Также указывал основные места проживания бурят того или иного рода, например, 1-й хултубаевский род проживал в Шабарте, Билчире, Шанаа и др., 2-й хултубаевский род – в Ухайха, Даахане². В свою очередь Шабарта айл подразделялся на: 1) Худхуури айл (Архинчевы, Бильтыевские); 2) Ушоотэ айл (Бартаахи, Хурэндэй); 3) Додо нуга (Самановские)³. Следует отметить, что данные материалы практически не

использовались исследователями при изучении родовой структуры бурят.

Некоторые родословные записаны бирсерным почерком, в то же время очень понятным. На листе небольшого формата учёный мог вместить информацию до 300 представителей одного рода. А отдельные родословные карты, как, например, жителей села Эрхэдэй⁴, содержат имена более полутора тысяч потомков. В основном на каждую родословную приведены данные тех, от кого была записана или кем дополнена, с указанием мест проживания, годов жизни, а также места и даты записи. Ряд генеалогий дополнены какими-либо биографическими подробностями о том или ином представителе рода (например, лауреат Ленинской премии, учитель в Бохане, живет в Нукутах и др.), родовыми легендами и преданиями, откуда пришел предок, кому поклонялись и пр. При фиксации бурятских генеалогий у Ильи Николаевича со временем была выработана определённая система записи. Так, имена предков мужского рода он отмечал кружочком, а имена женщин – квадратиком. Знаком «плюс» (+) отмечал умерших на время записи людей (либо отсутствие потомков), а знак «плюс» и буквы «ОВ» означали, что данный человек погиб в годы Великой Отечественной войны. Как правило, родословные содержат имена лиц мужского рода, но Илья Николаевич записывал всех (и мужчин, и женщин) о ком знал информант. Дополнял сведения знаком «=>» и именем супруги с указанием, чьей дочерью являлась и из какой местности.

При записи имён И. Н. Мадасон сохранял произношение информантов: Михуулай (Николай), Армаан (Роман), Бааньха (Иван), Пилииб (Филипп).

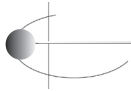
Собственно этнографические заметки, легенды и предания представлены крайне мало, и, как правило, не выделены в отдельные единицы хранения, а распределены практически по всем делам с фольклорными, шаманскими и генеалогическими записями. В то же время уникальный материал по бурятским родословным имеет не только практическую значимость для интересующихся своими предками, но может послужить исторической базой по уточнению бурятских костей и родов, времени дробления на более мелкие этнические группы. В конечном счёте, это позволяет выявить языковые и этнические особенности в разных этно-территориальных группах бурят.

¹ Там же. – Д. 202. – Л. 8.

² Там же. – Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же. – Д. 320.

Деятельность И. Н. Мадасона была многогранна, он был прекрасным знатоком и великим собирателем устного народного творчества бурят, большей частью, к сожалению, утраченного в наши дни. Его записи о родоплеменных связях, родовых предани-

ях являются бесценным материалом для этнографов, антропологов, историков и даже генетиков и должны быть как можно скорее введены в научный оборот и стать доступными для самого широкого круга читателей.

Список литературы

1. Гунгаров В. Ш. Илья (Дольён) Мадасон (1911–1984) // Выдающиеся бурятские деятели. 2004. Вып. 5. С. 117–118.
2. Лыскова В. Ц. Творческое наследие И. Н. Мадасона как источник по фольклору и этнографии бурят // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций. Т. 3. Языки. Фольклор. Литература: материалы междунар. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 241–243.
3. Мадасон М. Папа был счастливым человеком // Бурятия. 2001. 11 янв.
4. Тугутов И. Е. Этнограф, фольклорист и поэт // Этнографический сб. 1961. Вып. 2. С. 159–162.
5. Хамаганов М. П. Бурятский фольклорист-сборитель И. Н. Мадасон // Сов. лит. и фольклор Бурятии. 1961. Вып. 1. С. 180–196.
6. Хомонов М. П. Бурятские пословицы и поговорки И. Н. Мадасона: сб. // Сов. лит. и фольклор Бурятии. 1962. Вып. 2. С. 253–257.

Источники

7. Буряад арадай оньон, хошоо үгэнүүд / Суглуулан хэблэлдэ бэлэдхэгшэ И. Н. Мадасон. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1960. 401 с.
8. Dolijoon Madasoon. Kabariin gerel. Deede-Yde: Buriiaad-Mongol Ulasiin Keblel, 1932. 48 с.
9. ЦВРК. ОАФ. Д. 1982/г.
10. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 18. Оп. 1. Д. 1, 2, 14, 55, 320, 781.

References

1. Gungarov V. Sh. Il'ya (Dol'en) Madason (1911–1984) // Vydayushchiesya buryatskie deyateli. 2004. Vyp. 5. S. 117–118.
2. Lyksokova V. Ts. Tvorcheskoe nasledie I. N. Madasona kak istochnik po fol'kloru i etnografii buryat // Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii. T. 3. Yazyki. Fol'klor. Literatura: materialy mezhdunar. konf. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2000. S. 241–243.
3. Madason M. Papa byl schastlivym chelovekom // Buryatiya. 2001. 11 yanv.
4. Tugutov I. E. Etnograf, fol'klorist i poet // Etnograficheskii sb. 1961. Vyp. 2. S. 159–162.
5. Khamaganov M. P. Buryatskii fol'klorist-sobiratel' I. N. Madason // Sov. lit. i fol'klor Buryatii. 1961. Vyp. 1. S. 180–196.
6. Khomonov M. P. Buryatskie poslovitsy i pogovorki I. N. Madasona: sb. // Sov. lit. i fol'klor Buryatii. 1962. Vyp. 2. S. 253–257.

Istochniki

7. Buryaad aradai on'hon, khoshoo ygenyyd / Sugluulan kheblelde beledkhegshe I. N. Madason. Ulan-Ude: Buryaadai nomoi kheblel, 1960. 401 s.
8. Dolijoon Madasoon. Kabariin gerel. Deede-Yde: Buriiaad-Mongol Ulasiin Keblel, 1932. 48 с.
9. TsVRK. OAF. D. 1982/g.
10. TsVRK IMBT SO RAN. LAF № 18. Op. 1. D. 1, 2, 14, 55, 320, 781.

Библиографическое описание статьи

Аюшеева М. В. Личный архив И. Н. Мадасона (1911–1984) // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 160–166.

Reference to article

Ayusheeva M. V. Private Archive of I. N. Madason (1911–1984) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 160–166.

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

Лариса Батоевна Бадмаева,
доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: imbt@burinfo.ru

Конвербиальные формы в языке бурятских летописей

Статья посвящена рассмотрению деепричастных форм в языке бурятских летописных текстов XIX века на старомонгольской письменности. Автор отмечает, что комплексное изучение языка старописьменных памятников может дать ценные сведения для разработки вопросов формирования языка. В летописных текстах выявлены примеры употребления соединительного, слитного, разделительного, продолжительного, предельного, предварительного, условного, уступительного деепричастий. Вместе с тем отмечается, что следующие конвербиальные формы, как целевая, «цитатная» (приготовительная), а также условная II с аффиксом *-qula / -küle*, условная III с аффиксом *-bala / -bele* в них не отмечены.

Сравнительный анализ показал, что некоторые деепричастия предела с аффиксом *-tala / -tele*, образованные от глаголов движения, в современном бурятском языке в результате утраты лексического значения перешли в разряд послелогов и союзных слов, с указанием на предел во времени и пространстве, например: *kürtele > хүрэтэр* 'до, по', *boltula > болотор* 'до ..., до тех пор, пока', *degürtele > дуурэтэр* 'до окончания, до выполнения, до предела', *bayitala > байтар* 'между тем как; тем временем, пока, в то время как', *yabutala > ябатар* 'до тех пор, пока'.

Таким образом, в статье отмечается, что деепричастные формы обладают высокой частотностью употребления в текстах бурятских хроник. Они образуют различные деепричастные обороты или зависимые предикативные единицы (ЗПЕ), которые логически связаны между собой и образуют одно целое – сложный синтаксический комплекс (ССК).

Ключевые слова: бурятские летописи, старомонгольская письменность, конвербиальные формы, инфинитные предикаты

Larisa B. Badmaeva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: imbt@burinfo.ru

The Verbal Participle Forms in the Language of the Buryat Chronicles

The article is devoted to consideration of participial forms in the language of the Buryat annalistic texts of the XIXth century in the Old Mongolian script. The author notes that integrated language learning of written monuments in the Old Mongolian script can provide valuable information to develop questions of language formation. In the chronicle texts we identified examples of the use of the connective, continuous separation, continuous, limit, provisional, conditional, concessive adverbial participles. However, it is noted that such participial forms as target, "quotational" (prep), and conditional II affix-*qula / -küle*, conditional III affix-*bala / -bele* they are not marked.

Comparative analysis showed that some limit participles with the affix *-tala / -tele*, derived from verbs of motion in modern Buryat language as a result of the loss of the lexical meaning moved into the category of postpositions and conjunctions, with an indication of the limit in time and space, for example: *kürtele > хүрэтэр* 'to, at', *boltula > болотор* '... until', *degürtele > дуурэтэр* 'till the end, to perform, to the limit', *bayitala > байтар* 'meanwhile; in the meantime, while', *yabutala > ябатар* 'up until'.

Thus, the article notes that the verbal participle forms have a high frequency of use in the texts of the Buryat chronicles. They form different verbal participle phrases or dependent predicative units (DPE), which are logically related to each other and form a single whole – a complex syntactic complex (CSC).

Keywords: Buryat chronicles, Old Mongolian script, verbal participle forms, infinite predicates

Исследованию деепричастия в монгольских языках посвящены труды А. А. Бобровникова, Н. Н. Поппе, Д. Д. Амоголонова, Г. Д. Санжеева, М. Н. Орловской, А. Шархуу, Т. Б. Цыреновой и др. Между тем не исследованы деепричастные формы в языке старописьменных памятников бурят, хотя комплексное изучение их может дать ценные сведения для разработки вопросов истории формирования языка. У бурят существует богатое письменное наследие на старописьменном монгольском языке, в котором особое место занимают исторические хроники [2, с. 12].

Глагольные формы, встречающиеся в языке бурятских летописей, подразделяются на окончательные и неокончательные. Как известно, окончательные формы могут занимать лишь конечную позицию в предложении и употребляться только предикативно. К ним относятся повелительно-желательные и изъявительные формы. Неокончательные формы могут находиться и в конце предложения, но обязательно в сочетании с разными вспомогательными и служебными словами. Обычно они употребляются в инфинитивной позиции. Главное их отличие от финитных форм заключается в том, что они могут употребляться не только в качестве сказуемых, но и других членов предложения. Из глагольных форм к ним относятся причастия и деепричастия.

В монгольских языках конвербиальные деепричастные формы – самые распространённые из глагольных форм. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие форм значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм [8, с. 133].

Деепричастия по своей синтаксической природе обычно делятся на две группы: 1) сопутствующие (соединительное, слитное, разделительное) и 2) обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, цитатное, продолжительное, предельное, предварительное).

В классическом монгольском языке имеются следующие деепричастные формы: соединительное с аффиксом *-ju / -jü* после гласных и согласного – *l*, с аффиксом *-ču / -čü* после согласных; слитное с аффиксом *-n*; разделительное с аффиксом *-yad / -ged*; продолжительное с аффиксом *-ysayar / -gseger*; предварительное с аффиксом *-mayča / -megče*; предельное с аффиксом *-tala / -tele*; «цитатное» (приготовительное) с аффиксом *-r-un / -r-ün*; уступительное с аффиксом *-baču / -bečü*; условное I с аффиксом *-basu / -besü*, условное II – с аффиксом *-qula / -küle*, услов-

ное III с аффиксом *-bala / -bele* [3, с. 139–145; 10, с. 82–84].

В языке бурятских летописей употреблены следующие деепричастные формы: 1. Соединительное деепричастие: а) с аффиксом *-ju / -jü* (после гласных и согласного *l*: *ayᠰaᠰu* 'надев', *asaᠷaᠰu* 'принеся', *ayulᠯaᠰu* 'встретившись', *aldarᠰiᠰu* 'прославившись', *yaᠲaᠯᠰu* 'переправившись, перейдя', *toyᠲaᠰu* 'остановившись', *toyolaᠰu* 'посчитав', *kümüᠰiᠰu* 'возмужав', *negüᠰiᠰu* 'кочуя', *čiyulᠰu* 'собравшись', *üjeᠰu* 'узнав', *učiᠷaᠰu* 'встретив', *öᠷgüᠰu* 'подняв'; б) с аффиксом *-ču / -čü* (после согласных *b, d, r*): *ayiladču* 'соизволяя', *abču* 'взяв', *yaᠷču* 'выйдя'; с аффиксом *-ji*: *batulaydaᠰi* 'утвердив', *bayiriᠰiᠰi* 'обосновавшись', *tusalaji* 'помогая', *qoorlaji* 'отравив', *dutayaᠰi* 'убегая', *niileᠰi* 'соединяясь', *yabaji* 'идя', *sayuriᠰiᠰi* 'устроясь, обосновавшись' и т. д.

Как особенность языка бурятских летописей можно отметить, что в текстах летописных памятников использованы авторами формы соединительного деепричастия с аффиксом *-ji*: *yabaji*, *dutayaᠰi*, *qoorlaji*, *sayuriᠰiᠰi*, *niileᠰi* и др. Заметим, что отмеченная форма написания данных деепричастий приближена к современному произношению деепричастных форм в бурятском языке.

2. Слитное деепричастие с аффиксом *-n*: *baᠶalan* 'заставив', *boᠷuᠶudan* 'убежав', *daᠷaᠶulan* 'увлекая, ведя за собой', *qabsuryan* 'присоединяя', *ribiᠰiᠷlan* 'ревизируя', *ᠵöbčileldün* 'посоветовавшись', *ergümᠰilen* 'провозглашая', *yekebčilen* 'увеличивая' и т. д.

3. Разделительное деепричастие с аффиксом *-yad / -ged*: *aldarsiᠶad* 'прославились', *yaᠷuᠶad* 'выйдя', *oluᠶad* 'найдя', *sayulᠶaᠶad* 'посадив', *sonusuᠶad* 'услышав', *kelelčeged* 'договорившись', *kemeldeged* 'поговорив', *yadaᠶad* 'стараясь', *törüged* 'родив', *sayulčaᠶad* 'сев с ними' и т. д.

4. Продолжительное деепричастие с аффиксом *-ysayar / -gseger*: *bayiᠶsayaᠷ* 'продолжая быть', *dabayᠶsayaᠷ* 'переваливая', *dayun yaᠷuᠶsayaᠷ* 'издавая крики', *delgeregüleᠷgseger* 'продолжая распространять', *yekedegsigesiger* 'увеличивая', *önüᠷᠵigseger* 'продолжая множиться, плодиться', *yabuᠶsayaᠷ* 'продолжая идти' и т. д.

5. Предельное деепричастие с аффиксом *-tala / -tele*: *bögetele* 'пока есть', *bayitala* 'пока есть', *degüürtele* 'пока не наполнится', *önggürtele* 'пока не пройдёт', *kürtele* 'пока не достигнет', *yabutala* 'пока идёт', *sayutala-ni* 'пока сидит'.

6. Предварительное деепричастие с аффиксом *-mayča / -megče*: *busalamayča* 'как только вскипит', *dütülemegče* 'как только по-

дойдет', *degüürgemetge* 'как только закончит', *boluṁtaṁṁa* 'как только сварится', *iṁemetge* 'как только придёт', *qayılamtaṁṁa* 'как только расплывётся', *daṁusamtaṁṁa* 'как только закончится'.

7. Уступительное с аффиксом *-baṁu* / *-beṁü*: *bayıbaṁu* 'хотя и (есть) существует', *bolbaṁu* 'даже если и стал'.

8. Условное с аффиксом *-basu* / *-besü* *ayıladqabasu* 'если соизволит', *kemebesü* 'если скажет', *kıṁayaṁlabasu* 'если ограничить', *ırıbesü* 'если придёт', *nerlebesü* 'если называть', *kündülebesü* 'если уважит', *temdeglebesü* 'если отметит', *soṁsuṁubasu* 'если останется', *ügeyidebesü* 'если не будет'.

Следует отметить, что такие конвербиальные формы, как целевая, «цитатная» (приготовительная), а также условная II с аффиксом *-qula* / *-küle*, условная III с аффиксом *-bala* / *-bele* в текстах бурятских летописей нами не отмечены.

Сопутствующие деепричастия выражают соединительную связь двух независимых действий, например: *...teyin bayıtala kıtad-un yui oboṁ-tu yoga noyan-dayan mekelegdeṁü: kıtad-un daiming kungbuu qayan-dur 1368 on-du qayan törü-ben aldaju: tere qotun-aṁa buruṁudan dutayaṁu yaruṁad, yaṁṁa iṁayur-un 9 köke mongyol ulus-un degere kerlüng mören-ü köbege-dü baras qotun-i barıṁu: tere jıl-dür qayan saṁuṁsan bölüge* [6, с. 57]. – 'Тем временем он был обманут своим нойоном Йога из китайской фамилии Юй и уступил в 1368 году свою империю китайскому дайминскому императору Хун-ву. Он бежал из того города и воссел ханом над народом лишь коренных девяти синих монголов, выстроив город Барс на берегу Керулена' [7, с. 44–45]; *tömed-ün altan gegen qayan ber. dödüger dalai blam-a bsovad nams / rgjamco-va-yi jalaju: olan mal alaju ongyud-i takıqu yurım-i bolıyulan: burqan-u ṁaṁin-u olan yeke yurım-i 1578 on-du jokıyobai* [6, с. 64–65]. – 'Тумэтский Алтан гэгэн хан пригласил четвёртого Далай ламу Соднам Джамцо, отменил заклятие множества скота и жертвенные пиршества в честь онгонов и установил в 1578 году многочисленные правила религии Будды' [7, с. 48].

Данные примеры показывают, что при переводе на русский язык инфинитные предикаты, выраженные сопутствующими деепричастиями, принимают грамматическое значение финитного сказуемого, т. е. деепричастия могут представлять, по выражению С. А. Крылова, «второстепенное сказуемое» [5, с. 106]. Кроме того, действие, выраженное деепричастием, может иметь субъект, отличный от субъекта действия, выраженного финитным глаголом.

Из обстоятельственных деепричастий продолжительное, предварительное, предельное выражают различные временные отношения.

Продолжительное деепричастие обозначает длительное действие или состояние, на фоне которого происходит главное действие или действие, которое продолжается в момент совершения главного действия, например: *...namurun buṁalyan-u olan sürlüg qung sibuyud dayun yaruṁsayar ireküi-dür: tede mongyol-un çerig-üd: ...tusalaqu nemerı qarı-yın olan çereg irıbe geṁü dutayaṁı busaysan* [6, с. 60] – '...прилетели осенние перелётные птицы, издавая клики, монгольские воины, будучи..., полагая, что прибыло в помощь... чужестранное войско, они обратились в бегство и вернулись назад' [7, с. 46].

Предварительное деепричастие имеет значение «как только». Действие, выраженное финитным глаголом, происходит после действия, выраженного в форме предварительного деепричастия: *mıqan buṁalamtaṁṁa yeke modun tebṁi-dü bügüde-yı abṁu oboṁolan talbiyad* [6, с. 108]. – В переводе Н. Н. Поппе этот фрагмент передан сложноподчинённым предложением с придаточным времени: 'Как только мясо закипает, накладывают всё кучей на большое деревянное корытце' [7, с. 65].

Деепричастие предела прежде всего передаёт действие, вслед за совершением которого наступает другое действие. Кроме того, действие, выраженное этим деепричастием, может указывать на предел или условие начала другого действия: *edüge kürtele: tere neremṁı anı aqamad-ıyar batuluṁdaju bayıysayar buı* [6, с. 121]. – 'Те наименования продолжают поныне признаваться властями' [7, с. 71]; *gıneralnui kemjılge boltula: tedeger jon-i: ros-ud ba busu-ṁu yasun-u ulus-nar-tu buu qasıṁulatuyai*: [6, с. 138]. – '...чтобы до генерального обмера этот хоринский народ не притеснялся русскими, а также людьми иной национальности' [7, с. 78].

Данные примеры показывают, что некоторые деепричастия предела с аффиксом *-tala* / *-tele*, образованные от глаголов движения, в современном бурятском языке перешли в разряд послелогов и союзных слов, с указанием на предел во времени и пространстве, например: *kürtele* > *хүрэтэр* 'до, по', *boltula* > *болотор* 'до ..., до тех пор, пока', *degüürtele* > *дүүрэтэр* 'до окончания, до выполнения, до предела', *bayıtala* > *байтар* 'между тем как; тем временем, пока, в то время как', *yabutala* > *ябатар* 'до тех пор, пока'.

Возможно, и в дальнейшем формы предельного деепричастия будут пополнять дан-

ную категорию служебных слов, например: *yadna 3 qonuy önggürtele: busu kümün-dü yambarçu jüyil-ün yaγum-a ögkü-ügei-yi yekede kinaqu* [6, с. 115]. – ‘Кроме того, в течение трёх суток они всячески стараются ничего не давать другим’ [7, с. 68]; *biden dotura: segül-ün anu janggi noyan bayiγsan γaljīd otuy-un jingqan kükür-ün sildei janggi gegči terigülegči noyan metü: edüge bayiγsan mongyol-un γajar-a kerlüng mören sidar-a negüüdel kijü sayutala-ni: qoyar imperi-yin qoyordumda-yin kile obuγ-a tabiydayad* [6, с. 116]. – ‘Наш главный нойон, по имени Шилдэй занги, из рода Галзут, из хухура Жинхан, бывший у нас последним занги-нойоном, кочевал в нынешней Монголии, близ реки Керулен. Тем временем были установлены пограничные знаки между двумя империями’ [7, с. 69].

Как показывает анализ данных предложений, в них лексическое значение предельных деепричастий **önggürtele**, **sayutala**, **yabutala** утрачено. Например, *teyin yabutala 1727 on-du jīq-a kile-yi bayiγulaquy-a irigsen grab arγujīngsqi-ber celengge-yin nirciu-a-giin medegen-ü 3 medel-ün buriyad qamniyad-i kilγu-yin noyoqon nituy-tu çuylayulan teden-ü jang bayidal-i dayuriyalγan 11 juyil-ün ködüge poloofjini-yi jokiyalyaju abuyad tegüber niicegülen mar-ta-yin 24 edüre 1727 on-a “kile-yin instrugcey-a” kemekü poloofjini jokiyaju tegüskegsen-iyer tegüber nige jarim kereg-üd-iyen degüürgen sidkejü bayiγsan bui* [6, с. 116]. – ‘Тем временем граф Рагузинский, прибывший в 1727 году с целью установления границ, собрал бурят и тунгусов трёх ведомств Селенгинского и Нерчинского округов в местности Ноёхон на Хилке и составил в соответствии с их обычаями и состоянием, степное уложение в 11 пунктах, и в соответствии с ним составил 24 марта 1727 года уложение, называвшееся “Пограничной инструкцией”, и роздал его. Согласно ему решали и исполняли некоторые дела’ [7, с. 69]. Слово сочетание *teyin yabutala* переведено ‘тем временем’, что не отражает лексическое значение деепричастия *yabutala*, это свидетельствует о переходе данной деепричастной формы в разряд служебных слов.

Далее уступительное деепричастие имеет значение «хотя» или «даже если», например: *...biçigdegsen qoyar keçeg tuujī biçig bayiγaçu* [6, с. 53]. – ‘...хотя и имеются два исторических повествования...’; *teden-eçe busud blam-a-nar anu: nomun qural surγayuli-nar öber-nüd-ün durabar yabuyulalçaqu bolbaçu: busu qara ulus-nar-luy-a adali alba-ban tölujü bayituyai gebe* [6, с. 70]. – ‘Что же касается остальных лам, то им всем надлежало пла-

тить за себя подати наравне с простолюдинами, хотя они добровольно устраивали молебствия и занимались учением’ [7, с. 50].

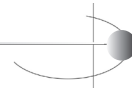
Уступительное деепричастие обозначает такое действие, совершение которого влечёт за собой иной, по сравнению с ожидаемым, результат [8, с. 171].

Рассмотрим следующий пример: *1763 on-aça qori-yin blam-a-nar-un aqalayçi blam-a gelüing lubsang yümsüing kemegçi batuluydaju bayiγaçu: oroi-yin medel anu celengge-yin aq-a blam-a-yin medel-dü bayiγsan bui* [6, с. 74]. – ‘... (хотя) в должности главного ламы хоринских лам с 1763 года был утвержден гелун Лубсан Юмсун, тем не менее верховная власть принадлежала главному селенгинскому ламе’ [7, с. 51].

В современном бурятском языке данная форма деепричастия не выделяется отдельно, а отмечается как словоформа с частицей *-шье* с уступительным значением [4, с. 319], например: *Хуса үбгэн үндэр nahатай болобошье haa...* ‘хотя старику Хуса и было много лет...’, вместе с тем следует заметить, что ранее исследователи выделяли её в ряду псевдоконвербиальных форм [9, с. 225–226; 1, с. 62–63].

Условное деепричастие обозначает условие, при котором совершается другое действие, например: *jüger bügüde buddha-yin šasin-tan-du 4563 blam-a-nar bui: egün-i kijayarlabasu tusatai kemekü-eçe busu ilerkeyilegsen yaγum-a ügei buyinam* [ЛХБ, 1935, с. 83]. – ‘... (отметил), что у буддистов имеется 4563 ламы и что было бы полезно ограничить их количество. Кроме этого, им ничего не было выяснено’ [7, с. 55]; *tedeger quriyaydaysan medeged-eçe nige üçeken temdeglebesü* [6, с. 84]. – ‘Несколько немногочисленных замечаний на основании тех собранных сведений’ [7, с. 55]. На наш взгляд, эту фразу ближе к оригиналу следовало бы перевести так: ‘Если отметить несколько пунктов из собранных сведений, то они таковы’.

Таким образом, следует отметить, что деепричастные формы обладают высокой частотностью употребления в текстах бурятских хроник. Они образуют различные деепричастные обороты или зависимые предикативные единицы (ЗПЕ) [11], которые логически связаны между собой и образуют одно целое – сложные синтаксические комплексы (ССК) или сверхфразовые единства (СФЕ). Основные синтаксические функции деепричастий – сопровождать действия основного глагола и участвовать в образовании аналитических форм.

Список литературы

1. Амоголонов Д. Д. Деепричастие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1948. 111 с.
2. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 394 с.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
4. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 339 с.
5. Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и сложные проблемы общей лингвистики. М., 2004. Ч. 1. 480 с.
6. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 9. 172 с.
7. Летописи хоринских бурят: хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 33. 106 с.
8. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984. 231 с.
9. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
10. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964. 91 с.
11. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 199 с.
12. Цыренова Т. Б. Становление системы деепричастных форм в монгольских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16. Улан-Удэ, 2000.
13. Шархуу А. Деепричастие и деепричастные конструкции в современном монгольском языке (в сопоставлении с аналогичными фактами русского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 211 с.

References

1. Amogolonov D. D. Deepri chastie v buryat-mongol'skom yazyke. Ulan-Ude, 1948. 111 s.
2. Badmaeva L. B. Letopis' Vandana Yumsunova – pamyatnik pis'mennoi kul'tury buryat XIX v. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2007. 394 s.
3. Bobrovnikov A. A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka. Kazan', 1849. 400 s.
4. Grammatika buryatskogo yazyka: fonetika i morfologiya. M.: Izd-vo vost. lit., 1962. 339 s.
5. Krylov S. A. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka i slozhnye problemy obshchei lingvistiki. M., 2004. Ch. 1. 480 s.
6. Letopisi khorinskikh buryat. Vyp. 1. Khroniki Tugultur Toboeva i Vandana Yumsunova / per. N. N. Poppe // Tr. In-ta vostokovedeniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. T. 9. 172 s.
7. Letopisi khorinskikh buryat: khroniki Tuguldur Toboeva i Vandana Yumsunova / per. N. N. Poppe // Tr. In-ta vostokovedeniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. T. 33. 106 s.
8. Orlovskaya M. N. Yazyk «Altan tobchi». M.: Nauka, 1984. 231 s.
9. Poppe N. N. Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 268 s.
10. Sanzheev G. D. Staropis'mennyi mongol'skii yazyk. M., 1964. 91 s.
11. Skribnik E. K. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 1988. 199 s.
12. Tsyrenova T. B. Stanovlenie sistemy deepri chastnykh form v mongol'skikh yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.16. Ulan-Ude, 2000.
13. Sharkhuu A. Deepri chastie i deepri chastnye konstruksii v sovremennom mongol'skom yazyke (v sopostavlenii s analogichnymi faktami russkogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk. M., 1971. 211 s.

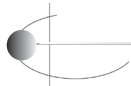
Библиографическое описание статьи

Бадмаева Л. Б. Конвербиальные формы в языке бурятских летописей // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 167–171.

Reference to article

Badmaeva L. B. The Verbal Participle Forms in the Language of the Buryat Chronicles // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 167–171.

Статья поступила в редакцию 13.02.2016

Андрей Александрович Базаров,
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670049, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Литература ума (мадхьямака) в системе буддийского монастырского образования Бурятии¹

В статье исследуется важнейший курс буддийского монастырского образования Бурятии (XIX – нач. XX в.) – ума (мадхьямака). Археографический анализ сформирован на базе данных коллекции буддийской схоластической литературы «Чойра» тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН и традиционных библиографических справочников – «гарчаках» крупнейших буддийских центров Бурятии (XIX – нач. XX в.). Исследования продемонстрировали, что изучение данного предмета в XIX – начале XX века в бурятских монастырях обеспечивалось широким спектром буддийской тибетоязычной литературы, начиная с фундаментальных трудов индийских классиков (Нагарджуна, Буддхапалита, Чандракирти, Шантидева, Джнянагарбха, Шантаракшита), заканчивая популярными учебными пособиями ведущих схоластов Тибета, Монголии и Бурятии. Необходимо также добавить, что именно в данном разделе коллекции тибетоязычной схоластической литературы «Чойра» (ИМБТ СО РАН) в сравнении с остальными разделами (прамана, праджня-парамита, виная, абхидхарма) была обнаружена наибольшая представленность работ индийских авторов. Важным для исследовательского результата является тот выявленный исторический факт, что именно продукция бурятских монастырских типографий (Агинского, Цугольского, Эгитуйского, Анинского дацанов Бурятии и Забайкальского края) формировала основное содержание местных буддийских собраний схоластической литературы. Это прежде всего касается предмета «мадхьямака».

Ключевые слова: буддийская литература, мадхьямака, буддийская схоластическая культура, Бурятия, Забайкальский край, Внутренняя Азия

Andrey A. Bazarov,
Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Literature of Dbu Ma (Madhyamaka) in the Buddhist Monastic Education of Buryatia²

The article discusses the most important course of Buddhist monastic education in Buryatia (the 19th – beginning of the 20th century) – Uma (Madhyamaka). Book analysis was done on the DB of “Choir” collection of Buddhist scholastic literature of the Center of Oriental manuscripts and xylographs (IMBT SB RAS) and traditional bibliographic catalogues “garchaks” of the largest Buddhist centers of Buryatia. Our investigation has demonstrated that the study of this scholastic subject in the Buryat monasteries (the 19th – beginning of the 20th centuries) has been provided by a varied Tibetan Buddhist literature from fundamental works of Indian classics (Nagarjuna, Buddhapalita, Chandrakirti, Shantideva, Dzhnyanagarbha, Shantarakshita) and by popular textbooks of the famous scholars of Tibet, Mongolia and Buryatia. It is also necessary to emphasize that if we compare this section (Madhyamika) of Tibetan scholastic literature “Choir” with other sections (Pramana, Prajna-Paramita, Vinaya, Abhidharma) we find that the largest number of works of Indian authors are found in this section. An important revealed result of our research is the historical fact that the books of the Buryat monastic printing houses (Aga, Tsugol, Egita, Ana monasteries of Buryatia and Transbaikal region) provided for the local Buddhist education in this scholastic subject.

Keywords: Buddhist literature, Madhyamaka, Buddhist scholastic culture, Buryatia, Transbaikal region, Inner Asia

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 14-03-00379, «Реалии буддийской книжности: между философией и ритуалом»).

² The research is financially supported by Russian Humanitarian Science Foundation (Project no. 14-03-00379 “The realities of Buddhist literacy: dialogue of ritual and philosophy”).

Важнейший курс буддийского монастырского образования Бурятии (XIX – нач. XX в.) – ума (мадхьямака), был обеспечен учебной литературой на тибетском языке¹. До наших дней фактически не сохранилась достоверная информация о внутреннем содержании данного курса, обеспечивающего понимание у местных учащихся буддистов как центрального философского предмета северного буддизма – «срединности» (мадхьямака), так и многочисленных предметных аспектов. Научная реконструкция некоторых реалий этого курса возможна благодаря изучению того тибетоязычного литературного наследия, который сохранился до наших дней в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Фундаментальной базой для исследования литературы мадхьямака в системе буддийского монастырского образования Бурятии (XIX – нач. XX в.) могут быть: (1) коллекция тибетоязычной схоластической литературы «Чойра» (далее – КЧ)² и (2) традиционные библиографические справочники (гарчаки).

Начиная анализ, необходимо указать на тот факт, что всю школьную литературу бурятских буддистов можно разделить на два раздела: переводы оригинальных индийских сочинений и тибето-монгольскую комментаторскую и учебную литературу. В свою очередь, изучаемая тибето-монгольская комментаторская литература, исходя из того, что бурятская монастырская традиция примыкала к школе Гелук, делится на пять групп: (1) пред-гелукпинская; (2) представляющая творчество великого реформатора Дже Цонкапы и его ближайших учеников; (3) предшествующая творчеству Джамьянг Шепе; (4) принадлежащая Джамьянг Шепе и его современникам (старшим и младшим); (5) относящаяся к авторам (XVIII–XX вв.) из Гоман дацана монастыря Дрепунг, монастыря Сера, монастырей Амдо, Монголии и Бурятии.

Сочинения индийских авторов по мадхьямака, представленных в КЧ, начинаются с работ великого буддийского учёного Нагарджуны (тиб. 'Phags pa klu sgrub), родившегося в начале первого тысячелетия н. э., на

¹ О литературе Мадхьямака см. David Seyfort Ruegg. The literature of the Madhyamaka school of philosophy in India (History of Indian Literature, 7/1). – Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1981.

² О коллекции «Чойра» см. введение к каталогу: Bazarov A. Introduction. Catalogue of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs 'Chos grwa' (Parts: Tshad ma, Grub mtha') of The Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Russian Academy of Sciences (Siberian Branch). Compiled by Andrey Bazarov. Tibeto-Mongolian Series-1. – Varanasi, CIHTS, 2008. – С. V–XXV.

юге Индии [10, с. 4]. Данный автор считается основателем учения о «срединности». Его фундаментальный труд *Муламадхьямака* («Корневые строфы относительно срединности») [тиб. Dbu ma rtsa ba'i tshig le'ur byas pa shes rab ces bya ba]³, хранящийся в коллекции, закладывает основу для дальнейшего развития центрального философского предмета буддизма Махаяны. Следующая работа Нагарджуны *Юктишастика* «60 строф (относительно) юкти (обоснованного рассуждения)» [тиб. Rigs pa drug cu pa'i tshig le'ur byas ba zhes bya ba]⁴ является ярким примером буддийского философского дискурса. В коллекции содержится множество разнообразных изданий (на тибетской и русской бумаге) данного произведения. Внутри КЧ можно также обнаружить другое известное сочинение Нагарджуны *Вайдалисутра* «Детализирующие топики» [тиб. Zhib mo gnam par 'thag pa]⁵. Работа, посвящённая проблеме пустотности *Шуньятасаптати* «70 строф (относительно) шуньяты (пустотности)» [тиб. Stong nyid bdun cu pa tshig le'ur byas pa zhes bya ba bzugs so]⁶ представлена в коллекции многочисленными изданиями. Ещё две работы великого буддийского автора *Вигравьевартани* «Устранение возражений» [тиб. Rtsod pa bzlog pa'i tsig le'ur byas pa zhes bya ba]⁷ и *Раджапарикатхаратнавали* «Советы царю: драгоценная гирлянда» [тиб. Rgyal po la gnam bya ba rin po che'i phreng ba zhes bya ba]⁸ находятся в КЧ. Все шесть работ в тибетской схоластической традиции относятся к так называемым «шести логическим работам по мадхьямака» [тиб. rigs tshogs drug], созданных Нагарджуной» [9, с. 491–492]. Эти книги фактически являются базовым сборником для изучения мадхьямака. В коллекции представлены самые разнообразные издания данного сборника (на тибетской, китайской, русской бумаге). Основная масса изданий содержит запись в колофоне, что текст напечатан в учебном заведении монастыря Лавранг ташичил (тиб. Bla brang bkra

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0405, TCh-0650, TCh-1530, TCh-1551, TCh-1585, TCh-1591, TCh-1600, TCh-1668.

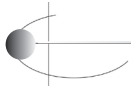
⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0407, TCh-0654, TCh-1587, TCh-1593, TCh-1602, TCh-1639, TCh-1670, TCh-3242.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0409, TCh-0656, TCh-1588, TCh-1594, TCh-1603, TCh-1640, TCh-1671, TCh-3243.

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0406, TCh-0653, TCh-1586, TCh-1592, TCh-1601, TCh-1638, TCh-1669, TCh-3241.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0408, TCh-0655, TCh-1590, TCh-1596, TCh-1605, TCh-1636, TCh-3244.

⁸ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0410, TCh-0652, TCh-1589, TCh-1595, TCh-1604, TCh-1672, TCh-2433.

shis 'khyil). Тем не менее, некоторые издания явно опубликованы в Бурятии. В дореволюционный период было осуществлено издание данного сборника в Гусиноозёрском дацане Бурятии, за исключением последнего трактата [8, с. 79]. К сожалению, среди хранящихся экземпляров нет изданий вышеуказанного монастыря. В Цугольском дацане Забайкальского края были изданы «Корневые строфы» на 4 листах [8, с. 91], один из экземпляров, отпечатанный на русской бумаге, возможно является цугольской работой. В Агинском дацане было издано отдельно сочинение «Детализирующие топики» на 3 листах [4, л. 2а]. Несколько экземпляров, напечатанных на русской бумаге, соответствуют полиграфическим данным агинской публикации.

Внутри монастырской образовательной системы Внутренней Азии традиционно вслед за работами Нагарджуны рассматриваются сочинения Буддхапалиты (тиб. Sangs rgyas bskyangs, 470–550 н. э.), жившего, как и его великий предшественник, на юге Индии. Его знаменитая *Муламадхьямакавертти* «Комментарий Буддхапалиты на “Корневые строфы относительно срединности”» [тиб. Dbu ma'i rtsa ba'i 'grel ba bud dha p'a li t'a]¹ хранится в КЧ. Этот обширный комментарий доступен только в тибетском варианте, санскритский оригинал не сохранился [10, с. 60–61]. Все найденные издания отпечатаны за границей. Упоминаний относительно того, что данный текст печатался в Бурятии, мы не нашли. Следующим важнейшим комментатором наследия Нагарджуны, согласно традиции, является Чандракирти (тиб. Zla ba grags pa, родился около 600 н. э.). К сожалению, мы не обнаружили ни одного сочинения Арьядевы (тиб. 'Phags pa lha, 3 в. н. э.), другого выдающегося последователя Нагарджуны. Вероятно, местные учёные посчитали, что работы Чандракирти и Буддхапалиты в области мадхьямака полностью перекрывают теоретическое значение Арьядевы. Работы Чандракирти *Махьямакааватара* «Вступление в “Корневые строфы относительно срединности”» [тиб. Dbu ma la 'jug ra]² и *Муламадхьямакавертти прасаннапада* «Ясно изложенные “Корневые строфы относительно срединности”, сочинённые мудрым Чандракирти» [тиб. Dbu ma rtsa pa'i 'grel pa tshig gsal slob dpon zla ba grags pa mdzad pa]³ были написаны как ответ на теорию другого великого представителя мадхья-

мака – Бхававивека (тиб. Slob dpon Bha bya, Skal Idan, Legs Idan, 500–578 н. э.), которая критиковала учение Буддхапалиты-Арьядевы и в определённой степени противопоставляла себя школьной традиции мадьямака-прасангика. Традиционно Бхававивека считается основателем мадхьямака-сватантрика. Работы Чандракирти, рассматриваемые в качестве основополагающих для направления мадхьямака-прасангика, лежали в основе философского образования буддистов Внутренней Азии. Все экземпляры «Вступления в “Корневые строфы...”» напечатаны на китайской и тибетской бумаге, происхождение их неизвестно. В бурятских монастырях были другие издания данного сочинения. Эгитуйский дацан издал данную работу на 73 листах [8, с. 96], Анинский дацан – на 78 [8, с. 104]. Необходимо отметить интересную особенность данных изданий – разницу в количестве листов. Большое количество листов (78 и 73) в анинском и эгитуйском изданиях указывает на то, что данные экземпляры были напечатаны в малом формате (20×10 см). Найденные в коллекции издания имеют меньшее количество листов (31). Это объясняется средним форматом данных экземпляров (60×10 см)⁴. Также «Вступление в “Корневые строфы относительно срединности”» было издано в Агинском дацане в двух вариантах. Первый вариант на 31 листе, т. е. в среднем формате [4, л. 2а], и второй вариант на 77 листах в коротком варианте [4, л. 1а]⁵. Второе сочинение Чандракирти, хранящееся в КЧ, явно тибетского происхождения, упоминаний относительно бурятских изданий данной работы найти не удалось.

Следующая работа – это знаменитая *Бодхисаттвачарьяаватара* «Вступление на путь бодхисаттвы» [тиб. Byang chub sems dra'i sruod pa la 'jug ra]⁶ великого представителя мадхьямака Шантидева (тиб. Zhi ba lha, 8 в. н. э.). Единственный найденный экземпляр напечатан на русской бумаге, место издания выяснить не удалось. Сочинение другого учёного, Джнянагарбха (тиб. Ye shes sruing po, 8 в. н. э.) *Сатьядваяибхангакарика* «Строфы относительно различия между двумя истинами, сочинённые Джнянагарбха»

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0412, TCh-1527, TCh-1561, TCh-1611, TCh-1627, TCh-1642, TCh-1683.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1547, TCh-1628, TCh-1632, TCh-3003, TCh-3250.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0657.

⁴ Относительно специфики формата изданий бурятских монастырей см. Bethlenfalvy G. A Tibetan catalogue of the blocks of the lamaist printing house in Aginsk.

⁵ Данный библиографический справочник разбит на 3 части, в каждой части собственная нумерация. В данном случае речь идёт о разделе «очень короткие из коротких типографских клише» (тиб. dpar thung ngu las shin tu sna thung gi skor).

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-2046.

[тиб. Bden pa gnyis rnam par 'byed pa'i 'grel pa slob dpon ye shes snying pos mdzad pa]¹ хранится в КЧ. Все три экземпляра на 20 листах опубликованы в Агинском дацане Забайкальского края. Об этом есть запись в колофоне. В коллекции хранятся две работы Шантаракшита (тиб. Zhi ba 'tsho, 725–788 н. э.) – это *Мадхьямакааламкара* «Украшение срединности» [тиб. Dbu ma rgyan gyi tshig le'ur byas pa bzhugs so]² и *Мадхьямакааламкаравртки* «Комментарий на “Украшение срединности”» [тиб. Dbu ma'i rgyan gyi 'grel pa rgyal ba'i sras po zhi ba 'tshos mdzad pa]³. «Украшение срединности» было опубликовано в Агинском дацане на 17 листах [4, л. 2а]. Оба найденных экземпляра, вероятно, принадлежат этому изданию. Два экземпляра «Комментария на “Украшение срединности”» вышли в свет также в Агинском дацане, на что указывают записи в колофоне текстов.

Необходимо отметить, что только в разделе Ума (мадхьямака) КЧ сосредоточено такое большое количество произведений индийских авторов. Индийское наследие в данной области является тем фундаментальным источником, к которому постоянно обращались и обращаются буддийские учёные Внутренней Азии. Ещё одна особенность данного раздела заключается в том, что в нём отсутствуют сочинения тибетских авторов, которые предшествовали гелукпинской традиции в Тибете. В других разделах КЧ подобного факта не отмечалось.

Гелукпинская традиция относительно предмета мадхьямака начинается с работ основателя школы гелук, великого реформатора буддизма в Тибете Чже Цзонкавы (тиб. Rje Tsong ka pa, 1357–1419). Это прежде всего его «Комментарий на *Муламадхьямака-картку*: океан рассуждения» [тиб. Dbu ma rtsa ba'i tshig le'ur byas pa shes rab ces bya ba'i rnam bshad rigs pa'i rgya mtsho]⁴. Данный комментарий на «Корневые строфы относительно срединности» Нагарджуны отстаивал позицию традиции прасангика, т. е. Буддхапалиты и Чандракирти. Единственный экземпляр данной работы в КЧ напечатан на тибетской бумаге. Упоминаний о бурятских изданиях мы не нашли. Были найдены также сочинения великого Чже Цзонкавы: «Собрание инструкций относительно мадхьямака, данные уважаемым Римпоче» [тиб. Rje rin po ches gnang

ba'i dbu ma'i lta khrid bsodus pa]⁵, «Детальный комментарий на *Мадхьямакааватара* Чандракирти» [тиб. Bstan bcos chen po dbu ma la 'jug pa'i rnam bshad dgongs pa rab gsal]⁶, «Меморандум относительно *Мадхьямакааламкара*» [тиб. Dbu ma rgyan gyi zin bris rje rang gis gnang]⁷. Экземпляры «Собрание инструкций относительно мадхьямака, данные уважаемым Римпоче» и «Меморандум относительно *Мадхьямакааламкара*» являются тибетскими изданиями, сведений о бурятских публикациях нет. Что касается экземпляров сочинения «Детальный комментарий на *Мадхьямакааватара* Чандракирти», то все четыре экземпляра, хранимых в КЧ, по своим полиграфическим данным соответствуют агинскому изданию на 290 листах [4, л. 3а].

После творческого наследия Цзонхавы в КЧ можно обнаружить работы его ближайших учеников. В коллекции есть сочинение Кхедуба (тиб. Mkhas-grub rje dge-legs-dpal-bzang, 1385–1438) «Инструкция относительно практики бхавана (специфическая буддийская медитация) в школе прасангика-мадхьямака» [тиб. Dbu ma thal 'gyur pa'i lugs kyi zab lam dbu ma'i lta khrid ces bya ba bzhugs pa'i be'u bum mo]⁸, которое суммирует взгляды Цзонхавы и другого его ближайшего ученика Гялцаб дармаринчена по этому вопросу. Данная работа имеет ещё одну особенность, согласно традиции, она была записана Кхедубом со слов самого Цзонхавы. Четыре экземпляра текста из КЧ тибетского происхождения, сведений о бурятских изданиях нет. Сочинение уже упоминаемого Гялцаб дармаринчена [Rgyal tshab rje dar ma rin chen, 1364–1432] «Итоговое замечание на лекцию Цзонхавы относительно *Мадхьямакааламкара*» [тиб. Rgyal tshab chos rjes rje la gsal pa'i dbu ma rgyan gyi brjed byang]⁹ хранится в КЧ. Работы была написана в качестве собственного авторского меморандума. В одном из гарчаков Цугольского дацана упоминается издание текста на 13 листах [5, л. 2а]. По полиграфическим данным экземпляры, хранимые в КЧ, соответствуют этому изданию. Следующий ближайший ученик Цзонхавы – Первый Далай-лама Гедундуб (тиб. Dge 'dun grub pa, 1391–1474) представлен в КЧ своим произведением «Зерцало, освещающее *Мадхьямакааватара*» [тиб.

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0559, TCh-0872, TCh-3155.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0413, TCh-3239.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0476, TCh-3240.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0136.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0238, TCh-1617, TCh-1646, TCh-1702.

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1568, TCh-1577, TCh-1582, TCh-1606, TCh-3251.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1580.

⁸ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0237, TCh-1618, TCh-1645, TCh-1701.

⁹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0873, TCh-1532, TCh-1579, TCh-1623.

Dbu ma la 'jug pa'i bstan bcos kyi dgongs pa rab tu gsal ba'i me long]¹. Часть хранимых экземпляров на 60 листах отпечатаны в Агинском дацане [4, л. 5b].

Далее в КЧ можно найти сочинения авторов, которые предшествовали творчеству Джамьянг шепа. Данная группа начинается с текста кадампинского схоласта Чаннгава лодой гьелцен (тиб. Sruan snga ba blo gros rgyal mtshan, 1402–1472) из монастыря Камкамго (тиб. Skam skam dgon) «Корневой собственный комментарий, очищающий от негатива заблуждений благодаря приобретению опыта срединности, освобождающий от крайностей» [тиб. Mtha' bral dbu ma'i nyams len lta ngan mun sel gyi rtsa ba rang 'grel pa]². Оба хранимых экземпляра текста являются рукописями на русской бумаге. Глава школы Геллук – Шестой ганден трипа (тиб. Dga' ldan khri ra, «Держащий Золотой Трон») Чокьи гьелцен (тиб. Chos kyi rgyal mtshan, 1402–1473) представлен в КЧ своей работой «Великая срединная позиция, сочинённая уважаемым Чокьи гьелценом» [тиб. Rje ba so chos kyi rgyal mtsan gyis mdzad ba'i dbu ma'i lta khrid chen mo]³. Все три работы отпечатаны в Тибете. Сочинение настоятеля гелукпинского монастыря в местности Чамдо (Восточный Тибет) – Шашунг чойванг дагпы (тиб. Zhang zhung chos dbang grags pa, 1404–1469) «Трактат полностью разъясняющий истинную реальность абсолютной пустотности: открытые глаза удачи» [тиб. Zab mo stong pa nyid kyi de kho na nyid rab tu gsal bar byed pa'i bstan bcos skal bzang mig 'byed]⁴ был обнаружен в КЧ. Трактат посвящён критическому анализу теории пустотности с позиции школы прасангика. Данное сочинение было написано Шашунг чойванг дагпой как обобщение лекционного курса, изложенного великим Кхедубом (см. выше). Найденные тексты были опубликованы в Тибете. Сочинение «Трактат, уничтожающий все вредные доктрины: колесо из небесного железа (инструкция для геше)» [тиб. Lta ba ngan pa thams cad tshar gcod pa'i bstan bcos gnam lcags kyi 'khor lo zhes bya ba rgo bo bsod nams seng ge zhes bya ba'i dge ba'i bshes gnyen la gdams pa]⁵, написанное представителем факультета Лосалинг (тиб. blo gsal gling grwa tshang) монастыря Дрепунг (тиб. 'bras

spungs dgon pa) – Лепа чойжор (тиб. Legs pa chos 'byor, 1429–1503) находится в КЧ. Единственный экземпляр сочинения издан в Тибете. Представитель другого знаменитого факультета Че (тиб. byes grwa tshang) монастыря Сера (тиб. se ra) благородный Чойки гьелцен (тиб. se ra rje btsun Chos kyi rgyal mtshan, 1469–1544/1546) представлен в КЧ своим сочинением. Это «Ожерелья удачи: комментарий относительно значений, освещающий трудные места в «Просветлении сознания» (Цзонхавы), комментирующего (в свою очередь трактат Чандракирти) *Махья-макаватара*» [Bstan bcos dbu ma la 'jug pa'i rnam bshad dgongs pa rab gsal gyi dka' gnad gsal bar byed pa'i spyi don legs bshad skal bzang mgul rgyan]⁶. Все найденные экземпляры изданы за границей. Также в КЧ можно обнаружить сочинения первого Панчен-ламы Лобсанг чойки гьелцен (тиб. blo bzang chos kyi rgyal mtshan, 1570–1662) «Поддерживающая инструкция относительно истинной моральности» [тиб. Tshul khriims yang dag par srung pa'i man ngag]⁷. Экземпляры данной работы не являются продукцией бурятских дацанов.

Особое место в процессе формирования в XVII–XX веках единой школьной системы северо-восточного направления развития тибето-буддийской схоластики, объединяющим Амдо, Монголию и Бурятию, занимается Гунчен Джамьянг шепа I (тиб. 'Jam dbyangs bzhad pa ngag dbang brtson grus, 1648–1722). Бурятские учёные-монахи традиционно рассматривают его в качестве основателя учебной традиции факультета Гоман [тиб. sGo mang] монастыря Дрепунг [тиб. 'Bras srung] в Лхасе и учебной традиции монастыря Лавранг ташичил в Амдо. Контекст данного имени настолько важен для местных схоластов, с точки зрения преемственности традиции, что после ближайших учеников Цзонхавы, всех авторов XVI–XX веков они могут рассматривать либо в качестве предшественников, либо современников, либо последователей – создателя «амдоской традиции» в тибетском систематическом образовании. Общеизвестный факт, что Гунчен Джамьянг шепа был энциклопедически одарённым человеком, он создал фундаментальные работы практически во всех областях знаний традиционной буддийской культуры. Область мадхьямака не стала исключением. В КЧ хранится его работа «Всеобъемлющее освещение глубокого значения сокровищницы рас-

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0411, TCh-0414, TCh-1535, TCh-1573, TCh-1574, TCh-1583, TCh-1635, TCh-1649, TCh-1664, TCh-3233, TCh-3247.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-2918, TCh-2919.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1615, TCh-1618, TCh-1703.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1607, TCh-1659.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1697.

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1204, TCh-1575, TCh-1630, TCh-1676, TCh-1687, TCh-1687.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1263, TCh-2926.

суждения и книжности – Анализа “вступления в корневые строфы о срединности” (Чандракирти), т. н. врата счастья» [тиб. *Dbu ma la 'jug pa'i mtha' dpyod lung rigs gter mdzod zab don kun gsal skal bzang 'jug ngogs*]¹. Экземпляры данного сочинения на 422 листах, хранящиеся в коллекции, являются в основном изданиями Цугольского монастыря [5, л. 2а]. Современник Гунчен джамьянг шепы – Жогпа донйо кхедуб (тиб. *Zhogs pa don yod mkhas grub, 1671–1737*) из гелупинского монастыря Жог гурмон гон (тиб. *zhogs gur smon dgon*) отмечен в КЧ своим трактатом «Инструкция о глубине срединности» [тиб. *Zab mo dbu ma'i lta khrid*]². В колофоне единственного экземпляра данного сочинения, напечатанного на 14 листах, указано, что данное сочинение выпущено в Агинском монастыре. Ученик и преемник Гунчен джамьянг шепы – Наванг таши (тиб. *Ngag dbang bkra shis, 1678–1738*) написал работу, которая хранится в КЧ под титулом «Изложенные великим философом Наванг таши лекции относительно срединности, записанные Чой кйонг гьетцо» [тиб. *Smra ba'i dbang phyug rje ngag dbang bkra shis kyi dbu ma'i gsung bshad zin bris chos skyong rgya mtshos mdzad pa*]³. Два экземпляра данного сочинения на 68 листах изданы в Агинском дацане [4, л. 6а].

Несмотря на то, что Наванг таши можно отнести к пятой группе авторов, представляющих монастыри Лхасы (Дрепунг, Сера), Амдо, Монголии и Бурятии в XVIII–XX веках, тем не менее, эту группу начинает работа знаменитого амдоского учёного Сумба хамбо ешей пальчжора (тиб. *Sum pa mkhan po ye shes dpal 'byor, 1704–1788*) «Комментарий на среднюю (по размеру) инструкцию относительно срединности, т. н. лунное веретено» [тиб. *Dbu ma'i lta khrid 'bring po legs bshad zla zer*]⁴. Единственный экземпляр является манускриптом на местной русской бумаге. Другой великий амдосец Гончок жигме вангпо (тиб. *Dkon mchog 'jigs med dbang po, 1728–1791*) написал комментарий на «Философскую духовную песню» Чанчжа-хутухты рольбидорже под названием «Светильник слов» [*Lta ba'i gsung mgur gyi 'grel pa tshig gi sgron me*]⁵. Ещё один представитель исторической области Амдо – Гочок танби доме (тиб. *Dkon*

mchog bstan pa'i sgron me, 1762–1823) представлен в КЧ двумя работами в области буддийского учения о срединности. Это «Заметки на мадхьямакадаршана [лекция известного Цечог йонгдзина Ешей гьялцана (тиб. *Yongs 'dzin ye shes rgyal mtshan*)], т. н. восприятие пути освобождения» [тиб. *Zab mo lta ba'i zin bris thar lam snang ba*]⁶ и «Дисциплинирующие стихи относительно метода сосредоточения на непостоянство» [тиб. *Mi rtag pa sgom tsul gyi bslab bya tsigs su bcad pa*]⁷. Если экземпляры первого произведения отпечатаны в Тибете, то единственный экземпляр второго, вероятно, издан в Китае или Монголии. Второй балманг (тиб. *dbal mang*) Гончок гьялцан (тиб. *Dkon mchog rgyal mtshan, 1764–1853*), представитель знаменитого амдоского монастыря Лавранг ташичил, пишет для студентов монастыря Гаден чойхорлинг (тиб. *Dga' ldan chos 'khor gling*) сочинение «Разъяснение (некоторых) сомнительных моментов в теории срединности» [тиб. *Dbu ma'i dogs slong*]⁸. Три экземпляра данного сочинения хранятся в КЧ. Одна работа – это манускрипт на русской бумаге, две другие – это тибетские ксилографы. Комментарий к работе своего предшественника лавранского гунтана Гочок танби доме написал другой представитель монастыря Лавранг ташичил – Дагпа гьялцен (тиб. *Grags pa rgyal mtshan 1762–1835/1837*). Это сочинение под титулом «Комментарий на глубокий смысл философской духовной песни, т. н. великолепная ваза (наполненная) нектаром» [тиб. *Lta ba'i gsung mgur zab mo'i tshig don rnam par bshad pa bdud rtsi'i bum bzang*]⁹ было обнаружено в КЧ. Представитель амдоского монастыря Гумбум (тиб. *sku 'bum byams pa gling*) Лобсанг рабсал (тиб. *Blo bzang rab gsal, 1840–1910?*) написал работу «Глубокая инструкция к большому комментарию на срединность, т. н. лекарство для концептуальных глаз» [тиб. *Dbu ma chen mo'i stong thun zab don lta ba'i blo gros mig sman*]¹⁰. Среди хранящихся экземпляров этого произведения есть тибетские издания, манускрипт на русской бумаге и ксилографы на 40 листах, изданные в Агинском монастыре [4, л. 8а].

В результате исследований необходимо подчеркнуть, что предмет «мадхьямака» являлся и является важнейшим в формировании

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1526, TCh-1545, TCh-1550, TCh-1555, TCh-1576, TCh-1557, TCh-1610, TCh-1625, TCh-1651, TCh-1653, TCh-1657, TCh-1677, TCh-1678, TCh-3249, TCh-3261, TCh-3262

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-3235.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1688, TCh-3248.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-2920.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1608.

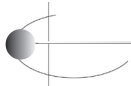
⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1259, TCh-1641, TCh-1650.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1262.

⁸ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1584, TCh-1613, TCh-1662.

⁹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1564.

¹⁰ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-1533, TCh-1614, TCh-1620, TCh-1634, TCh-1660.

нии буддийского схоласта в регионе. Изучение данного предмета в XIX – начале XX века в бурятских монастырях обеспечивалось широким спектром буддийской тибетоязычной литературы, начиная с фундаментальных трудов индийских классиков, заканчивая популярными учебными пособиями ведущих схоластов Тибета, Монголии и Бурятии¹. Необходимо также добавить, что именно в данном разделе коллекции тибетоязычной схоластической лите-

ратуры «Чойра» (ИМБТ СО РАН) в сравнении с остальными разделами была обнаружена наибольшая представленность работ индийских авторов. Важным для исследовательского результата является тот выявленный исторический факт, что именно продукция местных бурятских монастырей определяла основное содержание местных буддийских собраний схоластической литературы. Это прежде всего касается предмета «мадхьямака».

Список литературы

1. Лысенко В. Г., Канаева Н. А. Буддийские философы об инструментах достоверного познания. М.: ИФ РАН, 2014.
2. Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: Джангар, 2012.
3. Урбанаева И. С. Буддизм в сравнительном контексте: что такое аутентичный буддизм? // Вестн. Бур. науч. центра Сибирского отделения РАН. 2013. № 3 (11). С. 78–87.
4. Byang phyogs kyi a ko'i dgon sde chen po bde chen lhun grub gling 'dir bzhugs pa'i dpar gyi tho yig las ring po'i gras bzhugs so. Частная коллекция Дид Хамбо ламы Цырен Лупсандашиевича Дондукбаева.
5. Shad sgrub bstan pa'i 'byung gnas bkra shis chos 'phel gling gi par khad la bzhugs pa'i ring po'i tho ni. Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TG-003.
6. Bazarov A. Introduction. Catalogue of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs 'Chos grwa' (Parts: Tshad ma, Grub mtha') of The Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Russian Academy of Sciences (Siberian Branch). Compiled by Andrey Bazarov. Tibeto-Mongolian Series-1. Varanasi, CIHTS, 2008. С. V–XXV.
7. Bethlenfalvy G. A Tibetan catalogue of the blocks of the lamaist printing house in Aginsk // AOASH. Tomus XXV, fasc. 1–3. 1972. P. 53–75.
8. Catalogue of printing blocks of Buddhist monasteries in Transbaikalia // Four Mongolian historical Records of Dr. Rinchen B... SPS. Vol. 11, New Delhi, 1959. P. 79–121.
9. Hopkins Jeffrey. Meditation on Emptiness. Wisdom Publication, 1996.
10. Ruegg David Seyfort. The literature of the Madhyamaka school of philosophy in India (History of Indian Literature, 7/1). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1981.

References

1. Lysenko V. G., Kanaeva N. A. Buddiiskie filosofiy ob instrumentakh dostovernogo poznaniya. M.: IF RAN, 2014.
2. Muzraeva D. N. Buddiiskie pis'mennyye istochniki na tibetskom i oiratskom yazykakh v kollektsiyakh Kalmykii. Elista: Dzhangar, 2012.
3. Urbanaeva I. S. Buddizm v sravnitel'nom kontekste: chto takoe autentichnyi buddizm? // Vestn. Bur. nauch. tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN. 2013. № 3 (11). S. 78–87.
4. Byang phyogs kyi a ko'i dgon sde chen po bde chen lhun grub gling 'dir bzhugs pa'i dpar gyi tho yig las ring po'i gras bzhugs so. Chastnaya kolleksiya Did Khambo lamy Tsyren Lupsandashievicha Dondukbaeva.
5. Shad sgrub bstan pa'i 'byung gnas bkra shis chos 'phel gling gi par khad la bzhugs pa'i ring po'i tho ni. Tibetskii fond IMBT SO RAN: TG-003.
6. Bazarov A. Introduction. Catalogue of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs 'Chos grwa' (Parts: Tshad ma, Grub mtha') of The Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Russian Academy of Sciences (Siberian Branch). Compiled by Andrey Bazarov. Tibeto-Mongolian Series-1. Varanasi, CIHTS, 2008. С. V–XXV.
7. Bethlenfalvy G. A Tibetan catalogue of the blocks of the lamaist printing house in Aginsk // AOASH. Tomus XXV, fasc. 1–3. 1972. P. 53–75.
8. Catalogue of printing blocks of Buddhist monasteries in Transbaikalia // Four Mongolian historical Records of Dr. Rinchen B... SPS. Vol. 11, New Delhi, 1959. P. 79–121.
9. Hopkins Jeffrey. Meditation on Emptiness. Wisdom Publication, 1996.
10. Ruegg David Seyfort. The literature of the Madhyamaka school of philosophy in India (History of Indian Literature, 7/1). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1981.

Библиографическое описание статьи

Базаров А. А. Литература ума (мадхьямака) в системе буддийского монастырского образования Бурятии // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 172–178.

Reference to article

Bazarov A. A. Literature Dbu Ma (Madhyamaka) in the Buddhist Monastic Education of Buryatia // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 172–178.

Статья поступила в редакцию 23.01.2016¹

¹ См.: работы В. Г. Лысенко, Н. А. Канаевой, Д. Н. Музраевой, И. С. Урбанаевой.

УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188

Ирина Александровна Ламожалова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Типология ономастических значений и семантика личных имён в монгольских языках

Статья посвящена разработке типологии ономастических значений и описанию семантики личных имён монгольских языков: бурятского, монгольского, калмыцкого. Материалом исследования послужили исконные личные имена – имена, образованные от общемонгольских, бурятских, калмыцких, общетюрко-монгольских апеллятивных основ, а также от исходных лексем других языков, которые функционируют в течение длительного времени, в связи с этим давно утратили свои этимологические основы и подчиняются языковым нормам современных монгольских языков. Они представлены в родословных таблицах, словарях, справочных материалах, научных трудах. При сравнительном анализе имён в основном применены ближайшие этимологии, дальнейшие этимологии даны sporadически.

Формирование, развитие антропонимических систем происходит под влиянием внешних (исторических) и внутренних факторов. Последние характеризуются противоречием между старой системой (закрепление и консервация) и новыми потребностями. Это отразилось на том, что в монгольских языках сохраняется общемонгольский и появляется инновационный пласты во всех выявленных ономастических значениях со своими семантическими полями, например, религиозно мотивированные имена: «X не человек, X есть ... (X – денотат)» – имена от названий птиц. Инновация начинается со времени исторически сложившегося локального функционирования языков.

Ключевые слова: монгольские языки, личные имена, значение, понятие, семантика, признак, влияние имени, мотивация

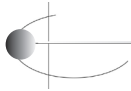
Irina A. Lamožhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Typology of Onomastic Values and Semantics of Personal Names in the Mongolian Languages

The article is devoted to development of typology of the onomastic values and description of semantics of personal names in the Mongolian languages: Buryat, Mongolian, Kalmyk. The material of the research is primordial personal names, the names formed from the Mongolian, Buryat, Kalmyk, general Turkic-Mongolian appellative bases which have been used and also from initial lexemes of other languages which function for a long time and that is why they lost the etymological bases long ago and are subordinated to language standards of modern Mongolian languages. They are presented in genealogical tables, dictionaries, reference materials, and scientific works. In the comparative analysis of names, mostly the closest etymologies have been applied, further etymologies are given sporadically.

Formation and development of the anthroponomical systems happen under the influence of external (historical) and internal factors. The latter are characterized by contradiction between the old system (fixing and preservation) and new requirements. It resulted in the fact that in the Mongolian languages all-Mongolian stratum remains and innovative layer appears in all revealed onomastic values with its semantic fields, for example, religiously motivated names: "X is not the person, X is ... (X – denotate)" – personal names from names of birds. The innovation has begun since historically developed local functioning of languages.

Keywords: Mongolian languages, personal names, value, concept, semantics, sign, influence of a name, motivation

Безусловно, личное имя является словесным знаком, который имеет собственное ономастическое значение, отличающееся от значения апеллятивной лексики. Ономастическое значение личного имени формируется на основе обобщения семантики апеллятивов в связи с внеязыковыми факторами – вероисповеданий, культуры. В разряд какого-либо ономастического значения вовлекаются предопределённые составляющие конкретного семантического поля обычной лексики.

Термин семантика (от греч. *sēmantikos* – «обозначающий; смысловая сторона языка, отдельных слов и частей слова») трактуется в двух направлениях: план содержания апеллятивов и значение личного имени. Безусловно, эти два составляющих плана содержания имени личного нужно рассматривать каждое отдельно с учётом их взаимосвязанности.

Вместе с тем отметим, что в обоих случаях подразумевается не номинация, а наименование денотатов, которое «в языке всегда содержательно, оно опосредованно мышлением» [27, с. 7]. Наименование – это процесс, это первичное образование имени, а номинация – это повторное присвоение готового имени, образующее тезоименность.

Стержневым вопросом является вопрос о соотношении понятия и значения. Мы отталкиваемся от того очевидного – в языке «незначащих слов нет», «поскольку почти все собственные имена происходят в конечном результате от нарицательных, семантика их вторична и более сложна» [23, с. 89–90]. Данное высказывание А. В. Суперанской стало общепринятым положением в ономастической науке. Рассмотрение семантики (значение) онимов подразумевает первоначальное представление нашего понимания значения имён нарицательных, которые вошли в состав онимической лексики.

Наше осмысление сути слова как знака имеет в своей основе отражательную теорию. В сознании человека отражается реальный внешний объективный мир, т. е. он первичен по отношению к его идеальному отражению [27, с. 19]. За данным общетеоретическим положением в языкознании последовала разработка термина денотат – реальный признак какого-либо предмета – объекта, а отображение этого признака в сознании, нашедшего фиксацию в языковой форме, – это сигнификат. Это отличие способствует чёткому разграничению значения языкового выражения объекта, к которому оно относится посредством указания только на одно из его свойств – денотат. Сигнификат – это языковедческий тер-

мин, равноправный термину «понятие», т. к. «предметно-гносеологическая направленность совпадает» [11, с. 106–107].

Учёные понимают эту связь достаточно разнообразно. Л. О. Резников [19, с. 32] говорит, что значение слова – это понятие. А. Шафф [29, с. 278] утверждает, что мнение о разграничении понятия и значения слова полностью неверно. В. М. Богуславский [3, с. 244] выдвигает мнение о том, что значение является частью понятия. С. Д. Кацнельсон [10, с. 18] считает, что концептуальное значение слова равно формальному понятию, в нём отображаются какие-либо бросающиеся в глаза яркие признаки. Е. М. Галкина-Федорук [7, с. 21] утверждает, что слово своим звуковым оформлением передаёт понятие, отображающее явление окружающей действительности. По мнению Б. А. Серебренникова [21, с. 53], значение слова взаимосвязано с наименьшим количеством дифференциальных признаков. Если этот минимум передаёт понятие, хотя и небольшое по своему объёму, то на каком основании значение должно представлять категорию, иную от понятия. Также учёный указывает, что были этапы – представление о предмете в результате опыта, необходимость дать название, ассоциация с другим предметом. Далее пишет: «Континуум объективного мира в разных языках может члениваться по-разному и получать различное языковое выражение» [21, с. 70]. Затем раскрываются ситуации, подтверждающие, что не всегда понятие и значение совпадают: «Могут быть и такие случаи, когда понятия различаются в мышлении людей, но не имеют различия в языке» [21, с. 72].

Из вышеприведённого следует: понятие и значение (семантика) слов взаимосвязаны между собой, поскольку понятие отражается в идеальной стороне слова: «...содержание понятия выступает как общее по отношению к значению слова. В силу этого слово в процессе функционирования способно обретать множество значений» [14, с. 12]. Однако нам интересен вопрос о сущности именования в сфере лексики обычных слов для сравнения с природой именования в области онимической лексики.

Вполне соответствующим является следующее положение Фейербаха: «Чувственное восприятие даёт предмет, разум – название для него... Что такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представлением предмета, характеризующим предмет, чтобы представить себе в его тотальности».

Отображение в сознании предмета «в его тотальности», т. е. понятия, случается на основе одного признака. Из этого следует, что все остальные свойства предмета воздействуют на значение слова как исторически непостоянные элементы. Полисемантические ряды служат тому ярким примером.

Вопросу значения онимов в лингвистике посвящено много трудов учёных-ономастов. Он решался через устранение проблем теоретического плана. Долго не было высказано соответствующее определение «...многие исследователи вводят такие понятия, как актуальное значение, референтное значение, коммуникативный инвариант значения и т. д.» [24, с. 109]. А. Г. Митрошкина [15, с. 22–23] считает, что правильным в определении значения имени собственного будет осмысление того, что онимы – это разряд слов со специфической семантикой, лишённых понятийного содержания. О. Т. Молчанова [16, с. 143] полностью поддерживает указанный критерий разграничения обычной и онимической лексики и считает, что он является основополагающим.

Но вопрос специфики значения имени собственного в связи с его категорией – понятием – имеет положение дилеммы: в значении имени собственного есть понятийная категория и имя собственное не имеет понятийной категории. Мнения о понятийности имён собственных придерживаются В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов. В. А. Никонов [17, с. 55] отмечает, что в личном имени Елена есть понятия «человек», «женщина» и указание на конкретную «вот эту» личность. В. Д. Бондалетов [5, с. 24] отмечает, что в трактовке об асемантности имени собственного не учитывается то, что названный или называемый объект соотносится с другими объектами подобного типа, а также с другими типами схожих и несхожих предметов. Ленинград... Это город. Он стоит в одном ряду с другими городами – Москвой, Киевом, Минском, Одессой.

А. Г. Митрошкина возражает и считает, что вышеприведённые высказывания могут быть приняты в том случае, если упомянутые онимы относятся к одним и тем же ономастическим полям. Ведь Елена может быть не только женским личным именем, но и названием, например, магазина. Ленинград может выступать названием не только города, но и кинотеатра. Приводит яркий пример: Баргузин – это название населённого пункта в Республике Бурятия, название реки, название ветра на озере Байкал, название кинотеатра в г. Иркутске. Из вышесказанного следует, что

семы «город», «ойконим», «женщина» и т. д. могут реализовываться в конкретных речевых ситуациях, т. е. при наличии сигнальных слов – город, село, кинотеатр и т. д. То есть в онимах данного типа не представлены понятийные семы [15, с. 22–23].

Другие учёные-ономасты находят связь значения имени собственного с энциклопедической информацией о денотате [4, с. 333]. Мы считаем, что данное определение не передаёт лингвистической сути онима, в которую «входят и особые мотивы именованного, и специфика существования имени в языке, и его современное восприятие, и история имени, и этимология его основы» [24, с. 104].

В данном вопросе мы считаем приемлемым суждение А. Г. Митрошкиной [15, с. 24–28], которое гласит следующее. 1. Все трактовки о специфике значения (семантики) онима имеют в своей основе уже сформировавшиеся и действующие в языке единицы онимической лексики. Формирование каждой подсистемы языка имеет начало с создания её единиц в процессе функционирования языка как итог удовлетворения запроса в том или ином названии. И специфика семантической наполняемости онимической лексики более достоверно, убедительно определяется на базе исконных основ. Однако анализ данного пласта онимической лексики, особенно его содержательного плана предусматривает установление основных методологических принципов. Относительно антропонимических систем монгольских языков используем следующие положения. Языковедческое описание личных имён с учётом экстралингвистических факторов предусматривает непременно рассмотрение статуса антропонима в гносеологическом аспекте. Исходя из этого, полагаем, что процесс образования антропонимов – это наиболее значимый исходный момент гносеологической последовательности. Функционирование антропонимов в речи является обязательным условием образования дополнительных признаков, способных дифференцировать их от соответствующих апеллятивов. Последующими результатами сформировавшейся онимической подсистемы выступают инвариантность её единиц применительно перевода с языка на язык (т. е. непереводаемость), специфика морфологических парадигм, синтаксическая валентность и т. д. 2. Когда образуются бурятские личные имена от определённых основ, можно отметить своеобразные типы и специфические изменения, модификации в структуре семантики отправных лексем. В тех

случаях, когда слово с единичной соотнесённостью обретает дополнительно языковую функцию идентификации данного объекта из ряда однородных объектов, а не лишь указания на объект в речевой ситуации, появляются новые слова – имена собственные. Это свидетельствуют наши примеры из именников монгольских языков: бур. *ухин*, монг. *охин*, калм. *окн* «девушка, девица» → *Ухин*, *Охин*, *Окн* – мужские личные имена.

Собственно к онима́м, образованным от апеллятивных основ на базе их единичной соотнесённости с отдельно привлеченными реалиями того же ряда однородных, применимо доступное понятие онимов с открытой семантикой. Открытость семантики онимов вышеприведённого типа на начальном этапе функционирования в речевой практике детерминирована тем, что в них остаётся ещё апеллятив, на основе которого можно их ассоциативно соотнести к семантике соответствующих нарицательных слов. Это соотнесение присуще микропонимам, поэтому допустим и перевод с языка на язык в условиях двуязычия. В то же время возможно ли полагать, что названия одного и того же объекта в двух языках, которыми владеет субъект, являются переводом? К примеру, бур. *Улаан хада* – рус. *Красная гора*. В данном примере отражен один и тот же признак в бурятском и русском языках. В других случаях, как обычно, топонимы не переводятся с языка на язык: *Хүнды* – *Кондуй*. А антропонимы абсолютно не подвергаются переводу: бур. *Шэмэг* – *Чимиг*, монг. *Энхбат* – *Энхбат*, калм. *Залһмж* – *Залгамджи*. И так, подвергаются переводу с языка на язык только нарицательные имена, которые соотносятся с классом предметов.

Онимы, которые экспонентно не дифференцируются от соответствующих апеллятивных основ, возможно трактовать как ещё не успевшие выработать свои формальные признаки или не имеющие на это языковых условий: личные имена типа бур., монг. *Гахай*, калм. *һаха* «свинья» экспонентно не модифицируются, однако по морфологическим свойствам – формами падежа, числа, являются именами собственными. У них экспонентно выраженная форма – форма винительного падежа (*Гахайе*, *Гахайг*, *һахаг*), не имеет форму множественного числа. Подобные личные имена и их апеллятивы имеют между собой омонимичные связи.

Имена собственные типа *Улаан хада* (ороним) и *Улаана* (личное имя), в которых экспонент *улаан* выражает определённый вариант – оттенок цвета – красный, А. Г. Митрошкина [14,

с. 13] считает онимами, которые представляют один из многочисленных способов образования от нарицательных, т. е. путём применения нарицательных слов с соответствующим инвариантом для называния единичного в ряду другого рода с другим инвариантом. При этом отбор непонятного вариантного признака реалии для присвоения имени имеет объективный характер: бур. *Хүхэ нуур* «голубое озеро» – *Хүхэ* (гидроним – личное имя); монг. *Шар мөрөн* «жёлтая река» – *Шар*; калм. *Улан Зууха* «красная балка» – *Улан*.

Один из видов образования проявляется в религиозно обусловленных личных именах. Им присущим свойством является то, что в условиях их присвоения не выражены объективные признаки или обстоятельства рождения ребёнка: бур. *Бэлтэрэг*, монг. *Бэлтэрэг* «волчонок», калм. *Белтрг* «табу молодой волк»; бур. *Муухай*, *Магуун Доржо*, монг. *Муу*, *Муухай*, калм. *Му*, *Магу* «некрасивый; плохой, скверный». Мотивом привлечения апеллятивных основ в оборот именика была вера шаманистов в сверхъестественную силу имени. Они верили, что злые духи не заберут, не навредят новорождённому со скверным именем, такие имена будут утешать их. Значит, в основе присвоения имени новорождённому не тот или иной его признак, а желание чего-либо, какого-либо признака в соответствии с религиозными убеждениями именуемых.

У многих этносов религиозные воззрения, социальные факторы (форма общественной организации, психологические особенности во взаимоотношениях, желанность или нежеланность, особенности новорождённого и др.) могут быть условиями, мотивацией процесса образования и ономастических значений.

Ономастическое пространство у разных этносов имеют различные форму и степень влияния религии. Палийский ономастикон – пример высокой степени влияния мировой религии на процесс именования дискретных объектов. В. Н. Топоров [26, с. 47, 50] пишет, что в палийской традиции есть тенденция именования собственными именами всё, что касается высших авторитетов и ценностей в буддийской культуре. Собственными именами являются даже названия текстов разного уровня или доктрин, афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди, титулы, прозвища, болезни, жертвоприношения, подаяние милостыни, чудеса, чары, украшения, камни, кристаллы, оружие, порох, музыкальные инструменты, утвари, месяцы, дни, праздники, церемонии, деревья, растения, атрибуты мифологических персонажей, их эпитеты и т. д.

Как известно, огромное количество тибетско-санскритских имён в монгольских языках – результат влияния буддизма у монгольских народов. Набор канонизированных календарных личных имён греческого, древнеримского, древнееврейского, сирийского, египетского происхождений – христианства на Руси. Имена арабского языкового происхождения в тюркоязычной среде – ислама [8].

Велико влияние шаманизма на онимическую лексику. Однако в шаманизме не составлялся специальный список личных имён в отличие от мировых религий. Тем не менее, именно шаманистическое мировоззрение в основе выбора, присвоения имени новорождённому у монгольских народов. Учёные Г. Н. Потанин, М. Н. Хангалов, К. В. Вяткина, И. М. Манжигеев, К. Д. Басаева и другие детально описывают целую систему охранительных обрядов, которая соблюдалась, начиная с внутриутробного периода до взрослого возраста. Следует особо отметить, что обязательно у ребёнка был покровитель – *найжа*. Обычай *бөөгөөр найжа бариха* означал брать в качестве найжи шамана. У буддистов *найжа* – лама – также опекун ребенка. Шаман *найжа* совершал обряд очищения новорождённого, ставил защиту от злых духов – *боогол табиха*. Эта защита была словесная, была шаманским гимном. Г. Д. Санжеев записал этот гимн, из текста понятно, что ребёнок как бы сам себя защищает:

«Огненная великая ограда – до конца света,
Великая пепельная ограда – до конца века.
Коричневый камень – изгородь моя,
Чёрный камень – западня моя,
Серый камень – ограда моя» [20, с. 546–547].

Понятны истоки весьма распространённых имён среди монгольских народов с семантикой огонь – бур. *Галнай* (жен.), монг. *Галхүү*, калм. *халахн* (жен.), камень – *Шулуун*, *Чулуун*, *Чолун*, чёрный – *Хара*, *Хар*, *Хар*, серый – бур. *Боро*, монг., калм. *Бор*. И верно мнение А. Г. Митрошкиной [14, с. 101] о том, что первоначально монгольские имена были синтаксическими формами типа *Мүнхэ болху* «станет вечным», которая в последствии эллиптировалась в *Мүнхэ*. Не могли не оказать влияние на структуру и семантику имён тексты шаманских гимнов, обрядов, ритуалов, названия их атрибутов и т. д. Полагаем, что эти тексты, возможно, ещё функционировали в языке родителей, близких родственников в полном или сокращённом виде в функции личного имени. То есть тексты не были преданы забвению в один миг. С течением времени они подвергались компрессии посред-

ством эллиптирования до той формы, которая была удобна для функционирования в более широком социальном поле, чем семья. Возможно, бурятское имя *Таряан* (жен.) восходит к заклинанию типа «Таряан бүтэ тара, будаан бүтэ будара» – как зерно, распространись, как просо, рассыпсья (размножься) [2, с. 69]. Ср. калм. *Тэрэ – тэрэн* «хлеб, зерно». Сказанное можно подтвердить и другими многочисленными примерами из монгольских антропонимикон. Вызывают большой интерес глагольные формы, а именно императивные: бурятское женское имя *Соли*, от него → безимперативное *Солиндой* (жен.); монгольское *Соль* «сменись (пол ребёнка)»; бурятское *Боли*, монгольское *Боль*, вероятно, «перестань (рождаться)»; калмыцкое *Цагэ* «пусть насытится, наестся».

В связи с вышесказанным вообще нужно особо отметить, что одна из интересных особенностей именника монголов – двукомпонентные имена, в которых одним из экспонентов выступают глаголы в форме будущего времени, причём эти глаголы занимают постпозицию так же, как и в синтаксической единице монгольского языка – предложении: *Оч* «искра», *Өнө* «долго», *Улам* «ещё больше, всё более» + *бадрах* «процветать». Их по материалам Ч. Соднома [22] насчитывается 17. Примеры с глаголами *нэмэх* «дополнять, увеличиваться», *тогтох* «устанавливаться, утверждаться», *болох* «становиться» (их итого 20): *Билиг* «талант, дар» + *нэмэх*, *qlзий* «мир и счастье» + *тогтох*, *Сод* «выдающийся, мудрейший» + *болох*.

Следующий этап эллипсиса способствует образованию чисто глагольных имён: *Бадрах* «процветать, развиваться», *Баярлах* «радоваться, веселиться», бур. *Хүбүүлхэ* «родит мальчика». Это, можно сказать, магические имена, отражающие чаяния, упования, надежду родителей, близких на содействие личного имени на благолучие ребёнка.

Эти составные формы, безусловно, мы отличаем от по структуре схожих, но калькированных с китайского, тибетского языков имён: *Содномпил* – *Буяннэмэг* «пусть преумножится благодетель» [22, с. 33–34]. Практика калькирования – традиция и один из продуктивных способов обогащения монгольского антропонимикона, избежание тезоименности.

В связи со сказанным о составных личных именах в монгольских языках интересно заметить об их районированности по семантике в бурятском именнике: *Улзы-Жаргал* «благоденствие, счастье» свойственно для восточнобурятского региона, а формы типа

Хара-Нохой «чёрная собака» – для западнобурятского. Эти имена – следствие конверсии обычной и исходной синтаксической единицы – словосочетания.

Итак, компонентные формы личных имён монгольских именников с позиции семантики экспонентов имеют меторативно-охранительное предназначение. С древних времён человек верил в чудодейственную, магическую силу имени. Эта вера универсальна. Об этом на материалах разных этносов написано немало трудов. Иноязычные по происхождению личные имена, которые утратили семантику своих основ, функционируют своим звучанием, а исконные оказывают влияние на судьбу человека значением своей соответственной апеллятивной основы. Известный писатель, библиограф С. Р. Минцлов ещё в начале XX века писал: «К числу туманных загадок, на которые натывается разум, относится странное влияние имени на нравственный облик и на судьбу человека. Что такое влияние существует – сомневаться не приходится. Почему существует? На этот вопрос ответа, вероятно, никогда не будет» [25, с. 136].

Высказываются интересные теории о влиянии имени: социальная, эмоциональная, звуковая – музыка имён [25, с. 309–311]. Безусловно, мы не претендуем на абсолютизирование влияния имени на его носителя. Даже знаменитый профессор психологии Б. Хигир, более тридцати лет исследовавший это явление и на материалах многолетнего труда составивший справочник имён, пишет, что среди сотен и тысяч людских судеб, прошедших перед ним, ему встречались люди и семейные пары, счастливые вопреки всему [25, с. 6]. Всё же, едва ли надлежит игнорировать мудрый опыт предков. Издревле они придумывали и применяли всевозможные способы обретения детьми благополучия с помощью личных имён, причём наряду с прочими разнообразными возможностями. Так, у монгольских народов – это, кроме вышеупомянутых, табу на имя, явление соименования, инсценирование «продажи ребёнка» и др. [15].

Приведём интересные примеры из наших наблюдений. Буряты Восточного Прибайкалья и монголы Монголии считают, что бывают *хатуу нэрэ* «жёсткое имя» и *зөөлэн нэрэ* «мягкое имя». У бурят Агинского округа Забайкальского края были случаи обращения к представителям буддийского духовенства – ламам по поводу необъяснимой в медицине болезни, те в ответ им замечали: «Хүүгэн нэрэдээ диилдэнэ», т. е. «ребёнок угнетает своим именем». После этого родители

по наставлению ламы присваивают ребёнку другое, более подходящее ребёнку имя, например, *Сэрэн* – от тибет. *sruing* «сахюусан – талисман», и ребёнок полностью выздоравливает. Вообще считается, что имена типа *Саяан*, *Байгал* – *хатуу нэрэнүүд*, которые нежелательно было бы присваивать детям либо можно присваивать ребёнку, если ему подходит. В настоящее время возрождается традиция испрашивания у ламы имени, по астрологическим данным во всех отношениях более благоприятного для жизни ребёнка.

Наши наблюдения также показывают, что отдельные имена влияют на рождение последующего ребенка, на продолжительность жизни человека. Например, родители присваивают дочери имя *Бутидма* или *Бутид* «ведущая сына, имя даётся дочери в надежде, что родится сын» [6, с. 9]. И действительно немало случаев – после дочери с таким именем рождается сын. Интересны имена с начальным *сэ*, о чём при беседе лама Агинского дацана пояснил нам, что оно означает с тибетского языка «долголетие, долгая жизнь». Родные сёстры с именами *Сэрэгмаа*, *Сэбэг*, *Сэндэмэ* достигли почтенного возраста – более 80 лет.

Из материалов ономаста Н. Б. Алдаровой – женщина *Ангир* горестно недоумевала по поводу своего имени. Известно, что птица *ангир* «турпан» умерщвляет своих птенцов, оставляет лишь одного. Женщина полагала, что имя повлияло на её бездетность [1, с. 105].

В монгольской традиции практически все имена, которые образованы от названий крепких, прочных материалов, считаются «твёрдыми». А имена, образованные, к примеру, от названий цветов – «мягкими». Поверие о «твёрдых»/«мягких» именах имеет отношение не к отцовскому имени, а к имени матери. Так, дочери дали мужское имя *Гансүх* «стальной топор», чтобы было некоторое сходжение с именем матери, у которой имя *Тэмөр* «железо». Когда сильно заболела двоюродная сестра *Гансүх* по имени *Батсүх* «крепкий топор», родителям пришлось дать ей другое имя *Наранцэцэг* «подсолнух». Родители посчитали, что прежнее имя было неподходящим для девочки в отличие от имени матери – *Тогоо* «котёл» [12, с. 18–19].

Привлекает внимание пример – в монгольской семье всем шестерым сыновьям дали имена по традиции соименования, т. е. с начальным *Алтан*: *Алтангэрэл* «золотой свет, луч», *Алтанод* «золотая звезда», *Алтанхуяг* «золотой панцирь», *Алтансүх* «золотой топор», *Алтанхүү* «золотой мальчик»,

Алтантөгс «золотой конец». И имя последнего действительно повлияло на последующего рождённого сына, он в младенчестве умер, ведь в значении было заложено нежелание рождения ещё ребёнка.

Ономастические значения бурятских личных имён возведены в логическую типологию А. Г. Митрошкиной [14, с. 77]. Наряду с ними на материале монгольских языков: бурятском, монгольском, калмыцком – нами выявлены такие типы, как: имена, омонимичные названиям пищи, продуктов питания, и имена, образованные от литературных и других терминов. Мы считаем, что правомерно все ономастические значения распределить на религиозно обусловленные и социально мотивированные. К религиозно обусловленным относятся ономастические значения: «Х не есть человек, Х есть...» (Х – денотат); «Х есть некто»; числовая символика в антропонимии; обманые имена (имена, образованные от местоимений, частиц). К социально обусловленным: а) пожелательные – «Х будет таким-то»; «Х станет тем-то»; «Х сделает (должен) сделать то-то»; «после Х...»; б) описательные – «Х обладает таким-то признаком»; «Х родился при таких-то обстоятельствах»; имена, омонимичные литературным и другим терминам. Первое значение по объёму самое многочисленное, сюда относим имена, призванные охранять младенца путём отпугивания, устрашения, обмана; их апеллятивы с семами названий диких и домашних животных и их масти, птиц, рыб, насекомых, земноводных, пресмыкающихся, растений, металлов, минералов, небесных тел, предметов быта, оружия, украшений, названий этносов, частей тела, слов с негативными значениями, продуктов питания; замена женских/мужских имён. Следует отметить, что названия животных и их масти представлены в монгольских именах в большем количестве, нежели названия рыб – 181/11 соответственно, что обусловлено основным традиционным занятием монгольских народов.

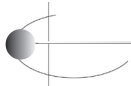
Интересны материалы – имена, омонимичные названиям птиц. Для наглядности представим их. *Бурятские имена: Дальбарай* – *дальбараа* «птенец»; *Нугаһан* (жен.) «утка»; *Турлааг* (жен.) «ворона». *Бурятско-монгольские: монг. Өвөөлжин*, ср. бур. прозвище *Бүбөөлжин* (жен.) – «удод»; бур. *Тасхан* – ср. *тас шубуун* «орёл-ягнятник», монг. *Тасшубуу* – «гриф, кондор». *Бурятско-калмыцкие: бур. Ангир* (муж., жен.), калм. *Эңэр* (жен.); бур. *Бульжамуур* (жен.), калм. *Борлда* (жен.), *Торһа* (жен.) – «жаворонок», ср. запад.

бур. *Боролдой*; бур. *Сонхор*, калм. *Шоңхр*, ср. др.-тюрк. *soŋqır* «кречет». *Монгольско-калмыцкие: монг. Алтан гургулдай* «соловей», калм. *хурвурда* «сова»; монг. *Богширго*, калм. *Богшурһа* «воробей»; монг. *Хун* – ср. бур. *хун шубуун* «лебедь», калм. *Хун* «лебедь; великий, могучий»; монг. *Хөхөө*, калм. *Көкө* (муж., жен.) – «кукушка». *Монгольские: Ангаахай* «птенец, птенчик»; *Ёл шубуу* – «ягнятник»; *Тагтаа* «голубь»; *Тарваж* – *tarbaja* «ястреб» [10, с. 4]; *Тогос* «павлин»; *Тоть* «попугай». *Калмыцкие: Билэ* (жен.) – бил «селезень»; *Живртэ* «крылатый, пернатый»; *Йотун* «куропатка»; *Харада* (жен.) «ласточка»; *Цаха* – цах [цахъ] «чайка»; *Шигж* «канарейка»; *Шонтл* (жен.) «дятел»; *Шуура* – «осока». *Общемонгольские имена: бур., монг. Бүргэд*, калм. *Бүргд* «беркут»; бур. *Галуун* (жен.), монг. *Галуу*, калм. *һалун* «гусь»; бур. *Нашан*, калм. *Начн* «сокол», монг. *Начин* «сокол»; «первое (низшее) звание борцов»; бур. *Тяхя* (муж., жен.), монг. *Тяхиа*, калм. *Така* «курица»; бур., монг. *Харцага*, калм. *Харцха* – *харцх* «ястреб»; бур. *Шубуухай* «птичка, пташка; воробей», монг. *Шувуу*, калм. *Шовун* «птица».

Итак, сравнение личных имён осуществлялось на основе данных, которые свидетельствовали о совпадении или несовпадении семантики апеллятивных основ от языка к языку в пределах ономастических значений. То есть выполнялась задача раскрытия функционирования/нефункционирования отдельных личных имён в регионах, определения универсальных и оригинальных черт в наборе апеллятивных форм антропонимических систем монгольских языков. При анализе имён в основном применены ближайшие этимологии, дальнейшие этимологии даны спорадически.

Формирование, развитие и функционирование систем именования индивидов, как и в апеллятивной лексике и её составляющих, протекает под действием определённых закономерностей под влиянием внешних и внутренних факторов. Внутренним фактором развития является «...противоречие между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [13, с. 79]. Это противоречие способствует таким процессам, как «...процессы торможения, направленные на закрепление и консервацию имеющихся средств и препятствующие наступлению резких перемен» [28, с. 3].

«Тормозящее» действие сказалось в том, что именники монгольских народов сохраняют общемонгольский пласт, из подвергнутых анализу 1160 первичных, бесформантных единиц исконных личных имён общий набор

составил 13,7 % – 160 единиц. Также общий для монгольского и бурятского языков пласт – 8,9 %, бурятского и калмыцкого – 4,9 %, монгольского и калмыцкого – 8,7 % с разными комплектами апеллятивных основ. Система ономастических значений едина для всех антропонимикон монгольских народов. Во всех именниках сохраняются общемонгольские ранние (исторические) формы: *Аригуун* – *arigun* «чистый, прозрачный, светлый, ясный». Она в современном бурятском языке фонологическо-морфологически освоена.

Инновации для бурятского языка – 16,3 % (187 единиц), монгольского – 22,2 % (256), калмыцкого – 25,3 % (294). Семантические инновации характеризуются следующими типами: 1) одна и та же структурная форма апеллятивной основы имени может выражать разную семантику в монгольских языках. Так, бур. *Базаг* «полный, пухлый (о ребёнке); неповоротливый, малоподвижный», а калм. *Базг* «энергичный, выносливый»; 2) разные структурные формы основ передают одно и то же понятие: монг. *Бамбай* – «валерьянка (лекарств.)», калм. *Бамба* «тюльпан»; 3) в исходных апеллятивах схвачены разные признаки одного и того же объекта: калмыцкое женское *Шонтл* «дятел» – ср. *шонтлр* «острый (о носе)», бурятское *тоншуул* «дятел» – ср. *тоншохо* «стучать»; 4) более дробное название животных по возрасту, времени рождения и т. д. в одном языке при отсутствии подобного в другом: калм. *Ноһала* (жен.) «зайчонок весеннего приплода» и *Кирулэ* (жен.) «заяц (родившийся осенью), заяц-листопад»; 5) разные формы табуирования: калм. *Гилэн* (жен.) «белый, светлый» вм. *Цаһан*; бур. *Ялаан* вм. *Сагаан*; 6) распад парных слов: калм. *Хура*, бур. *Бороо*. Дальнейшая этимология позволяет возвести их к парным словам, экспонент *Бороо* в них имеет тюркскую основу *бора*, *боран* «сильно дуть, буранишь» [18, т. 4, ч. 2, ст. 1662].

Оригинальные имена в калмыцком антропонимиконе – имена от названий частей тела, растений, отвлечённых понятий: *Гижгэ* «затылок»; *Ома* «матка, утроба; священный»; *Эрвене* «мята»; *Лууза* «запоминающий». Женское имя *Сэсэг* распространено у монголов, бурят, а для калмыков редкое имя, по-

скольку означает «оспа» наряду с общемонгольским значением «цветок». Функционируют поздние тюркизмы: *Козлдур* «очки».

Не менее оригинальны некоторые черты имён в монгольском именнике. Это отглагольные составные имена (см. выше), и наличие таких замысловатых имён типа *Зогдор* «грива, длинная шерсть (у льва, верблюда)», *Тангалай* – ср. бур. *тангалай* «мягкое небо», *Жагар* «индеец», *Алдуул* «потерявшийся, заблудившийся», *Аягач* – уст. «служанка», *Хоргол* «помёт (овец, верблюдов)», *Шоодвор* «нелюбимый (о ребёнке)».

Оригинальны имена бурятского именника: *Диилэгшэ* «победитель», *Улдэ* – императив от *үлдэ* – «гнать, выгонять, прогонять (нечистых)», *Алсагар* «раскоряченный». Новообразования у бурят появляются разными способами: воспроизводятся исторические формы – *Гэсэр*, *Түмүүжэн*; составляются композита: *Бурдина* (жен.) – сращение начальных слогов названий республик *Бурятия* и *Индонезия* – мать бурятка, отец индонезиец. Здесь видно в слоге второго названия позиционное изменение звука на начальную позицию для удобопроизношения. *Улан-Деж* – от *Улан-Удэ* и *Джакарта*. Во втором компоненте – слогообразующая гласная.

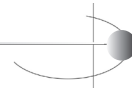
Развитие именников монгольских народов определено особенностями культурного наследия: новое для бурят имя из Гэсэриды, а калмыки присваивают детям имена всех героев эпоса «Джангар» – *Санал*, *Савр*, *Баатр*, *Мерген*, *Мингиян*, *Хонгор*, *Джангар*, *Джангариада* (жен.), *Бумба* (жен.) – название сказочной страны в эпосе.

Итак, корпус начальных апеллятивных основ имеет расхождение от языка к языку. Интенсивный процесс образований новых форм в монгольских антропонимиконах происходит именно со времени их исторически сложившегося локального функционирования.

Антропонимия каждого этноса – категория историческая, которая особым образом реагирует на значимые события, истоки именованных универсальны. В то же время одни типы переходят в разряд исторических, другие получают новое зарождение. Антропонимическая система – самая консервативная и самая мобильная система.

Список литературы

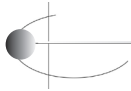
1. Алдарова Н. Б. О зооморфных антропонимах в монгольских языках // Ономастика Поволжья. Самара, 1976. С. 103–107.
2. Басаева К. Д. Брак и семья у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1991. 192 с.
3. Богуславский В. М. Слово и понятие // Мышление и язык. М., 1957. С. 213–275.

4. Болотов В. И. К вопросу о значении имён собственных // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 333–345.
5. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 222 с.
6. Бурятские имена / И. В. Сотников. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 2000. 23 с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие. М.: Учпедгиз, 1956. 54 с.
8. Гафуров А. Лев и Кипарис: о восточных именах. М.: Наука, 1971 с.
9. Дондогой Д.-Н. Монгол хэлэ бэшэгэй үндэһэн. Улаан-Удэ: Бэлиг, 1995. 152 х.
10. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.
11. Колшанский Г. В. Лингвоносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 99–146.
12. Курсовая работа Цэнгэдашавын Отгонцэцэг. Иркутск: ИГУ, 1980. 23 с.
13. Ломтев Г. П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания // Вопр. философии. 1953. № 5.
14. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
15. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. Иркутск: ИГУ, 1995. 377 с.
16. Молчанова О. Т. К семантике имени собственного // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980. С. 139–148.
17. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимии. М., 1970. С. 38–56.
18. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893–1911.
19. Резников Л. О. Понятие и слово. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. 124 с.
20. Санжеев Г. Д. Песнопения аларских бурят // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 3. Вып. 2. С. 459–552.
21. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 9–95.
22. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (Studia Mongolica, t. 4, f. 14). Улаанбаатар: ШУА, 1964. Н. 27–134.
23. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
24. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М.: Наука, 1986. 256 с.
25. Тайна имени / П. Флоренский [и др.]. Харьков: Основа, 1994. 605 с.
26. Топоров В. Н. О палийской топономастике // Топонимика Востока. Исследование и материалы. М.: Наука, 1969. С. 31–50.
27. Уфимцева Э. С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: общие вопр. М.: Наука, 1977. С. 7–98.
28. Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка // Вопр. языкознания. 1982. № 2.
29. Шафф А. Введение в семантику. М.: Изд-во ин. лит., 1963. 376 с.

References

1. Aldarova N. B. O zoomorfnykh antroponimakh v mongol'skikh yazykakh // Onomastika Povolzh'ya. Saransk, 1976. S. 103–107.
2. Basaeva K. D. Brak i sem'ya u buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 1991. 192 s.
3. Boguslavskii V. M. Slovo i ponyatie // Myshlenie i yazyk. M., 1957. S. 213–275.
4. Bolotov V. I. K voprosu o znachenii imen sobstvennykh // Vostochnoslavyanskaya onomastika. M., 1972. S. 333–345.
5. Bondaletov V. D. Russkaya onomastika. M.: Prosveshchenie, 1983. 222 s.
6. Buryatskie imena / I. V. Sotnikov. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 2000. 23 s.
7. Galkina-Fedoruk E. M. Slovo i ponyatie. M.: Uchpedgiz, 1956. 54 s.
8. Gafurov A. Lev i Kiparis: o vostochnykh imenakh. M.: Nauka, 1971 s.
9. Dondogoi D.-N. Mongol khele beshegei yndeheh. Ulaan-Yde: Belig, 1995. 152 kh.
10. Katsnel'son S. D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie. M.; L.: Nauka, 1965. 110 s.
11. Kolshanskii G. V. Lingvognoseologicheskie osnovy yazykovoi nominatsii // Yazykovaya nominatsiya: obshchie voprosy. M.: Nauka, 1977. S. 99–146.
12. Kursovaya rabota Tsengedashavyn Otgontsetseg. Irkutsk: IGU, 1980. 23 s.
13. Lomtev G. P. O sootvetstviu grammaticheskikh sredstv yazyka potrebnostyam vzaimoponimaniya // Vopr. filosofii. 1953. № 5.
14. Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 s.
15. Mitroshkina A. G. Lichnye imena buryat. Irkutsk: IGU, 1995. 377 s.
16. Molchanova O. T. K semantike imeni sobstvennogo // Problemy teorii i metodiki yazyka. Yaroslavl', 1980. S. 139–148.
17. Nikonov V. A. Zadachi i metody antroponimiki // Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: problemy antroponimii. M., 1970. S. 38–56.

18. Radlov V. V. Opyt slovarya tyurkskikh narechii: v 4 t. SPb., 1893–1911.
19. Reznikov L. O. Ponyatie i slovo. L.: Izd-vo LGU, 1958. 124 s.
20. Sanzheev G. D. Pesnopeniya alarskikh buryat // Zap. kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR. L.: Izd-vo AN SSSR, 1928. T. 3. Vyp. 2. S. 459–552.
21. Serebrennikov B. A. K probleme sushchnosti yazyka // Obshchee yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. M.: Nauka, 1970. S. 9–95.
22. Sodnom Ch. Mongol khynii neriin tukhai // Mongolyn sudlalyn zarim asuudal (Studia Mongolika, t. 4, f. 14). Ulaanbaatar: ShUA, 1964. N. 27–134.
23. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973. 366 s.
24. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy / A. V. Superanskaya, V. E. Staltmane, N. V. Podol'skaya, A. Kh. Sultanov. M.: Nauka, 1986. 256 s.
25. Taina imeni / P. Florenskii [i dr.]. Khar'kov: Osnova, 1994. 605 s.
26. Toporov V. N. O paliiskoi toponomastike // Toponimika Vostoka. Issledovanie i materialy. M.: Nauka, 1969. S. 31–50.
27. Ufimtseva E. S. Lingvisticheskaya sushchnost' i aspekty nominatsii // Yazykovaya nominatsiya: obshchie vopr. M.: Nauka, 1977. S. 7–98.
28. Filin F. P. O leksike drevnerusskogo yazyka // Vopr. yazykozvaniya. 1982. № 2.
29. Shaff A. Vvedenie v semantiku. M.: Izd-vo in. lit., 1963. 376 s.

Библиографическое описание статьи

Ламожапова И. А. Типология ономастических значений и семантика личных имён в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 179–188. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188.

Reference to article

Lamozhapova I. A. Typology of Onomastic Values and Semantics of Personal Names in the Mongolian Languages // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 179–188. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-179-188.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016

УДК 81'37(=512.36)

ББК 81.2(5Мо)

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193

Екатерина Владимировна Сундеева,

доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(677047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: sundueva@mail.ru

Семантическая сфера любви в монгольских языках

Статья посвящена выражению ключевого понятия любви в монгольских языках. Несовпадение лексических способов может свидетельствовать о том, что данная семантическая сфера была сформирована достаточно поздно. Лексема *durān* в бурятском и калмыцком языках передаёт три разновидности любви: 1) сексуальное гендерное чувство (бур. *би шамда дуратайб*, калм. *би чамд дуртав* 'я тебя люблю'); 2) чувство привязанности, близости, заботы (бур. *аба эжидээ дуратай* 'любящий родителей'); 3) предпочтение того, что нравится, доставляет удовольствие (бур. *мяханда дуратай* 'любящий есть мясо'). В халха-монгольском же языке за словом *дур* более отчётливо закреплено лишь третье значение, в то время как первые две разновидности любви выражаются с помощью лексемы *qayir* (*би чамд хайртай* 'я люблю тебя', *эх орондоо хайртай* 'любящий родину'). Автором выявлено, что представленные в лексеме *qayir* три семы 'сострадание, жалость', 'любовь, расположение' и 'бережливость, скупость' изначальны, а сема 'милость, благоволение' развилась на основе 'любить кого-л., проявлять расположение к кому-л. или чему-л.'. Значения 'жалость' и 'скупость' возникли благодаря акустико-артикулярной характеристике корневого согласного *r*, в данных случаях передающего внутренний дискомфорт от испытываемых чувств. В случае с семой 'любовь' согласный *r* передаёт общее возбужденное состояние организма.

Ключевые слова: монгольские языки, лексика, семантика, значение, этимология

Ekaterina V. Sundueva,

Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 677047, Russia),
e-mail: sundueva@mail.ru

Semantic Sphere of Love in the Mongolian Languages

The article is devoted to reflection of the key concept of love in the Mongolian languages. Different lexical ways of its reflection demonstrate that this semantic sphere was developed rather late. The word "*durān*" refers to three kinds of love in the Buryat and Kalmyk languages: 1) sexual gender feeling (Bur. *bi šamda durataib*, Kalm. *bi čamd durtav* 'I love you'); 2) feeling of attachment, intimacy, care (Bur. *aba ežidē duratai* 'loving parents'); 3) the preference of what is pleasant, what gives pleasure (Bur. *edixe duratai xun* 'a hearty trencher-man'). In the Khalkha-Mongolian language, the word "*dur*" has only the third meaning while the first and second kinds of love are expressed by means of lexeme "*xair*" (*bi čamd xairtai* 'I love you', *ex orondō xairtai* 'loving the homeland'). The author reveals that three meanings of the lexeme *qayir* 'compassion, pity', 'love, favor' and 'thrift, greed' are primary, and the meaning 'favor, goodwill' has developed on a basis 'to love someone, to grant a favor'. The meanings 'pity' and 'avarice' are conditioned by the acoustic articulatory characteristic of the root consonant *r*, transferring internal discomfort. Concerning the meaning 'love', the consonant *r* transfers the general excited condition of an organism.

Keywords: Mongolian languages, lexis, semantics, meaning, etymology

Ключевое понятие любви в монгольских языках выражается по-разному. Данная статья посвящена семантической реконструкции существительного *qayir-a*, обладающего рядом значений. В словаре О. М. Ковалевского представлены значения п.-монг. *qayira* 'милость, расположение, благосклонность; ми-

лый, любезный; жалость, сожаление; жалкий; достойный сожаления; жаль', *qayiratu* 'милостивый, благосклонный; любезный, возлюбленный' [10, с. 712, 713]. Сема 'любовь' появляется в словаре Ф. Лессинга: *qayira* 'любовь; благосклонность, милосердие, сострадание', *qayiratai* 'любимый, дорогой' [11, с. 914]. Про-

изводные формы *qairan*, *qayirala*- семь раз встречаются в средневековом памятнике «Тайная история монголов» (*qayiaralaĵu*, *qayiralatqun*, *qayirala'asu*, *qayiran* и др.) [12], а также в «Мукаддимат-ал-Адаб»: *qairalaba tündü* 'оказал ему милость', *qairalaba yamai* 'пожалел вещь', *qairalaqsan* 'оказавший сострадание' [4, с. 288], исходя из семантики которых выявляются значения производящей основы *qaira* 'милость; сожаление; сострадание'.

В современном халха-монгольском языке *хайр* имеет значения 'любовь; сожаление, жалость; милость, дар, благоволение', *хайрт* 'любимый, милый, дорогой' [1, с. 19]. В предложении *Бурхнаас харамгүй хайрласан гоо үзэсгэлэнг, миний хайр, хайрлаарай!* 'Береги, моя любовь, красоту, щедро дарованную тебе богом!' представлены три лексемы с корнем *хайр* в различных значениях: 'даровать, жаловать', 'любовь' и 'беречь, жалеть'. Соотношение сем слова *хайр* представлено на рисунке.

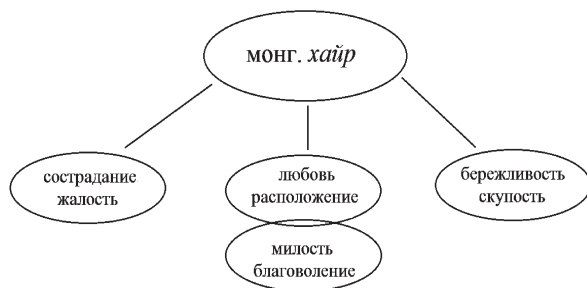

Рис. Семантическое поле лексемы *хайр*

Представляется, что такие чувства, как сострадание/жалость (*амьтадыг хайрлах* 'жалеть животных') и бережливость/скупость (*мөнгөө хайрлах* 'жалеть свои деньги') возникли благодаря акустико-артикулярной характеристике корневого согласного *г*, в данных случаях передающего внутренний дискомфорт от испытываемых чувств. В случае с семой 'любовь' согласный *г* передаёт общее возбужденное состояние организма. Значение *хайрлах* 'одаривать, дарить, награждать' (*адис хайрлах* 'жаловать благословением') развилось на основе 'любить кого-л., проявлять расположение к кому-л. или чему-л.' Иными словами, представленные в данном поле три семы изначальны, а сема 'милость, благоволение' появилась благодаря действию семантических связей.

Рассматривая семантическую сферу любви в славянских языках, С. М. Толстая отмечает, что семантика сострадания, характерная прежде всего для гнезда **mil-* (ст.-слав.

милъ 'достойный сострадания, жалости', рус. *милость* 'сострадание, милосердие, пощада', словен. *mil* 'сострадательный, жалостливый, милостивый'), восходит к книжной традиции и к концепции христианской любви, поскольку между любовью и состраданием вне христианской концепции любви к ближнему нет обязательной связи [8, с. 593–594].

Фонетически близкий корень *qar служит для обозначения других сильных чувств – ревности, зависти, злобы: монг. *хар* 'ревность' [1, с. 46]; п.-монг. *qaratu*, *qartai* 'завистливый, ненавистливый' [10, р. 834], монг. *хартай* 'ревнивый, недоверчивый; коварный' [1, с. 60], бур. *харатай* 'завистливый; злобный, коварный' [6, с. 403], калм. *харта* 'подозрительный, недоверчивый' [2, с. 581]. Отсюда очевидно, что данные значения этимологически связаны не с прилагательным *хар* 'чёрный', возникшим в результате зрительного восприятия световых явлений, а продиктованы внутренним состоянием организма. Это должным образом отражено в «Большом академическом монгольско-русском словаре»: **хар I** чёрный; **хар II** ревность [1, с. 60], в то время как в «Бурятско-русском словаре» значения *харатай* 'имеющий что-л. чёрное' и 'завистливый' даются в одной словарной статье [6, с. 46]. Также схожие значения передаются в п.-монг. *qaram* 'скупость, скряжничество, зависть' [10, с. 835], монг. *харам*, бур. *харам* 'скупость, жадность; сожаление, жалость', калм. *харм* 'жалость, сожаление; скупость, жадность'.

Если в халха-монгольском слове *хайр* на первый план выходит значение 'любовь', то в бурятском и калмыцком рефлексах оно отсутствует, хотя и прослеживается в производном прилагательном *хайратай / хээртэ*: бур. *хайра* 'сожаление, жалость', *хайратай* 'жалкий, бедный', *шагнал хайра* 'высокая награда', *магтаал хайра* 'похвала, одобрение' [6, с. 381], калм. *хэи^е*, *хэи^т* 'милость, благоволение' [13, р. 180], *хээр* 'сожаление, жалость', *хээртэ* 'любимый, дорогой' [3, с. 587]. При этом в некоторых говорах бурятского языка прилагательное *хайратай* не имеет значения 'дорогой', что приводит порой к курьёзным ситуациям. Так, на свадьбе обращение родственников еравнинской невесты к баргузинскому жениху *Хайрата Баяр* 'дорогой Баяр' вызвало недовольство его земляков: *Манай Баяр юундэ хайратай болобо?* 'Почему это наш Баир вызывает жалость?'

Сема любви в бурятском и калмыцком языках выражается с помощью лексемы бур. *дуран*, калм. *дурн*. Данное значение развилось на базе сем *dura(n)* 'охота, желание, хо-

тение, склонность; воля; вождение, похоть' [10, с. 1879]; монг. *дур*, бур. *дуран*, калм. *дурн* 'желание, охота; воля; склонность; любовь, симпатия' и также возникло в результате вербализации внутренних ощущений организма посредством корневого согласного *r*. Данной «психофизиологической» позиции не соответствуют приводимые в «Этимологическом словаре алтайских языков» параллели: прототунг. *dora-n 'закон'; прототюрк. **jur-* 'толковать (сон)'; протояп. *dùrù 'быть разрешённым; разрешать, позволять'. Это, по словам авторов, «интересный общий алтайский корень с оригинальным значением, реконструируемый как 'интерпретация (желаний или намерений)' и далее 'позволение, правило'» [14, с. 483].

Схожей с семантикой корня *qayir* обладают производные корня *köger*, представляющего, на наш взгляд, его мягкорядное, огубленное «отражение». П.-монг. *kögerkei*, *kögerken* 'бедняжка! жалкий! достойный сожаления' [10, с. 2628], *kögerkei* 'достойный сожаления; приятный, дорогой, любимый' [11, с. 480]. В монг. *хөөрхэн* находим лишь значение 'миловидный, прелестный', в калм. *көөрк* лишь 'вызывающий жалость', в бурятском же *хөөрхэн* представлены оба значения: 'возбуждающий жалость, достойный сожаления; милый, миловидный, прелестный, хорошенький'.

Производное прилагательное *qayirqaп*, образованное с помощью диминутивного суффикса *-qaп*, выступает в качестве наиболее употребительного обращения к божеству при проведении таких обрядовых действий, как почитание небожителей (*тэнгри*), духов предков (*онгон*) и духов гор и огня в тюрко-монгольской мифологии. В словаре О. М. Ковалевского находим форму п.-монг. *qayiraqaп* 'достойный любви, сожаления; жаль!' [10, с. 712]. Более развёрнутая статья дана в словаре Ф. Лессинга: *qayiraqaп* 'милосердный, благосклонный; священная гора; формула, предвещающая или завершающая молитву; междометие, выражающее удивление, восхищение, возмущение и пр.'. Например, *qayiraqaп yurban erdeni* 'о, три драгоценности!', *qayiraqaп, yaγutai sayiqaп* 'о, как прекрасно!', *yaγutai qayiraqaп* 'как жаль!' [11, с. 914].

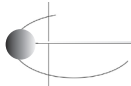
В «Большом академическом монгольско-русском словаре» *хайрхан* с пометой *устаревшее слово* означает 'милостивый, священный' (*почтительное название гор*) [1, с. 21], в «Бурятско-русском словаре» *хайрхан* 'бедняцкий, жалкий' [6, с. 382], в «Калмыцко-рус-

ском словаре» лексема отсутствует. Однако в словаре Г. Рамстедта «*Kalmuckisches Wörterbuch*» находим: *хэйрхон* 'милость, благоволение; милостивый, благосклонный (*почтительное*)'; *пойн хэйрхон* 'наш милостивый нойон', *лам хэйрхон* 'дорогой лама, милостивый лама', *онгн хэйрхон* 'название любой горы, имеющей духа', *о хэйрхон* 'о, как мило!' [12, с. 180]. В словаре А. Мостэра «*Dictionnaire Ordos*» лексема *хэйрахан / хэйрхан* приведена лишь в функции междометия, выражающего сожаление [9, с. 346].

В тюркских языках также представлены: тув. *хайыракан* '1) *уст.*, *рел.* почтительное название божества; *устүү хайыракан* 'Всевышний, небеса, небо; 2) медведь; медвежий'; *хайыра* 'милость, пощада', *хайыраан* 'жаль', шор. *кайра* 'милость, награда', алт. *кайракан* '1) почтительное название божества, духов, идолов, чтимых как божество; 2) эпитет Эрлика', *кайран* 'добро, милость; помощь, спасение; пощада' и др. Как пишет В. И. Рассадин, в литературе давно утвердилось мнение о монгольском происхождении тюрк. *кайран*, *кайрақан*. На это указывали М. Ряснен, Г. Рамстедт, А. Йоки, В. В. Радлов, Л. З. Будагов. Эту точку зрения разделяет и В. И. Рассадин, отмечая, что «из тюркских языков эти слова представлены только в тех, которые претерпели в наибольшей мере монгольское влияние, а некоторые продолжают оставаться в контактной тюрко-монгольской зоне, как, например, тувинский язык» [7, с. 207].

Г. Рамстедт выдвигал две точки зрения относительно происхождения монг. *qayiraп*: 1) от древнеуйгурского слова *qair* 'благодетель, милость', которое, в свою очередь, является арабским по происхождению *hair* 'добро, милость, милостыня'; 2) от сино-кореянского слова *kārjen* 'как жалко, какая жалость' [цит. по: 7, с. 206]. На наш взгляд, лексема может принадлежать к исконно монгольскому лексическому фонду, что подтверждает семантика рассмотренных выше корней *köger*, *qar*, в которых, равно как и в *qayir*, основную нагрузку несёт дрожащий сонант *r*, передающий идею внутреннего дискомфорта, беспокойства от сильного чувства [5, с. 272–273].

Из других предположений приведём версию этнографа Н. Б. Дашиевой, которая, обращаясь к мифологии нартовского и карачаевского эпоса, считает, что «в структуре теонима *Къайырнар/Хайырнар* части *Къай(ыр)/Хай(ыр)* передают понятие 'небеса', а значением тюрк. *нар* выступают 'солнце' и 'луна', его этимология может быть обоснована поня-

тием 'небесный свет'» [2, с. 138]. По мнению Н. Б. Дашиевой, теоним *Кайаракан* пришёл в тюрко-монгольский мир из древнетюркского языка со значением 'небесный'.

Выявлено, что в монгольских языках прилагательное *qayirqaп* имеет как субъектное (милостивый, милосердный, благосклонный), так и объектное значение (достойный жалости, сожаления, бедненький, жалкий), в то время как в тюркские языки оно заимствовано только в первом значении. В обрядовых текстах монгольских и тюркских народов лексема имеет сугубо «акциональную» семантику, предполагающую определённое поведение по отношению к объекту – заботу, опеку, сострадание.

Кроме того, сема любви выражается посредством слов: санскр. *амраг* 'любовь; любимый, милый, дорогой', монг. *янаг* 'друг, приятель; любовь, расположение; нежность', *дуршил* 'желание, склонность; позыв, во-

ждеделение', сложных слов *янаг амраг*, *хайр дурлал*, *хайр сэтгэл*, *амрагийн сэтгэл* и пр. Несовпадение лексических способов выражения понятия любви в монгольских языках может свидетельствовать о том, что данная семантическая сфера была сформирована достаточно поздно. Лексема *durap* в бурятском и калмыцком языках передаёт три разновидности любви: 1) сексуальное гендерное чувство (бур. *би шамда дуратайб*, калм. *би чамд дуртав* 'я тебя люблю'); 2) чувство привязанности, близости, заботы (бур. *аба эжидээ дуратай* 'любящий родителей'); 3) предпочтение того, что нравится, доставляет удовольствие (бур. *мяханда дуратай* 'любящий есть мясо'). В халха-монгольском же языке за словом *дур* более отчётливо закреплено лишь третье значение, в то время как первые две разновидности любви выражаются с помощью лексем *qayir* (*би чамд хайртай* 'я люблю тебя').

Список литературы

1. Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. 211 с.
2. Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
3. Толстая С. М. Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 587–597.

Источники

4. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. X–Я. 532 с.
5. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
6. Попле Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 14. Ч. 1–2. 453 с.
7. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.
8. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / авт. слов. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки рус. культуры, 1997. 368 с.
9. Dictionnaire Ordos par Antoine Mostaert, C. I. C. M. Ulaanbaatar: New Polygraph Co., Ltd., 2009. 950 p.
10. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–31. 2690 p.
11. Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
12. Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
13. Ramstedt G. J. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p.
14. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov) Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Part 1. A–K, Part 2. L–Z, Part 3. Indices. 2096 p.

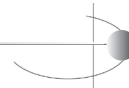
References

1. Dashieva N. B. Traditsionnye obshchestvennye prazdniki buryat: istoriya i tipologii. Ulan-Ude: VSGAKI, 2012. 211 s.
2. Sundueva E. V. Zvuki i obrazy: fonosemanticheskoe issledovanie leksem s kornevyimi soglasnymi [r/m] v mongol'skikh yazykakh. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. 344 s.
3. Tolstaya S. M. Liki lyubvi v zerkale slavyanskikh yazykov // Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka. M., 2012. S. 587–597.

Istochniki

4. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' / отв. ред. Г. Тс. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. Kh–Ya. 532 s.

5. Kalmytsko-russkii slovar' / pod red. B. D. Munieva. M.: Rus. yaz., 1977. 765 s.
6. Poppe N. N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat al-Adab // Tr. In-ta vostokovedeniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. T. 14. Ch. 1–2. 453 s.
7. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkii slovar': v 2 t. T. 2. O–Ya. Ulan-Ude: Resp. tip., 2008. 708 s.
8. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «Q» / avt. slov. st. L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1997. 368 s.
9. Dictionnaire Ordos par Antoine Mostaert, C. I. C. M. Ulaanbaatar: New Polygraph Co., Ltd., 2009. 950 p.
10. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–31. 2690 p.
11. Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
12. Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
13. Ramstedt G. J. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p.
14. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov) Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Part 1. A–K, Part 2. L–Z, Part 3. Indices. 2096 p.

Библиографическое описание статьи

Сундужева Е. В. Семантическая сфера любви в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 189–193. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193.

Reference to article

Sundueva E. V. Semantic Sphere of Love in the Mongolian Languages // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 189–193. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193.

Статья поступила в редакцию 02.03.2016

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

PHILOLOGICAL EDUCATION

УДК 372.882
ББК Ш142-14

Болотбек Мекенович Акматов¹,
кандидат филологических наук, и. о. доцента,
Бишкекский гуманитарный университет
(720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Исанова, 147),
e-mail: abmakmatov@mail.ru

Айназик Болотбековна Акматова,
аспирант,
Бишкекский гуманитарный университет
(720033, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Исанова, 147),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Отражение парадигмы обучения, основанной на компетенциях в учебниках по литературе

В данной статье даётся анализ учебных пособий по литературе, отражающих парадигму обучения, основанную на компетенциях. Кыргызстан только переходит на систему двухуровневого образования. В качестве пособий в вузах используются силлабусы. Система двухуровневого образования требует разработки собственной учебной литературы. На данный момент в стране используются российские учебники и учебные пособия по литературе. Как показывает практика преподавания литературы в вузе, не все эти учебники согласуются с государственным образовательным стандартом страны. Сам набор компетенций был скопирован из стандартов европейских стран. Он не был адаптирован под нужды страны. Кыргызстану приходится использовать опыт развитых государств, а также тот опыт, который был наработан в своих вузах за это время. Страна на ходу перестраивается под новые требования. Реформы в системе образования затрагивают образовательный стандарт не только вузов, но средних учебных заведений.

Ключевые слова: бакалавриат, силлабус, компетенция, учебный процесс, личность, знание, умение, владение

Bolotbek M. Akmatov²,
Candidate of Philology, Acting Associate Professor,
Bishkek Humanities University
(147 Isanova st., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan),
e-mail: abmakmatov@mail.ru

Ainazik B. Akmatova,
Postgraduate Student,
Bishkek Humanities University
(147 Isanova st., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Learning Paradigm Reflection Based on Competences in Literature Textbooks

This article gives an analysis of literature manuals reflecting a competence-based learning paradigm. Kyrgyzstan is only now switching over to a system of double-level education. Higher educational institutions use syllabuses as manuals. The system of double-level education requires

¹ Б. М. Акматов – основной автор, им осуществлён анализ учебных пособий по литературе и разработаны основные положения исследования.

² B. M. Akmatov is a principal author, he has analyzed textbooks in literature and developed the research fundamentals.

own academic literature to be developed. At present, the national educational institutions are using Russian textbooks and manuals in literature. As a practice of teaching literature in higher educational institutions has shown, not all these textbooks are in compliance with the country's state educational standard. A set of competencies itself has been copied from the European standards. They have not been adapted to the country's needs and requirements. Kyrgyzstan has to apply practices of the developed countries as well as that experience accumulated by the domestic higher educational institutions over the past years. The country is adjusting to new requirements. The reforms in the educational sphere include an educational standard of not only higher educational institutions but also the standards of secondary schools.

Keywords: bachelor's program, syllabus, competence, learning process, personality, knowledge, skills

В системе непрерывного образования граждане Кыргызстана сталкиваются с проблемами обновления процесса преподавания почти ежедневно, в этой связи интересны разные точки зрения для их решения. Рост профессионального мастерства, повышение уровня навыков и умений будущего специалиста высшего профессионального образования, в том числе бакалавра-филолога, – вот основные требования к выпускникам вузов. Им необходимо быть рационализаторами, в трудный момент им необходимо искать пути выхода из сложных ситуаций.

Ни для кого не секрет, что процесс глобализации постепенно начинает охватывать все государства в мире. Если в развитых странах в системе образования уже определили наборы компетенций для всех ступеней, то в нашей стране этот процесс только начинается. В развитых странах компетенции были разработаны самостоятельно, и обоснованные ими учебные концепции стали ключом к выходу из кризиса. В странах СНГ, двинувшихся вслед за европейской системой образования, были приняты документы практически в готовом виде. Как показывает первый опыт, документы, которые были даны, требуют дополнений в части компетенций. Это первое, на что обращается внимание, когда мы раскрываем учебники, написанные в соответствии с новыми требованиями.

Педагогический процесс – сложное явление. Учитывая достижения практических ценностей, определивших многолетние научно-педагогические исследования, недостатки в учебниках являются объективными. Ясно, что документы, пришедшие со стороны, внутри страны обязательно вызывают недопонимание и трудности при внедрении в практику.

В учебниках и учебных пособиях по педагогике, дидактике, методике в этих направлениях проделана большая работа. Однако в используемых пособиях наблюдаются различия, и эти различия не соответствуют государственному образовательному стандарту. Действительно, если сравнить некоторые

учебные пособия, среди них есть такие, которые недалеко ушли от стандартов образования прошлого века, хотя в их аннотациях указывается направленность на получение степени бакалавра. Авторы таких учебных пособий не обращают достаточного внимания на новизну методик в современных формах обучения. В этих пособиях дана информация, необходимая в нынешнее время: главное место в них занимают учебные материалы, которые необходимы студентам. По структуре учебников, по размещению информации, по стилю изложения, по форме анализа фактов мы видим, что они остаются в состоянии 70–90-х годов XX века.

В структуру учебных пособий входят разделы по истории литературы, литературному процессу и анализу художественных произведений, введению в литературоведение и научные факты, связанные с теорией литературы. Студентам со стороны автора предлагается информация в готовом виде, при ознакомлении с этой информацией студент не учится самостоятельно искать её в других источниках, работать с электронными ресурсами, вырабатывать свою точку зрения, а это значит, что он не получает соответствующие учебной концепции компетенции. Возникают два вопроса: как нужно структурировать информацию в таких изданиях, как можно понять и объяснить другим ценность этих методических пособий?

Во-первых, во многих пособиях, используемых в учебном процессе, размещение фактического материала для изучения студентами ориентировано на уже сформировавшуюся ещё в прошлом веке форму. Мы понимаем, что необходима разработка методического аппарата для подачи учебного материала при образовании нынешнего бакалавра-филолога. Точнее говоря, получающему образование бакалавру-филологу необходим не заранее проанализированный материал, а фактический материал, требующий выработки навыка самостоятельности: нужно, чтобы студенты сами умели его ана-

лизировать, чтобы они сами дошли до понимания тех вопросов, которые они изучают.

Во-вторых, концепция образования, основанная на компетенциях, требует от авторов учебников, от обучающихся преподавателей такой методики преподавания, которая исключает навязывание студентам своего мнения. Студенты должны научиться выражать свои наблюдения, свою точку зрения, они должны уметь аргументированно излагать их как в устной, так и в письменной форме. Научная новизна современной науки и образования, разнообразие информации предполагают, что только с помощью аргументированности своей позиции специалист, получающий высшее образование, может предложить обществу как личную позицию, так и субъективную точку зрения.

Согласно концепции образования, основанной на современных компетенциях, учебные пособия должны дать студентам не готовую разработанную теоретическую идею, они должны обеспечить педагогическим или научно-методическим аппаратом создание такой ситуации, когда каждый студент может мыслить самостоятельно, может доказывать свою позицию по отдельному вопросу, необходимо, чтобы студент умел сравнивать различные точки зрения, находить ту, которую считает правильной.

В-третьих, большинство учёных, составивших учебные пособия, занимались научно-теоретической работой, начиная с 50–60-х годов XX века, и как бы не соответствовали эти учебники и пособия современной концепции обучения, в них наблюдается давно сформировавшаяся структура подачи материала, и научно-практический анализ фактических материалов предполагает обычно изложение точки зрения автора учебника. К примеру, такое явление мы видим в трудах, посвящённых педагогическому направлению филологического образования: «Риторика» под общей редакцией В. Д. Черняк [3], «Теория литературы» В. Е. Хализева [7], «История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы)» М. М. Голубкова [2], «Анализ художественного текста» В. И. Тюпы [5], «Практическая поэтика» И. В. Фоменко [6].

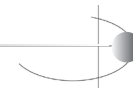
В-четвёртых, двухступенчатое высшее профессиональное образование в Кыргызстане было разделено условно, но мы понимаем существующие профессиональные различия, особенно в общегуманитарном и педагогическом направлениях. Не подготовлена учебная литература, соответствующая этим уровням. Неизвестно, по каким предметам

изданы учебные пособия, которые не указаны в стандарте, уже появляются трудности в организации учебного процесса.

В первой ступени (бакалавриат) высшего профессионального образования в Российской Федерации сохранилась тенденция преподавать ту филологию, которая считается традиционной, её основы были сформированы в стране давно. То есть имеется существенное различие между личностными интересами студентов и общественными запросами системы современного образования. Складывается впечатление, что есть значительное различие между требованиями филологического направления высшего профессионального образования и знаниями дипломированного специалиста, получившего образование в вузе.

Для интеграции высшего профессионального образования в мировое образовательное пространство в Кыргызстане принят государственный стандарт в форме макета, распространённого в странах СНГ. Эти два фактора имеют большое значение в реальной жизни страны.

В стране действует кредитная система оценки знаний студентов. Если в предложенной кредитной технологии есть категории, определяющие содержание образования, то они обязательно должны быть и в учебном процессе, и в учебниках. Учебные программы (силлабусы) должны показывать результат полученных студентами компетенций. В учебных пособиях и учебно-методических комплексах по каждой теме должны быть определены компетенции и их оценка в системе кредитов. Для полной разработки и исследования этого фактора Кыргызстану нужно достаточно времени, как это было в развитых странах, которые прошли свой путь становления современной системы подготовки специалистов. Если смотреть проблему с этой стороны, то в данном направлении российские учёные только начинают приступать к разработке некоторых научно-теоретических понятий, которые тут же проверяются на практике. Многие учебники проходят апробацию на наших глазах, по некоторым направлениям в них вносятся поправки и дополнения. Это касается, например, учебников под общей редакцией В. П. Мещерякова «Введение в литературоведение», «Основы теории литературы». В этих учебниках указаны компетенции: – способность использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОПК-2); – готов-

ность к литературоведческому анализу текстов с учётом знаний об уровне системы литературы в единстве содержания и формы (СК-8) [1].

Существуют учебники, в которых приводятся компетенции, в формулировке которых имеются разночтения по сравнению с государственным образовательным стандартом. Это явление мы видим в этом же учебнике, где сказано: «...**уметь**: – применять полученные знания и умения в процессе теоретической и практической деятельности в области литературоведения; **владеть**: – основными методологическими подходами в сфере литературоведения» [1, с. 3]. Переходный период от прежней системы образования к новой отличается тем, что авторы учебной литературы приносят свои собственные субъективные интерпретации в компетенции, что противоречит требованиям стандарта.

Нельзя не уделить внимание двухтомному учебному пособию под редакцией Н. Д. Тмарченко «Теория литературы» [4]. Здесь затрагивается проблема формирования профессионализма у бакалавров филологического направления высшего профессионального образования. Невозможно скрыть тот факт, что в нынешнее время существует проблема незнания терминосистемы – профессиональной лексики, эта проблема есть не только у специалистов-филологов, но и студентов любых специальностей. В «Теории литературы» под редакцией Н. Д. Тмарченко указаны все понятия и термины литературного творчества с позиций теории и истории литературоведения. Учителя и преподаватели по литературе должны обратить внимание на то, что они обязаны довести до учеников и студентов значения слов, терминов, понятий, которые относятся к литературе, науке о литературоведении и литературной критике. Как отмечает Н. Д. Тмарченко, специалисты, которые отвечают требованиям сегодняшне-

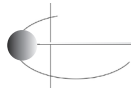
го дня, в первую очередь, должны различать значения терминов и понятий, которые относятся к их профессиональной деятельности, они должны иметь свою позицию по изучаемым проблемам, общество ждёт от специалиста, получающего ту или иную профессию, достойного результата.

Двухуровневое образование в Кыргызстане находится в начале своего пути, оно обеспечивается временным стандартом, принятым в государственной системе образования. Сейчас закладывается фундамент учебного процесса, вводятся учебные планы и рабочие программы, формирующие у студентов нужные компетенции.

Главное требование в нынешних условиях состоит в обязанности вузов удовлетворить требования формирования профессионализма и личностных качеств у студента, желающего стать полноценным специалистом. Учитывая мировой опыт, нужно опираться и на опыт в высшем образовании, который уже имеется на данный момент. Есть необходимость отыскать собственные принципы, формирующие компетентность бакалавра-филолога, то есть перед нами стоит насущный вопрос интеграции в мировое образовательное пространство, решить его можно с помощью стран, которые уже прошли этот путь, и особенно тех стран, которые начали достигать успехов в этой области. Основы такого пути должны быть заложены в законодательно-правовых нормативах в системе образования страны. Закономерный успех будет достигнут через опыт, полученный в направлении повышения качества знаний и эффективной организации учебного процесса, разработке компетенций, определяющих качество достигнутых результатов, методик и форм концептуального обучения, разработки и творческого освоения новых методик преподавания на основе создаваемых рабочих программ, учебников и учебных пособий.

Список литературы

1. Введение в литературоведение. Основы теории литературы: учебник для бакалавров / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов [и др.]; под общ. ред. В. П. Мещерякова. М.: Юрайт, 2013. 422 с.
2. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Академия, 2008. 368 с.
3. Риторика: учебник для бакалавров / В. А. Ефремов, И. А. Мартынова [и др.]; под общ. ред. В. Д. Черняк. М.: Юрайт, 2013. 430 с.
4. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. 5-е изд., испр. М.: Академия, 2014.
5. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 368 с.
6. Фоменко И. В. Практическая поэтика. М.: Академия, 2006. 192 с.
7. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., испр. М.: Академия, 2013. 432 с.

References

1. Vvedenie v literaturovedenie. Osnovy teorii literatury: uchebnyk dlya bakalavrov / V. P. Meshcheryakov, A. S. Kozlov [i dr.]; pod obshch. red. V. P. Meshcheryakova. M.: Yurait, 2013. 422 s.
2. Golubkov M. M. Istoriya russkoi literaturnoi kritiki KhKh veka (1920–1990-e gody). M.: Akademiya, 2008. 368 s.
3. Ritorika: uchebnyk dlya bakalavrov / V. A. Efremov, I. A. Mart'yanova [i dr.]; pod obshch. red. V. D. Chernyak. M.: Yurait, 2013. 430 s.
4. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. Teoriya literatury: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya: v 2 t. / pod red. N. D. Tamarchenko. 5-e izd., ispr. M.: Akademiya, 2014.
5. Tyupa V. I. Analiz khudozhestvennogo teksta. M.: Akademiya, 2009. 368 s.
6. Fomenko I. V. Prakticheskaya poetika. M.: Akademiya, 2006. 192 s.
7. Khalizev V. E. Teoriya literatury: uchebnyk dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya. 6-e izd., ispr. M.: Akademiya, 2013. 432 s.

Библиографическое описание статьи

Акматов Б. М., Акматова А. Б. Отражение парадигмы обучения, основанной на компетенциях в учебниках по литературе // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 194–198.

Reference to article

Akmatov B. M., Akmatova A. B. Learning Paradigm Reflection Based on Competences in Literature Textbooks // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 194–198.

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-199-204

Мария Николаевна Ахметова,
 доктор педагогических наук, профессор,
 Забайкальский государственный университет
 (672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
 e-mail: ildar.akhmetov@gmail.com

Язык как глубокий, осмысленный диалог человека с миром: технологические поиски решения проблемы

Статья раскрывает вопросы понимания русского языка как осмысленного диалога человека с миром, как «фабрику», где производится наша реальность. Рассматривается проблема нового миропонимания. В центре внимания – духовность, самосозидающая активность воспитанника. Определённой находкой является «психологический феномен» потока. Представляется особое состояние воспитанников, их вовлечённость в деятельность. Ребёнок погружается в решение поставленной задачи. Получает от работы удовольствие. Не замечает хода времени. Свою компетентность воспитанники воспринимают как самооценку. Рождаются аффекты удовольствия, радости, воодушевления, счастья. Условиями глубокого, осмысленного диалога с миром является абсолютная свобода исследования, личные изыскания школьников. Психологический феномен «поток» – это состояние личной вовлечённости обучающихся в деятельность. Технологическими решениями являются необычные задания, требующие концентрации знаний, ассоциаций, чувств, метаобразов, выражения своей позиции, своего взгляда на события. Правила грамматики становятся условиями разговора о жизни, рожают творческие ответы.

Ключевые слова: «психологический феномен» – «поток»; компетентность как самооценка; личная вовлечённость

Mariya N. Akhmetova,
 Doctor of Pedagogy, Professor,
 Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: ildar.akhmetov@gmail.com

Language as a Deep, Intelligent Dialogue of the Person with the World: Technological Searches of a Problem Solution

The article deals with the issues of understanding of Russian as an intelligent dialogue of the person with the world, as a “factory” where our reality is made. The problem of new world outlook is considered. Spirituality, self-creating activity of the child are in the center of attention. A certain finding is “the psychological phenomenon” of a stream. Special condition of pupils, their involvement into activity are represented. The child immerses into the problem solution. He enjoys his work. He doesn't notice time course. Pupils perceive their competence as their own self-assessment. Affects of pleasure, joy, enthusiasm, happiness appear. The condition of deep, intelligent dialogue with the world is absolute freedom of research, personal researches of school children. The psychological phenomenon “stream” is a condition of a personal involvement trained in activity. Technological solutions are the unusual tasks demanding concentration of knowledge, associations, feelings, metaimages, expression of the position, the view of events. Rules of grammar become conditions of conversation about life, they give rise to creative answers.

Keywords: “psychological phenomenon” – “stream”, competence as the self-assessment, personal involvement

В. А. Сухомлинский пишет: «Богатство родного языка, его сокровища – это краеугольные камни здания, имя которому – духовная культура человека. Я глубоко люблю и уважаю русский язык, пишу на нём и знаю наизусть “Евгения Онегина” и “Кому на Руси жить хорошо”. Но счастье этого

великого духовного общения для меня было бы недоступным, если б с молоком матери, с её колыбельными песнями, со словом родного языка не вошла бы в моё сердце ни с чем не сравнимая любовь к Отчизне, к её степям и горам, лесам и рекам, к морям её» [6, с. 324].

В мир человек входит «деянием», личностно опосредованной системой поступков. Именно «язык есть важнейший ориентир человека при его деятельности в мире», – замечает А. А. Леонтьев. Человек ведёт осмысленный диалог с миром [5, с. 282]. Справедливо высказывание: русский язык – «это фабрика», где производится наша реальность. Между тем, современные дети часами сидят не с книгами, а с портативным устройством, где небольшой экран позволяет и играть, и смотреть мультфильмы. Так закладываются основы клипового сознания [10, с. 154].

Вторая черта, как замечает Е. А. Ямбург, – дети практически не знают стихов. А родители полны решимости «погрузить» своё чадо в реалии современной жизни, наделить его... «ключевыми компетенциями, которые обеспечат в дальнейшем жизненный успех». [10, с. 155]. Между тем, новое миропонимание в центр внимания ставит духовность, самосозидающую активность воспитанника, где главным является инициирование собственных линий в развитии ребёнка, вытекающих из его природы [4, с. 25]. Это новое миропонимание, где в центре внимания – духовность. Сегодня востребована креативная педагогика.

По синергетике растущий человек обладает спонтанной активностью, креативностью. Это самоорганизующая, самосозидающая активность. Между тем, фиксируется особенность восприятия художественного текста многими современными школьниками: они, как замечает Е. А. Ямбург, просто «считывают информацию. Почувствовав его красоту, проникнуться переживаниями героев произведения – уже проблема. Всё в основе, всё же эмоциональное недоразвитие» [10, с. 159]. Между тем, педагогику можно высекать из любой ситуации, как справедливо замечает Е. А. Ямбург. Но и тогда, когда эмоции накаляются до предела, учитель управляет любой обстановкой, включая конфликтную, постоянно помня, что имеет дело с незавершённой личностью ребёнка или подростка, – читаем мы в книге Е. А. Ямбурга: там, из кирпичиков культуры складывается ощущение подлинной красоты. Язык, как замечено нами в названии статьи, – глубокий, осмысленный диалог человека с миром. Это хорошо понимали педагоги-новаторы. Так, по стенам школы М. Щетинина, написанным ребятами, струятся славянской вязью необычные девизы: «Я поднимаю голову», «Я распрямляю плечи», «Я гордо смотрю в горизонт», «За моими плечами слава отцов. И я дочь Великого народа»... Подростковость – особое состояние,

особое отношение к миру и к себе в Мире. Подросток хочет быть услышанным. Есть ли технологические находки решения поставленной проблемы понимания языка как глубокого, осмысленного диалога человека с миром? Интерес в этом отношении может быть представлен поисками ряда учёных-исследователей. Там определённой находкой является «психологический феномен – «поток» (исследователь Михай Чиксентмихайи) [8].

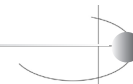
Автор книги «Культурные основы обучения. Восток и Запад» (2015) Цзынь Ли пишет: «В каждой культуре свои базовые образовательные процессы. Отдельные элементы из других культур «встраиваются в базовые образовательные процессы»» [8, с. 156].

Учёный характеризует психологический феномен «поток». Это особое состояние, возможное для воспитанника: состояние личной вовлечённости в деятельность (работу, учение, публичное восприятие или игру). Важную роль при этом играют полученные навыки, особенности задачи, которую решает обучающийся. Наилучшая ситуация: навыки человека соответствуют тому, что требует задача. Человек погружен в решение, получает от работы удовольствие. Не замечает хода времени. Это состояние и является потоком [8, с. 213]. Автор идеи пишет: испытываются чувства независимости, решение задачи приносит удовольствие, сильные позитивные чувства, желание искать, думать.

Рождается чувство гордости, поскольку успех – следствие усердной работы, а не помощи других людей. У человека есть потребность воспринимать свою компетентность как самооценку, то есть как меру собственной ценности. Нужна стратегия защиты самооценки. Обучаемые относят успех на свой счёт. Защищают чувство своей ценности, самооценки. Неудачи же относят к внешним причинам. Исследования показали, что участники опыта связывают с компетентностью такие аффекты, как удовольствие, радость, воодушевление, счастье.

Обучающиеся пользуются исключительно абсолютной свободой исследования при возможном сопровождении учителя. При этом никакого давления со стороны взрослых нет. Поощряются личные изыскания. Практика показывает: мир можно познать и с помощью простого рационального анализа. Итак, психологический феномен «поток» – это состояние личной вовлечённости в деятельность. Это условия решения поставленных познавательных задач, предполагающие свободу действий и выбора обучающимися по-

зиций активного самостоятельного участника поисково-исследовательской деятельности. Правы психологи, считающие, что если человеком движет любопытство, он стремится вперёд, действует творчески.

В обучении русскому языку в опыте наших учителей широко используются необычные задания, требующие концентрации знаний, ассоциаций, чувств, выражения своей позиции, взгляда на событие или предмет. Это совокупность технологических решений соотносится с психологическим феноменом, описанным Цзынь Ли, – «поток». Так, на уроках русского языка школьникам предлагается необычное задание: в пятистрочной строфе нерифмованного стихотворения представить синквейн (фр.). Это метод развития образной речи: создание синквейна представляет собой концентрацию знаний, ассоциаций, чувств, сужение оценки явлений и событий, выражение своей позиции, взгляда на событие, предмет.

Правила составления синквейна:

- определяется одно слово (часто – существительное). Оно отражает главную идею;
- затем следуют два слова – прилагательные, описывающие основную мысль;
- три слова – глаголы, раскрывающие действия в рамках темы;
- заключительное слово или несколько слов подчёркивают сущность темы.

Например:

- Багульник.
- Малиновый, нежный.
- Цветет, зовет, ласкает.
- Я люблю вестника весны.
- Лето, цветенье. Любовь.

Основой задания, требующего творческого взгляда на явления, может быть обращение школьников к художественному тексту метапоэтического характера. В произведении М. Пришвина «Глаза земли» читаем:

«Птицы уже начали славить зарю, а человеку внизу зари не было видно. Но пришло время, над всем лесом встала зоря, и охотник увидал: высоко на сучке птичка свой клювик откроеет, то закроет.

Это зарянка поёт, зарянка славит зарю, но песни её человеку не слышно. Охотник всё так понимает, по-своему, что зарянка славит зарю, а отчего ему её песню не слышно – это оттого, что зарянка поёт, чтобы славить зарю, а не чтобы самой славиться перед людьми.

И вот мы считаем, что как только человек подумал об этом, чтобы ему тоже так хорошо было, чтобы ему славить зарю, а не чтобы зарёй самому славиться, так и начинается весна самого человека.

Все наши настоящие любители-охотники, от самого маленького и простого человека до самого большого, только тем и дышат, чтобы прославить весну, а не самому весною прославляться.

И сколько таких хороших людей есть на свете и никто из них сам не знает о себе, и так все привыкнут к нему, что никто не догадывается о нём, что он хорош, что он для того только и существует на свете, чтобы славить зарю и начинать собой такую хорошую весну человека».

Проблема психологического феномена «поток» многообразна, потому что и учитель, и его ученик – люди «немного наивные», – пишет Ю. В. Завельский [4]: «Эта наивность от душевной чистоты, от лирического отношения к жизни, от веры в идеал. Всё это незаметно неволью передаётся детям. <...> Как говорил Ницше, для деятельности нужны эмоции. И как раз в педагогической деятельности они особенно важны. <...> У Тургенева: “Когда переведутся такие люди, как Дон-Кихоты, пускай закроется навсегда Книга Истории. В ней нечего будет читать”.

Она никогда не закроется, пока живут на свете настоящие учителя» [4, с. 14].

Язык – действительно глубокий, осмысленный диалог человека с миром. Психологический феномен «поток» – это общий подход к работе на уроках русского языка, где правила грамматики – это лишь условия разговора о жизни языка, о культуре речи, а не только о правилах написания слов. Язык – наша великая ценность. «Оказывается, они нужны, эти знания, потому, что именно они формируют внутренний мир человека, помогают ему понять самого себя и людей, которые его окружают, и таким образом дают возможность понять смысл той жизни, в которой мы живём, делают мир более постижимым, оформленным. Поэтому главными знаниями для нас становятся эти, казалось бы, «бесполезные» знания, не имеющие утилитарной ценности.

Как отлично сказано У. Шекспиром в «Королё Лире»: «Сведи к необходимости всю жизнь, и человек сравняется с животным» [4, с. 32].

Ницше считал: для деятельности нужны эмоции. Урок есть культурологический феномен, порождённый, по словам Н. Е. Щуркова, стремлением гуманизировать действительность, признать ребёнка как наивысшую ценность, представить ему максимум свободы для индивидуального развития, утвердить в повседневной реальности ценности достойной жизни. Это фрагмент жизни, открытие истины, поиск истины и её осмысление [9]. Возникает сомнение: если «поток» как психологический феномен соотнесён с уроком русского языка, то возможно ли состояние личной человеческой вовлечённости. Ведь на уроке речь может идти, например, об определении понятий: что такое основа слова? В

работе Цзынь Ли читаем: ребёнку интересно изобретение слов. Ученики постигают истину, наполняя её личностным смыслом. Ведь не случайно говорят, что творчество – это свет, которым может согреть всё. И нужно побуждать участников искать собственный образ, быть самостоятельными в своих суждениях. В ситуациях урока может совершенно неожиданно проявиться психологический феномен – «поток». Так, в классе З. С. Кореневой (Чиронтайская СШ, Забайкальский край) непоседливый Андрей Д., не очень-то хорошо справляющийся с правилами трудного для него русского языка, вдруг на одном из уроков воскликнул: «Вот! Готово!» Учительница подошла и очень удивилась написанному в тетради:

Мы сегодня прошли «основу» –
Очень важную часть слова.
Нужно сделать одно замечание:
Это часть слова без окончания!

«Это лучше, чем правило!» – сказали дети. И в этом они были правы. Так обнаружилась склонность мальчика к написанию стихов (художественный тип мышления). «Случайность» таких «открытий» можно избежать, если использовать на уроках и классных часах «игровые» задания, которые широко представлены в педагогической печати. Эти задания решают и диагностические, и воспитывающие, и познавательные, и развивающие задачи, хотя могут показаться очень простыми. Например, задания на выявление и развитие творческого мышления (4–5-е классы):

1. Составить предложение, используя следующие слова: компьютер, галактика, муравей (*муравей с помощью компьютера путешествует по галактике*).

2. Алгоритм и творчество: «Сочини рассказ по схеме»: «факт» (что произошло) – «причины» – «повод» – «аналогии и сравнения» – «последствия».

Или: «Кто-что-где-чем-зачем-как-когда» (алгоритм, предложенный Цицероном).

(Здесь и далее использован материал передового педагогического опыта, представленный в разных публикациях и описанный нами в учебном пособии «Теоретическая педагогика в аспекте проектной культуры»).

3. Сочини сказку (итальянский писатель Джанни Родари в книге «Грамматика фантазии» выделил элементы, характерные для сказочных историй. На основе этих элементов и предлагается сочинить сказку.

Элементы: а) предписание или запрет; б) нарушение; в) вредительство; г) отъезд; д) задача; е) встреча с дарителем; ж) волшеб-

ные дары; з) сверхъестественные свойства противника, «лжегероя»; и) борьба; к) победа; л) возвращение ложного героя; м) трудные испытания; н) беда ликвидируется; о) ложный герой изобличен; п) признание настоящего героя; р) наказание лжегероя; с) свадьба [1].

Такая направленность работы подтверждает высказанную выше мысль о том, что русский язык – это не просто грамотность.

Цзынь Ли в своих научных сочинениях утверждает, что язык – это всегда диалог человека, даже очень маленького, с миром. Учёный пишет: «Считается, что дети, особенно дошкольного возраста, обладают стихийным желанием учиться. Это убеждение основывается на том факте, что детский мозг и тело развиваются очень быстро, что позволяет ребёнку осуществлять множество когнитивных и социальных действий (таких как изобретение слов, например). Дошкольниками восхищаются из-за их невинности, освобождающей от общепринятых ограничений. Их детские мысли, выражения, рисунки и поведение кажется взрослым творческим по своей природе. В силу этого дети должны быть непринуждёнными, энергичными, пытливыми [8, с. 157].

Цзынь Ли называет три уровня мышления: 1) чисто мыслительные процессы; 2) мышление, направленное на понимание; 3) критическое мышление (это «ценностно-нагруженный процесс»). Следовательно, психологический феномен – «поток» является состоянием даже дошкольников, которые тоже погружаются в решение разных задач, получая от работы удовольствие. Приведём собственное наблюдение. Малыш, о котором пойдёт речь, действительно погружен в «поток»: он наблюдает жизнь вокруг, видит и оценивает, размышляет, думает, догадывается, что мир большой, и что этот мир надо изучать, видеть, оценивать. С этих шагов, вероятно, и начинается творчество. «У стрекоз *животик желтый, зелёный и немного компьютерный*». Так оценивалось всё вокруг: «*Собачка лохматая. Она не расчёсывается? Тётя в кассе тоже не расчёсывается?*»

Малыши запоминают многое, что слышат.

– *Пойдем погуляем, – говорит мама.*

– *«Руку правую потешим», – отвечает малыш.*

Он уже решил, что будет водителем «скорой помощи» или пожарником. Лохматил себе волосы, уверяя, что все вокруг водители никогда не расчёсываются. Потом он говорил, что будет трактористом, кассиром и силачом. «Только в институте и в аспирантуре учиться

не буду. Подожду дома, когда вырасту, и сразу пойду работать». Выучил все дорожные знаки, научился считать на счётах и на калькуляторе. Затем увлекся химическими опытами. Почётное место заняла таблица Менделеева. Был одновременно и продавцом, и кассиром. «Мониторы и системные блоки склеил из бумаги». Живой материей окружал Малыша язык: «Имя Людмила какое-то бедное. Такое печальное. А слова “кофта” и “тумбочка” некрасивые».

– «*Попроси своих учеников проклонять слово “пальто”. Вот они тебе наговорят: в пальте, пальтом....*»

Все эти примеры в научной статье могут показаться лишними. На самом деле состояние «потока» закладывается уже в детстве. Дошкольник погружен в решение самых разных ситуаций, получает удовольствие от такой «работы». Это и есть уже состояние, которое определяется как «поток». Психологическое состояние «поток», по мнению учёных, возможно для любого человеческого существа, вовлечённого в деятельность, работу, учёбу или просто в игру, где «категория игры может рассматриваться как один из самых фундаментальных духовных элементов жизни» [9, с. 56], оно сопоставимо с понятием детства. Совершенно справедливо видеть в ребёнке «человеческое существо», где в коммуникации «взрослый – ребёнок» воспитание уже рассматривается как особая идентичность. В школе ребёнок осваивает и новую социальную роль – ученика, приобретая новые представления о себе и окружающих. Формируется «школьная идентичность», это формирование – процесс постепенный – от одного акта коммуникации к другому [2, с. 195].

Воспитаннику должны быть открыты многие Миры, в которых каждый «продолжает себя», «запечатлевается», вступает с ними в диалоговые отношения. Это мир идей, научных знаний, мир книг и человеческих ценностей, мир деятельности и культуры. По М. М. Бахтину, своего рода «посланием» является любой продукт человеческого творчества, который несёт в себе «весть». Человек, глухой к голосам других, не понимает мира, в котором живёт. Ученик не просто ведёт ди-

алог, он познаётся над собственным органическим бытием, он чувствует себя *пребывающим в потоке культуры*.

Авторская технология вероятного образования А. С. Лобка ближе всего к психологическому «потоку»: учёный предоставляет первоклассникам возможность вести «внутренний диалог с самой собой».

«А что мы вообще знаем о детях и об их подлинных чувствах и переживаниях? Не обманываем ли мы себя, представляя их мир простым и незатейливым?, – спрашивает себя учёный, психолог, доктор психологических наук и учитель начальных классов Александр Михайлович Лобок. – И оказалось, что именно *драматическое* переживание дети выражают на бумаге с наибольшим энтузиазмом. Поэтические образы детей – форма самовыражения, особая мера бытия в культуре, школа образа».

Пребывая в «психологическом потоке» маленький человек буквально «живёт стихами», «образами», ведёт свой осмысленный диалог с миром. Малыш сочиняет:

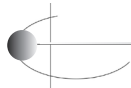
«Ласковый ветер по небу летит.
Дома в кроватке ребёночек спит.
Сон ему снится, что ветер принёс
В волшебном конверте шары...»

«Давай писать стихами, – говорит Малыш своей маме. – Потом отнесем их в типографию». И он сочинял длинные истории про кузнечиков и стрекоз, записывал их на листочках, просил сшить листочки в книжку. Придумывал свои слова: «балом», «ачи», «чилком», «абмоль», «бренке», «восьмериди дауа» и др.

Реализация в действительности идеи психологического потока – это возможность авторского самовыражения, особая мера бытия в культуре. Маленький человек входит в Мир «деятелем», ведёт диалог с миром, осмысленный и глубокий. И задача учителя и воспитателя – помочь ему. Конечно, само по себе образование счастливым человека не может сделать, – размышляет Ю. В. Завельский. – Но оно может создать некие условия, предпосылки для его будущего счастья. В частности, увлечённость делом.

Список литературы

1. Ахметова М. Н. Теоретическая педагогика в аспекте проектной культуры. Чита: ЗаБГГПУ, 2007. 153 с.
2. Баранова В. В., Гаврилова Т. О., Панова Е. А., Федорова К. С. Язык, общество и школа. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
3. Беляева Л. А. Философия воспитания как основа педагогической деятельности. Екатеринбург, 1993. 125 с.
4. Завельский Ю. В. О школьном учителе: мысли вразброс. М.: Прометей, 2015. 94 с.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 2003. 282 с.

6. Сухомлинский В. А. Слово рідної мови. Київ, 1968. 324 с.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ониса. М.: АСТ, 2004. 539 с.
8. Цзынь Ли Культурные основы обучения. Восток и Запад. М.: Дом высш. шк. экономики, 2015. 464 с.
9. Щуркова Н. Е. Культура современного урока. М.: Пед. агентство России. 112 с.
10. Ямбург Е. А. Школа и её окрестности. М.: Центр книги Рудомино, 2011. 576 с.

References

1. Akhmetova M. N. Teoreticheskaya pedagogika v aspekte proektnoi kul'tury. Chita: ZabGGPU, 2007. 153 s.
2. Baranova V. V., Gavrilova T. O., Panova E. A., Fedorova K. S. Yazyk, obshchestvo i shkola. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 448 s.
3. Belyaeva L. A. Filosofiya vospitaniya kak osnova pedagogicheskoi deyatel'nosti. Ekaterinburg, 1993. 125 s.
4. Zavel'skii Yu. V. O shkol'nom uchitele: mysli vrazbros. M.: Prometei, 2015. 94 s.
5. Leont'ev A. A. Osnovy psikhologicheskoi. M., 2003. 282 s.
6. Sukhomlinskii V. A. Slovo ridnoi movi. Kiiv, 1968. 324 s.
7. Kheizinga I. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya / per. s niderl. V. Onisa. M.: AST, 2004. 539 s.
8. Tszyn' Li Kul'turnye osnovy obucheniya. Vostok i Zapad. M.: Dom vyssh. shk. ekonomiki, 2015. 464 s.
9. Shchurkova N. E. Kul'tura sovremennogo uroka. M.: Ped. agentstvo Rossii. 112 s.
10. Yamburg E. A. Shkola i ee okrestnosti. M.: Tsentr knigi Rudomino, 2011. 576 s.

Библиографическое описание статьи

Ахметова М. Н. Язык как глубокий, осмысленный диалог человека с миром: технологические поиски решения проблемы // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 199–204.
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-199-204.

Reference to article

Akhmetova M. N. Language as a Deep, Intelligent Dialogue of the Person with the World: Technological Searches of a Problem Solution // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 199–204.
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-199-204.

Статья поступила в редакцию 27.02.2016

УДК 070.1
ББК Ч602.47
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-205-210

Людмила Александровна Коханова,
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9),
e-mail: l_kokhanova@mail.ru

Устно-письменный формат публикаций на экологическую тематику (из практики учебно-исследовательских проектов)

В статье рассматривается проблема использования нового формата устно-письменного текста в публикациях на экологическую тематику. Трансформация текста публикаций на экологическую тематику в современных СМИ связана с непосредственным влиянием виртуальной среды. Экологическая тематика связана с научным знанием и требует специфического подхода, позволяющего использовать научные термины и жёсткую структуру фактов. Перед журналистами стоит решение важнейшей задачи, связанной с использованием устно-письменного формата публикаций на экологическую тематику для языкового взаимодействия с аудиторией в сетевой среде.

Сегодня русский язык в сети функционирует по совершенно иным правилам языкового взаимодействия. Эти изменения касаются всех типов текста: вербального, визуального, аудиального. Особенности изложения текста связаны с наличием ошибок, сленга, молодёжной лексики, выражением эмоций с помощью смайлов, интернет-мем и т. п.

В сложившейся ситуации требуется новое поколение профессионалов, способное создавать тексты в соответствии с запросами достаточно обширной аудитории, говорящей с ним на одном устно-письменном языке. При этом важным является умение творчески владеть навыками переработки собранной информации, чтобы воздействовать на аудиторию, используя сильные стороны нового формата текста.

На основе опроса мнений студентов, в статье систематизируются и обобщаются базовые характеристики текстов экологической тематики, создаваемых в сети, выделяются наиболее часто употребляемые знаковые системы, приёмы и формы.

Ключевые слова: устно-письменный текст, коммуникация, контент, СМИ, медиатекст, сетевая лексика, экологическая тематика

Lyudmila A. Kokhanova,
Doctor of Philology, Professor,
Lomonosov Moscow State University
(9 Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia),
e-mail: l_kokhanova@mail.ru

Oral-Written Format of Publications on Environmental Issues (Based on Training and Research Projects)

The article deals with the problem of using the new format of the oral-written text in publications on environmental issues. Transforming text publications on environmental issues in the media today is related to the direct influence of the virtual environment. Environmental issues are associated with scientific knowledge and require a specific approach, allowing the use of scientific terms and facts of rigid structure. The journalists encounter critical tasks associated with the use of oral and written formats of publications on environmental issues for language interaction with the audience in a network environment.

Today, Russian uses completely different set of rules of language interaction on the web. These changes apply to all types of text: verbal, visual, auditory. Features of the text are associated with errors, slang, youth vocabulary, expression of emotions via emoticons, internet memes, etc.

In the current situation, we need a new generation of professionals capable of producing texts in accordance with the demands of a large enough audience, speaking one oral and written language with it. At the same time, it is an important skill to possess creative skills of processing the collected information to influence the audience, using the strengths of the new format of the text.

Based on a survey of students' opinions, the article systematizes and summarizes the basic characteristics of the environmental topics of texts created in the net, the most frequently used sign systems, techniques and forms are determined.

Keywords: oral and written text, communication, content, media, media text, network vocabulary, environmental topics

Предпринятое в рамках учебного процесса исследование ставило своей целью проанализировать, каким образом текст, создаваемый для общения в сети, соотносится с теми текстами, которые сегодня журналисты пишут для профессиональных СМИ. Предметом изучения стали материалы по экологической тематике.

Очевидно, что эта тематика требует специфического подхода, так как речь идёт о научном знании. Это означает использование научных терминов, жёсткой структуры фактов. Если используются цифры, то их надо уметь заставить заговорить, постараться сделать их доступными для понимания читателей, сравнивая с объектами, которые люди видят в повседневной жизни. Собственно, по формату публикации по экологической тематике в традиционном изложении – это научная статья со всеми вытекающими отсюда характеристиками.

Сегодня журналистика, в том числе и научная, приросла молодыми кадрами, выросшими в принципиально новых технологических условиях, молодыми профессиональными журналистами, в совершенстве владеющими современной техникой, обрабатывающими большие объёмы информации и предлагающими новые форматы её подачи, например, в виде лонгридов. Они уже имеют свою аудиторию, с которой в основном общаются в сетевой среде. Наблюдается рост числа молодёжи, читающей газеты. Молодые люди, благодаря компьютерам и Интернету, читают больше газет, чем остальное население. Таким образом, когда речь идёт об экологической тематике, чтобы быть услышанными, журналисты разговаривают со своей аудиторией на понятном им языке, то есть языке сети и в большей степени в сети. Ответить на вопрос, насколько это возможно, когда речь идёт о естественнонаучной тематике, мы и хотели, с одной стороны, опираясь на теоретические исследования в этой области, а с другой – предприняв данное локальное исследование.

Следует отметить, что в последнее десятилетие появилось достаточно много работ, посвящённых изменениям общепринятых норм языка, которые встречаются в сети [1; 3; 6].

Ещё недавно в основном исследовался язык газеты, который считался учёными как базовый элемент языка СМИ. Это вполне понятно, так как газета была и остаётся одним из старейших средств массовой информации. К тому же газетный материал более удобен для лингвистического описания, так как

в газете специфически, в рамках своей функциональной системы, отражаются почти все языковые стили. «Газетно-публицистический стиль не обладает замкнутостью ни по отношению к другим стилям, ни по отношению его внутренних разновидностей. Эти разновидности подчас имеют очень мало общего друг с другом, а подчас их трудно отличить друг от друга, но вместе они составляют единственную в своем роде систему, целостный организм, особое сложное качество» [4, с. 69].

Газетный язык потеснила устная речь телевидения и радио, но на данный момент интересы исследователей смещаются в сторону языка сети, который уже претендует на роль нового базового элемента языка СМИ. Конечно, прежде всего, исследуется сам феномен информационного века – социальная сеть, обусловившая появление специфических особенностей функционирования языка, а затем уже и речевое поведение пользователей [5]¹.

Затем те изменения, которые, по мнению учёных, коснулись практически всего языка, его фонетики, словообразования, синтаксиса, стилистики и особенно лексики русского языка в результате его использования в сети. Они отмечают, что русский язык существует в Рунете по совершенно иным правилам. Более того, сегодня можно уже говорить о том, что возникла новая форма языкового взаимодействия, а именно, – письменная разговорная речь. Так, по мнению Н. Б. Мечковской, в настоящее время очевидна активизация метаязыковой рефлексии, влияние специального подъязыка информатики и информационных технологий, влияние ненормативного (субстандартного) варианта языка на общее употребление, экспансия особенностей молодёжного языка, экспансия английских терминов, усиление в стилистике интернет-коммуникации либерально-демократических черт, идущих от неформального разговорно-обиходного общения [10].

Именно к таким выводам приходит большинство исследователей языка сети, выделяющих особенности изложения текста:

- наличие пунктуационных, орфографических и синтаксических ошибок;
- наличие сленга, сокращений и использование молодёжной лексики;
- ошибки делаются зачастую намеренно как на уровне слов (орфографические, словообразовательные, грамматические, лекси-

¹ Гришакова Е. Социальные сети и их классификация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egrishakova.ru/blog/item/70-sotsialnyie-seti-i-ih-klassifikatsiya/> (дата обращения: 23.02.2016).

ческие), так и предложений (синтаксические и коммуникационные);

– для выражения эмоций используются смайлы, интернет-мемы (демотиваторы, ба-яны, эдвейсы (те же мемы), комиксы, стрип-комиксы, карикатуры), а также знаки восклицания (несколько раз – !!!!), заглавные буквы и т. д.) [9; 11].

Эти теоретические выводы подтверждаются повседневной практикой. Так, опрос более ста студентов пятого курса вечернего отделения, обучающихся на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, показал, что все они в большей степени владеют именно сетевым языком. Более того, они не видят для себя разницы в написании текста или поста для аккаунта или материала для СМИ, в том числе и на экологическую тематику. Например, Е. Корнеева пишет: «Приёмы, которые используются мною в социальных сетях: предпочтения отдаю словам, а не знакам; пишу короткие тексты; иногда использую смайлы/эмодзи; использую много аудиовизуального контента (видео, картинки); иногда смешиваю английский и русский языки; иногда пишу на английском (в друзьях есть иностранцы)».

Обычно традиционные средства массовой информации отдают предпочтение какому-то основному средству коммуникации: газета – письменности, режиссура – изображению; радио – устной речи, а телевидение – изображению. Нынешние журналисты, к которым вправе отнести студентов вечернего отделения вуза, уже текст сопровождают визуальными элементами, такими как графические изображения, например, смайлики, позволяющие выразить им свои эмоции. Да и в самих постах встречаются специальные формы написания тех или иных слов, например, сленговый язык, сокращения и другие новации.

Следует отметить, что сегодня наблюдается и обратное влияние сети на язык традиционных СМИ, будь они моно- или политематическими по своему содержанию. Тематика, при всей её сложности, при подготовке материала всё больше отходит на второй план. Форма подачи берёт вверх над смыслами. Тем самым превратившись в одну из основных сфер использования речи, виртуальная среда во многом определяет характер и свойства современного состояния языка. В качестве доказательства приведём ответ Н. Заруцкой:

«Так сложилось, что я не пишу посты в социальных сетях. Очень редко я использую Twitter. В основном

там я ругаюсь с компанией Билайн по поводу их сервиса (потому что это единственное место, где они оперативно отвечают). Так как я ссорюсь, то в своих текстах использую много восклицательных знаков или пишу КАПСОМ. Но мне не хотелось бы делиться своими постами, поэтому я просто анализирую посты в общем (но кратко).

Twitter (тема моей курсовой). Встречаются несколько типов сообщения: личные сообщения “от себя”, цитаты, репосты, ссылки. Язык простой, так как надо вложить мысль в 140 символов. Адресатом этих сообщений становятся все, кто это может увидеть. Исключения составляют сообщения, в своём тексте имеющие ссылку на адресата. Конечно, картинка, ссылка и видео в постах для привлечения внимания. Использование хештега в микроблоге стало почти неотъемлемой его частью. Тренд последнего времени – создание опросов. Этим занимаются не только пользователи, но и некоторые СМИ.

Facebook. Является основной площадкой для постинга. Практически все мои знакомые печатают что-то на Facebook и совсем не пишут в ВКонтакте. Как мне кажется, направленность здесь более узкая, чем в Twitter, но в то же время и более широкая. Поясню: сам смысл сообщений для более узкого круга лиц, но при этом на Facebook присутствует и русскоговорящий контингент, и иностранцы. И если в микроблоге пост вряд ли вызовет взрыв комментариев, то в этой социальной сети все тут же начнут обсуждать под постом написанное. Посты в Facebook пишутся для активной аудитории, готовой воспринимать информацию и обсуждать её. Если говорить о форматах, то тут опять же сообщение “от себя”, репост и цитата. Элементами привлечения внимания служат картинки, видео, ссылки. Хештеги тоже есть. Иногда я думаю, что тут их используют охотнее, чем в других сетях.

ВКонтакте. Так как тут обитает в основном русскоговорящий контингент, то сообщения уже не пишутся на иностранном языке (если только это не цитата). Основным материалом для сообщений выступают фотографии с короткими комментариями, репосты. Собственные мысли крайне редки, хотя и встречаются. Часто собственная стенка в ВКонтакте используется для обращений, просьб, вопросов. В принципе, по языку и приёмам сообщения здесь немногим отличаются от сообщений на Facebook. Но всё же среди различий иногда можно заметить, что в данной сети язык проще, чем в другой сети (потому что сложилось мнение, что на Facebook собралась некая профессиональная группа, с которой панибратское обращение не пройдёт)».

На данном этапе исследования был собран эмпирический материал, включающий в себя тексты или посты, написанные студентами в качестве пользователей различных сетей и их реферативные работы, в которых они анализируют свою языковую деятельность в сети. Основной вывод, который очевиден при знакомстве с этим материалом, напрашивается сам собой. Сегодня в журналистику приходит и уже пришло молодое поколение, предпочитающее передавать и воспринимать информацию преимущественно в виде изображений. Эти дополнения текстового сообщения, по сути, уже таковыми не являются, а становятся полноправными частями мультимедийного контента.

Это прямое доказательство того, насколько современный человек уже стал визуалом, чему способствует достаточное количество альтернативных коммуникативных возможностей, к которым относятся кино, телевидение, радио, Интернет, постоянно развивающаяся мобильная телефония, обещающая новый технологический рывок в информационно-коммуникативной деятельности. Как следствие, молодому журналисту достаточно трудно и писать, и читать сложный текст. Создаваемая ситуация можно объяснить тем, что при чтении он подсознательно экономит время, перепрыгивая с наиболее длинных и перегруженных текстом элементов на наименее перегруженные тексты и визуализированные. Так же он поступает, когда готовит публикацию или сюжет для любого СМИ, так как не только газетный или журнальный, но и телевизионный и радиийный материал начинается с текста.

Собственно, как он читает, так и пишет. В современном обществе люди читают газету на лету, невнимательно, и печатные СМИ вынуждены подстраиваться под такое восприятие информации: писать понятным языком и так, чтобы читали. Радио- и телевизионная программа – это устная речь, поэтому формат письменной устной речи здесь норма. Экологическая тематика в этом ряду не является исключением, хотя она всё ещё стремится сохранить традиционные подходы в текстообразовании. Где-то это ей удаётся, где-то уже происходит диффузия научного языка, и вкрапления достаточно серьёзные.

Данные выводы сделаны по результатам следующего этапа нашего исследования. После просмотра фильма «Двойная порция», который имеет непосредственное отношение к экологической тематике, студентам было предложено написать об этом заметку. Жанр не оговаривался. Эта могла быть информация, корреспонденция, рецензия, могла быть и заявка на статью, поводом которой послужил фильм.

В итоге были получены материалы, которые характеризуются размыванием чётких стилевых и жанровых границ, но во всех них превалирует разговорный язык. Грамматические формы, сочетаемость слов, синтаксические конструкции, использование сниженной и ненормативной лексики в допустимых пределах сохраняем в ниже приведённых примерах. Так, студентка А. Журавлева пишет:

«Товарищи, пожалуйста, обратите своё внимательное внимание на документальный фильме Морган Сперлока о фаст-фуде под названием "Двойная порция".

Я словно после просмотра вернулась на несколько лет назад и увидела себя в главном герое. Я по глупости, молодости и незнанию совершила ужасную ошибку и призываю вас сейчас не допускать того же. Будьте умнее, учитесь на чужих ошибках. Берегите себя и своё здоровье, заботьтесь о своём теле, иначе последствия могут быть плачевными. Может, после просмотра фильма, вы лишний раз предпочтете тарелку домашнего борща картошке фри».

В данном случае мы имеем пример текстообразования с целеустановкой конкретного автора текста, владеющего сетевым языком и имеющего личный опыт потребления фаст-фуда. По мнению Н. С. Валгиной, прагматическая установка текста (информирование, обучение, инструктирование, декларирование и т. д.) исходит из самого текста – его назначения, вида, жанра. Как результат – это типичная заметка на экологическую тему. Благодаря этому видно, что она и определяет форму текста, отбор материала, общую стилистику и др. [2].

Однако автор, как уточняет исследователь, как конкретный субъект, подчиняясь общим правилам построения текста данной направленности, вносит свои, личностные коррективы в его построение, то есть осуществляет свою, авторскую прагматическую установку. Проявление личностных особенностей стиля автора также создаёт качественные признаки его разновидностей, и текст это сетевой. В нехудожественном тексте многие нейтральные речевые средства могут оказаться экспрессивными, если они способны повысить аргументированность высказываемого положения, подчеркнуть логичность вывода, убедительность рассуждения и т. п. [2].

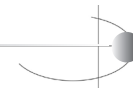
Этот же подход наблюдается и в тексте Д. Мосафи. Она пишет:

«Фильм "Двойная порция", безусловно, заслуживает внимания. Перед нами не просто скучная поучительная картина о вреде фаст-фуда, перед нами фильм-действие, фильм-эксперимент, который ставит проблему вредной еды во главу угла. Где личная ответственность перерастает в корпоративную? На этот вопрос отвечает журналист, который решает ценой собственного здоровья опробовать на себе влияние пищи из Макдональдса.

Я считаю, что подобные фильмы если и не решают проблему, то, во всяком случае, являются мощным средством в борьбе с ней».

Автор пытается сформулировать проблему и рассматривать её уже не на уровне личности, но как общечеловеческую. При этом она пытается перевести первично устный текст фильма в письменную форму публикации. Тем самым происходит интеграция речи спонтанной и речи подготовленной, смешение разговорных и книжно-письменных стилей. В данном тексте обозначилась тен-

денция к контаминации, смешению жанров, монтажу текстовых моделей.

Это характерно практически для большинства написанных студентами заметок: авторская прагматическая установка, проявляющаяся личностные особенности стиля автора, и попытка выйти на уровень обобщения через его «я». Именно этот подход демонстрирует текст С. Нисневич:

«Для меня и до видео было очевидно, что Макдональдс – это вредно. Меня больше поразил героизм задумщика короткометражки – “угробить” своё здоровье, посадить желудок только для того, чтобы продемонстрировать этот известный факт. Поданный иск, безусловно, стал тем самым толчком для “исследования”. Но насколько это требовало такой жертвы автора? Я бы однозначно не решилась на такой эксперимент, даже для того, чтобы раскрыть глаза людям на проблему ожирения.

Но всё равно смотреть нужно всем. В мире быстро меняющихся решений, карьерного роста, негативов трудно так распределить своё время и силы, чтобы помечтать о здоровом обеде. Но данный фильм возвращает нас к этому вопросу основательно, и, надеюсь, бесповоротно. И нельзя воспринимать эту беду, как только американскую. Везде вы найдёте если не Макдональдс, то какую-нибудь другую палатку, перед которой, будучи голодными, трудно устоять. От вредных химических средств страдают не только тела и организмы взрослых, но и самое дорогое у человечества – дети. И от этой беды нас спасёт только сила воли и осведомлённость».

Особо хотелось бы обратить внимание на то, что каждый студент, взявшийся написать текст на заданную научную тему, старается объяснить, каким образом журналистское исследование может повлиять на повседневную жизнь его читателей. Чтобы показать, насколько это опасно, начинающие журналисты используют повествовательную технику. Многие из них начинают своё изложение с истории о герое фильма – журналисте, страдающем в итоге этого эксперимента целым букетом заболеваний, а потом объясняют, каким образом исследование этой проблемы может помочь каждому из нас. И может ли? Таким вопросом задаётся студентка К. Гасимова.

Она так отвечает на этот вопрос:

«Главный герой фильма Морган Сперлок пожертвовал своей внешностью и здоровьем ради эксперимента. Интересный опыт. Но изменило ли это отношение людей к фаст-фуду? Вряд ли. Мы не стали меньше потреблять нездоровую пищу. Безусловно, это хороший наглядный пример для всех, кто питается так каждый день. Возможно, часть из нас об этом задумалась. Люди никогда не смогут отказаться от такого рода лакомства. И стоит ли здоровья героя этот эксперимент? Нет. Тогда неужели он это сделал ради всех людей? Ведь мы и так всё это знаем. Интересно, что герой сегодня думает обо всём этом?».

Как видим, язык этих заметок максимально приближен к разговорному, динамичен,

демократичен, ориентирован на общеупотребляемость. Но по-другому они уже писать не могут, даже если эта сложная научная тематика. Им комфортней писать в стиле постов.

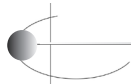
В итоге предложенные вкрапления в данный текст, как и во многие другие – это не просто абстрактная форма представления информации, но и по сути формирующие эту информацию элементы, обуславливающие её понимание и смысл.

Главный вывод проведённого исследования заключается в том, что устная речь оказывает всё большее влияние на весь строй языка СМИ вне зависимости от сложности тематики. Именно такому текстообразованию следует обучать студентов, с учётом того, что они в достаточной степени владеют сетевым языком. О. А. Лаптева отмечает, что язык прессы и других СМИ всё менее сплавляется с книжным и письменным типами литературного языка. Такие речи, как информационная и официальная телевизионная речь ощущают большое воздействие устной речи [8].

Что касается сети, то эта стихия в ней оказывается основной, подчиняющей себе её содержательную наполненность. Следует также иметь в виду, что число носителей сетевого языка с каждым годом растёт: и как пользователей, и как профессионалов. В журналистику приходит всё новое пополнение, пробующее себя во всём спектре тематик, и с годами определяющее политику в формировании повестки дня, в форматах подачи содержания.

По мнению В. Г. Костомарова, «язык массовой коммуникации, по-видимому, следует терминовать как оформляющийся новый тип функционально-стилевых единств, в которых идёт процесс опробования возможных путей реализации общего конструктивного принципа, более активный и менее структурно и традиционно обоснованный, чем в сложившихся исторических стилях, и широко вовлекающий в сферу своего влияния внеязыковые технические возможности. В современном русском языке тогда следует выделить, наряду с типом книжным и типом разговорных стилей, особый уровень функционально-стилевой дифференциации – тип массово-коммуникативных стилей. Наглядным их отличием от разговорных и книжных стилей можно считать, прежде всего, принципиально новое отношение к устной и письменной формам существования языка» [7, с. 68].

В сети данное качество принципиально становится другим. Традиционное понимание «публикации на экологическую тему» транс-

формируется, так как очевидно проникновение сетевого языка и в такую непрístupную тематику, какой до недавнего времени казалась экологическая. Пока это, может быть, не столь очевидно, но процесс обозначен.

Хочется надеяться, что тем самым научная тематика станет более понятной широкому кругу молодых людей, которые сделают науку своей профессией, своим делом жизни.

Список литературы

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестн. МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
3. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. 2004. № 11. С. 63–67.
4. Газеты на пороге новой эры // 52-й Всемирный газетный конгресс (июнь 1999 г.). М., 2001. 69 с.
5. Гришаква Е. Социальные сети и их классификация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://egrishakova.ru/blog/item/70-sotsialnyie-seti-i-ih-klassifikatsiya/> (дата обращения: 23.02.2016).
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
7. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 261 с.
8. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Высш. шк., 2003. 520 с.
9. Леонтьев В. П. Социальные сети: ВКонтакте, Facebook и другие... М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 255 с.
10. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. 582 с.
11. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 436 с.

References

1. Bergel'son M. B. Yazykovye aspekty virtual'noi kommunikatsii // Vestn. MGU. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2002. № 1. S. 55–67.
2. Valgina N. S. Teoriya teksta. M.: Logos, 2003. 280 s.
3. Vinogradova T. Yu. Spetsifika obshcheniya v Internete // Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: lingvokul'turologicheskii aspekt. 2004. № 11. S. 63–67.
4. Gazety na poroge novoi ery // 52-i Vsemirnyi gazetnyi kongress (iyun' 1999 g.). M., 2001. 69 s.
5. Grishakova E. Sotsial'nye seti i ikh klassifikatsiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://egrishakova.ru/blog/item/70-sotsialnyie-seti-i-ih-klassifikatsiya/> (data obrashcheniya: 23.02.2016).
6. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI. M.: Flinta: Nauka, 2008. 264 s.
7. Kostomarov V. G. Russkii yazyk na gazetnoi polose: nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. 261 s.
8. Lapteva O. A. Zhivaya russkaya rech' s teleekrana: razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte. M.: Vyssh. shk., 2003. 520 s.
9. Leont'ev V. P. Sotsial'nye seti: VKontakte, Facebook i drugie... M.: OLMA Media Grupp, 2012. 255 s.
10. Mechkovskaya N. B. Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii: ot klinopisi do Interneta: kurs leksii po obshchemu yazykoznaniyu. M.: Flinta: Nauka, 2009. 582 s.
11. Trofimova G. N. Yazykovoi vkus internet-epokhi v Rossii: funktsionirovanie russkogo yazyka v Internetе: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty. 2-e izd., ispr. i dop. M.: RUDN, 2009. 436 s.

Библиографическое описание статьи

Коханова Л. А. Устно-письменный формат публикаций на экологическую тематику (из практики учебно-исследовательских проектов) // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 205–211. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-205-210.

Reference to article

Kokhanova L. A. Oral-Written Format of Publications on Environmental Issues (Based on Training and Research Projects) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 205–211. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-205-210.

Статья поступила в редакцию 29.02.2016

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Замира Касымбековна Дербишева,
*Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
(г. Бишкек, Кыргызстан)*

Марина Владимировна Пименова,
*Военная академия МТО
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

XVIII летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (17–25 июня 2015 г., г. Бишкек)

17–25 июня 2015 года состоялась XVIII Международная летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Эта школа была проведена на базе Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, ул. Киевская, 44). Слушателями стали аспиранты, магистранты, преподаватели вузов из пяти стран: России, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана. Лекторами выступили профессора З. К. Дербишева (Бишкек, Кыргызстан), В. И. Карасик (Волгоград, Россия), М. В. Пименова (Санкт-Петербург, Россия), В. А. Садикова (Тверь, Россия). Темами лекций стали вопросы концептологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, концептуальной, языковой, фольклорной и научной картины мира.

Ключевые слова: концептология, лингвокультурология, концептуальная, языковая, фольклорная и научная картины мира

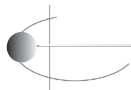
Zamira K. Derbisheva,
*Kyrgyz-Turkish University "Manas"
(Bishkek, Kyrgyzstan)*

Marina V. Pimenova,
*Military Academy of Material Support
(Saint Petersburg, Russia)*

The XVIIIth Summer Scientific School "Cognitive Linguistics and Conceptual Research" (June 17–25, 2015, Bishkek)

The XVIIIth International Summer Scientific School "Cognitive linguistics and conceptual research" was organized on June 17–25, 2015. This school was conducted on the basis of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of Russia Boris Yeltsin (Bishkek, ul. Kievskaya, 44). The school participants were graduate students, undergraduates, university professors from five countries: Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan. The lecturers at the School were the Professors Zamira Kasymbekovna Derbisheva (Bishkek, Kyrgyzstan), Vladimir Ilyich Karasik (Volgograd, Russia), Marina Vladimirovna Pimenova (Saint Petersburg, Russia), Valentina Alexeevna Sadikova (Tver, Russia). The themes of the lectures at the School were the issues of conceptology, cultural linguistics, linguistic personology, conceptual, linguistics, folklore and scientific pictures of the world. The beauty of nature, the living scientific communication, extensive cultural program – these are the main factors that attract scientists from different countries, who came to this school from Kaliningrad to the Far East. Summer school on Lake Issyk-Kul – the pearl of Kyrgyzstan – is becoming a good tradition.

Keywords: conceptology, cultural linguistics, conceptual, linguistic, folklore and scientific pictures of the world

С 17 по 25 июня 2015 года на базе Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина была проведена XVIII Международная летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Сопредседателями оргкомитета выступили доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» З. К. Дербишева и член-корреспондент САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, почётный доктор ВА МТО М. В. Пименова.

Пленарное заседание летней школы прошло в здании Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, ул. Киевская, 44). В фойе университета была организована выставка-продажа новых книг, монографий по когнитивной лингвистике. Участники мероприятия тепло приветствовал ректор Кыргызско-Российского Славянского университета, академик НАН КР В. И. Нифадьев.

С лекциями выступали когнитологи России и Кыргызстана З. К. Дербишева, В. И. Карасик, М. В. Пименова, В. А. Садикова.

Нужно отметить, что в рамках 10-дневного пребывания организаторы летней школы во главе с профессором М. В. Пименовой максимально эффективно использовали время, отведённое на учебу. В рамках научной задачи предусматривалось повышение научной компетенции слушателей по когнитивной лингвистике, а также взаимообмен информацией между участниками в рамках отдельной международной конференции.

Главная цель, ради которой собираются слушатели-энтузиасты, – это встреча в живом общении с мэтрами российской когнитивной науки, труды которых известны благодаря Интернету. В этом году М. В. Пименова пригласила одного из ведущих учёных, крупного исследователя по когнитивной лингвистике в России – профессора Владимира Ильича Карасика. Его лекции были очень содержательными и крайне полезными для всех слушателей.

На лекциях были затронуты важные вопросы современной науки о языке, среди них: «Когнитивный анализ концептов “жизнь”, “вода” в русском и кыргызском языках», «Концепт “движение” в русской, английской, кыргызской языковых картинах мира», «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» (З. К. Дербишева, г. Бишкек, Кыргызстан), «Лингвокультурология: концепции и проблемы», «Лингвоперсонология: перспективы исследования», «Актуальные проблемы

социолингвистики», «Лингводискурсология: модели и теории», «Лингвосемиотика: интерпретативный подход», «Лингвоаксиология: ценности, нормы, обыкновения», «Проблемы категориальной семантики» (В. И. Карасик, г. Волгоград, Россия), «Концептуальные исследования: школы и направления», «Языковая и концептуальная картины мира», «Теория ментальности», «Фольклорная картина мира», «Сказочный дискурс», «Стереотипы и их место в концептуальной структуре», «Поиски утраченного знания: о четырёх видах дохристианской славянской письменности», «Концептология как наука о ментальности народа» (М. В. Пименова, Санкт-Петербург, Россия), «Топика: история вопроса от Аристотеля до наших дней», «Методологические возможности топики в современных когнитивных исследованиях» (В. А. Садикова, Тверь, Россия).

В рамках школы была проведена XVIII Международная научная конференция «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике». Слушатели школы и участники международной конференции представляли широкую географию – от берегов Балтийского моря до Дальнего Востока. На научный форум приехали доктора наук, профессора, доценты и преподаватели из России (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, ВИ ЖДВ и ВОСО ВА МТО, Одинцовский гуманитарный университет, Тверской государственный университет, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, МГУ имени М. В. Ломоносова, Белгородский государственный университет, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Дальневосточный федеральный университет, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Омский государственный технический университет), Казахстана (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахский национальный педагогический университет им. Абая и университет имени Сулеймана Демиреля, г. Алма-Ата, Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Академия «Көкше», г. Кокшетау, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова, KIMEP University),

Таджикистана (филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Душанбе), Узбекистана (Самаркандский государственный университет). Кыргызстан – место проведения летней школы и международной конференции – представляли профессора и преподаватели Кыргызско-Турецкого университета «Манас», Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева, Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек), Ошского государственного университета.

Слушатели летней школы поделились своими впечатлениями об этом научном форуме:

А. Касиева (кандидат филологических наук, доцент, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан): «Современная российская когнитология немыслима без трудов таких выдающихся деятелей лингвистики и авторов бесценных трудов, как З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, С. Г. Воркачев и многих других, внесших огромный вклад в развитие когнитивистики не только в масштабе регионов России, но и всего постсоветского пространства.

Программа школы и её работа были не только насыщенными и плодотворными, но и очень интересными. Все участники принимали активное участие в дискуссиях и лекциях, проводившихся в рамках школы.

Особенно хочу отметить спектр и масштабность лекций приглашённых лекторов, в частности, профессора В. И. Карасика. Информативность лекций профессора по разным аспектам когнитивистики вызвала у всех участников школы глубокий интерес к когнитологии. Неоценимы в этом плане и консультации лекторов участникам школы, в рамках которой предоставлялась уникальная возможность получить ценные инструкции по выполнению исследований в этом направлении».

Д. А. Морель Морель (кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия): «В первую очередь хочется отметить высокий уровень организации и проведения школы. Высочайший профессионализм и самоотдача лекторского состава школы удовлетворили самых искушенных и взыскательных слушателей. Каждое выступление находило живой отклик в аудитории, и обсуждения порой продолжались и во вне рабочее время. Все старались воспользоваться уникальной возможностью получить консультацию от ведущих учёных,

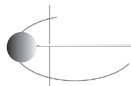
вокруг которых уже сформировались собственные научные школы, и тем более ценна готовность лекторов делиться своим богатым научным опытом».

А. Р. Жикеева (кандидат филологических наук, доцент, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Казахстан): «В 2015 году днём из ярких и незабываемых моментов было участие в международной летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Для нас, начинающих свою научную деятельность, участие в школе дало уникальную возможность, о которой только может мечтать молодой учёный Республики Казахстан, – возможность слушать лекции и лично познакомиться с выдающимися учёными Российской Федерации, Кыргызстана и Белоруссии».

О. А. Радчук (преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета, Казахстан): «Проведение научных школ является очень продуктивной формой обмена научными результатами исследований. Во время представления докладов участники научной школы не только приобретают новые знания, но и могут лично задать интересующий вопрос по теме доклада, получить консультацию по своему исследованию».

Х. Х. Нурсеитова (кандидат филологических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан): «Участие в работе летней школы – это плодотворный отрезок времени в плане получения богатейшего теоретического материала, осуществления возможности публикации в сборнике, ознакомление с работами других участников. Лекции проводились на высоком профессиональном уровне. Слушатели могли задать вопросы и выслушать ответы по теме своих исследований, наметить перспективы по своим научным работам».

М. А. Фёдорова (кандидат филологических наук, доцент, ОмГТУ, г. Омск): «В июне 2015 года преподаватели кафедры «Иностранные языки» Омского государственного технического университета А. М. Клёстер, М. А. Фёдорова и И. И. Чащина прошли курсы повышения квалификации в рамках международной летней научной школы «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Во время проведения школы были организована конференция, материалы которой опубликованы в сборнике научных статей «Новое в когнитивной лингвистике XXI века» (вып. 22) и выставка научной и научно-мето-

дической литературы. Наибольшее впечатление произвели лекции М. В. Пименовой и В. И. Карасика, посвященные концептосфере, лингвокультурным стереотипам, этногерменевтике русской сказки. Большой интерес вызвали и лекции других учёных, особенно те, которые были посвящены исследованию ключевых концептах в разных языках: кыргызском, казахском, удмуртском, а также в европейских языках».

В 2016 году планируется проведение XXII летней школы на берегу Иссык-Куля. Она состоится в период с 15 по 25 августа 2016 года. В качестве лекторов выступят учёные-когнитологи: З. К. Дербишева, В. И. Карасик, В. В. Красных, М. В. Пименова. В рамках школы будет проведена конференция «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: русский язык и русская

лингвокультурологическая школа», к началу которой будут изданы её материалы.

Основные направления XXII летней научной школы и международной конференции:

- Теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований.
- Ментальность народа и его язык.
- Языковая, обыденная (наивная), индивидуально-авторская картины мира.
- Концептуальная система и концептуальная картина мира.
- Сопоставительная концептология.
- Концепт и культура.
- Методика исследования и типология концептов.
- Жанры речи в когнитивном аспекте.
- Лингвокультурология и лингвострановедение.
- Гендерная и политическая лингвистика.

Библиографическое описание статьи

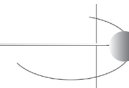
Дербишева З. К., Пименова М. В. XVIII летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (17–25 июня 2015 г., г. Бишкек) // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 211–214.

Reference to article

Derbisheva Z. K., Pimenova M. V. The XVIIIth Summer Scientific School "Cognitive Linguistics and Conceptual Research" (June 17–25, 2015, Bishkek) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 211–214.

Статья поступила в редакцию 10.02.2016

**Валерия Андреевна Сергеева,
Андрей Евгеньевич Горковенко,
Людмила Васильевна Камедина,
Игорь Александрович Романов,
Алёна Юрьевна Новикова,**

*кафедра литературы, факультет филологии и массовых коммуникаций,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия)*

Итоги Года литературы в Забайкальском крае

В статье подводятся итоги Года литературы в Забайкальском крае. Работа кафедры литературы ЗабГУ представлена в нескольких направлениях: организация и проведение научно-практических конференций международного и всероссийского уровней; участие в международных конференциях в городах России; публикация монографий и учебных пособий; учебная работа со студентами и учащимися ссузов и школ; просветительская деятельность.

Ключевые слова: Год литературы, персоналии, культурная самоидентификация, ЗабГУ

**Valeriya A. Sergeeva,
Andrey E. Gorkovenko,
Lyudmila V. Kamedina,
Igor A. Romanov,
Alena Yu. Novikova,**

*Department of Literature, Faculty of Philology and Mass Communications,
Transbaikal State University
(Chita, Russia)*

The Results of the Year of Literature in Transbaikal Territory

This article summed up the Year of Literature in Transbaikal territory. The work of Transbaikal State University Department of literature is presented in several directions: the organization and holding of scientific practical conferences of international and national levels; participation in international conferences in Russia cities; the publication of monographs and teaching aids; educational work with pupils and students of colleges and schools; educational activities.

Keywords: the Year of Literature, personalities, cultural identity, Transbaikal State University

«Если бы меня спросили: чего я жду от Года литературы, я бы ответил просто. От Года литературы я жду... литературы. Во всём полном объёме этого понятия. В этот год мы должны вздрогнуть от счастья осознания того, что мы были и остаёмся великой мировой литературной державой. И мы ещё не настолько поглупели, чтобы от этого счастья отказать», – это слова известного современного литературного критика П. В. Басинского. Он, побывав в Чите в составе «Литературного экспресса» в 2013 г., отметил, что студенческая аудитория, с которой ему довелось работать на филологическом факультете ЗабГУ, – это люди заинтересованные, пытающиеся находить в литературе ответы на вечные вопросы. Именно они, студенты-филологи, и их наставники – преподаватели кафедры литературы ЗабГУ – были одними из главных организаторов проведения Года литературы в Чите и Забайкальском крае в 2015 г.

Для того, чтобы Год литературы не превратился в компанейщину, в «мероприятия по поводу», в начале 2015 г. в краевой научной универсальной библиотеке им. А. С. Пушкина был проведён круглый стол «Литература как фактор развития человеческого потенциала», модераторами которого стали И. А. Грешилова, кандидат философских наук, доцент, проректор по научно-методической работе ГУ ДПО «Забайкальский институт развития образования» и И. А. Романов, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Тогда, 3 февраля 2015 г., были определены основные направления работы Министерства образования, науки и молодёжной политики, Министерства культуры Забайкальского края, Забайкальского государственного университета, ГУ ДПО «Институт развития образования Забайкальского края». Вопросы, обсуждавшиеся на заседании круглого стола, стали определяющими:

- Литература как национально-культурная ценность народа.
- Актуальные для человека XXI века произведения словесности.
- Культурная самоидентификация на основе изучения русской и зарубежной классики.
- Эстетический вкус современного читателя.
- Проблемы школьного и вузовского литературного образования.
- Культура семейного чтения.
- СМИ в контексте художественной литературы.

По этим направлениям и велась работа. Попробуем выяснить, что удалось сделать.

Как известно, Указ В. В. Путина о проведении Года литературы в России содержал главные позиции, на которых требовалось сконцентрировать усилия: «Наша задача – привлечь особое внимание общества к отечественной литературе, сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире. При этом внутри страны мы должны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона». Понятно, что подобная задача требовала усилий всего общества. Однако можно уверенно говорить о том, что в каждой школе, в студенческой аудитории преподаватели и учителя литературы использовали все возможности для решения этой задачи. Свою программу взаимодействия с культурными и образовательными учреждениями, общественными деятелями по осуществлению за-

13 января 2016 г. преподаватели ЗабГУ (на фото слева направо: И. А. Романов, А. Е. Горковенко, Л. В. Камедина, В. А. Сергеева, Р. Ф. Гениатулин) говорили об итогах Года литературы в Забайкалье

дач проведения Года литературы реализовала в 2015 году и кафедра литературы ЗабГУ. Очень сложно представить весь объем сделанного в этот год каждым преподавателем кафедры литературы и студентами-филологами в пределах одной статьи – он слишком велик. Остановимся лишь на самых значимых событиях.

«Язык, история, культура, духовные ценности и национальные традиции – это основа основ, и внимание к ним государства и общества должно быть и будет постоянным», – эти слова Президента России Владимира Путина определили цели проведения циклов теле- и радиопрограмм, посвященных литературе и культуре Забайкалья, организованных по инициативе первого губернатора Забайкальского края, главного редактора Забайкальского исторического журнала «Хронограф» Р. Ф. Гениатулина, который привлёк всех преподавателей кафедры литературы ЗабГУ к активному сотрудничеству с ГТРК (Чита). Особенностью программ, которые ведёт Р. Ф. Гениатулин, является полифония. Это многоголосие создаётся благодаря участию в передачах писателей и поэтов, учёных-исследователей и общественных деятелей, представителей культуры Забайкалья. Так, в передаче, посвящённой 100-летию со дня рождения писателя-забайкальца В. Лавринайтиса, приняли участие дочь писателя Л. Флидержинская и доцент ЗабГУ О. Л. Абрисимова.

Р. Ф. Гениатулин как основатель цикла этих теле- и радиопрограмм считает, что главная идея передач – просветительская. Но не только. В них должны быть представлены не столько страницы истории культуры и литературы Забайкалья; главное – должно быть передано духовно-нравственное начало творений забайкальских авторов, от истоков до наших дней. Так, профессор кафедры литературы Л. В. Камедина приняла участие в радио- и телепередачах о жизни и творчестве протопопа Аввакума и Ф. И. Бальдауфа, о забайкальских писателях и поэтах-классиках М. Вишнякове, О. Димове, Ю. Вьюнове, доцент О. Ю. Баранова выступила в радиопередачах о Ф. И. Бальдауфе и Н. Г. Чернышевском. Интересный материал о модернистах, пребывании Н. Асеева и Д. Бурлюка в Дальневосточной республике подготовили для радиопрограммы ГТРК (Чита) доцент А. Е. Горковенко и С. В. Петухов. Они также познакомили радиослушателей с исследованиями, посвящёнными русским поэтам и писателям конца XIX – начала XX века в Китае,

подготовили интересный материал об известных в Забайкалье талантливых журналистах и замечательных людях, главных редакторах газет «Земля» и «Чадо» В. К. Родионове и Ж. В. Родионовой. Одной из важных мы считаем радиопрограмму о коллегах, В. С. Левашове и Г. Д. Ахметовой, подготовленную с большой любовью. Это программа о людях, ушедших от нас, но оставивших большой след в изучении фольклора и литературы Забайкалья.

Для учителей литературы важно, что все материалы теле- и радиопрограмм переводятся в формат электронных носителей и могут быть использованы на уроках по изучению литературы и культуры Забайкалья. Это, по сути, станет важной составляющей содержания уроков и значительно обогатит учебно-методические материалы учителей-словесников.

В целом циклы теле- и радиопрограмм, подготовленных под руководством и с участием Р. Ф. Гениатулина, – это гуманитарный проект, создающий новое культурное пространство Забайкальского края. Впервые за последние десятилетия забайкальская книга получила такой медиастатус – в связи с Годом литературы о книге, литературе и чтении говорили все региональные телеканалы, ГТРК Радио России (Чита).

Одна из важных задач Года литературы состоит в том, чтобы помочь людям всех возрастов открыть для себя новых авторов, включить их в информационное поле современной литературы, осуществить доступ к книжным новинкам. Повысить интерес детей и взрослых к классической и современной литературе, чтению можно с помощью различных приёмов, известных современной методике. Однако действенными становятся те, что вызывают интерес, будят активность. Такой для преподавателей и студентов-филологов стала разработанная нами новая интересная интерактивная форма – «Литературный троллейбус». Акция впервые состоялась в Чите в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, 6 июня 2015 г. Студенты 230 группы ФФиМК ЗабГУ провели флэшмоб в троллейбусах Читы. Мероприятие имеет эффект неожиданности и направлено на то, чтобы вызвать у случайных людей удивление и заинтересованность. К филологам присоединились студенты ФЕНМиТ ЗабГУ, железнодорожного училища, школьники, горожане. Пассажиры троллейбусов маршрута № 1 г. Читы слушали стихи Пушкина, Есенина, Заболоцкого, песни, исполненные студентами. Многие пассажиры

не просто проявили живой интерес, но и участвовали в акции. Люди легко откликнулись на предложение продолжить известные пушкинские строки, самим прочитать знакомые стихи – инициатива студентов получила развитие. Завершением акции было выступление с произведениями А. С. Пушкина на центральной площади Читы.

В юбилейные дни празднования 120-летия со дня рождения Сергея Есенина группа активистов 4 курса факультета филологии и массовых коммуникаций провели флэшмоб в стенах факультета и вновь читали стихи поэта в «Литературном троллейбусе». Стоит отметить, что и пожилые, и молодые пассажиры троллейбуса одинаково внимательно слушали выступающих. По словам горожан, они неожиданно обнаружили, что молодёжь знает стихи великих русских поэтов и популяризирует их среди жителей города. Подобные акции снимают распространённое в обществе мнение, что молодые литературу не любят и не читают. Сила этой акции и в высокой эмоциональности, в желании людей самовыразиться, в желании найти единомышленников. Акция становится популярной. Очень много откликов появилось в связи с этим в сети Интернет. Большинство из откликнувшихся говорит о необходимости «Литературного троллейбуса» как такой формы популяризации художественной литературы, которая сегодня востребованна, которая даёт возможность проявить себя в интерактивном мероприятии. Важно отметить, что лицеисты ЗабГУ также приняли активное участие в акции «Литературный троллейбус». Они говорят о состоянии духовного и эстетического общения с пассажирами, следовавшими по маршруту читинского троллейбуса № 3 г. Читы.

Подобные акции пробуждают инициативу и студентов, и школьников. Привлечь внимание к литературе помогает подача информации в новой, необычной форме. Ею стала «Ночь в Ледовом». Студенты-филологи выступили с инициативой проведения конкурса чтецов, собравшего большое число участников из школ г. Читы и пгт. Атамановка. Заключительным мероприятием конкурса стала «Ночь в Ледовом». В необычной атмосфере «Ледового дворца» прошло награждение победителей, здесь звучали строки русской и зарубежной литературной классики. Важно, что молодые ищут новые пути, новые формы привлечения к чтению художественной литературы. И они находят понимание. Инициатива студентов поддержана Министерством образования Забайкальского края, читинским

Молодёжным центром «Искра», спортивным комплексом «Ледовый дворец». Необходимо отметить, что в подобных мероприятиях студенты развивают не только свои профессиональные или общекультурные умения, но и активно социализируются, организуя тех, кто любит живое звучащее слово. Возможно, «Ночь в Ледовом» станет первым востребованным литературным событием для всех, кто интересуется книгой. Идея его – объединить вокруг уникального явления молодых читателей.

Формой литературного общения стал и книгообмен, который возник, когда преподаватели начали на специально оборудованном столе выкладывать заинтересовавшие их художественные и учебные книги. Студенты включились в это общение, и теперь не педагоги, а обучающиеся – активные участники такого взаимодействия.

В работе кафедры литературы ЗабГУ по продвижению художественной литературы к читателям используются и традиционные формы: литературные игры, диспуты, литературные вечера, конференции.

6 октября 2015 г. состоялись XIX Иннокентиевские чтения на тему «Вечные вопросы русской классики», посвящённые Году литературы. Чтения традиционно проходили в Центральной городской библиотеке

Профессор кафедры литературы факультета филологии и массовых коммуникаций, доктор культурологии Л. В. Камедина 7 января 2016 г. получила медаль от Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Людмила Камедина является руководителем Центра русской культуры «Кириллица» факультета филологии и массовых коммуникаций, организатором научно-практической конференции «Иннокентиевские чтения» с 1996 г., проводит такие творческие проекты, как «Праздник славянской письменности и культуры», «Пасхальная ярмарка», лекторий «Час православной культуры» и др.

им. А. П. Чехова. Организаторами чтений уже в 19 раз выступает кафедра литературы и Центр русской культуры «Кириллица» факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ, которым руководит доктор культурологии, профессор Л. В. Камедина, инициатор проведения Иннокентиевских чтений. 1996 год ЮНЕСКО объявило годом Святого Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, апостола Сибири и Америки. В этом же году Читинская и Забайкальская епархия в лице правящего тогда архиепископа Иннокентия предложила учредить научно-практическую конференцию «Иннокентиевские чтения», которая должна была собрать людей, занимающихся исследованием религиозно-православной тематики в разных областях знаний. Конференция была учреждена на базе кафедры литературы Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Деятельное участие, также в качестве учредителей, в ней приняли мэрия города Читы и Центральная городская библиотека им. А. П. Чехова.

В Год литературы в конференции приняли участие не только учителя и учёные, но и студенты, школьники, все, кто любит литературу. Круглый стол включал обсуждение вечных вопросов, которые поставили великие писатели и поэты: «Кому на Руси жить хорошо?», «Кто виноват?», «В чём вера моя?» – и многих других. «Чтения стали для меня открытием, так как присутствовала на них впервые. Обсуждалось много актуальных тем, связанных с законом, государством, правами человека. Особенно мне была интересна дискуссия относительно роли СМИ в современном мире. Такие мероприятия идут на пользу особенно нам, студентам, так мы расширяем свой кругозор, рассуждаем на злободневные вопросы», – поделилась впечатлениями об участии в конференции Алёна Линейцева, студентка факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. По итогам Иннокентиевских чтений ежегодно издаются методические материалы, которыми активно пользуются словесники школ Забайкальского края.

Другим важным научным событием стало проведение международной научной конференции, посвящённой Году литературы, «Россия – Запад – Восток: взаимодействие мировых литератур и культур». Идея проведения конференции принадлежит директору НИИ филологии и массовых коммуникаций, доктору филологических наук, профессору Т. Воронченко. Одна из основных задач конференции – привлечение внимания научного

сообщества к обсуждению роли художественной литературы XX–XXI веков в гармонизации различных сторон жизни современного мирового сообщества. Частью работы конференции стал проведённый 23 октября 2015 г. круглый стол «Репрезентация этносоциального конфликта в художественных произведениях русских и зарубежных писателей: поиск путей гармонизации общества». Модераторами площадки выступили доцент кафедры политологии О. Коврижных, декан факультета филологии и массовых коммуникаций И. Романов, директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ Т. Воронченко, доцент кафедры литературы А. Горковенко, а также соискатель Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе) А. Макхамов. И. Романов, обратившийся к теме межнациональных конфликтов, привёл примеры русских художественных произведений и подчеркнул, что русская литература не содержит ненависти и агрессии. «Взаимодействие литератур ускоряет прогресс в самых разнообразных сферах духовной жизни человека, оно тесно связано с логикой всемирных процессов. Изучение взаимовлияния культур является актуальной проблемой в условиях современных глобальных изменений в обществе. Своеобразна роль, которую играет в поиске путей гармонизации общества литература. Взаимодействие литератур в контексте Россия – Запад – Восток рождает новую энергию, новые стимулы. Поэтому процесс взаимообогащения не прерывается и имеет длительный и постоянный характер», – утверждает член оргкомитета конференции Алла Михина, доцент кафедры иностранных языков ЗабГУ. Доказательством этого, по её словам, стала география присланных на конференцию докладов: Киев, Баку, Душанбе, Крым, Санкт-Петербург, Минск, Новосибирск.

Итоговым научным событием, завершающим Год литературы, стала VIII Международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий, методический аспекты», посвящённая памяти доктора филологических наук, профессора, писателя, поэта, драматурга, исследователя современной литературы Г. Д. Ахметовой. Глубина изучения ею исследуемых проблем, панорамность видения современной литературы – это свидетельство того, что работы Г. Д. Ахметовой о живом тексте, несомненно, будут востребованы. Сегодня, когда особенно анализируемых литературных произведений выходят за пределы возможностей традиционных подходов к их изучению, подобные иссле-

дования просто необходимы. Они позволяют не формально изучать новинки художественной литературы, поскольку содержат «ключи» для декодировки текста, когда он, говоря словами Р. Барта, становится не только «удовольствием», но и «наслаждением».

Исследователи из Монголии и Китая, Санкт-Петербурга и Алматы, Душанбе и Белгорода, Смоленска, Стерлитамака и других городов размышляют в представленных на конференцию докладах о характере связей с читателем, делающих живой текст открытой системой (в историческом, личностном, социокультурном и др. аспектах), о «вероятности описаний», множественности подходов к художественному произведению. Многие из современных подходов, представленных на конференции, имеют прямое отношение к произведениям новейшей русской литературы, которые изучаются в вузе и школе.

Важно отметить, что цель всех этих конференций одна – поиск таких путей анализа и интерпретации художественных текстов, которые позволяют помочь молодым читателям сформировать художественный вкус, приблизив их к творчеству классиков. Слова критика П. В. Басинского о писателе расширяют границы целей и автора произведения, и преподавателя, и учителя-словесника: «Задача писателя не учить читателя, а побудить его вместе разгадывать Загадку. Литература – это живое слово, способное выразить сокровенное и преобразить человека...».

Активный метод массовой работы, который предполагает участие читателей, – это проведение «Недели литературы» на факультете филологии и массовых коммуникаций. В план «Недели литературы» 2015 года было включено шесть основных конкурсов, целью которых было разностороннее раскрытие талантов и накопленных знаний по литературе участников, которыми стали школьники, студенты, магистранты, аспиранты и все неравнодушные к литературе:

- «Конкурс чтецов» (7 апреля 2015 г.).
- «Проба пера» (с 1 апреля по 21 апреля 2015 г.).
- «Конкурс иллюстраторов» (с 1 апреля по 21 апреля 2015 г.).
- «Олимпиада по литературе» (22 апреля 2015 г.).
- «Турнир знатоков» (28 апреля 2015 г.).
- «Литературная гостиная» (24 апреля 2015 г.).

В конкурсах приняли участие ученики МБОУ СОШ № 3, СОШ № 33, СОШ № 2 г. Читы, многопрофильного лицея ЗабГУ;

студенты и магистранты ФФиМК, студенты ФСиЭ, ФЕНМиТ, Читинского политехнического колледжа.

Открыл «Неделю литературы» конкурс чтецов под названием «Живое звучащее слово». Конкурс был приурочен Году литературы в России и 70-летию юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Конкурс проводился с целью раскрытия творческого потенциала участников, привлечения интереса к отечественной истории и литературе, воспитания чувства патриотизма, повышения духовной культуры личности. «Не случайно именно “Живое звучащее слово” открывает Неделю литературы, потому что слово значимо тогда, когда оно живо, когда оно облекается в живую звучащую форму», – такими словами обозначила открытие член жюри конкурса, заведующий кафедрой литературы ЗабГУ В. Сергеева. Участники читали стихотворения и отрывки из прозаических произведений русских и зарубежных авторов. Каждый пытался донести до слушателей своё понимание выбранного ими литературного творения. Хотя тематика конкурса не была строго определена, ребята читали о войне и о любви, о дружбе и семье – о том, что важно и значимо. Мероприятие стало ежегодной традицией в рамках «Недели литературы» в ЗабГУ и привлекает всё больше участников, готовых поделиться своим любимым произведением с публикой. Чтение литературы не только повышает уровень духовной культуры человека, но и вызывает любовь к слову и гордость за родной язык.

Конкурс «Проба пера» знакомит с сочинениями начинающих писателей, порою пронизывающими до глубины души, порою вызывающими улыбку. Многие представили свои творения, как в поэтической, так и в прозаической форме. Возможно, для кого-то это начало пути в большую литературу.

«Конкурс иллюстраторов» был посвящён 210-летию со дня рождения датского писателя Г. Х. Андерсена и Международному дню детской книги. Участникам необходимо было представить, что к ним обратилось книжное издательство с идеей издать книгу сказок Г. Х. Андерсена. Необходимо было создать обложку для книги. Условья конкурса: «Написать письмо заказчику. В письме рассказать о своей идее и убедить заказчика в том, что идея хороша». Ещё одним из условий конкурса было размещение иллюстраций в группе «Неделя литературы» Вконтакте: http://vk.com/hedelya_lit для распространения информации о конкурсе среди друзей.

Материалы «Олимпиады по литературе» состояли из трёх частей: тестовой, открытой и творческой, где представлены задания для создания новых текстов, текстов выступлений. При выполнении заданий участники олимпиады должны были показать знание исторического и культурологического контекстов. При оценке работы, безусловно, учитывалось богатство словаря, разнообразие синтаксических конструкций, используемых в тексте, который создавал участник, а также то, как построено высказывание.

«Литературная гостиная» проходила в форме свободного общения с начинающими писателями нашего города. Мы попытались вернуть исконное понимание термину “литературная гостиная”, оживить эту форму работы, осовременить её, сориентировать на интересы и потребности молодых в социализации, самовыражении и самосовершенствовании. Молодые писатели делились своим опытом, читали свои произведения, пытались ответить на вопросы. Здесь можно было высказать свою точку зрения, услышать отзывы других, поспорить, отстаивая собственное мнение, или, наоборот, согласиться. А в завершение участники попытались решить вопрос: «Как отличить настоящего писателя от графомана?» В этом им помогли разные точки зрения студентов, мнения преподавателей. По окончании вечера все пришли к выводу, что объединяющим началом является слово, тепло души, что произошло главное – состоялась встреча с автором с читателями, встреча со словом. Активное участие в беседе приняли начинающие писатели: Е. Лёвина – студентка ЗабГУ, ФЕНМиТ; В. Ушакова – студентка ЗабГУ, ФФиМК; Н. Подойницына – магистрант ЗабГУ, а также ученики МБОУ СОШ № 33 г. Читы и многопрофильного лицея ЗабГУ.

В «Турнире знатоков» приняли участие команды ФФиМК, Читинского политехнического колледжа, многопрофильного лицея ЗабГУ. Игра проходила в 3 этапа: на первом команды письменно отвечали на вопросы, требующие знаний художественных произведений и их авторов; на втором этапе свои знания в области литературы демонстрировали капитаны команд, одновременно с этим команды готовили своё творческое представление; на третьем этапе команды представляли свои креативные возможности.

Таким образом, «Неделя литературы» – это и комплексное мероприятие, требующее серьёзной подготовки, и праздник, и возможность выявить литературные способности и развивать их.

Ещё одним запоминающимся литературным событием является «Пасхальная литературная ярмарка» – комплекс небольших, но разноплановых мероприятий, которые проходят одновременно. Это и викторины, и конкурсы, и презентация поделок, приготовленных специально к этому празднику, ролевые игры, номера художественной самодеятельности, розыгрыши призов. «Пасхальная литературная ярмарка» организуется совместными усилиями Центра русской культуры «Кириллица» факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ и Читинской и Краснокаменской епархии. Студенты и лицеисты очень любят принимать в ней участие, демонстрируя не только литературные способности, но и тонкий эстетический вкус.

Кульминационным событием Года литературы, завершающим этот большой проект в Забайкальском крае, стало проведение заключительного литературного праздника в ОДОРА, который организован по инициативе первого губернатора Забайкальского края Р. Ф. Гениатулина. Известные авторы, ведущие артисты и деятели культуры, учёные Забайкальского края, читатели встретились, чтобы представить самое значимое, интересное в литературных событиях года.

Таким образом, Год литературы создал новый формат литературных событий, соединяющий традицию и новаторство. Наряду с традиционными появились такие формы общения с книгой, которые востребует новое поколение читателей. Поскольку книга теперь доступна в гаджетах, онлайн, на телевидении, радио, в соцсетях, «нужны новые формы», как говорил А. П. Чехов. И они появляются, в том числе благодаря тем, к кому писатели обращаются, – молодым и совсем юным читателям. Надо учитывать и то обстоятельство, что сегодняшний читатель – это активный пользователь Интернета, который сам не прочь написать свою книгу. Поэтому Год литературы в Забайкалье и Чите был задуман как разговор о литературе со всеми, кто любит литературу, как приглашение к чтению. В перспективе – создание в городе такой медиаплощадки, которая позволит говорить на литературные темы и быть услышанными большой аудиторией.

«Рассчитываю, что ярким, объединяющим общество проектом станет Год литературы», – сказал В. В. Путин на церемонии вручения государственных премий. Таким он и стал для многих забайкальцев, знающих и любящих литературу.

Библиографическое описание статьи

Сергеева В. А., Горковенко А. Е., Камедина Л. В., Романов И. А., Новикова А. Ю. Итоги Года литературы в Забайкальском крае // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 215–221.

Reference to article

Sergeeva V. A., Gorkovenko A. E., Kamedina L. V., Romanov I. A., Novikova A. Yu. The Results of the Year of Literature in Transbaikal Territory // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 215–221.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

NEW BOOKS

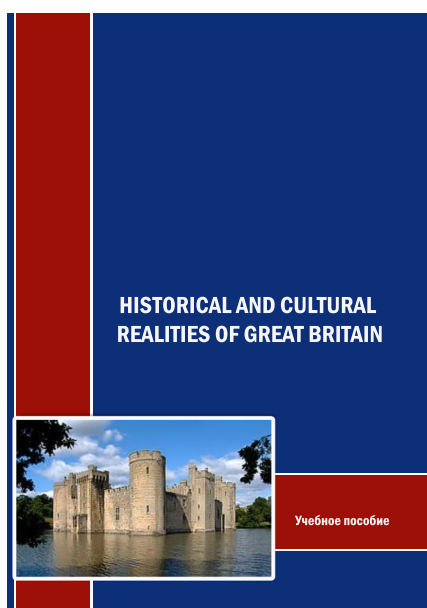

Ерофеева, Ирина Викторовна

Психология медиатекста : учеб. пособие / И. В. Ерофеева ; Забайкал. гос. ун-т. – 2-е изд. испр. и доп. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 297, [1] с. – ISBN 978-5-9293-1509-1

В пособии представлен материал по основным разделам курсов «Психология журналистики», «Психология массовой коммуникации». Рассмотрены вопросы психолингвистического анализа медиатекста, аксиологии творчества, психологической культуры автора медиатекста, психолингвистические факторы и технологии воздействия на аудиторию.

Издание предназначено для студентов направления 42.03.02 *Журналистика*, 42.03.01 *Реклама и связи с общественностью*. Может быть интересно студентам-филологам, преподавателям высшей школы, читающим курсы по проблемам психолингвистики и социолингвистики.

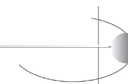

Historical and cultural realities of Great Britain = [Исторические и культурные реалии Великобритании] : учеб. пособие / Забайкал. гос. ун-т ; сост. Р. Г. Жамсаранова. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 126 с. – ISBN 978-5-9293-1501-5

Учебное пособие «Historical and cultural realities of Great Britain» предназначено для студентов языковых специальностей по направлениям 45.04.01 (032700) *Филология* 45.04.02, (035700.62) *Лингвистика* профиля «Теория и практика межкультурной коммуникации».

Учебное издание состоит из двух разделов, в которых собраны основные исторические и культурные реалии Великобритании, представленные в датах, персоналиях, событиях и культурном наследии.

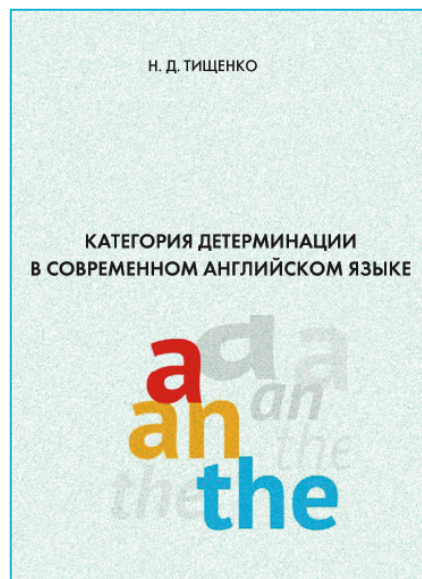
Данная работа расширяет лингвострановедческие компетенции обучающихся и может быть использована в высших учебных заведениях, а также в средних образовательных учреждениях в качестве учебного пособия по лингвострановедческой тематике.

Тищенко, Нонна Дмитриевна

Категория детерминации в современном английском языке : учеб. пособие / Н. Д. Тищенко ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 113 с. – ISBN 978-5-9293-1477-3

Учебное пособие по ознакомлению с грамматическими категориями имени существительного, в частности по изучению категории детерминации в современном английском языке, разработано в соответствии с ФГОС ВПО три плюс и третьего поколения и предназначено для студентов II–III курсов (очного и заочного отделений) факультета филологии и массовых коммуникаций, обучающихся по направлениям: 050100 (44.03.01) *Педагогическое образование*, профиль «Иностранные языки» (английский и немецкий/французский языки); 035700 (45.03.02) *Лингвистика*, профиль «Перевод и переводоведение» (английский и немецкий/французский язык).

Баранова, Олеся Юрьевна

История русской литературы (советский период) : учеб. пособие / О. Ю. Баранова ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 78 с. – ISBN 978-5-9293-1490-2

Учебное пособие построено в виде системы вопросов и практических заданий к произведениям русской художественной литературы советского периода (20–80-е гг. XX в.). В книгу включены сведения по теории литературы, литературному процессу, биографиям писателей, а также поэтические тексты, отрывки из художественных произведений, критических статей, воспоминаний современников авторов. Задания разных уровней сложности и разных типов призваны помочь студентам в освоении и осмыслении художественных произведений, в понимании авторского мировоззрения и в формировании собственных взглядов на русскую литературу XX в.

Издание предназначено для магистрантов, студентов-филологов, журналистов, иностранных студентов высших учебных заведений. Может быть полезным для школьников при подготовке к ЕГЭ и всем, кто интересуется русской литературой.

Книжную продукцию можно приобрести по адресу:
 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
 e-mail: chita-iio@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
Статья <i>(теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)</i>	0, 5 п. л. <i>(20 000 знаков)</i>
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. <i>(12 000 знаков)</i>
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. <i>(8 000 знаков)</i>

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указывается фамилия автора и название статьи.
2. Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.
4. Личная карточка автора – сведения об авторе/авторах.

Структура статьи, предоставляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала).

Код: УДК и ББК.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада основного автора (1 предложение).

Город, страна (на русском и английском языках).

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес.

Источники финансирования статьи (при их наличии) приводятся на русском и английском языках.

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные положения статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники. В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 7 источников. Если в список входит литература на иностранном языке, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт Arial, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

Дополнительные шрифты, использованные при наборе статьи, предоставить в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника. **Публицистика, архивы, справочные и законодательные материалы указываются после «Списка литературы» в разделе «Источники»**, нумерация продолжается (сквозная), либо выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки представляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), даются со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по e-mail: zab-nauka@mail.ru.

Адрес: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
Забайкальский государственный университет,
Редакция научных журналов (каб. 126).

Редактор В. К. Демиденко
Редактор перевода: В. М. Ерёмина
Дизайн обложки: А. А. Михалев
Вёрстка: М. Р. Коптелова

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial».
Подписано в печать 06.05.2016.
Усл. печ. л. 26,4. Уч.-изд. л. 22,9.
Заказ № 16123. Тираж 1000 экз.

Забайкальский
государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Managing editor V. K. Demidenko
Editor of the English Translation: V. M. Eryomina
Cover design: A. A. Mikhalyev
Make-up: M. R. Koptelova

Format 60×84 1/8. Offset paper
Headset «Arial».
Signed to print 06.05.2016.
Conv. quires 26,4. Ed.-print quires. 22,9.
Order № 16123. Circulation 1000 copies.

Transbaikal
State University
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.